

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

La dissémination

La voix et le phénomène:
introduction au problème du
signe et de la technologie de

animal que,
donc,
je suis
tout où il
est implanté,
pensée» ne veut

Donner le temps: la
monnaie
la grammatologie

Un Ton apocalyptique
adopté naguère
en philosophie

pas être
moi que
vit.

5
2013
Том III

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 5 (52) / 2013

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ответственный редактор: Кайнова Галина Анатольевна

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

На обложке изображен Жак Деррида, французский философ и теоретик литературы, основатель деконструктивизма.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»

127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Другова Е.А.**
 Инноватика «по-русски»: некоторые социокультурные черты 433
- Ковалев И.А.**
 Анализ определений и сущности правосознания 436
- Нестеров А.В.**
 Значение человеческой свободы в теодицеи князя Е.Н. Трубецкого 439

ФИЛОЛОГИЯ

- Алиханова И.М.**
 Когнитивное направление в политической метафорологии 443
- Виноградова Н.В.**
 Обновление лексико-грамматического наполнения учебных пособий по РКИ (на материале русского компьютерного жаргона) 445
- Каримова З.А., Уматова М.Б.**
 Принцип театрализации в поэтике романа У.Теккеря «Ярмарка тщеславия» 451
- Кормазина О.П.**
 Речевой жанр воспоминания: структурные особенности текста 453
- Крючкова Ю.М.**
 Особенности репрезентации фразеосемантического поля «агрессивность» 456
- Норкузиева З.К., Тогаева М.А.**
 Категория оценки и языковые средства её выражения в английском языке 458

- Овчаренко З.П.**
 О феномене «чувства языка» и проблеме его развития при обучении языку 461
- Плакида О.А.**
 Концепты «life», «old age», «wine» как наиболее частотные и ярко выраженные концепты произведения «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери 464
- Романова Е.Н.**
 Семантико-словообразовательные особенности наименований лиц с суффиксом -ист 469
- Сафонова Е.В.**
 Особенности поэтики комического в произведениях А.П. Чехова 471
- Сафонова Е.В.**
 Формы, средства и приёмы создания комического в литературе 474
- Тер-Саркисян Л.А.**
 Перевод научно-технических текстов на родной язык как одна из важных составляющих при подготовке специалистов 478
- Турдикулова Б.Т.**
 Смысловая адекватность метафоры в переводах комедии Шекспира «Укрощение строптивой» на русский и узбекский языки 481
- Уразаева Н.Х.**
 Глаголы в форме повелительного наклонения в текстах современной интернет-рекламы как средство усиления перлокутивного эффекта 484
- Храмушина Л.М.**
 Прагматические функции повторов в публицистическом тексте 487

Чернышенко А.Г.

Проблема онтологии и структуры дискурса.
Специфика англоязычного дискурса
медиации 490

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Агаджанян Э.М.

Уголовно-правовой анализ оснований
освобождения от уголовной ответственности
участников незаконных вооруженных
формирований..... 496

Бидова Б.Б.

Историко-правовые аспекты феномена
экстремизма в России 498

Бузынова Н.В.

Полномочия органов местного самоуправления
в области градостроительства (проблемы
самовольного строительства) 501

Бузынова Н.В.

Проблемы и практика правового регулирования
кадастровой оценки приватизированных
земельных участков 506

Ганаева Е.Э.

Проблема экстремизма и ее влияние
на национальные интересы России..... 509

Давыдова Д.Ю.

Понятие насилия в отношении
несовершеннолетних..... 510

Добрынина О.

Преступления против безопасности
государства по УК Швейцарии 512

Жадан В.Н.

К вопросу о развитии законодательства
об экологических преступлениях 515

Жаренова К.А.

К вопросу о понятии и признаках жилого
помещения..... 519

Миннибаев Б.И.

Особенности системы государственного
управления Республики Алжир 522

Мусиенко В.В., Елезаров А.П.

Вопросы исследования юридической
терминологии в транспортной отрасли..... 524

Назимко Е.С.

Problematic issues of exemption from serving
a sentence with the probation in accordance with
the criminal law of Ukraine 527

Наранчимэг Ц.

К вопросу профессионального развития
монгольской полиции 531

Никитин Д.Н.

Историко-правовой аспект регулирования
личных неимущественных отношений супругов
в России 533

Новикова Ю.В.

Исполнение наказаний в отношении
несовершеннолетних в конце XIX –
начале XX века 540

Нуралиева З.А.

История развития отношений, регулирующих
ответственность за неоказание помощи
больному 542

Оссауленко С.Л.

Религиозно-политический экстремизм
и терроризм в поликонфессиональном
обществе 545

Самойленко О.А.

Коллизии процессуальных норм,
регулирующих подведомственность судам дел
об административных правонарушениях 547

Самойленко О.А.

О малозначительности административных
правонарушений 549

Соловьев С.А.

Заступническая адвокатура в Древнем Риме .. 551

Тишкин А.В.

Убийство по найму: значение корыстного мотива
при квалификации преступления. Проблема
соотношения убийства по найму с корыстными
преступлениями 554

Устюгов А.А.

Судебные ошибки: проблемы, интерпретации,
понятия 556

Ходжалиев С.А.

Современное понимание экстремизма..... 559

ПОЛИТОЛОГИЯ

Альванус А.

Роль Европейского союза в ближневосточном
конflikте..... 561

Насимов М.О.

Image of the Country and the City on the Example
of the Republic of Kazakhstan and Astana 564

Спирина Е.В.

Суицидный терроризм – субъект в структуре
угроз национальной безопасности и нарушения
политической стабильности на территории
Российской Федерации 566

Шамраева В.М.

Становление украинского направления
во внешней политике США начала XX века 572

ИСТОРИЯ

- Береговина Н.Б.**
Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы в городе Славянске-на-Кубани: историко-архитектурный аспект изучения 576
- Горшенин А.В.**
Троллейбус как вид пассажирского транспорта: к истории возникновения и развития..... 580
- Жукова Н.Е.**
Становление и развитие органов государственной власти и управления в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. 583
- Махмудов У.Б.**
Материальная культура Хорезма в античное время 585
- Нурлигенова З.Н., Нигматзянова Н.Р.**
Роль биев в общественно-политической жизни Казахского ханства (на примере бия Среднего жуза Казыбек би)..... 587
- Пахомов А.В.**
Система профессиональной партийной подготовки политической элиты Оренбургской области в 1964–1991 гг..... 590
- Раджабова М.М., Пирмагомедов З.К.**
К вопросу о проблематике происхождения и этнической идентификации горских евреев на территории Восточного Кавказа..... 593
- Саженова Е.Ю.**
Истоки социальных функций государства 597
- Яргина З.Н., Яргин С.В.**
О сохранении памятников деревянной архитектуры 599

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

- Жукова Е.В.**
Изучение религиозности молодежи г. Петропавловска 604

- Петев Н.И.**
Эсхатологические представления жителей Месоамерики и роль человеческих и кровавых жертвоприношений в религии индейцев 610

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Алборова К.А., Штуккерт А.Л.**
Развитие внимания средствами компьютерных симуляторов у школьников младшего возраста 614
- Александрова А.А., Гудкова Т.В.**
Гендерный аспект в изучении эмоционального интеллекта у подростков 617
- Андреева А.А., Лирнык А.А.**
Компенсаторные возможности коррекционной ритмики для развития психомоторной сферы детей с задержкой психического развития 622
- Басова А.Г.**
Сравнительный анализ стратегий поведения в конфликте школьников подросткового и юношеского возраста 627
- Басова А.Г.**
Формирование эмпатии..... 631
- Гордыня Н.Д.**
Исследование ригидности-гибкости познавательного контроля и импульсивности-рефлексивности у студентов-авиадиспетчеров..... 634
- Ермолаева Е.В., Федосеева О.А.**
Организация работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья, в условиях ДДИ «Южное Бутово» ... 638
- Неверова А.А.**
Восприятие телевизионных телепередач с элементами комического как один из видов художественного восприятия 640
- Седова Е.А.**
Гендерный подход к формированию мотивации обучения иностранному языку у студентов технического вуза 643

ФИЛОСОФИЯ

Инноватика «по-русски»: некоторые социокультурные черты

Другова Елена Анатольевна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Инновационное развитие предстает доминантой в государственной политике развитых и большинства развивающихся стран мира, выступая условием экономического роста и процветания. При этом существует два разных полюса для осмысления инновационных практик. На одном полюсе находятся обобщенные принципы, модели, условия, характеристики, которые видятся обязательными для любой ситуации, т.е. которые применимы в любом специфическом социокультурном национальном контексте.

Например, тесную интеграцию инновационной экономики и экономики знаний можно считать универсальным законом, ориентация на который соответствует ориентации на эффективное управление инновациями. Особое отношение к новому знанию, характерное для инновационных экономик, четко выразил Б. Санто: «Новую мысль... целесообразно считать... ростком будущей технологии, эмбриональным состоянием цельной инновационной системы, поэтому ее надо соответствующим образом поддерживать, защищать и направлять» [1. С. 256].

Другим примером может послужить идея креативности, развиваемая в концептах креативного класса, креативной способности, и др. Неоспорим тот факт, что высокому уровню инновационной активности соответствует высокий уровень творческой продуктивности, и создание условий для этого обязательно включается в меры инновационной политики как на макро уровне (государственном, региональном), так и на микроуровнях (вузы, инновационные компании).

На втором полюсе мы найдем те характерные признаки, черты, условия, которые являются индивидуальными для наций и во многом определяют как инновационный потенциал страны, так и проблемы в реализации инновационной стратегии. Это исторический, социальный, культурный багаж, и для каждой страны он уникален и единственен в своем роде.

В основном мейнстрим управленческой (а также экономической, социальной, психологической) мысли в области инноваций был до сих пор направлен в основном на рефлексии инновационного опыта, анализ успешных практик,

обобщение и выведение новых формул и законов, т.е. на накопление знаний на первом полюсе. Правда, «идеального закона» до сих пор не выведено, и, при обилии предлагаемых «рецептов создания силиконовых долин», на практике никому пока не удалось в полной мере эффективно реализовать технику копирования. Зачастую это объясняется как раз недоучетом той самой национальной специфики. Поэтому все чаще как в западной, так и в отечественной литературе мы встречаем попытки объяснить влияние социокультурных условий на эффективность тех или иных инновационных мер. Этим попыткам не так много, однако нужность и перспективность направлений данных исследований говорит сама за себя. Без проведения таких исследований существует огромный риск навсегда остаться в той ситуации, когда при серьезных управленческих усилиях и финансовых вливаниях, при построении всех необходимых институтов развития инновационной «сдвижки» не происходит. Более того, как фиксируют практически все российские эксперты, происходит стагнация отечественной инновационной сферы. Эта ситуация была охарактеризована российским философом управления П.Г. Щедровицким так: «угадали все буквы, но не угадали слово» (о построении инновационной экономики в России).

Наше суждение подтверждает В. Лопатин, ректор Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, который указывает в своем интервью, что «мы здесь допустили извечную ошибку России, когда, изучая зарубежный опыт, мы со всего мира берём то, что в нём работает, и пытаемся применить в одной отдельно взятой стране. Но такого нигде нет! В каждой стране, с учётом классических традиций, сложившейся практики, социальных и экономических возможностей сложились и успешно применяются отдельные элементы. Где-то работают технопарки, где-то работают бизнес-инкубаторы, где-то технополисы и технополы, где-то наукограды, но всё вместе в одной стране не работает нигде! Каждое ведомство, затратив соответствующие средства, в том или ином ключе изучило этот опыт и пытается внедрять его на практике, попросту осваивая деньги. В итоге получается винегрет, сборная солянка. Но системы нет» [2].

Если представить процесс развития как естественно-искусственный, то все искусственные компоненты управления инновациями более-менее понятны, отрефлексированы, изучены, прописаны. Однако управление как искусственный процесс накладывается на некое естественное течение событий, натуральные условия, и в их взаимодействии и рождается реальность. Поэтому понимание тех естественных, годами и веками складывавшихся черт, характеризующих специфику российской действительности, сущностно необходимо. Знания об исторических, культурных и институциональных трендах развития должны быть использованы в качестве материалов для аналитики, являющихся базовыми при принятии управленческих решений.

При определении приоритетных направлений инновационного развития РФ такой анализ, безусловно, был проделан: на остатках советского ВПК, на доставшемся в наследство от СССР мощном заделе в аэрокосмической отрасли предполагается построить новый фундамент промышленного потенциала страны по таким приоритетным направлениям, как авиационные и космические системы, перспективные вооружения, военная и специальная техника. Почетное место занимает также и энергетика и энергосбережение, в дополнительных комментариях не нуждающиеся. Однако социокультурные условия для реализации этих приоритетных проектов проанализированы куда менее детально. Имея дело с «наследием» советской империи, необходимо тщательно проанализировать и отрефлексировать причины деградации этой системы, причины ее проигрыша на мировой арене и долгосрочные последствия этого. «История проигрыша СССР еще никем не осмыслена», утверждает П.Г. Щедровицкий [10].

Сегодня в ряде исследований уже озвучены некоторые значимые характеристики, параллели между современной наукой и инновациями в России и их советским прошлым. Например, «Балзер (1989) отмечал, что централизация и фрагментированность российской научной системы берет свое начало еще в девятнадцатом веке. Американский историк науки Лорен Грэхем (1998) писал о катастрофических последствиях «лысенковщины», которые наложили неизгладимый отпечаток на развитие отечественной генетики, не преодоленный до сих пор. А в 2008 году российский науковед, доктор экономических наук Ирина Дежина вместе с тем же Грэхемом проанализировала этапы становления уже современной российской научной системы в переходный период. В своей работе авторы попытались проследить динамику реформ 1990–2000-х годов (см.: Loren Graham, Irina Dezhina, *Science in the New Russia. Crisis, Aid, Reform*, Indiana University Press)» [3].

Е.А. Ключихин (Институт инновационных исследований Университета Манчестера, Великобритания) обсуждает, почему России важно понимать исторические корни современных системных противоречий, указывая, что многие тренды развития современной инновационной системы берут свое начало в советском или даже более раннем периоде истории нашей страны. Ключихин обсу-

ждает такое «советское наследие», как преимущественно образовательную роль советских университетов, почти полное отсутствие необходимости патентной активности отечественных ученых в советской системе, феномен коррупции и кумовства в науке и инновациях, когда высокий академический и промышленный статус открывают доступ к высшему руководству страны и предоставляют огромные возможности для лоббизма [3].

Н.М. Лебедева и Е.Г. Ясин в статье «Культура и инновации: к постановке проблемы» связывают культурные ценности и отношение к инновациям, ссылаясь на мировой опыт и ряд западных исследований в области кросскультурной психологии и смежных дисциплин. Эти исследования в целом указывают на то, что «базовые ценности культуры влияют не только на экономическое развитие, состояние здоровья популяции, продолжительность жизни, ощущение благополучия и счастья, но и на изобретательность и инновационные диспозиции личности» [4. С. 18]. Авторами описываются такие культурные ценности и особенности, как степень иерархичности (горизонтальности-вертикальности) общественного устройства, индивидуализм (приоритет индивидуальных целей над групповыми), особенности коммуникаций, уровень доверия (социальный капитал), трудолюбие и настойчивость, избегание неопределенности в обществе, дистанция власти, уровень коллективизма, развитость внутреннего локуса контроля (опора на собственное мнение, стремление брать на себя ответственность) [4. С. 18–20].

Еще одним значимым аспектом, характеризующим современную ситуацию в инноватике в России, является доминирование технико-технологических инноваций и упущение социогуманитарной стороны вопроса. Эту мысль отчетливо выразил в своем интервью Е. Малянов, ректор Пермского государственного института искусства и культуры: «В отличие от инноваций в техносфере, инновации в культурной сфере России не имеют богатого опыта теоретического осмысления, прикладных исследований и разработок, внятной государственной политики, нормативно-правовой базы, не говоря уже о приоритетном бюджетном (или ином) финансировании. (...) Закон о создании так называемых «хозяйственных обществ» для практического применения результатов интеллектуальной деятельности (...) в сегодняшнем своем виде способствует внедрению технических инноваций, предполагает активизацию структур технических вузов, в то время как гуманитарные вузы не имеют возможности реализовывать инновационные проекты в социально-культурной сфере, рассчитывая на помощь государства. Но (...) модернизацию в масштабах страны успешно осуществить не удастся, если социотехнический и социально-культурный подходы к реформированию общества не будут сбалансированы. (...) В результате мы имеем достаточно слабое продвижение на пути создания инновационной экономики и возрастающее количество проблем социально-культурного характера» [5].

В научной литературе последних 15 лет в гуманитарной сфере инновации по большей части обсуждаются педагогическим сообществом в терминах «педагогической инноватики». Эти исследования достаточно локальны, «цеховы» и не имеют масштабного влияния на всю социокультурную ситуацию в целом, хотя образование и является одним из ключевых элементов инновационной цепочки.

Если далее переходить к инноватике как новой научной области, области теоретического осмысления, активно развивающейся на протяжении последних 50 лет преимущественно на Западе (Европа, США) силами междисциплинарных команд и исследовательских коллективов, то тут мы тоже обнаружим очень специфическое место российских разработок.

Цели, структуру и предметное поле инноватики исследовали Ян Фагерберг (Jan Fagerberg) и Барт Фершпаген (Bart Verspagen) в работе «Innovation studies – The emerging structure of a new scientific field» [6]. Авторы провели опросы более 1000 специалистов со всего мира, а также проанализировали существующие значимые научные журналы и конференции по теме инноваций. Их выводы показывают, что «во всем мире исследование инноваций постепенно превращается в отдельную и полноправную академическую дисциплину. Ее своеобразие определяется уникальным положением инноваций на стыке науки, бизнеса и государственной политики» [7]. Инноватика не является строгой академической дисциплиной, поэтому в настоящее время стоит вопрос о признании инноватики (innovation studies) остальным научным миром. Однако, как показали авторы, такие значимые для новой науки составляющие, как средства коммуникации (журналы и конференции), общие стандарты качества и система материального и репутационного поощрения хороших результатов, в области изучения инноваций уже имеются. Количество статей по теме инноваций растет экспоненциально, центр научной активности в настоящее время находится в Европе, где сейчас и располагается большинство центров изучения инноваций.

Важно отметить, что российские авторы не имеют публикаций в ведущих инновационных журналах, таких, как Research Policy. «Одно это уже позволяет сделать вывод, что отечественная наука об инновациях развивалась отличными от мировых путями. В постсоветские годы сти-

мулов и возможностей включиться в мировое сообщество не было. (...) Нынешняя научно-аналитическая среда продолжает оставаться глубоко специфичной и локальной. Именно в таком развороте она заслуживает отдельного рассмотрения» [7], пишет научный обозреватель Высшей школы экономики И. Стерлигов.

Последним «штрихом к портрету» инноватики в России можно отметить ее явную идеологизированность. Инноватика сегодня во многом является ключевым элементом политико-экономического дискурса. Интерпретируемая в свете политических интересов, инновационная тематика приобретает типологические характеристики идеологии, понимаемой в противопоставлении науке и культуре как нечто сконструированное и искусственное, поддерживающее интересы доминирующих групп и служащее инструментом мобилизации [8]. Вследствие этого весь инновационный дискурс детерминирован жанровыми чертами идеологии, которые автоматически переносятся на разные содержательные области, актуализирующиеся в теме инноваций. Носителями этой идеологии являются по большей части представители власти, административно-чиновничьи слои, осуществляющие централизованное управление и администрирование инновационных процессов, задающие тематические и концептуальные рамки, контролирующие результаты инновационных проектов и программ [9]. Государство, как основной инициатор инновационной деятельности, сегодня становится и главным ее субъектом, что является очень большой проблемой, как отмечает ряд экспертов.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать выводы, что, во-первых, при формировании инновационной стратегии и реализации инновационной политики сегодня не достаточно учитываются исторические, социокультурные и институциональные особенности России. Во-вторых, это усугубляется приоритетом поддержки технико-технологических инноваций и малой поддержкой социальных и культурных инноваций. В-третьих, спецификой инноватики в России является ее идеологизированность, со всеми вытекающими ограничениями. Как результат наблюдается неэффективность реализуемой инновационной стратегии, стагнация развития инновационной сферы, глубокая локальность и неконкурентность на международном уровне отечественных теоретических разработок в области инноватики.

Литература:

1. Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., Прогресс, 1990 г. 296 с.
2. Найдён М. Инновации по-русски: 10 % и «красный флажок». Наука и технологии России – STRF.ru, 25.06.09. URL.: strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=21180
3. Клочихин Е. Инновации с имперским размахом. Независимая газета, 14.11.2012. URL.: ng.ru/science/2012-11-14/11_innovation.html
4. Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы. Форсайт № 2 (10) 2009, с. 16–26.
5. Тохтуева Ю. Рыночный спрос не выдвигает гуманитарные инновации в число приоритетов // Венчурный инвестор, 2011. URL: v-investor.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=55:2012-03-19-05-29-04&catid=9:2011-11-14-03-42-07&Itemid=23

6. Fagerberg J., Verspagen B. Innovation studies – The emerging structure of a new scientific field // Research Policy, Volume 38, Issue 2, 2009, p. 218–233.
7. Стерлигов И. Исследование инноваций: история нового направления. Открытая экономика, 10.06.2009. URL.: oprec.ru/630964.html
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
9. Другова Е.А., Шевченко Л.В. Социогуманитарная повестка инновационного развития (по материалам XIV Томского инновационного форума INNOVUS – 2011). Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – № 1 (17) 2012. – с. 186–200.
10. <http://www.utro.ru/articles/2013/04/17/1113927.shtml>.

Анализ определений и сущности правосознания

Ковалев Игорь Алексеевич, аспирант
Южный федеральный университет (г. Таганрог)

В статье рассматриваются существующие определения правового сознания, производится их анализ и выделение характерных элементов. Рассматривается сущность правосознания и его связь с сознанием.

Ключевые слова: правосознание, общественное сознание, индивидуальное сознание.

Проблема определения правосознания появляется почти всегда, когда речь заходит об этом феномене. Множество работ, посвященных правосознанию, начинаются именно с определения понятия. Однако данные определения не только не всегда отражают всю его суть. Но и являются, порой, причиной недопонимания при усвоении материала.

В данной статье мы попытаемся определить те границы и ту плоскость, в которых существует правосознание, а также попытаемся установить сущность рассматриваемого явления в отрыве от его функционально-ценностной стороны.

Но, в первую очередь, нужно сказать, что представляет наибольшую сложность при изучении понятия правосознания. Дело в том, что само правосознание, независимо от конкретного определения, должно охватывать ту теоретическую базу, которая выстроена вокруг права. Эта теоретическая база включает в себя весь понятийный аппарат, включая понятие правосознания. Из этого следует, что правосознание конкретного человека прямо влияет на то, что он понимает под правосознанием, а определение оказывает влияние на само правосознание. Получается замкнутый круг, единственным выходом из которого может быть только строгое научное абстрагирование от всех субъективных факторов. Наблюдатель не должен делать себя частью наблюдаемого явления. В идеале могла бы существовать единая концепция правосознания, но, к сожалению, по уже указанным причинам это невозможно.

Таким образом, мы приходим к вопросу о том, как понимают правосознание различные ученые. Для начала, нужно сказать, что определяющим фактором, который так или иначе откладывает свой отпечаток на определение, является мировоззрение самого автора и та си-

стема взглядов, которая сложилась на момент создания конкретной работы.

Так, в Советском Союзе наибольшее распространение получила теория классовости, поэтому она была отражена в интересующих нас определениях. Так, Строгович М.С. дает следующее определение правосознанию: «это есть совокупность распространенных в классовом обществе взглядов, убеждений и идей, которые выражают отношение существующих в обществе классов (как господствующих, так и подчиненных) к действующему в обществе праву» [1].

В дореволюционный период правосознание воспринималось с несколько большим оттенком метафизики, нежели сейчас. Так, Ильин в своем труде «О сущности правосознания» большое внимание уделяет связи правосознания с духовностью. «Итак, развитие правосознания требует прежде всего работы над расширением и уточнением своего внутреннего духовного опыта. В этом отношении правовая жизнь подлежит общему и основному закону духовного развития и является, подобно религии, философии, науке, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единого жизненно-духовного делания,» [2, с. 174] пишет он.

Кроме того Ильин делает строгий упор на ценностную основу правосознания. По его мнению, правосознание должно быть нормальным, т.е. обладать рядом черт, которые в целом можно описать как «законопослушные», однако в полной мере этим словом не выражаемые. Дело в том, что Ильин писал о случаях, когда законодательство противоречит правосознательным установкам, но не всегда законы справедливы в противоположность большому правосознанию. Порой, случается там, что закон не справедлив, и тогда нормальное правосознание должно найти верный выход из конкретной ситуации.

«Поэтому нормальное правосознание есть прежде всего воля к цели права, а потому и воля к праву; а отсюда проистекает для него и необходимость знать право и необходимость жизненно осуществлять его, т.е. бороться за право. Только в этом целостном виде правосознание является нормальным правосознанием и становится благой и непреклонной силой, питающейся жизнью духа и, в свою очередь, определяющей и воспитывающей его жизнь на земле» [2, с. 158].

Такой подход к правосознанию как к категории, которой можно приписать оценочный эпитет, характерен для большинства подходов к изучению правосознанию. На нем строятся теории дефектов правосознания, теории правового воспитания и т.д. Стоит отметить, что на Ильина и его работу ссылаются многие последующие авторы, поскольку он заложил несколько основных идей о правосознании, которые впоследствии применяются современными авторами.

Но современное толкование правосознания отнюдь не однозначно. Здесь присутствует множество теорий, объясняющих плюсы конкретного подхода и порой дающих необычные определения.

Самым простым и распространенным определением правосознания можно считать юридическое. Оно отражается в учебной литературе в том общем виде, в каком его использует юриспруденция. Как пример можно привести:

«Правосознание — это одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируют или должны быть урегулированы нормами права, чье содержание и развитие обуславливается условиями существования общества» [3, с.141].

Как мы видим из данного определения, правосознанию приписывают ряд черт, которые являются практически неотъемлемыми для чисто-юридического подхода, поскольку они отражают необходимые для понимания правовой системы черты.

Во-первых, речь всегда идет о правосознании как о форме общественного сознания. О том, что представляет собой общественное сознание, также было сказано неоднократно. Вот одно из толкований, данное Пастушенко О.В.:

«Общественное сознание — это отражение общественного бытия, выраженное в языке, в науке и философии, в произведениях искусства, в политической и правовой идеологии, в морали, религии, мифологии, в народной мудрости и социальных нормах, в представлениях различных классов, социальных групп и человечества в целом» [4, с. 38].

Такое определение было выбрано не случайно. Оно отражает суть общественного сознания, при этом дает общее представление о большинстве граней и некоторой классификации данного феномена. Итак, мы видим, что правосознание — это сознание не одного человека, а совокупность сознаний отдельных людей, не сводимое к сумме, а скорее похожее на среднее арифметическое от них. Как форма общественного сознания правосознание

значительно уже по содержанию сознания отдельного человека, но, в то же время, шире по охвату субъектов.

Следующей чертой правосознания, исходящего из данного выше определения, является то, что правосознание отражает общественные отношения, так или иначе связанные с правом. То есть в этот список должна входить вся позитивная система права, естественное право, а также те сферы жизни, которые могут или должны быть урегулированы правом. Именно вопрос о том, на какие сферы жизни должно распространяться право и является одним из проблемных вопросов правосознания. Более того, не все ученые сходятся во мнении по вопросу «что такое право?», что само по себе вызывает некоторые разночтения в вопросе определения правосознания. Однако для чисто юридического подхода это не всегда имеет значение, поскольку там под правом чаще всего понимается именно действующее на данный момент позитивное право.

Дальнейшие черты, как, например, предпосылки содержания и развития правосознания, варьируют от автора к автору. Вот еще одно характерное определение, которое сочетает в себе некоторые черты юридического дискурса:

Правосознание — это «...особая форма духовного освоения действительности, которая может быть представлена системой идей, представлений, убеждений, теорий, чувств, взглядов, складывающихся в отношении правовой действительности в процессе ее познания и осмысления. Правосознание может быть представлено следующими основными элементами: правовой психологией и правовой идеологией» [5, с.20].

Здесь мы видим, что правосознание имеет прямое отношение к освоению реальности, формируясь в рамках этого процесса. В данном определении перечислены основные формы проявления правосознания, выраженные в формах идей, представлений, убеждений, теорий, чувств, взглядов. Как правило, такие списки не являются закрытыми, а призваны подчеркнуть многообразие проявлений правосознания, при этом выделяя лишь основные формы.

Очень важным моментом является разделение правосознания на правовую психологию и правовую идеологию. Первая выражает эмоции и чувства, то есть отражает более спонтанную и, в то же время, более субъективную часть правосознанию. Вторая представляет собой теоретический материал, относящийся к праву, т.е. доктрины, понятия, принципы и т.д.

Следующее определение содержит элемент, который до этого не был нами рассмотрен:

Правосознание — «совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным» [6, с. 336].

Как видно из определения, правосознание это не только форма общественного сознания, но и форма индивидуального сознания, которая отражает восприятие правовой реальности конкретным человеком. Конечно, его нельзя рассматривать в отрыве от общества, от права, но

здесь мы можем говорить о конкретных, частных проявлениях правосознания, совокупность которых влияет уже на общественное. Индивидуальное правосознание значительно шире относительно предметной области — его содержание больше за счет наличия конкретных сознательных установок (как правило, частные мысли). В то же время, оно более динамично, его проще изменить, оно не обладает инерцией, присущей общественному правосознанию, не отражает ситуацию в обществе в той мере, в какой она отражена общественным сознанием.

Как правило, определения правового сознания не всегда отражают все стороны этого явления. Так, чаще всего правовое сознание остается отражением права реального мира, но следующее определение прямо указывает на взаимосвязь сознания и реальности:

Правосознание — это «совокупность рациональных и психологических компонентов, которые не только отражают осознание правовой действительности, но и воздействуют на нее, формируя готовность личности к правовому поведению» [7, с. 18].

Таким образом, правосознание и право оказываются взаимосвязанными. Это система сложных связей, которые постоянно существуют и видоизменяются. Любое изменение в праве приводит к изменению в правовом сознании (что само по себе является естественным), однако именно в правосознании находятся те установки, под влиянием которых видоизменяется право (взять к примеру правосознание законодателя).

Последним из указанных в данной статье определений является определение, данное А.Г. Спиркиным:

«Правосознание — это представления и понятия, выражающие отношение людей к действующему праву, знание меры в поведении людей с точки зрения прав и обязанностей, законности и противозаконности; это правовые теории, правовая идеология» [8, с. 657].

Это определение сводит правосознание к знаниям о праве и отношению к нему людей, но в то же время раскрывает ценностную основу правосознания.

Все приведенные выше определения раскрывают какие-то конкретные черты рассматриваемого явления. Чаще всего это происходит ввиду выделения автором основных отличительных черт, но, в то же время, большинство ученых в своих теориях отражают весь или большую часть спектра характерных для правосознания свойств.

Но для нас важно, что большинство авторов обходят стороной две взаимосвязанные проблемы: что такое, в сущности, правосознание, где оно находится и чем является; как правосознание связано с сознанием.

Ответить на оба эти вопроса не так просто, поскольку для этого необходимо ответить на вопрос, что такое сознание. Здесь возникает целый ряд проблем, начиная с того, что сознание само по себе нельзя выделить как четкий объект и его изучение носит, по большей части, теоретический характер. Конечно, существуют эмпирические подходы к его изучению. Но они скорее отражают конкретные свойства, не выражая сути.

Существует масса теорий о том, что такое сознание и каково его место в реальности, начиная с солипсизма, утверждающего сознание единственно возможной реальностью, заканчивая материализмом, сводящим сознание к свойству материи. Именно вопрос об отношении сознания к материи и является той проблемой, которая мешает понять, что такое сознание.

В рамках данной статьи мы рассмотрим правосознание с двух точек зрения, являющихся, с одной стороны, достаточно перспективными и, в то же время, сильно различающимися. Речь идет о дуализме и материализме (материальном монизме).

Когда речь заходит о материализме, мы сразу представляем себе мир, состоящий только из материальных объектов, т.е. мир таким, каким мы его видим (ну, или почти — волны, не воспринимаемые человеком не в счет). Сознание для материалиста — свойство материи. Сознание порождено материей. Материя первична и является единственно существующей.

Правосознание также становится свойством материи, но, в то же время, это часть сознания, но та его часть, которая является совокупностью мыслей о праве. Фактически, это та совокупность мозговых сигналов, которая для нас отражается в виде правовых суждений. Более того, можно сказать, что эти сигналы мозга выстраиваются для нас в понятную иллюзию, которая наиболее удобно для обработки информации. В этом случае мы опять возвращаемся к тому, что не понимаем, как сигналы мозга становятся нашим сознанием, то есть, как появляется видимое нами правосознание.

Но при этом материалистическая теория способна учесть текущее состояние человека при мыслительном процессе. Если человек находится в состоянии аффекта, в его организме происходят определенные химические реакции, которые затрудняют работу сознания (и правосознания), заставляя его действовать нерационально, не думать о законе и т.д. Если говорить о чистом сознании, свободном от материи, то данное явление не получает должного объяснения, как не получает объяснения и любое другое отклонение в интеллектуальной деятельности, вызванное чисто химико-биологическими или физическими причинами.

Дуалистическая теория отвечает на наш вопрос несколько иначе. Ее сторонники говорят о том, что материя не может сводиться к свойствам сознания и наоборот. Сознание и материя не взаимосвязаны. У них нет ничего общего. Следовательно, связь если и присутствует, то ее невозможно постичь ввиду свойств человека. Правосознание также будет являться частью сознания, но уже не будет в полной мере сводиться к сигналам мозга. Максимально возможна только зависимость правосознания от них.

На самом деле и материалистическая и дуалистическая теории в той их части или ипостаси, которые не являются наиболее радикальными (как, например, отрицание сознания вообще, или отрицание любой связи сознания-тело), являются скорее сторонами одной медали. Они объ-

снимают одни и те же явления схожим образом, однако толкуют некоторые особенности по-своему, при этом давая ответы на те специфические вопросы, которые не может дать конкурирующая теория.

Говоря о связи сознания и правосознания, мы не вполне раскрыли возможные варианты из соотношения. С одной стороны, правосознание может быть конкретной, выработанной в процессе человеческого развития частью сознания, которая отвечает за конкретные вопросы, обрабатывает конкретную информацию. С другой стороны, это может быть термин, обозначающий совокупность установок сознания, которые существуют хаотично, однако относятся ввиду своих свойств к рассматриваемому объекту. Разница в том, что в первом случае правосознание целостно и является скорее объективно конкретной частью сознания, а во втором случае правосознание — понятие весьма условное и его существование — это вопрос точки зрения. Тогда можно сказать, что правосознания не существует, а есть только не связанные между собой поведенческие и интерпретационные установки, формирующиеся в процессе развития личности.

Возможен и третий вариант, когда правовые установки действительно существуют, и они являются бессистемными, однако в процессе обучения они формируются в целостную картину, переосмысливаются, между ними

устанавливаются причинно-следственные связи. Все это превращается в единую систему, которая работает связно как единый организм. Такая система может формироваться в процессе профессионального обучения юридической специальности и является неотъемлемой частью профессионального юриста. Без целостной правосознательной системы человек не сможет грамотно интерпретировать, применять нормы права, создавать право, он только способен верно поступать в некоторых правовых ситуациях.

Таким образом, мы видим, что на данный момент правосознание рассматривается как явление, имеющее только ценностно-функциональную сторону. Выделяются четкие свойства, такие как особая структура (правовая психология и идеология), уровни существования (индивидуальное, общественное), связь с объективными явлениями (правом), функции (получение информации, обработка, последующее изменение реальности). Кроме того правосознанию часто дается оценка (хорошее — плохое, нормальное — ненормальное и т.д.).

Однако о сущности правосознания, его месте в «системе координат» вселенной, говорится мало. Чаще всего все сводится к констатации факта принадлежности правосознания сознанию или наличия взаимосвязи между двумя этими понятиями.

Литература:

1. Строгович М.С. Право и правосознание. Тезисы доклада. Институт права АН СССР. — М., — 1940.
2. Ильин И.А. И 46 Собрание сочинений: В 10 т.Т. 4/Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы, — М.: Русская книга, 1994, — 624 с. — С. 174.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология. — СПб.: Изд-во «Питер», 2005. 655 с. — с. 141.
4. Пастушенко О.В. Правосознание как форма сознания и мировоззрение//Грани, № 11 (91), 2012. с. 37–41. — с. 38.
5. Ишкильдина Г.Р. Правосознание молодежи: проблемы становления и эволюции в современных условиях: дис... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. 164 с. — с. 20
6. Философская энциклопедия. В пяти томах//Под. Ред. Ф.В. Константинов, «Советская энциклопедия», М., 1967., 592. С. — с. 336.
7. Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. 181 с. — с. 18
8. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М.:Гардарики, 2006. 736 с. — с. 657

Значение человеческой свободы в теодицеи князя Е.Н. Трубецкого

Нестеров Алексей Викторович, аспирант

Шуйский филиал Ивановского государственного университета

Мировоззрение князя Е.Н. Трубецкого, наиболее полно изложенное им в книге «Смысл жизни», представляет собой систематическую разработку богословских вопросов, связанных с учением о Богочеловечестве. Его важнейшим разделом является теодицея, в центре которой находятся две богословских задачи: 1) как

может существовать мир наряду с существованием Бога? 2) как может существовать зло в мире при наличии благого и разумного Божественного управления?

Первая из этих задач есть проблема единого и его другого: в каком соотношении должны находиться Бог и мир, чтобы существование мира не противоречило абсо-

лютности и всеединству Бога? «Раз единое заключает в себе полноту бытия, — пишет Трубецкой, — вне его ничего не может быть. Стало быть, все другое, что мы воспринимаем в нашей действительности, лишено подлинной реальности; весь этот наблюдаемый нами мир конечных предметов, все это множество существ, несовершенных, стремящихся и движущихся, есть только майя... то есть исчезающий мираж, обманчивое чувственное представление» [5, с. 112]. Единственно-возможное решение этой задачи Трубецкой находит в образе Христа-Спасителя, в природе Которого Божественное и человеческое присутствуют нераздельно и неслиянно. «Бог должен стать всем во всем. Тот вечный мировой идеал, который олицетворяется образом самого Христа Богочеловека, есть идеал нераздельного и неслиянного единства двух естеств — Бога и мира (в лице человека)» [5, с. 114].

С точки зрения метафизики всеединства, Боговоплощение не только возможно, но и входит в общий план мироздания, ибо цель всего мирового процесса состоит в соединении тварного мира со своим Творцом, в его обожении. «Пресуществление всего человеческого, земного в Богочеловечество есть требование, в котором выражается вся сущность христианства, — пишет Трубецкой. — Но это требование во всей его полноте осуществляется лишь через упразднение отдельного, самостоятельного мирского союза, мало того, — через упразднение мира как обособленной и отличной от Царства Божия сферы» [4, с. 550]. Такое тесное соединение мира с Богом предполагает также «пресуществление всего человеческого, более того, — всего земного в Богочеловечество». [5, с. 276]. Тварный мир, будучи временным и становящимся, имеет свое высшее основание во вневременной жизни Божества. Только в Боге обретает смысл процесс мировой истории. «Если процесс, история, живет только в нашем субъективном, человеческом сознании, то история есть, лишь поскольку мы ее представляем, лишь поскольку мы ее помним. Иначе говоря, в этом случае истории нет, процесса нет, ибо нет в нем объективной истины. <...> Мир во времени есть, лишь поскольку его держит в себе всеединое сознание. Истина христианского откровения тут вполне совпадает с основным метафизическим предположением нашего познания» [5, с. 119]. Конечной же целью всего мирового процесса является Богочеловечество или Всеединство.

Описанное князем Трубецким соотношение мира и Бога дает решение задачи, ибо Бог, подобно абсолютному сознанию, будучи всеединством, обладает независимым от времени видением Богочеловеческого процесса в целом. Бог созерцает мир не внешним по отношению к Себе, но обоженным, в котором Он есть «все во всем» (1 Кор. 15, 28) [2, с. 1259]. Если для человека, бытие которого обусловлено пространственно-временными отношениями, мир еще не осуществил своего назначения, то для Бога в полноте времени преображенный мир уже пребывает в Боге. «Прежде всего оказывается иллюзией та отдаленность конца, которая нас смущает. Этот конец ка-

жется отдаленным только для сознания, прикованного к временному. Но эти оковы разрушены и сняты с человека самим фактом вочеловечивания Божества. <...> Пусть для нас, людей, как и для всей твари, этот процесс — ряд достижений, ряд усовершенствований. Во всеедином сознании это совершенство от века достигнуто, закончено; оно само, стало быть, никакой эволюции не подвергается. Пусть Богочеловек является абсолютным концом нашего развития. В Боге этот конец от века достигнут: пропасть между Богом и тварью от века побеждена, и радость благой вести от века свершилась» [5, с. 124–125].

Таким образом, решение первой задачи находится в признании идеи Богочеловечества как абсолютного синтеза трансцендентного и имманентного начал. Оно является замыслом Бога о тварном мире, целью его истории, а также смыслом человеческой жизни. Поэтому христианская теодицея у Трубецкого, развитая как учение о Богочеловечестве, есть учение о смысле жизни.

Вторую богословскую задачу о существовании зла в устроенном Богом мире Трубецкой рассматривает как отпадение твари от Всеединства, ее отказ от смысла жизни и осуществления Богочеловечества. Возможность самоопределения твари между добром и злом свидетельствует, по мнению Трубецкого, о ее свободе. Религиозное чувство не дает нам право помыслить, что источником зла в мире может быть Бог. «Попытки построить христианскую теодицею довольно разнообразны, но все они сходятся в одном общем положении: источником греха является не Божество, а свобода твари, ее самоопределение и отпадение от Бога» [5, с. 130], — считает Трубецкой. Свобода твари не препятствует осуществлению Всеединства, напротив, это необходимое ее условие, ибо сама природа Божества не допускает в отношении твари никакого принуждения. «Божественная любовь хочет иметь в человеке не автомат, а друга. В этом и есть оправдание свободы: без свободы нет дружества, а без дружества — нет любви» [5, с. 130–131].

Однако, остается еще не решенным вопрос: как Божественное предвидение согласовать со свободой твари? Если свободный выбор от века известен Всеединому сознанию, не значит ли это, что в действительности он уже предопределен? Ошибка данного рассуждения, по мнению Трубецкого, состоит в смешении понятий «предвидения» и «предопределения». «Моя свобода была бы нарушена в том случае, если бы Божественное предвидение предопределяло мои действия, то есть если бы оно было их причиной. На самом деле мои действия, как и все вообще события во времени, совершаются вовсе не потому, что их предвидит Бог: наоборот, Бог их видит потому, что они совершаются. <...> Предвидение пребывает вне времени и, следовательно, не есть предшествующее временным рядам событие во времени, а сверхвременный акт, объемлющий их в себе» [5, с. 138].

Несмотря на это, утверждение, что источник зла коренится в злой воле твари, а не в Боге, полностью не снимает напряжение рассматриваемой задачи. Для того

чтобы тварный мир был действительно свободным, необходимо, чтобы он имел реальную возможность своего самоопределения к добру и к злу.

Трубецкой сознает, что бытие твари, самоопределяющейся к злу, представляется а priori несовместимым с бытием Бога как Всеединством, ибо нарушение Божией воли и Его замысла о мире является доказательством бессилия Божества. В связи с этим Трубецкой пытается решить вопрос об отношении твари к предвечному Божественному замыслу.

Для устранения данного противоречия Трубецкой обращается к святоотеческой концепции зла как подлинно не-сущего. «Для отцов зло действительно есть недостаток, порок, несовершенство, — пишет известный православный богослов В.Н. Лосский, — не какая-то природа, а то, чего природе недостает, чтобы быть совершенной. В аспекте сущностном отцы считают, что зла не существует, что оно есть только лишение бытия» [3, с. 438]. Поэтому отпавшая от Бога тварь, хоть и находится вне своего Творца, не есть некое бытие Его ограничивающее. Трубецкой развивает собственный вариант данной концепции. Отказ твари от смысла жизни, от соучастия в Богочеловечестве, есть выбор пребывать в смерти, в аду. «Ад не есть какая-либо вечная жизнь вне Христа, — говорит Трубецкой, — ибо вечная жизнь одна: она только в Боге, только во Христе; действительность ада возникает не путем отторжения чего-либо живого от вечной божественной полноты, ибо тогда эта полнота была бы тем самым нарушена — нет! Отпадение ада от Бога есть отпадение смерти, а не отпадение жизни. Этим самым фактом отпадения смерти полнота божественной жизни не умаляется, а, напротив, утверждается» [5, с. 147]. Поэтому существование отпавшей от Бога твари есть «увекоченный миг окончательного разрыва с жизнью» [5, с. 149]. Если небытие безусловное и небытие относительное служат основой творения, то ад есть чистое ничто, он «за бытием» [5, с. 152].

Однако, указание на то, что самоопределение твари к злу и даже крайнее ее проявление — ад — не нарушают полноты божественной жизни, еще не дает полного ответа на основной вопрос теодицеи, не делает ли злая воля невыполнимым предвечный замысел Божий о мире. Это означало бы утрату Богом своей полноты. Но если предположить, что отклонение твари от замыслов Божиих невозможно, то придется отвергнуть свободное ее самоопределение. Чтобы избежать крайностей в решении этого вопроса, по мнению Трубецкого, необходимо исследовать, как творение относится к божественной идее. «Вопрос о свободе воли есть прежде всего вопрос об отношении твари к ее божественной идее» [5, с. 158]. В связи с этим, Е.Н. Трубецкой считает неудовлетворительными попытки В.С. Соловьева, а позднее С.Н. Булгакова представить божественную идею как субстанцию, а мир во времени — как явление этой субстанции. «Если божественный замысел обо мне, — говорит он, — есть моя субстанция, или сущность, я не могу не быть явлением этой

сущности. Хочу я или не хочу, я во всяком случае таков, каким меня замыслил Бог: все мои действия — все равно добрые или злые — суть порождения этой сущности — явления божественной Софии. Очевидно, что учение это делает св. Софию виновницей зла: ибо, если мое я — только ее частичное явление, мое самоопределение ко злу есть ее самоопределение» [5, с. 158]. Следуя за Соловьевым, Трубецкой называет Софией мир идей-первообразов. Однако, опасаясь гностических уклонов, он не развивает учения о Софии в эзотерической сфере, и лишь ограничивается указанием, что она есть неотделимая от Бога сила Божия и поэтому «не может быть субстанцией или силой чего-либо становящегося, несовершенного, а тем более — греховного» [5, с. 161].

Прежде всего Трубецкой исходит из пантеистической теории сущностной причастности мира Богу. «Этот мир еще не есть всеединство, ибо всеединство в нем не осуществлено; но он подзаконен всеединству, ибо всеединство есть общий закон его стремления, общая форма его существования» [5, с. 200]. Движение тварного бытия к всеединству не есть полностью предрешенный процесс. По причине наличия у твари свободной воли, а, следовательно, возможности выбирать между добром и злом, миру присущи не только положительные (софийные), но и отрицательные (антисофийные) потенции. Если реализация первых есть движение твари к своему идеальному первообразу, то реализация вторых есть отрицание первообраза. Божественная идея каждого сотворенного существа, таким образом, не есть его природа, а лишь только *задание*. Поэтому Трубецкой делает предположение, что идеальный первообраз, не осуществленный некой отпавшей тварью, будет «передан» другой. «Как происходит эта таинственная замена ветви засохшей ветвью плодоносящей, этого мы не знаем и знать не можем. Для нас важно знать лишь то, что замена эта так или иначе происходит» [5, с. 169]. Даже если все творение употребит свою свободу во зло, Богочеловечество все равно будет воплощено каким-либо иным миром. Таким образом, самоопределение твари к злу не может нарушить Божественного замысла и не умаляет полноту Абсолютного бытия.

Осуществление замысла Божия возможно только при условии свободного произволения твари. Но возможность самоопределения человека к добру, как кажется, не согласуется с христианским учением о первородном грехе, предполагающим, что человек подвержен греху по самой своей природе. «Изгнанный после греха из рая, — говорит блаженный Августин, — человек и род свой, зараженный грехом в нем, как в корне, связал наказанием смерти и осуждения; так что все потомство его и осужденной вместе с ним жены рождалось от плотской похоти и получило первородный грех, ведущий через заблуждения и различные скорби к тому последнему, бесконечному наказанию вместе с отпавшими ангелами» [1, с. 304]. Теперь природа человека настолько искажена, что он не может не грешить, поэтому воздействие благодати на человека должно быть насильственным.

Полемизируя с Августином, Трубецкой развивает свою концепцию первородного греха и искупления. Всеобщность греха и его последствий Трубецкой объясняет единством человеческого рода. «Мы, люди, не изолированные индивиды, а род, то есть некоторое органическое целое, связанное общностью жизни, передающейся от предков к потомкам» [5, 238–239]. Именно потому, что человеческий род есть в идее единое существо, грехопадение одного несет с собой общий распад. «Но грех не уничтожает полностью свободную волю человека, достоверным свидетельством чего является наша совесть» [5, с. 236]. Индивидуальная свобода, конечно, не в состоянии противостоять мировому злу, ибо «полное освобождение индивида возможно лишь через всеобщее освобождение рода» [5, с. 244]. Решение этой проблемы, считает Трубецкой, находится в догмате искупления, утверждающем, что личностью и жертвой Христа совершилось действенное и целостное разрешение человечества от уз греха. Явление Христа нужно понимать как восстановление связи Бога «с целым человеческим родом и целой вселенной» [5, с. 242]. Искупление, считает Тру-

бецкой, не является внешним по отношению к человеку актом и не нарушает его свободную волю. «Совершенная жертва Христова спасает человека не как действующее извне колдовство, а как духовное воздействие, освобождающее его изнутри и преображающее его природу лишь при условии самостоятельного самоопределения его воли» [5, с. 245]. Во Христе — залог действительности свободы: того, что грех преодолим, самоопределение к добру возможно и человек есть не раб греха, но друг Бога.

Итак, теодицея Евгения Трубецкого сотериологична, ибо только через воплотившегося Христа преодолевается пропасть, разделявшая Творца и творение, человек освобождается от насилия греха и, тем самым, обнаруживается возможность свободного самоопределения к добру и свободное отвержение зла. Само зло не онтологично, «призрачно» и, поэтому, оно несколько не умаляет полноту Божества. Зло лишь возможно в бытии и способно актуализироваться через свободу личности. Следовательно, только через *свободное* единение человека со Христом возможно преодоление зла и спасение человека.

Литература:

1. Августин блаженный. Энхиридион или о вере, надежде и любви. Киев, 1996. 413 с.
2. Библия. М.: Издание московской патриархии, 1988. 1376 с.
3. Лосский В.Н. Догматическое богословие. М.: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2009. 504 с.
4. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. В 2-х т.М., 1995. Т.1. 604 с.
5. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 512 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Когнитивное направление в политической метафорологии

Алиханова Ирада Мирзаматовна, магистрант

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (г. Алма-Ата)

Язык переживает глобальные потрясения, которые больше всего затронули лексику. Ярким примером тому может стать политический язык, который представляет собой сложное и изменчивое явление, обусловленное множественностью интересов, высокой политической активностью граждан и столкновением ценностей традиционного и обновляющегося общества. В последнее время внимание специалистов все больше и больше привлекают Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников. В современной зарубежной науке сложилось несколько основных направлений в исследовании политической метафоры. Первое из них развивает традиционные взгляды на метафору, восходящие еще к Аристотелю. В данном случае метафора понимается как украшение мысли, способствующее успешности воздействия на адресата. Также это направление называют риторическим, в связи с ее характеристиками украшения речи. По отношению к семантическим и стилистическим исследованиям метафора изучается на основе когнитивного подхода, в котором метафора представляет собой форму мышления, эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий.

Основоположниками этого направления принято считать М. Джонсона и Дж. Лакоффа, однако когнитивный подход к метафоре возник значительно раньше.

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положения о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Барлетт, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи. Еще в 1967 г. М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры [Osborn 1967].

Все рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*» [1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов — сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих

концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур — «схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis) [Lakoff 1990, Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР — ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники — как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф 2004: 26–27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE) или с помощью персонификации (*Inflation is eating up our profits*), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого

опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности. Сфера применения эвристик этой теории постоянно расширяется за счет включения в научные изыскания материалов все большего количества языков: примером могут служить публикации, посвященные концептуальным метафорам в арабском, китайском, чагга, японском, эскимосских и других языках [Ahrens 2002; Ahrens et al. 2004; Chung et al. 2003a, 2003b, 2003c; Emanatian 1995; Fienup-Riordan 1994; Hiraga 1991; Maalej www; Yu 2000; 2003; 2004]. Еще одно направление развития названной теории — это обращение к метафорическому потенциалу невербальных семиотических систем, то есть исследование концептуальной метафоры в кинематографе [Bergen 2003], жестах [Cienki 2004], в визуальном ряде креолизованных текстов [Шинкаренкова 2005; Чудакова 2005].

Когнитивная метафора обычно и противопоставляется традиционному пониманию феномена, возводимому к Аристотелю, исследователи все чаще отмечают, что именно Аристотель первым указал на познавательный потенциал метафоры. Философы последующих поколений не обратили должного внимания на указанную Аристотелем способность «метафоры проникать в сущность вещей» [Лакофф 2004: 213], а «представители естественных наук относились к метафоре пренебрежительно, как лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту» [МакКормак 1990: 372].

Вскоре после выхода монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона появилась и первая работа по изучению роли концептуальной метафоры в научном мышлении [Gentner 1982], в которой автор продемонстрировал на конкретных примерах, что в основе концептуальной метафоры и научной аналогии лежит один и тот же процесс когнитивной проекции из одного концептуального домена в другой. На настоящий момент исследования когнитивного потенциала метафоры в получении научного знания получили широкое распространение: влияние концептуальной метафоры на развитие научных идей исследовалось применительно к самой философии, а также биохимии, истории, математике, педагогике, политологии, психологии, генетике, экономике и многим другим научным направлениям [Ивина 2003; Avise 2001; Baars 1998; Brown 2001; Fernandez-Duque, Johnson 1999; Graham 2001; Lakoff, Nunez 2000; Lorenz 1998; Rohrer 1995; Thagard, Beam 2004 и др.] Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Перспективы применения когнитивных эвристек к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры, американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, со-

вершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой. Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации по всему миру (А. Н. Баранов, Д. Берхо, Т.С. Вер-

шинина, Р. Дирвен, П. Друлак, Р. Каган, Ю.Н. Караулов, А.А. Каслова, Х. Келли-Холмс, В. Кеннеди, И.М. Кобозева, В. Кристал, Дж. Лакофф, Дж. Лавтон, М. Луома-ахо, Дж. Люл, Дж. Милликен, С.Н. Муране, А. Мусолфф, В. О’Реган, Р. Пэрис, Е. Рефайе, Т. Рорер, А.Б. Ряпосова, О. Санта Ана, Н.А. Санцевич, Е. Семино, Т.Г. Скребцова, А.В. Степаненко, Дж. Торнборроу, Ю.Б. Феденева, И. Хеллстен, Р. Хюльссе, А. Ченки, П. Чилтон, Н.М. Чудакова, А.П. Чудинов, Й. Цинкен и др.)

Политическая метафора – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем, как показал еще Дж. Лакофф [Lakoff 1991], предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества.

Литература:

1. Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: Сб. научн. трудов. – Волгоград: Политех, 2000 – С. 157 – 161.
2. Чудинов А.П. Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000.
3. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
5. Holly Holly W. *Credibility and Political Language // Language, Power and Ideology*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1989. – Pp. 115–135. 1989, с 129

Обновление лексико-грамматического наполнения учебных пособий по РКИ (на материале русского компьютерного жаргона)

Виноградова Нина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент
Пусанский государственный университет (Республика Корея)

Компьютеризация общества играет очень большую роль в изменении речевых предпочтений русских. Тем не менее, компьютерный жаргон до сих пор рассматривается лингвистами в основном как профессиональный язык, то есть остаётся в рамках лексикологии и стилистики. Такой подход изначально ограничивает область его бытования и недооценивает его влияние на язык в целом. В статье, во-первых, даётся обоснование более широкого подхода к данной некодифицированной подсистеме русского языка, позволяющего более объективно оценить роль компьютерного жаргона в современных языковых изменениях. Во-вторых, уделяется внимание методическому аспекту проблемы, а именно: лексико-грамматическому наполнению учебных пособий по РКИ.

Ключевые слова: поликультурное общение, компьютерный жаргон, профессиональный язык, изменения в речевых предпочтениях русских, методика преподавания РКИ.

Данная работа посвящена истории изучения русского компьютерного жаргона и его роли в изменении речевых предпочтений русских в последние два десятилетия. Кроме того рассматривается проблема пополнения лексики учебных пособий по РКИ за счёт компьютерной лексики и некоторых элементов русского компьютерного жаргона.

Динамика роста числа пользователей Интернета в России возрастает год от года, поэтому компьютерный жаргон просто «обречён» на развитие и экспансию: на постоянное и неограниченное расширение сферы своего влияния и употребления, также как и на устойчивую моду на него среди различных социальных групп. Это должно было предопределить особое внимание к нему со стороны

лингвистов. Однако, рассматривая с этой точки зрения лингвистическую литературу последних двух десятилетий, определенно можно сказать, что, при повышенном исследовательском интересе к процессам, происходящим в русском языке постсоветского времени («редко лингвисты могут наблюдать столь стремительный виток языковой эволюции» [23, с. 177] и появлении ряда фундаментальных работ об изменениях в языке на рубеже XX–XXI веков [6,9,12,14,20,23,24,25 и многие др.], этого не произошло.

В центре внимания оказывались другие новшества в лексике русского языка, отмечались другие новые явления в семантике, словообразовании, грамматике, в стилистических характеристиках слова, в стереотипах речевого поведения. При анализе социальных факторов изменений в языке главное внимание уделялось общественно-политическим изменениям общества, таким, как: «демократизация русского общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, антиталитарные тенденции, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, «открытость» к веяниям с Запада в области экономики, политики и культуры» [9, с. 63].

Среди тематических пространств, которые с наибольшей полнотой отражают эти изменения, рассматривались следующие: **«политика, государственное устройство (авторитаризм, административно-командный, антиноменклатурный), экономика, финансовое дело (акционирование, антирыночник, бартер), религии, верования (буддийский, буддолог, гуру), медицина (акупунктура, антиспидовый, антистресс), армия, охранительные органы (бандформирование, гулаговский, дедовщина), область паранормальных явлений (инопланетяне, НЛО, полтергейст), массовая культура (дискотека, рок-клуб, шоу), современная молодежная музыка (мейнстрим, рейв, реп), молодежная субкультура (бодипирсинг, пирсинг), спорт, игры (армрестлинг, боулинг), кушанья, напитки (гамбургер, кола, поп-корн), предметы обихода, украшения, игрушки (биотуалет, джакузи, микроволновка, тамагочи), одежда, фасоны (боди, бюстье, слаксы, топ), ткани, материалы (крэг, лайкра, нубук, стрейч), косметика (гель, скраб, кондиционер)»** [23, с. 178–179]. Как легко заметить, компьютера и всего, что с ним связано, в данном перечне тематических пространств нет.

А что же интересующие нас компьютерные неологизмы? Признание того, что изобретение компьютера играет важнейшую роль в языковых изменениях, пришло в российскую науку о языке с некоторым опозданием, и долгое время оставалось на периферии научной мысли. Такой социальный фактор, как компьютеризация общества, оказался недооценённым при анализе причин существенных изменений в языке. Соответственно, среди новых тематических пространств не выделялся компьютер и всё, что с ним связано (компьютерные технологии, ин-

формационное перевооружение общества, Интернет и т.д.).

В первое десятилетие XXI века, при опоре на иностранные лингвистические исследования в области социолингвистики и теории коммуникации и особенно под влиянием переведённой в 2001 году на русский язык монографии Д. Кристала «Английский язык как глобальный» [13], наметилось четыре главных подхода к его анализу компьютерного жаргона: традиционный лексико-семантический, социолингвистический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультуро-логический.

Во-первых, подъязык компьютерщиков традиционно рассматривается как профессиональный жаргон, т.е. описывается с точки зрения лексико-семантической структуры, лексикографического описания и стилистической принадлежности [5,7,8,15,16,17,27]. Наряду с доступными в Интернете словниками и «словарями», созданными самими носителями жаргона, были опубликованы словари компьютерного жаргона (например, Мещеряков 1999). Особенности тематической организации лексики компьютерного жаргона рассмотрены на материале английского языка [8], на материале русского языка в сравнении с английским [5,7] на материале русского языка в сравнении с английским и французским языками [17].

Лексико-семантический подход к профессиональным жаргонам принят в русистике, что предопределено традицией научного восприятия этой области языка. Считается, что, находясь на периферии языковой системы, профессиональные жаргоны представляют интерес в основном как источник новых слов, которые в перспективе могут перейти в литературный язык. Добавим, что при более широком осмыслении материал профессиональных подъязыков может быть использован для получения данных о том, что сейчас происходит в языке и каковы перспективы его развития. В наибольшей степени это относится к профессиональному языку компьютерщиков.

Во-вторых, наряду с другими социолектами компьютерный жаргон является объектом социолингвистических исследований. В них, как правило, также делается акцент на его профессиональную природу, т.е. в социолингвистических работах во многом сохраняется традиционный угол зрения на этот предмет. По мнению Л.П. Крысина, точно так же как, например, в 50–60-е годы двадцатого века под влиянием моды на профессию был популярен профессиональный язык физиков-ядерщиков, начиная с 90-х годов, «... компьютерный жаргон делается социально активным, как бы попадает в фокус социального внимания» [14, с. 81]. В социолингвистических исследованиях эта некодифицированная подсистема русского языка рассматривается как «второстепенная форма существования языка» [24, с. 16]. Этим, с нашей точки зрения, изначально ограничивается область бытования компьютерного жаргона и недооценивается его влияние на язык в целом.

Взгляд на компьютерный жаргон с социолингвистической точки зрения очень продуктивен, если перенести внимание с профессиональной природы этого подязыка на анализ его соотношения с другими подсистемами. Учёт таких особенностей современной языковой ситуации, как: а) существование языка в условиях информационной революции и последствий смены общественно-политического строя, б) «смягчение литературной нормы» [20, с. 67], указывает на изменение социального и коммуникативного статуса компьютерного жаргона как подсистемы русского языка, помогает выявить его реальное положение в системе языка в целом. Социолингвистический аспект исследования позволяет привлечь к анализу компьютерного жаргона данные, которые характеризуют его как макросоциолингвистическое явление, влияющее на языковые отношения и процессы, происходящие в русском языке.

В-третьих, языковой материал компьютерного жаргона привлекает внимание исследователей, занимающихся языком Интернета как специфической информационной среды, где происходит процесс «перекраивания» языковой картины мира» [21, с. 316]. Это определяет интерес к описанию языка Интернета (и в его рамках компьютерного жаргона) с точки зрения того, что неологизация может затронуть любой аспект слова и высказывания, могут измениться параметры функционирования некоторых языковых механизмов в структуре языковой способности. В упомянутых работах рассматривается поведение языковых единиц в синтаксическом, парадигматическом, когнитивном и прагматическом аспектах, уделяется внимание проявлениям в языке Интернета новых параметров общения, возникновению новых текстовых структур, изменению стереотипов речевого поведения. Именно в компьютерном жаргоне сконцентрированы языковые явления, в которых проявляется «диалоговое взаимодействие контрастируемых этнолингвокультур» [21, с. 316].

Появление в культуре поведенческих, бытовых, научных, литературных и административных новшеств сопровождается появлением слов, не только пополняющих собою социальный речевой обиход, но и постепенно меняющих представление общества о самом себе. Коммуникативное пространство компьютерного жаргона и его языковой материал в большей мере реализует то новое, что привнесено в язык изобретением компьютера. Анализ компьютерного дискурса (или дискурса компьютерного жаргона) как прагматизированной формы текста даёт основания утверждать, что без «компьютеризмов» русский язык оказывается не в состоянии обслужить новую реальность. А сам жаргон в определённом смысле является катализатором дальнейших изменений в языке. Обращение к этим аспектам жаргона, анализ его функционирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний даёт возможность не только с наибольшей полнотой описать его, но и понять перспективы и увидеть направления развития русского языка как коммуникативной

системы в условиях компьютеризации человеческого общества и человеческого мышления.

Обратим внимание также на такую особенность компьютерного жаргона, которая позволяет ему стать объектом лингвокультурологии. Компьютерный сленг по некоторым параметрам похож на языки межэтнического общения, языки-посредники, гибридные по происхождению, ограниченные по функции и не осознаваемые никем из носителей как родной, выученный от матери язык [18, с. 110–111].

Это необходимо учитывать в преподавании русского как иностранного, особенно вне языковой среды. Изучая русский язык у себя на родине, иностранные учащиеся не могут в полной мере восполнить недостаток нового языкового материала наблюдениями над естественным функционированием языка и общением с носителями языка. Многолетний опыт работы в Южной Корее показывает, что, к сожалению, представление корейских студентов о русском языке иногда оказывается архаизированным. Главной причиной этого является использование морально устаревших учебных материалов: корейские преподаватели русского языка приносят в аудиторию те же пособия, по которым учились сами. Это не может способствовать интересу к занятиям. Находясь под воздействием стереотипа о непреодолимой трудности русского языка, многие корейские студенты с предубеждением относятся к русскому языку и не очень верят в успех занятий.

Здесь мы рассмотрим компьютерную лексику как источник нового языкового материала на занятиях по русскому языку в корейской аудитории. Для всех компьютерных жаргонов, в том числе, и для русского и корейского их вариантов, характерны некоторые общие черты. Широкая сфера действия компьютерных жаргонов поддерживается их способностью экономить языковые средства и служить средством самовыражения участников коммуникации.

Русский и корейский языки очень далеко отстоят друг от друга. Принадлежат к разным языковым группам, они имеют существенные различия на всех языковых уровнях. Однако в настоящее время «в ходе становления и развития определенной глобальной языковой культуры» [4, с. 6] происходит процесс взаимовлияния языков. Современный русский и современный корейский языки включаются в процесс интернационализации национальных языков, который в основном происходит в сфере компьютерной коммуникации. Наличие общих черт в компьютерных жаргонах корейского и русского языков предопределяет существование в них функционально схожих зон и общих лексем.

Исследователи компьютерного жаргона отмечают, что для современного периода развития русского языка характерно «частое отсутствие необходимых для обозначения компьютерных реалий слов в литературном языке» [15]. Речевая практика такова, что научные исследования в области компьютерных технологий, периодические издания, посвященные компьютерам, официальная доку-

ментация на русском языке, сопровождающая компьютерный бизнес, не могут обойтись без однословных жаргонных наименований многих реалий компьютерного мира, потому что других просто нет.¹ При наличии концепта и референта отсутствует соответствующий языковой знак — слово, относящееся к кодифицированной форме языка. Есть существующий в нескольких вариантах жаргонизм. Именно посредством жаргонной номинации соответствующая реалья обычно входит в сознание носителей русского языка. Иначе говоря, как правило, мы впервые встречаемся с новыми для нас предметами и явлениями компьютерного мира с помощью слов типа: *кэш* или *кэш-память*, *каша* (от «cash-memory», «main memory», «main storage», «RAM»), русские варианты: *оперативка*, *мозги*; *софт* или *софтвер*, *софтина*, *софтверий* (от англ. «software»); *флэшка*, *флэш-накопитель* или *USB-флэш-накопитель*, *флэш-диск*, (от англ. «flash-memory card»), русские однословные варианты: *накопитель*, *модуль*, *карта*; а также словосочетания: *модуль памяти*, *карта памяти*, *карта Flash-памяти*.

Поскольку литературный язык не имеет синонимов для обозначения этих реалий, обладая лишь их дескриптивными характеристиками, в настоящее время некоторые из подобных единиц скорее воспринимаются как неологизмы, а не жаргонизмы. Каждая вновь появляющаяся единица должна служить неформальному общению носителей данного жаргона, но с другой стороны, она обслуживает также их профессиональные нужды, то есть выступает как профессионализм. Тенденция к полифункциональности лексических единиц компьютерного жаргона обуславливает возможность перехода таких единиц в лексическую систему общелитературного языка, так как они становятся общеупотребительными и общепонятными. Компьютерный жаргон активно генерирует общеупотребительную лексику, он же является источником новых слов для так называемого «общего» жаргона, например:

зависать/зависнуть — 1) (о компьютере) прекращать реагировать на внешние воздействия (нажатие клавиш или кнопок мыши), 2) (о программе) переставать выполняться;

скачивать/скачать — переносить информацию с одного носителя, преимущественно из Сети, на другой.

Данные единицы пришли в сферу общего употребления, давно проникли в речевую практику носителей русского языка и в язык средств массовой информации, например:

Мы попали в сложную финансовую ситуацию, так что программа по строительству бань, увы, пока что зависла («Московский комсомолец» 11 авг. 1999 г.),

Microsoft завис в суде (gazeta.ru 4 мая 2007 года), Русский народ вот уже 80 лет качает права. Скачать удалось процентов десять («Московский комсомолец» 17 авг. 2003 г.).

Они претендуют на переход в сферу литературного языка. Следовательно, роль номинативной функции (обозначение новых понятий, заполнение терминологических лагун), а также функции категоризации и систематизации (для фактов и понятий, актуальных в сознании носителей жаргона) очень существенна в жаргоне. Повышение номинативной функции компьютерного жаргона, в свою очередь, дает основания для того, чтобы наиболее частотные жаргонные наименования компьютерных реалий нашли место в учебных лексиконах иностранных учащихся.

В этой связи наблюдения над компьютерным жаргоном могут быть использованы для модернизации языкового материала при обучении русскому языку в иностранной аудитории. Методический аспект русского компьютерного жаргона тем более важен, что нацеливает преподавателя на привлечение к учебному процессу такого языкового материала, который отражает общее для обоих языков тематическое пространство, актуализированное в сознании обучаемых. При этом предлагаемый лексический материал часто понятен корейским студентам без перевода, так как в обоих языках он заимствован из английского. Приведём несколько примеров.

Приведенные в таблице языковые данные можно квалифицировать как своеобразные «компьютерные универсалии», одинаково присущие и корейскому, и русскому языку. Опора на эти «компьютерные универсалии» целесообразна на начальном этапе обучения для снятия психологического и языкового барьера и преодоления ложных стереотипов восприятия русского языка.

В данной работе обосновано представление о компьютерном жаргоне как о языковом явлении, обладающим рядом особых свойств не столько на уровне слова, сколько на уровне высказывания и текста. Его главную специфику можно выявить, если обратиться к новым модусам общения, анализу видов компьютерного дискурса, возникновению многомерных текстов, становлению новых стереотипов речевого поведения пользователей компьютерных сетей — носителей компьютерного жаргона. Учитывая многолетний опыт работы в корейской аудитории, мы считаем, что обновление языкового материала в целях оптимизации обучения и повышения мотивации изучения русского языка иностранными студентами может осуществляться за счёт лексико-грамматических «компьютеризмов». Здесь имеется в виду литературная компьютерная лексика, если речь идёт о начальном этапе обучения, и лексический материал компьютерного жаргона, если речь идёт о среднем этапе обучения.

¹ Для номинации соответствующих реалий кодифицированный язык располагает многословными дескрипциями: оперативная память компьютера (*кэш*), программное обеспечение компьютера (*софт*), переносной накопитель информации, подключаемый к компьютеру через USB-порт (*флэшка*).

Таблица 1

Русский литературный язык	Русский компьютерный жаргон	Корейский язык
Обозреватель – программа, обрабатывающая страницы, написанные на языке разметки HTML, и отображающая результаты на мониторе компьютера (программа для просмотра страниц в WWW).	<i>браузер</i> или <i>броузер</i> , <i>брозер</i> (от англ. «browser»)	브라우저
Вредоносная программа	<i>вирус</i> (от англ. «virus»)	바이러스
Интернет (англ. <i>Internet</i> , читается [интэрнэт]) – всемирная система добровольно объединенных компьютерных сетей, построенная на использовании протокола IP и маршрутизации пакетов данных	инет	인터넷
Электронная почта	И-мэйл	이메일, 메일, 이멜
Компьютер (англ. <i>Com-puter</i> – «вычислитель») – машина для проведения вычислений. Большинство компьютеров способны сохранять информацию и осуществлять поиск информации, выводить информацию на различные виды устройств выдачи информации	комп	컴퓨터, 컴, 컴터
Манипулятор-мышь – одно из указательных устройств ввода (англ. <i>Pointing device</i>), обеспечивающих интерфейс пользователя с компьютером.	<i>мышь</i> (от англ. «mouse»)	마우스
Веб-сайт или просто сайт (англ. <i>website</i> , от <i>web</i> – паутина и <i>site</i> – «место») – это одна или совокупность веб-страниц, доступных в интернете через протоколы HTTP/HTTPS.	<i>сайт</i> (от англ. «site»)	사이트
Веб-сервер – это сервер, принимающий HTTP-запросы от клиентов, обычно веб-браузеров, и выдающий им HTTP-ответы, обычно вместе с HTML-страницей, изображением, файлом, медиа-поток или другими данными.	<i>сервер</i> , <i>сервак</i> (от англ. «server»)	서버
Программное обеспечение	<i>софт</i> или <i>софтвар</i> , <i>софтина</i> , <i>софтварий</i> (от англ. «software»)	프로그램
Файл (англ. <i>file</i> – папка, скоросшиватель) – концепция в вычислительной технике: сущность, позволяющая получить доступ к какому-либо ресурсу вычислительной системы.	<i>файл</i> (от англ. «file»)	파일

Литература:

1. Виноградова Н.В. Номинативная функция русского компьютерного жаргона Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Публикация на сайте международной конференции «Диалог 2007» Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dialog.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Виноградова Н.В. Русский компьютерный жаргон в зеркале лингвокультурных взаимодействий. Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Сб. научн. ст. Под редакцией Ю.Е. Прохорова. Вып. 1. – Рига, 2005, с. 82–91.
3. Виноградова Н.В. Контактостанавливающая функция компьютерного жаргона Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / Под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. – М.: Изд-во РГГУ, с. 95–100.
4. Засурский Я.Н. Язык третьего тысячелетия // Журналистика и культура русской речи. – 2001, № 1, с. 2–8.
5. Ермакова О.И. 2001 Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/archive/2001/volium1/1_14.htm, свободный. – Загл. с экрана.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М., 2013.

7. Кармызова О.А. Некоторые особенности тематической организации лексики компьютерного жаргона (на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс] Режим доступа: tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002/KARMYZOVALSE2002.HTM, свободный. — Загл. с экрана.
8. Котова О.Е. Структура и семантика англоязычного компьютерного жаргона // Научно-практическая телеконференция «Антропологический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические, культурологические аспекты», 2001. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.isuct.ru/etc/antropos/section/3/kotova.htm> — Загл. с экрана.
9. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул. Корейская ассоциация славистов, 5—2000, с. 63—91.
10. Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в проектировании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I Международной научной конференции. 22—24 апреля 2004 г. — Т.1 — М.-Тамбов: Изд-во ТГУ им. Державина, 2004. с. 9—16.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
12. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб, 2001, 72 с.
13. Кристал Д. «Английский язык как глобальный», М., 2001.
14. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. Сеул. Корейская ассоциация славистов, 5—2000, с. 63—91.
15. Кутузов А.Б. Лексико-семантические поля в компьютерном сленге (на примере сленговых глаголов английского языка) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.computerra.ru/focus/38009/2004> — Загл. с экрана.
16. Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон. // Русская речь — 1997 № 3, с. 43—49.
17. Лушникова Е.В. Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона (На материале русского, английского и французского языков): Дис.... канд. филол. наук: 10.02.19: Саратов, 2003 169 с. РГБ ОД, 61:04—10/123—6
18. Мечковская Н. Социальная лингвистика. Изд. 2-е. М., 1996.
19. Мещеряков В.А. Словарь компьютерного жаргона / Науч. ред. О.Я. Баев, И.А. Стернин. Воронеж, 1999.
20. Норман Б.Ю. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика 1—2. Берлин, с. 57—68.
21. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. — М.:Гнозис, 2005. — 472 с.
22. Складаревская Г.Н. Введение. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складаревской. СПб, 1998.
23. Складаревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, Корейская ассоциация славистов, № 6—2001, с. 177—202.
24. Стернин И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4—16.
25. Стернин И.А., Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение: учебное пособие. М., Флинта; Наука, 2011.
26. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: Монография — М.: РУДН, 2004 г. — 380 с.
27. Шейгал Е.И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность. — Волгоград; Архангельск, 1996, с. 204—211.

Принцип театрализации в поэтике романа У.Теккерея «Ярмарка тщеславия»

Каримова Зайнаб Абдуамитовна, преподаватель;

Уматова Маъмура Бекбуловна, преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Поэтика является наукой, изучающей строение литературного произведения и эстетическую систему его изобразительно-выразительных средств. Иначе говоря, центральной проблемой поэтики выступает структура художественного произведения с ее концепцией и авторской позицией. Литература — это синтетическое искусство, создаваемое и выражаемое посредством образного слова. Поэтика исследует особенности, различные аспекты художественной функциональности искусства слова. А.В. Жирмунский утверждавший, что «поэтика есть наука, изучающая поэзию как искусство» [4], главное внимание обращает на роль стиля в определении границы между поэтическими и языковыми своеобразиями художественного произведения.

Имя Уильяма Теккерея одно из самых известных и в английской, и в мировой литературе. Теккерей Уильям Мейкпис является крупным представителем английского романизма XIX века. Он родился 18 июля 1811 года в индийском городе Калькутте, умер 24 декабря 1864 года в Лондоне. В 1829—30 годах учился в Кембриджском университете. Кроме литературных романов и повестей, он издал также и свои юмористические и сатирические рисунки. Свое знаменитое произведение «Ярмарка тщеславия или Роман без героя» (1848) он также украсил своими рисунками.

Произведение — «Ярмарка тщеславия» (в прежних русских переводах заглавие передано более точно — «Базар житейской суеты») обращено к прошлому, хотя и близкому: действие происходит в годы наполеоновских войн. Создатель романа заимствовал название у писателя XVII в. Джона Бэньяна, который в своей аллегории «Путь паломника» изобразил, как герой во время странствия в Град Спасения попадает на «ярмарку житейской суеты», где можно приобрести все, что угодно: дома, земли, титулы, жен, мужей. Когда Теккерей приступал к работе над «Ярмаркой тщеславия», он был известен только в кругу профессионалов-литераторов, после же публикации романа он выдвинулся в первый ряд современных писателей и стал соперником самого Диккенса [1, с. 202]. «Ярмарка» — первое произведение, которое он подписал своим именем. Воссоздавая судьбы двух подруг по пансиону, принадлежащих к разным социальным слоям, Теккерей добился органического соотнесения частной и исторической жизни: почти не соприкасаясь напрямую, они постоянно оттесняют друг друга. Роман, представляющий собой достоверную картину английского общества изображаемого времени, затрагивает сложную этическую проблематику. Она связана с духовным самоопределением личности в условиях, когда доминирует все «суетное,

злонравное, сумасбродное, полное фальши и притворства» [2, с. 12]. Это произведение стало вершиной творчества писателя.

Сюжетным центром книги Уильям Теккерей сделал одну из вечных тем мировой литературы — историю двух женщин, подруг и соперниц [6, с. 25]. Эмилия и Ребекка, эти две девочки, изначально разные. Различие между ними постоянно подчёркивается автором на протяжении всего повествования, однако ни одну из них он не делает героиней своего романа.

Предисловие романа озаглавлено «Перед занавесом». Это вводная картина, как бы подготавливающая к тому, о чем будет далее рассказ в произведении. В прологе мир представляется как Ярмарка, на которой в балагане и разыгрывается представление, занимающее основное место в романе. Это, по сути, и есть «Ярмарка тщеславия». Кукольник созывает зрителей, представляя им некоторых кукол: Ребекку, Эмилию, Доббина, Родона, Джорджа, Джона, Джозефа... Как заправский зазывала он приглашает людей посмотреть все: «кровавопролитные сражения, величественные и пышные карусели, сцены из великосветской жизни, а также из жизни очень скромных людей, любовные эпизоды для чувствительных сердец, а также комические, в легком жанре» [7, с. 5].

Поэтику романа «Ярмарка тщеславия» определяет принцип театрализации. Как подчеркивает В.С. Вахрушев, принцип театрализации красной нитью проходит через весь роман. Перед глазами читателя раскрывается тот факт, что герои, действовавшие в «Ярмарке тщеславия», это всего лишь куклы, марионетки, которыми руководит кукольник, дергая за ниточки тщеславия. Они же думают, что действуют абсолютно автономно. Например, Ребекка даже вообразила себя Кукольником, разыгрывая куклами смешные сценки перед зрителями, умело играя на чувствах людей, на их слабостях для достижения цели. Бекки, как известно, чувствуя всю пустоту светского общества, однажды сама признаётся своему мужу, что самым уместным для неё было бы «надеть усыпанный блёстками костюм и танцевать на ярмарке». Она всю жизнь ведёт сложную игру с окружающими и с собой, лицемерит и играет разные роли смотря по обстоятельствам: «Когда на неё напали, Бекки ловко принимала вид застенчивой простушки и под этой маской была особенно опасна». «Какое бесстыдство проявляет эта женщина», — говорили одни... «Что за честное и добродушное существо!» — говорили другие. «Какая хитрая кривляка!» — говорили третьи. Все они, вероятно, были правы» [7, с. 72].

Принцип театрализации является очень важным для «Ярмарки Тщеславия», так как является элементом са-

тирического изображения окружающего главных героев мира. Театрализация придает лицам, действовавшим в романе, универсального значения. Именно поэтому Аксельрод утверждает, что герои «Ярмарки Тщеславия» — это снобы «всех времен и народов», живущие по закону достижения успеха любыми путями в любой стране и в любую эпоху. [1, с. 202]. «Снобизм, в понимании Теккеря, — это ёмкая социально — психологическая категория, которая связана с отчуждением и является одним из аспектов театрализации жизни. Сноб — человек, явно завышающий значение ценностей социальной иерархии и играющий чуждые естеству роли в обществе. В снобизме две взаимосвязанные стороны — низкопоклонство перед вышестоящими и презрение к низшим» [3, с. 60]. На Ярмарке Тщеславия в погоне за деньгами, почестями, положением в обществе забываются истинные ценности. Человек ценится по счету в банке, титулу и возможности что-то дать: «В ваших дружеских чувствах к богачу столько же искренности, как и в ответном к вам расположении. Вы любите деньги, а не самого человека!» [7, с. 160]. Потому и заискивают родственники перед богатой мисс Кроули, потому и расторгает Осборн — старший помолвку своего сына с дочерью обанкротившегося дельца-эсквайра. «Подобно многим состоятельным людям, мисс Кроули привыкла пользоваться услугами низших до тех пор, пока это было ей нужно, и, нимало не задумываясь, отпускала их от себя, едва эта надобность проходила. Некоторым богатым людям органически несвойственна благодарность». Как только человек перестает быть нужным, он отодвигается в сторону. Таковы планы мисс Кроули в отношении Ребекки, так Ребекка поступает с сыном и Родоном. Таков мир пьесы, разыгрываемой Кукольниковом, таков мир Ярмарки Тщеславия. И автор ни на миг не позволяет читателю, вернее зрителю забыть о том, что и он находится на этой Ярмарке, что и он кукла, руководимая тщеславием. Очень часто он обращается к зрителям и говорит: «...Я не думаю, сударыни, что мы вправе хоть сколько — нибудь осуждать ее...», поскольку повсюду «ловят» женихов, ублажают сварливую, но богатую родственницу, аристократы, ничего из себя не представляющие, кичатся своими геро-

ическими предками, продают себя за возможность стать женой баронета девушки, имеющие шанс стать счастливыми в браке с равными себе по общественному положению. И зрители играют роли уже в своей жизни. Таким образом воплощается фраза Шекспира: «Жизнь — это театр, и люди в нем актеры» [3, с. 19]. Вахрушев об этом выразился так: «Герои книги — актеры, которых легко перенести в любой период истории» [3, с. 77]. И именно «принцип театрализации даёт возможность запечатлеть в героях, представителях конкретной исторической эпохи, общечеловеческие качества» [3, с. 82]. Гротескно и сатирически выведенный здесь Джо Седли, расхваливающий свои подвиги в битве при Ватерлоо, это Хвастливый Воин Плавта. Ребекка предстаёт перед нами Психеей, Клитемнестрой. Но трагические образы низводятся в ее лице до фарса. Амур, стоявший на коленях перед Психеей, это отвратительный старый сэръ Питт. Клитемнестра убивает мужа, мстя за дочь, принесенную в жертву, а Ребекка из жадности предает Родона. Вообще все в романе вольно или невольно играют какие-то роли, обманывая и себя, и других [Гребенникова, 1980: 48]. Таков главный принцип Ярмарки Тщеславия. «Роман стал для Теккеря экспериментальной сценой, на которой он поставил и разыграл трагикомический спектакль Ярмарки Тщеславия» [3, с. 66].

Таким образом, Ярмарка — это главный символ, то есть обобщенный образ Англии, общества, где царствуют законы купли — продажи. Хотя действие книги происходит в начале XIX века, Теккерей рассуждает о своих современниках и современных ему нравах. И даже сегодня можно сказать, что образы, упомянутые в произведении, являются общими, одновременно представителями всех времен и народов. Происходящее он прежде всего оценивает с нравственной точки зрения. Но обличительная сила книги, безжалостно критикующей буржуазное общество и основную его движущую силу — деньги, не стала меньше. О том, что во всем виноваты деньги, свидетельствует и само название романа. Поэтому именно это произведение восславил Уильяма Теккерей: его книга навсегда вошла в память британского народа наряду с Библией и «Потерянным раем» Мильтона [5, с. 65].

Литература:

1. Аксельрод А.С. Диккенс-юморист и Теккерей-сатирик: Тез. докл. на студ. конф. — Минск, 1967. — С. 201—202.
2. Бушканец И.Н. «Ярмарка тщеславия» В. Теккеря в первых русских переводах//Уч. зап. Казан, гос. пед. ин-та. — 1976. — Вып. 160. — С. 3—14.
3. Вахрушев В.С. Концепция игры в творчестве Теккеря//Филол. науки. — М., 1984. — Э 3. — С. 15—30.
4. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
5. Липидус Н.И. Уильям Теккерей//Зарубежная литература XIX-XX веков/ Липидус Н.И., Мицкевич Б.П., Тимофеева В.М., Факторович Д.Е. — М., 1964. — С. 65—68.
6. Сохань А.М. Романы В. Теккеря о современности: Автореф. дис....канд. филол. наук. — М., 1964. — 25 с.
7. Теккерей У.М. Творчество. Воспоминания. Библиография. М., «Книжная палата», 1983.
8. Теккерей У. Ярмарка тщеславия: Роман без героя. — М., 1982. — Ч. 1, — С. 5—18.

Речевой жанр воспоминания: структурные особенности текста

Кормазина Ольга Петровна, аспирант
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Необходимость изучения речевых жанров в отечественной лингвистике была признана еще в середине прошлого столетия. Так, М.М. Бахтин, первым осветивший проблемы речевых жанров, писал в одноименной статье: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми формами построения целого... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык, которым мы свободно владеем и до теоретического изучения грамматики... Если бы речевых жанров не существовало и мы не владели ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно» [2, с. 215]. Справедливость данного положения в настоящее время не вызывает сомнений, что, в свою очередь, обуславливает повышенный интерес исследователей к изучению отдельных речевых жанров.

Объектом нашего исследования стал речевой жанр воспоминания. Материалом для наблюдения послужили расшифрованные записи живой речи жителей Приморского края.

По определению Т.А. Демешкиной, жанр воспоминания представляет собой «разговорный рассказ, который удается в случае духовного и эмоционального сближения коммуникантов и нуждается в условии неспешного времяпровождения» [6, с. 101]. Разговорный рассказ, как известно, по своей формальной организации является целостным и связным текстом, причем обязательное для его осуществления наличие двух или нескольких коммуникантов указывает на его диалогическую природу. Любой связный текст имеет свой диктум, то есть событийную основу, или пропозицию. Как отмечает Л.Г. Гынгазова, жанр воспоминания «представлен сложным полипропозитивным диктумом, что является его типологической характеристикой», в связи с чем «релевантным представляется описание способов построения текстов-воспоминаний с учетом условий их порождения» [5, с. 171]. Выявлению структурных особенностей текстов речевого жанра воспоминания и будет посвящена настоящая статья.

Диалогичная структура текстов-воспоминаний традиционно основывается на иллокутивной зависимости реплик, то есть такой смысловой связи, при которой одна из реплик (содержащая акт-программу) непосредственно воздействует на смысл и строение последующей, а другая (содержащая акт-исполнение) является непосредственной реакцией на предыдущую. При этом в большинстве случаев каждую реплику диалога можно рассматривать одновременно и как вынуждающую (реплику-стимул), и как вынуждаемую (реплику-реакцию). В качестве при-

мера приведем отрывок из рассказа-воспоминания жительницы села Анучино Приморского края Валентины Кирилловны (В.К.), которым она делится с гостьей (Г.).

(Валентина Кирилловна вспоминает об отъезде своей семьи из Украины на Дальний Восток, о том, как односельчане помогли им собраться в дорогу)

В.К. Кто-то привёз кур/ не знаю кто/ но привёз кур//

Г. Это на отъезд/ да?

В.К. Да/ на отъезд// Сено нам привезли// Заготовили сено/ привезли/ да? И мы ехали/ мы ехали/ в полном достатке// Понимаешь нет? Машенька не захотела ехать//

Г. Но она уже работала/ да?

В.К. Она работала/ одно/ второе/ может она встретила человека/ ей было уже восемнадцать лет//

Выделенные реплики отражают характер взаимодействия коммуникантов: гостья живо реагирует на слова рассказчицы, и таким образом каждая реплика-стимул рассказчицы оказывается иллокутивно вынуждающей для каждой следующей за ней реплики-реакции гостьи. При этом одновременно каждая реплика гостьи побуждает Валентину Кирилловну к продолжению ее рассказа, выполняя функцию стимула.

Можно заметить, что стимулирующие реплики гостьи побуждают рассказчицу и к изменению микротемы ее воспоминания, вводят новую пропозицию.

Г. (спрашивает после того, как Валентина Кирилловна закончила рассказывать о сестре, с которой она много лет назад потеряла связь) Тётя Валь/ а тогда как в Амурскую область? А-а/ вот так вы на Дальнем Востоке оказались// Приехали в Амурскую область/ да?

В.К. В Амурскую область/ нет/ в Амурскую область приехали/ опять же поселили моих родителей/ как тебе сказать/ ну/ просто на казарме//

Далее Валентина Кирилловна продолжает рассказ о том, как их семья начала жить в Амурской области, то есть переходит к пропозиции, предложенной гостьей.

Таким образом, подобная двойственная природа реплик слушающего в текстах жанра воспоминания несет в себе три основных функции: 1) предопределяет целостность и связность исследуемых текстов; 2) стимулирует говорящего к продолжению рассказа, зачастую сопровождаемому изменением микротемы повествования и сменой пропозиции текста-воспоминания; 3) демонстрирует заинтересованность, сопереживание, эмоциональную вовлеченность слушающего во все те события, о которых повествует рассказчик, и, как следствие, способствует

возникновению того «духовного сближения», которое, по мнению Т.А. Демешкиной, является необходимым условием реализации речевого жанра воспоминания.

Смысловая связность текстов-воспоминаний нередко опирается на связность лексико-грамматическую. Языковое единство иллокутивно согласующихся реплик может проявляться в синтаксическом продолжении реплики-стимула репликой-реакцией, служащей добавлением к сказанному или продолжением сказанного. Например:

(Валентина Кирилловна рассказывает гостю о переезде на Украину)

Г. Па-а-апа украинец// Поэтому вы и поехали на Украину/ да?

В.К. Папа забрал нас// В сорок шестом году вернулся.../

Г. С фронта/ да?

В.К. Да/ а там начали говорить как/ что Украину надо восстанавливать/ засушенные районы/ он заговорился/

По формальной организации вопрос гостя «С фронта?» оказывается органично связанным с предшествующей репликой рассказчицы взаимоотношениями главных и второстепенных членов одного целого предложения. По своему смысловому содержанию этот вопрос является реакцией гостя на предыдущее высказывание, проявлением ее заинтересованности и, как следствие, оказывается стимулом для Валентины Кирилловны к продолжению рассказа.

Приведем еще один пример.

(Елена Федоровна (Е.Ф.), жительница Владивостока, рассказывает внучке (В.) о своей молодости)

Е.Ф. Я вот щас / знаешь/ Асенька/ думаю/ как так.../

В. Как всё успевала/ да?

Е.Ф. Трое детей/ ведь это не один/ трое детей//

Подобное «предугадывание» смыслового содержания следующей фразы рассказчицы, синтаксически оформленное при этом как продолжение ее неоконченной предшествующей фразы, также явно демонстрирует эмоциональное взаимодействие участников ситуации и значительно способствует дальнейшему развитию данного рассказа-воспоминания.

Еще одно проявление языкового единства реплик, регулярно отмечаемое в текстах жанра воспоминания, — синтаксический параллелизм взаимодействующих диалогических высказываний, при котором один из участников диалога воспринимает не только содержание высказывания собеседника, но и форму, в которую это содержание облечено, воспроизводя последнюю в качестве готового приема. Как результат, подобное синтаксическое единство реплик способствует и единению эмоциональному. Например:

(Валентина Кирилловна вспоминает, как в детстве они с друзьями едва не встретились с медведем)

В.К. Идём.../ Следы/ такие огромнейшие следы/ медведь шёл! Понимаешь или нет? Мы как/ дера.../ Нет чтобы назад бежать!

Г. А вы за ним?

В.К. А мы вперёд!

Нередко синтаксический параллелизм сменяющихся реплик в текстах-воспоминаниях соединяется с параллелизмом лексическим. По нашим наблюдениям, повторение одних и тех же лексических единиц, входящих в сходные синтаксические конструкции особенно характерно для реплик-реакций информантов при ответе на стимулирующие вопросы, при этом зачастую эти лексические единицы заменяются на синонимичные или на словообразовательные варианты.

(Валентина Кирилловна вспоминает о своей жизни и работе в Амурской области)

В.К. Вот надо было участок дороги какой-то (нрзбр.)/ следить/ проверять/ чтобы не было рельсы были нормальные/ всё да? И это самое/ три километра одна станция/ три километра/ другая станция//

Г. И вот эти шесть/ надо было смотреть/ да?

В.К. Ага// Вот эти шесть/ это надо было проверить// И я ходила всё время/ на Красную Падь// Там/ с одной стороны Новый/ назывался/ а здесь Красная Падь// Вот я ходила на Красную Падь/ там у меня подружка/ уже завелась// Там и на танцы/ там и кино было//

Г. Это посёлок так назывался?

В.К. Да // Это посёлок так назывался// Станция/ поселок там//

Тесная взаимосвязь воспоминаний информантов со стимулирующими репликами, проявляющаяся как на формально-синтаксическом, так и на смысловом и даже эмоциональном уровнях, не позволяет рассматривать их как нечто отдельное друг от друга. Это доказывает, что жанр воспоминания репрезентируется именно текстом диалогической структуры, состоящим из стимулирующих (или реактивно-стимулирующих) реплик и собственно реплик-воспоминаний, несущих в себе основное диктумное наполнение жанра.

Отмеченная нами ранее полипропозитивность диктума текстов-воспоминаний далеко не всегда оказывается обусловленной влиянием на ход повествования стимулирующих реплик собеседника. Изменение общей темы (или, по крайней мере, микротемы) повествования также может быть вызванным действием «закона ассоциативного присоединения» [7, с. 26], то есть стать результатом ассоциативного мышления говорящего.

(Петр Константинович (П.К.), житель поселка Кировский Приморского края, рассуждает о чае)

П.К. А чай/ такой ароматный был/ ёлки зелёные/ вот то как чай заварят/ ёлки зелёные/ заходи/ в любую хату/ как будто хороших духов или оди.../ одеколона какого/ запах/ а щас это чё/ вот/ заварка/ а никакого запаха// Абсолютно// А что/ почему/ или от климата зависит/ кстати говоря/ Менделеев/ Менделеев/ ну вы знаете кто такой Менд.../ никогда не покупал чай/ который/ был

доставлен морским путем// Он только брал это/ вот то там/ были/ сухопутные/ только покупал такой чай// Если такой это самое/ он его покупал впрок// Во//

Причиной изменения микротемы повествования здесь оказывается не вербально выраженная интенция собеседника, стимулирующая продолжение рассказа, а именно возникновение определенных ассоциаций в сознании самого говорящего.

Приведем еще один пример.

(Наталья Ивановна (Н.И.), жительница поселка Кировский Приморского края, рассказывает историю китайского мальчика, после гибели отца оставшегося жить в поселке)

Н.И. И он остался// Ну када уже/ их (то есть убитых китайцев, среди которых был и отец мальчика) нашли потом/ ну они их не закапывали/ они просто елками закрывали/ и всё// А тогда никто [никто] их не искал// Никто [никто] не это/ это уже русские напали/ уже на/ на/ тама [там].../ на скелеты/ или ка.../ ну как приходилоя / бог его зна [знает]// Может там/ и находили таких шо [что] уже/ начали разлагаться/ их закапывали/ шоб [чтоб] не/ не/ не это/ как говорится/ человек все-таки ж/ надо/ предать земле// Ага [ага]// Ну и этот/ этот/ мальчик/ вот это самое/ его звали Петя/ назвали русские/ но он так и отзывался// Там и по-ихнему тоже какое-то имя было/ но он на Петю отзывался/ потому шо [что] дальше всего/ и решили на общем/ ну как/ вот как/ собрании/ сельском/ вот/ что/ ну куда ж его/ мальчик он/ это самое/ хороший такой/ послушный/ и они решили/ шо [что] в каждом дворе/ он должен по неделе//

Выделенный фрагмент воспоминания Натальи Ивановны имеет собственную микротему, отличную от основной — истории китайского мальчика, выросшего среди местных жителей, при этом формальный стимул, обуславливающий смену пропозиций, в данном фрагменте

отсутствует. Частота возникновения подобных пропозиционных изменений указывает на то, что ассоциативный характер порождения текстов-воспоминаний свойственен исследуемому жанру в той же мере, что и иллокутивное вынуждение.

Объединенные под воздействием закона ассоциативного присоединения фрагменты текста-воспоминания, содержащие различные пропозиции, образуют общую речевую партию рассказчика в диалоге, или собственно нарратив [3, с. 197]. По определению И.Н. Борисовой, нарративная диалогическая речевая партия характеризуется «установкой на повествовательную устную речь», а также на «рассказывание с длительным удержанием коммуникативной инициативы одним из участников диалога» [3, с. 192]. Принимая во внимание тот факт, что подобные речевые партии очевидно оказываются характерными для исследуемого жанра (причем количество словоупотреблений одной такой партии, по нашим наблюдениям, может достигать до 2000 словоупотреблений), структуру жанра воспоминания можем определить как нарративный диалог.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют выделить следующие структурные особенности текста-воспоминания:

- 1) полипропозитивность;
- 2) иллокутивная зависимость реплик-стимулов и реплик-реакций, опирающаяся на лексико-грамматическую связность (синтаксическое продолжение, синтаксический и лексический параллелизм) и предопределяющая необходимое для реализации жанра воспоминания духовное сближение рассказчика и слушающего;
- 3) построение речевых партий рассказчика под воздействием закона ассоциативного присоединения;
- 4) нарративный характер диалогического текста.

В перспективе исследования текстовой организации речевого жанра воспоминания логичным считается уделить внимание более подробному описанию его пропозиционной составляющей, а также его модусного содержания.

Литература:

1. Баранов А.Н., Крейдлин, Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога// Вопросы языкознания. — 1992. — 2. — С. 84–99.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров// Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие/ Составление К.Ф. Седова. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 197–236.
3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 320 с.
4. Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи// Исследования по грамматике русского лит-ного языка. Сб. статей. — М.: 1955. — С. 342–355.
5. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности)// Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997 года). — Изд-во Томского ун-та, 2001. — С. 167–174.
6. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 190 с.
7. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения// Разновидности городской устной речи. — М.: 1988. — С. 5–44.

Особенности репрезентации фразеосемантического поля «агрессивность»

Крючкова Юлия Михайловна, студент

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева

Лексика языка располагает огромными возможностями для передачи информации в её смысловых и стилистических оттенках.

Стилистическое богатство лексико-семантического уровня обусловлено не только достаточно большим числом входящих в него единиц, но и разнообразием их качества, а также сложной системой их стилистической организации. В пределах лексико-семантической области языка существуют, с одной стороны, единицы, обладающие единственным в своем роде значением и столь же конкретно-неповторимым стилистическим оттенком, с другой стороны, — отвлеченные, охватывающие многие сотни слов стилистические окраски, не уступающие по своей абстракции многим синтаксическим категориям. Речь идет о таких видах экспрессивно-эмоциональной окрашенности, как «шутливое», «ироническое», «высокое» и др. Одни из таких оттенков придают слову положительную, другие — отрицательную окраску. Характер окраски может видоизменяться в зависимости от контекста и речевой ситуации. [Михайловская, 2002: 56]

Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, эмоциональностью. [Михайловская, 2002: 42]

Подобно лексике, фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придает речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Выразительность языка во многом зависит от его фразеологии. Большинство фразеологических единиц обозначает те же понятия, которые могут быть переданы словами или описательными конструкциями. Однако, фразеологизмы отличаются от синонимичных слов и описательных оборотов нюансами значения и, главным образом, экспрессией.

Фразеология в первую очередь соотносится с миром эмоций и чувств человека. Исследование эмотивности во фразеологизмах интересно тем, что об истинной природе человеческих чувств, страстей, эмоций, об их силе можно узнать благодаря фразеологическим единицам.

«Фразеологическая единица — это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, 1972: 210]. По мнению исследователя, тот факт, что фразеологическая единица состоит из слов, означает, что она — раздельнооформленное образование.

Природа значения фразеологической единицы тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими

традициями народа, говорящего на данном языке. Фразеологическая единица — это устойчивое сочетание слов, которое характеризуется постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением (в большинстве случаев — переносно-образным), не выводимым из значения составляющих фразеологическую единицу компонентов [Телия, 1966: 41]

Под фразеосемантическим полем понимается совокупность фразеологических единиц, которые находятся в определённых системных отношениях и объединяются общностью семантической темы и общностью выражения одного понятия.

Совмещение в содержании фразеологических единиц номинативных и эмоционально-оценочных элементов позволяет носителям языка использовать фразеологизмы для передачи не только логического содержания мысли, но и образного представления о чем-либо, а так же для выражения эмоционального отношения к предмету мысли.

Как и в лексике, во фразеологии со стилистической точки зрения выделяется пласт нейтральных фразеологических единиц и стилистически окрашенные пласты.

Яркая эмоциональная окрашенность, оттенки которой чрезвычайно многообразны, характерна для разговорных фразеологических единиц. Она создается как отдельными их компонентами, так и тем образно-метафорическим значением, которое возникает в результате сочетания этих компонентов.

Исследование посвящено изучению эмотивности во фразеологизмах английского языка.

Считаю целесообразным опираться на классификацию Р. Плучика, который выделяет базовые эмоции, такие, как гнев, презрение, отвращение, страх, радость, удивление, любовь, раскаяние, покорность, оптимизм, разочарование, агрессивность, благоговение, одобрение, предвкушение, печаль [Плучик 1984: 87].

В ходе исследования было установлено, что самыми частотными у Р.Плучика являются следующие эмоции, которые представлены в таблице № 1. Выбор материала исследования объясняется тем, что именно в словарях собраны фразеологические единицы и на начальном этапе исследования мною был использован англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина, который содержит в себе около 25 тысяч фразеологических единиц. Всего в словаре найдено 615 эмотивных фразеологических единиц, из них 285 с положительной эмотивностью (46 %) и 330 фразеологических единиц с отрицательной эмотивностью (54 %).

В ходе исследования было установлено, что во фразеологизмах английского языка преобладают отрицательные

Таблица 1

Положительные эмоции	Количество ФЕ	Отрицательные эмоции	Количество ФЕ
любовь	70	агрессивность	80
оптимизм	64	удивление	69
радость	63	гнев	60
одобрение	33	разочарование	42
предвкушение	23	страх	26
покорность	18	презрение	22
благоговение	14	отвращение	17
		печаль	12
		раскаяние	2

эмоции. В английской культуре эмоциональная сдержанность и самоконтроль являются важнейшими особенностями поведения, вызывающими уважение и симпатию окружающих. Таким образом, проявление у англичан негативных эмоций нацелено на благой результат.

Другой фактор возникновения негативных эмоций – восприятие себя в отношении их. Негативные эмоции не могут возникать, если человека не касается та или иная негативная ситуация. Другими словами, для того чтобы избежать зарождения в себе негативных эмоций, не следует ассоциировать себя с другим человеком, пытаться найти связь с отрицательной ситуацией или событием. Если не существует эмоциональной связи, то и негатив зарождаться не будет. Кроме того, в настоящее время жизнь человечества подвержена стрессовым ситуациям, с которыми люди не могут справиться. Чаще всего сам человек и является источником негативных эмоций, он сам оправдывает их. Он думает, что они вызваны какой-то внешней причиной. Конечно, люди, полные негативных эмоций и отождествления, склонны вызывать сходную реакцию у других людей.

Рассмотрим примеры проявления отрицательной эмотивности во фразеологических единицах. В словаре А.В. Кунина наиболее частотной негативной эмоцией является агрессивность (80 ФЕ).

Агрессивность – качество личности в виде склонности к агрессии, враждебности, доминирование в ней разрушительного начала, проявляющегося в том числе стойким, сверхценным убеждением в том, что насилие это наиболее эффективное средство достижения успеха [Жмуров 2012: 120]. Именно с нею связаны бурный рост преступности во многих странах мира, непрекращающиеся войны, гонка вооружений, военная агрессия, практикуемая даже в обход норм международного права, которое ныне фактически прекратил своё существование или который используют весьма тенденциозно. Агрессивность в таком её представлении свойственна только

человеку, всякого рода аналогии с поведением хищных животных, борьбой за внутривидовое доминирование, выживаемость и т.д. Агрессия порождает всё новые и новые проблемы, она всё более загоняет человечество в безвыходный тупик, отчего проблема агрессивности многими психологами рассматривается ныне как наиболее актуальная.

Фразеосемантическое поле «агрессивность» формируется фразеологизмами четырёх разных номинативных структурно-семантических классов (по классификации А.М. Чепасовой). Наиболее представлены процессуальные фразеологизмы, меньше – призначные, предметные и качественно-обстоятельственные.

Процессуальные фразеологизмы. Данный класс фразеологических единиц фразеосемантического поля «агрессивность» составил 46 %. При агрессивности ощущение преувеличенной или даже мнимой враждебности окружающих людей и внешнего мира в целом может проявляться в поведении индивида постоянно и в самых разных ситуациях до тех пор, пока не иссякнет его собственная бессознательная аутоагрессивность, то есть по существу болезненное отношение к самому себе, субъективно воспринимаемое как агрессивность окружающих людей. Это представлено такими фразеологизмами, как *read the Riot Act* ‘угрожающе приказать толпе разойтись, сделать выговор’, *make the air blue* ‘ругаться, сквернословить’, *ask for it* ‘лезть на рожон’, *agree like cats and dogs* ‘жить как кошка с собакой’, *offer an affront* ‘нанести оскорбление’, *rend the air* ‘сотрясать воздух’, *ask for it* ‘лезть на рожон’.

Предметные фразеологизмы. Данный класс составил 6 %. Свойственная при определённых обстоятельствах и вполне нормальным индивидам агрессивность, особенно если она систематически поощряется социокультуральными факторами, подкрепляется желаемыми для индивида результатами либо некими преимуществами, пусть и воображаемыми, способна тем самым как бы укре-

пляться в структуре личности, усиливаться и в конечном счёте может кристаллизоваться в стойкую неадаптивную и разрушительную черту характера. Это такие фразеологические единицы, как monkey's allowance 'побои вместо еды', bad blood 'враждебные отношения', fighting cock 'бойцовый петух, забияка', steam roller methods 'жестокая расправа', cat-and-dog life 'как кошка с собакой', the clover foot 'злые намерения, дьявольский замысел'. Существует высокая степень вероятности того, что агрессивность может оказаться в итоге самоценной, самоудовлетворяющей и как бы спонтанной, в значительной степени определяющей самооценку индивида.

Призначные фразеологизмы. Фразеологизмы данного класса фразеосемантического поля «агрессивность» составили всего 4 %. Это такие фразеологические единицы,

как cross as a bear 'зол как чёрт, смотрит зверем', in blood 'яростные, злые'.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы. Данный класс представлен в малом количестве и составляет 4 %. Приведём пример: Like a bull at gate 'бешено, яростно', with the rough side of one's tongue 'резко, грубо, употреблять оскорбительные выражения' out of pique 'со злости, с досады'.

Агрессивность, врождённая (если таковая существует) или развившаяся до степени патологической характеристики личности, становится труднопреодолеваемой или вовсе неискоренимой, неконтролируемой и, в конечном счёте, чреватой самыми негативными последствиями, как для самого индивида, окружающих его людей, общества, так и природной среды обитания.

Литература:

1. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии / В.А. Жмуров. — М., 2012. — 1000 с.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. — М.: Русский язык, 1955. — 1455 с.
3. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. — М.: Международные отношения, 1972. — 287 с.
4. Михайловская В.Н. Эмоциональный компонент лексического значения слова и контекст [Текст] / В.Н. Михайловская // Теория и методика преподавания германских языков: сб. науч. тр. — СПб.: Питер, 2002. — С. 42–50
5. Плучик Р. Модель классификации основных и вторичных эмоций [Текст] / Р. Плучик. — Нью-Йорк 1984. — 87 с.
6. Телия В.Н. Что такое фразеология [Текст] / В.Н. Телия. — М.: Наука, 1966. — 85 с.

Категория оценки и языковые средства её выражения в английском языке

Норкузиева Зебо Камаловна, преподаватель;
Тогаева Махфуза Абдуназаровна, преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Оценка является одной из основных категорий действительности. Человек анализирует окружающую действительность, имеющиеся в мире предметы, явления, свойства, действия. Человек с его мыслями, поступками, чувствами также поддается анализу. Таким образом, практически все предметы могут стать объектами оценки. Вся оценка основывается на человеческой системе ценностей, то есть на соотношении добра и зла, пользы и вреда и т.п.

Изучение категории оценки связано с обращением к аксиологии. Аксиология — теория ценностей — обобщенные устойчивые представления о предпочитаемых благах, объектах, значимых для человека, являющихся предметом его желаний, стремлений, интереса [4, с.28]. В аксиологических концепциях считается первичный концепт ценности. Ценности представляют собой «... социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые и наследуемые каждым новым поколением» [5, с. 97]. Оценка рассматривается как фактор, форми-

рующий ценностную картину мира, так как ценностные представления присущи каждой культуре. Ценностная картина социума включает определенный набор и иерархию ценностей, которые выражаются в оценке. «Процесс оценки — это способ реализации ценности объекта, осознание субъектом ценностной предметности объекта, реализующееся в виде суждения о той ценностной предметности, которая стала предметом оценки» [1, с. 116]. Оценка основывается на человеческих знаниях, представлениях, а также на системе национально-культурных стереотипов. Таким образом, категория языковой оценки признается основным способом отражения системы ценностей в языке.

Оценочность рассматривается как один из видов модальности, которые сопровождают языковые выражения. Поскольку только в процессе коммуникации возможно вербальное выражение субъективного отношения и оценки, значит субъективная модальность представляет собой коммуникативную категорию. Она выражает субъ-

ективное отношение говорящего к содержанию высказывания.

Рассматривая оценку с точки зрения языка, все ее компоненты можно разделить на обязательные и факультативные. Общую структуру оценки можно представить как модальную рамку, «которая накладывается на высказывание и не совпадает ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим» [2, с. 5].

Всю оценочную модальность можно свести к формуле $A \text{ г } B$, где A представляет субъект оценки, B ее объект, а $г$ оценочное отношение, которое имеет значение «хорошо/плохо». То есть, главными элементами оценки являются ее субъект, объект, сам оценочный элемент (характер оценки), а также основание оценки, т.е. то, с точки зрения чего производится оценка. При этом под субъектом некоторой оценки понимается лицо, приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки.

Необходимость отнесения каждой оценки к субъекту или релятивизация оценки, не должна рассматриваться как довод в пользу идеи относительности оценок. Обычная формулировка релятивизма говорит, что являющееся хорошим для одного может не быть хорошим для другого, и поэтому необходимо указывать, для кого именно нечто хорошо, т.е. релятивизировать оценку, путем указания лица, высказывающего его.

Предметом оценки принято считать те объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются.

Говоря о характере оценки, необходимо отметить, что он отличается двуступенчатым содержанием. На первой ступени все оценки могут быть разделены на две группы. В первую из них входят абсолютные оценки, в формулировках которых используются такие термины, как «хороший», «плохой», «добро», «зло», «безразличное». Во вторую — сравнительные оценки, выражаемые с помощью таких терминов, как «лучше», «хуже», «равноценно».

На второй ступени оценки обоих видов выражают положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту, связанного как с позицией объекта на шкале оценок (зона положительного / отрицательного / безразличного), так и с эмоциями, ощущениями и концептуальным миром субъекта.

Как абсолютные, так и сравнительные оценочные понятия образуют триплеты:

Хорошо — безразлично — плохо

Лучше — равноценно — хуже.

Слово «оценка» употребляется обычно для обозначения установления ценностного отношения между субъектом и объектом.

Ещё одним компонентом оценки является ее основание — категория логико-психологическая, проявляющая себя прежде всего в отношении субъекта к норме и стандарту, к пользе, к этике и морали. Основание оценки является, как правило, базой для ее многочисленных и неясных по сути классификаций. В частности, одна из них

делит оценку на внутренние, основанием которых является некое чувство или ощущение (This music is good, as it is pleasant to my ears.) и внешние, основанием которых служит образец, «идеал», стандарт, норма.

Также можно выделить утилитарный тип оценки, когда рассматриваемому предмету приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность не самому по себе, а как средству достижения или устранения некоторых иных вещей, оцениваемых положительно или отрицательно.

Палитра этих индивидуальных и социальных оценок чрезвычайно широка, она зависит от пресечения различного рода зависимостей: соответствия-несоответствия требованиям субъекта; добрый — злой; возможностей практического использования — негодный; способности вызвать положительные или отрицательные эмоции: славный — неприятный; соответствия-несоответствия желаниям: интересный — неинтересный.

Анализ оценки в лингвистическом плане опирается на понимание субъективного и объективного аспекта значений оценочных слов и высказываний в их соотношении. Среди частооценочных значений выделяются три группы, которые включают семь разрядов.

Первая группа — это сенсорные оценки, они делятся на: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки — то, что нравится: nice, attractive, pleasant и 2) психологические, среди которых различаются а) интеллектуальные оценки: interesting, banal и б) эмоциональные: glad, desirable.

Вторая группа — это сублимированные, или абсолютные, оценки: 1) эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорных и психологических: beautiful, perfect; 2) эстетические оценки, подразумевающие нормы: kind, moral, vicious.

И, наконец, последние три разряда, составляющие третью группу, — это рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека. Они включают: 1) утилитарные: useful, harmful; 2) нормативные: right, normal; 3) телеологические: effective, unsuccessful.

Абсолютные оценки как по количественным, так и по качественным признакам всегда предполагают сравнение. При сравнении и градуировании класс объектов, обладающих определенным признаком, выстраивается по шкале оценок.

Структура оценочной шкалы отражает две основные стороны оценки — субъективную и объективную. Шкала, с одной стороны, учитывает отношение говорящего к объекту оценки (я люблю, я очень люблю, я не люблю, терпеть не могу, ненавижу), а с другой стороны, — свойства объекта, к которому относится оценка. В оценочной шкале есть зона положительного и отрицательного («хорошо/плохо»), между которыми расположена зона нейтрального.

При этом оценочный предикат имеет два основных значения — «хорошо» и «плохо». Особенностью оценки в естественном языке является асимметрия между по-

ложительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо». Несимметрично соотношение основной общеоценочной пары «хорошо/плохо». Так, оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение ее, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нормы. Ассиметрия также отражается в употреблении ориентированных на норму интенсификаторов слишком, чересчур (*too, too much*); отклонение от нормы — это плохо, поэтому при положительной оценке эти слова меняют ее знак на отрицательный, при отрицательной оценке лишь интенсифицируют. Сравните: *He is too conscious* и *He is too unconscious*, и то и другое плохо.

Оценочные слова в зоне плюса и в зоне минуса во многих случаях не представляют антонимических пар. Это относится в первую очередь к общей аффективной оценке, ср: *beautiful, marvelous, perfect* и *terrific, nasty, disgusting*. Эти группы можно противопоставить лишь в целом как принадлежность к разным зонам оценки, но не по отдельным элементам.

Еще один аспект ассиметрии — несоответствие способов выражения хорошего и плохого, в первую очередь в экспрессивных оценках при непосредственной коммуникации: оценки зоны «+» чаще ориентированы на отношение субъекта к событию, а зона «-» предпочитает упоминание на свойство и действия объекта. Поэтому способы выражения отрицательной оценки более разнообразны в собственно семантическом плане; сравните одобрение поступка: *Good boy! Perfect! Great!* и порицания *Scoundrel! What have you done!*

Прагматический аспект оценки также не предполагает симметрии «+/-». Так, косвенные речевые акты ориентированы только на один из знаков оценки: «*You'd better gone away*» и «*You'd worse gone away*».

Для выражения ценностного отношения субъекта к объекту оценки требуются различные языковые средства, «грамматика» которых зависит от семантических признаков — положительной или отрицательной оценки, и от коммуникативно-прагматических аспектов высказывания. Наиболее представительным уровнем, представляющим оценочную семантику, является лексический. Основными средствами номинации внутри него выступают имена прилагательные, среди которых по степени употребительности выделяются хороший/плохой с их синонимичными рядами, а также все прилагательные, выражающие оценочное значение. Классификация оценочных прилагательных может быть построена на принципе различных оснований оценки и соответствующей шкалы с собственной точкой отсчета. Такими основаниями могут быть эстетические — прекрасный/безобразный; утилитарные — годный/негодный; сенсорные — вкусный/невкусный; эмоциональные — приятный/неприятный и др. Перечисленные и подобные качественные прилагательные отличаются высокой степенью абстрактности, поэтому любой объективно присущий предмету признак субъективно может передвигаться по шкале оценок, в зависимости от мнения субъекта.

Прилагательные являются, безусловно, одним из наиболее употребительных и нейтральных средств выражения семантики оценки.

Пространство лексического уровня расширяется за счет пейоративной лексики, являющийся образным средством номинации. «...пейорация — это снижение в довольно широком смысле этого слова...Механизм пейорации включает несколько шкал: стилистическую, общечеловеческую и персонологическую» [6, с. 57]. Каждая пейоративная лексема может и должна выступать в синонимической связи с нейтральной, нормальной лексикой. Говорящий старается выявить все новые стороны, признаки предметов и вещей, действий окружающих его людей, угрожающие удовлетворению его потребностей и интересов, то есть оценивается буквально все, что входит в широкий круг интересов человечества. Каждый негативный признак находит свое отражение в языке. Но сама оценочная сема включается не только в интенционал слова (тупица, лентяй), но и в экспликационал (осел, медведь).

Семантическое свойство языковых выражений выражать негативные неодобрительные коннотации, неодобрительное по характеру значение, направленное на дискредитацию денотата, нахождение ценностного отражения в лингвистическом знаке таких понятий, как войны, болезни, нищета свидетельствуют о коммуникативно-прагматической природе пейоративной лексики. Кроме того, прагматические и коммуникативные функции оценки могут быть выражены фразеологизмами. К примеру среди фразеологических единиц, обозначающих состояние человека, можно выделить единицы, обозначающие физическое состояние человека: болезнь, усталость, голод, холод, опьянение (*Look like a drowned cat, skin and bones, have roses in one's cheeks, be on one's last legs*).

Почти все проявления жизни человека — его рождение и смерть, особенности характера, возраста, внешнего облика, умственной деятельности, профессиональные качества и т.д. — находят отражение во фразеологии любого языка. Опираясь в основном на собственные представления о человеческом разуме, народ тоже создал свои оценки этого явления. И, безусловно, всё это нашло отражение в языке: появилось большое количество лексических и фразеологических единиц, выражающих умственные способности человека. Оценочное значение реализуется только в предикативной функции. Яркость и силы выражения делают значения оборотов несвободными, а их структурно-грамматические свойства преимущественно неизменными, то есть фразеологическое сочетание любого лексико-грамматического разряда превращаются в предикативные единицы любого типа.

Семантика оценки может быть представлена единицами синтаксического уровня — предложением и его речевой реализацией — высказыванием. Система синтаксических моделей, представляющих высказывания с оценочной семантикой, чрезвычайно разнообразна. Как пишет Маркелова Т.В., «в основе этого явления лежит

не только лексико-семантическая специфика оценочного значения, но и взаимоотношение «системы» со «средой» [3, с. 86]. Такое взаимодействие можно наблюдать исходя из контекста, ситуации общения и социальной обусловленности употребления.

Таким образом, на языковом уровне, категория оценки выражается на лексическом (прилагательные, пейора-

тивная лексика и фразеологизмы) и синтаксическом (контекст, ситуация общения и социальная обусловленность употребления) уровнях. Изучение оценочных структур показывает, что оценка затрагивает самые разные стороны языковой системы. Оценочный аспект складывается из значений, которые реализуются на всех уровнях языка — в морфологии, синтаксисе, лексике.

Литература:

1. Богуславский В.М. Проблемы структурной лингвистики. — М., 1982.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985.
3. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. — М., 1994.
4. Современный словарь иностранных слов. — СПб., 1994.
5. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового созидания / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М.: Ин-т языкознания, 1996.
6. Чернявская Е.А. Оценочность в семантике лексических единиц // Лексическая и грамматическая семантика / Материалы Республиканской Конференции. — Белгород, 1998.

О феномене «чувства языка» и проблеме его развития при обучении языку

Овчаренко Зоя Петровна, преподаватель

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический университет»

Решение коммуникативных, познавательных, социокультурных и ряда других задач при обучении как родному, так и иностранному языку, по мнению ряда методистов (М. Р. Львов [4, с. 237], А.В. Текучев [7, с. 52], Л.П. Федоренко [9, с. 11–13] и др.), невозможно без опоры на «чувство языка», без обращения к языковому опыту учащихся. Вместе с тем, в последнее время в условиях вариативности концепций, моделей, содержания языкового образования появляются очень разные подходы к проблеме развития «чувства языка» и путей её решения [6, с. 21]. Сама же обозначенная проблема представляет не только академический, но и практический интерес, поскольку педагогу необходимо иметь представление о сущности «чувства языка», уметь контролировать влияние рассматриваемого понятия на усвоение обучающимися учебного материала, а также способствовать дальнейшему развитию анализируемой категории.

Авторы разнообразных и многочисленных интерпретаций «чувства языка» предполагают, что в его основе лежат: память и аналоговая деятельность (Ф. Кайнц); сигналы согласования-рассогласования порождаемых или воспринимаемых языковых форм со сложившимися конкретными эталонами языковых единиц, структурными схемами и метаязыковыми знаниями (М.М. Гохлернер, Г.В. Ейгер и др.); хорошее структурирование языкового материала в памяти — наличие «гештальтов» (нем. Gestalt — «форма», «образ», «структура») (Г. Пауль); ассоциативные связи различных признаков языковых явлений или совокупности признаков (Д.Н. Богояв-

ленский, Б.И. Додонов, С.Ф. Жуйков, А.М. Орлова, Ф.А. Сохин и др.); неосознанные «обобщенные языковые представления» (Ф. Марек, Л.В. Щерба и др.); динамический стереотип (Л.Л. Гурова, С.Ф. Жуйков); обобщения, имеющие эмоциональный характер и выраженные черты «неосознанного знания» (Л.И. Божович); психологическое содержание самого «чувства» (Б.В. Беляев, Н.В. Имедадзе, Ф. Кайнц, Г. Линдрос, Ф. Малирж, А. Мирамбель, Г.В. Рамишвили и др.); установка, определяющая стратегию отбора ребенком лингвистической информации (Н.В. Имедадзе); аксиологическая деятельность (Б.С. Шварцкопф, Л.В. Щерба); соотношение сознательного и бессознательного (Б.В. Беляев, Н.В. Имедадзе, А.А. Леонтьев, Г. Линдрос, Р. Якобсон и др.) и т.д.

В целом, анализ ряда истолкований «чувства языка» позволил выделить две неоднозначно решаемые проблемы, связанные с характером (природой) «чувства языка» и степенью его осознанности.

Большинство ученых (Б.В. Беляев, Д.Н. Богоявленский, Л.И. Божович, М.М. Гохлернер, Г.В. Ейгер, С.Ф. Жуйков, Ф. Кайнц, Г. Линдрос, Ф. Марек, А.М. Орлова, Я. Рейковский, Л.П. Федоренко, Д. Хебб и др.) объясняют «чувство языка» с интеллектуалистских позиций, как сумму знаний о языке, полученную в результате бессознательного обобщения многочисленных актов речи, функционирующих в виде языковых представлений индивида и регулирующих правильность (нормативность) его речи. Эта система служит основой для оценки языковых фактов в случае необходимости. Другой точки зрения при-

держиваются, например, Н.В. Имедадзе и Л.М. Шелгунова, в понимании которых, «чувство языка» является эмоциональной реакцией на непривычную речь.

Что же касается второй проблемы — уровня осознанности процессов контроля и оценки языковых элементов в речевой деятельности, — то, по мнению А.А. Леонтьева, «чувство языка» относится к уровню бессознательного контроля в рамках четырехчленной классификации уровней осознанности в речи [3]. Этому уровню противопостоят: 1) уровень неосознанности, характерный для фонации; 2) уровень сознательного контроля; 3) уровень актуального осознания средства выражения в письменной речи. Признавая такую трактовку «чувства языка», М.М. Гохлернер и Г.В. Ейгер находят неправомерным полностью относить фонацию к области бессознательного, т.к. в речевой деятельности человек может сознательно управлять фонетическими параметрами речи (модуляциями голоса, тембром, темпом и др.), особенно в публичной речи, держа в поле сознания смысл и звуковую форму высказывания. «Чувство языка», констатируют авторы, как корректирующий механизм действует внутри в рамках языкового сознания, выполняя его оценочную и регулятивную функцию. И в этом смысле «языковое чувство» всегда является сознательным контролем, хотя образуется в основном в результате бессознательного обобщения схем и моделей языковых элементов и их сочетаний.

По нашему мнению, различные подходы к решению проблемы развития «чувства языка» связаны не только с неоднозначным пониманием специалистами сущности, механизмов и функций анализируемой категории, но и со смешением понятий «чувство языка», «языковое чутье» и «языковая интуиция» [4, с. 236]. Как констатирует в своем исследовании А.Н. Кохичко [2, с. 120], если «чутье» (предчувствие, пред-чувствие) — способность к ощущениям, пониманию, обнаружению, угадыванию, оцениванию и т.д., «интуиция» — «непосредственное чутье», «безотчетное неосознанное чувство» «знание, возникающее без осознания путей и условий его получения», то «чувство» — осознанное восприятие реальности, «сознание; мыслительная деятельность, ум, разум». Другими словами, используя классификацию уровней осознанности в речи (А.А. Леонтьев, М.М. Гохлернер, Г.В. Ейгер), «чувству языка» соответствует уровень сознательного контроля, которому предшествуют уровень бессознательного контроля — «речевая интуиция» и уровень неосознанности — «языковое чутье».

Подтверждение данного утверждения о смешении в академическом и практическом аспектах понятий «чувство языка» и «языковое чутье» («языковая интуиция») мы находим и в зарубежной научной мысли. Так, Ф. Кайнц указывает, что термин *Sprachgefühl* (языковое чутье), употребляемый психологами и лингвистами как «чувство языка», неточен и вносит путаницу, ибо обозначаемый им психический феномен нельзя считать чувством в собственном смысле этого слова. «Чувство» в «чувстве языка» скорее подчинено знанию как его генетический продукт [13, с. 325].

По мнению Г. Линдроза [14], в определении понятия «чувство языка» психологическим содержанием «чувство» (нем. *Gefühl* — «чутье») является элементарный психический процесс — «ощущение». Французский (*Sensibilité*) и английский (*Sensibility*) эквиваленты «чувства языка» также подчеркивают подобное содержание «чувства» в анализируемом междисциплинарном термине.

Интересна в аспекте нашего исследования теория врожденности грамматических структур, сформулированная Н. Хомским [10]. В пределах своего языкового общества, утверждает ученый [12, с. 35], дети овладевают практически одинаковой грамматикой, которая в большой степени недетерминирована речевым материалом окружения, следовательно, в онтогенезе языка важнейшую роль играет переформированная, достаточно содержательная структура, обеспечивающая построение эмпирически обоснованных порождающих грамматик. Мозг говорящего человека, в понимании Н. Хомского, должен содержать программу, обладающую способностью производить неограниченное число предложений из ограниченного числа слов. Эта программа, лежащая в основе знания конкретного языка, получила название «универсальной грамматики», содержащей схему, общую для грамматик всех языков. Грамматика ребенка, согласно Н. Хомскому, развивается с большой быстротой, поскольку воспринимаемые от окружающих речевые образцы служат младенцам лишь подсказкой, включающей существующие заготовки. На основе подсказок выделяются и усваиваются синтаксические модели из речи окружающих. Взрослые люди используют эти модели для создания по их образцу новых словесных комбинаций, а также для восприятия фраз и предложений, никогда не встречавшихся им раньше.

Такая позиция, согласно Т.Н. Ушаковой [8], позволяет, с одной стороны, объяснить поразительно быстрое усвоение родного языка маленьким ребенком, с другой — найти путь для понимания гибкости и продуктивности человеческого языка.

В русле концепции врожденности грамматических структур, сформулированной Н. Хомским, выступают исследования М. Брэйна [11], Н. Шлезингера, Д. Макнилла [15], изучавших на материале английского языка характер первых детских слов, употребляемых в сочетании с другими словами. Учеными были установлены два функционально различных класса первых детских слов, одни из которых употреблялись как «якорные» (*pivot*), сочетающиеся по определенным правилам с другими словами, а другие принадлежали к «открытому» классу (*open-class word*) и сочетались иным образом. В первых детских двусловных соединениях якорные слова ставятся на первое место и выполняют функции предиката; слова открытого класса используются в качестве объектов действия. Поскольку в языке окружающих такие конструкции не использовались, исследователями был сделан вывод о том, что наблюдаемые факты — следствие проявления «базисных грамматических отношений», присущих детям от рождения. В качестве базисных предлагалось считать от-

ношения «субъект — предикат», «предикат — объект», «определение — определяемое».

Ж. Пиаже, полемизируя с Н. Хомским, выразил несогласие с наличием врожденных когнитивных структур: «Наследственным, — полагает ученый, — является лишь функционирование интеллекта, которое порождает структуры только через организацию последовательных действий, осуществляемых над объектами» [5, с. 90]. Особый механизм, «такой же всеобщий, как и наследственность», с точки зрения Ж. Пиаже, — саморегуляция, присущая «жизненным и мыслительным процессам» [5, с. 97]. Язык, по мнению психолога, формируется на основе предшествующего интеллектуального развития младенца. Важнейшим моментом на этом пути становится символическая, или семиотическая функция, возникающая обычно на втором году жизни ребенка как продолжение предшествующих шагов сенсомоторного развития. В этом периоде, констатирует Ж. Пиаже, основным феноменом логики действия является ассимиляция, т.е. интеграция новых объектов и ситуаций в предшествующие схемы. Ребенок, научившись раскачивать некоторый висящий предмет, при виде любого другого висящего предмета начинает его толкать и раскачивать. На следующем шаге развития малыш переходит к концептуальной логике, когда ассимиляция начинает происходить между предметами, а не только между предметами и схемами действий. Ребенок, увидев некоторый предмет, воспроизводит в памяти другой предмет, который может репрезентировать первый. В символической функции важную роль

играет имитация, когда с помощью жестов передаются характеристики имитируемого предмета. Так, желая открыть коробку, ребенок открывает и закрывает свой рот. Имитация может быть не только жестовой, но и скрытой, интериоризованной, становящейся ментальным образом, началом репрезентаций. Язык, как частный случай символической, семиотической функции, в логике изложения Ж. Пиаже, представляет собой отсроченную имитацию, происходящую в отсутствие модели [5, с. 133–136].

Сказанное выше позволяет утверждать, что в отличие от неосознанного «языкового чутья» (инстинкта, интуиции), категории речи, осмысленное «чувство языка» связано с языком как системой. В результате восприятия и порождения речи у ребенка на подсознательном уровне формируются аналогии (обобщения), а затем им усваиваются закономерности (системные свойства языка), которыми он пользуется все более свободно. Бессознательное «языковое чутье», «приведенное в сознание грамматикой», становится осознанным «чувством языка», «генетическим продуктом знания». В связи с этим задача обучения состоит не только в том, чтобы помочь ученику осмыслить законы родного (украинского, русского) языка, осознать свою собственную речевую практику, понять, как происходит речевое общение, и, «следовательно, произвольно оперировать своими собственными умениями», но и осознать ценностные смыслы родного языка. Лишь тогда, отмечает Л.С. Выготский [1, с. 269], его «умение переводится из бессознательного автоматического плана в план произвольный, намеренный и сознательный».

Литература:

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования [Текст] / Л.С. Выготский. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. — 520 с.
2. Кохичко А.Н. Теория и практика самоопределения личности младшего школьника в русской национальной культуре [Текст] / А.Н. Кохичко. — Мурманск: МОИПКРОиК, 2012. — 321 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие для студентов вузов по специальности «Психология» [Текст] / А.Н. Леонтьев. — М.: Смысл, 2004. — 345 с.
4. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит». [Текст] / М.Р. Львов. — М.: Просвещение, 1988. — 240 с.
5. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение. Схемы действия и усвоения языка [Текст] / Ж. Пиаже // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. — М.: Радуга, 1983. — С. 90–101.
6. Савельева Л.В. Феномен орфографической интуиции и проблема ее развития у младших школьников [Текст] / Л.В. Савельева // Начальное языковое образование в современном обществе: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2008 г.). — СПб.: САГА, 2008. — С. 20–26.
7. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / А.В. Текучев. — М.: Просвещение, 1970. — 606 с.
8. Ушакова Т.Н. Двойственность природы речезыковой способности человека [Текст] / Т.Н. Ушакова // Психологический журнал. — 2004. — № 2. — С. 5–16.
9. Федоренко Л.П. Принципы и методы обучения русскому языку. Пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / Л.П. Федоренко. — М.: Просвещение, 1964. — 256 с.
10. Хомский Н. Синтаксические структуры (Извлечения) [Текст] / Н. Хомский // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. 2. — М.: Просвещение, 1965. — С. 452–457.
11. Braine M.D. S. The ontogeny of English phrase structure: the first phase [Text] / M.D. S. Braine // Language. V. 39. — 1963. — № 1. — P. 1–13.

12. Chomsky N. On cognitive structures and their development: a reply to Piaget [Text] / N. Chomsky // Language and Learning. The debate between J. Piaget and N. Chomsky / Ed. M. Piatelli-Palmarini. — L.: Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 1980. — P. 35–52.
13. Kainz F. Psychologie der Sprache [Text] / F. Kainz. — Stuttgart-Wien. B. IV. — 1965. — 402 p.
14. Lindroth H. Das Sprachgefühl [Text] / H. Lindroth // Vernachlässigster Begriff Indogermanische Forschungen, 1937. — P. 377–390.
15. McNeill D. The acquisition of language: the study of developmental psycholinguistics [Text] / D. McNeill. — N.Y.: Harper & Row, 1970. — 183 p.

Концепты «life», «old age», «wine» как наиболее частотные и ярко выраженные концепты произведения «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери

Плакида Ольга Александровна, преподаватель

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского (филиал, г. Ярославль)

Концепт — это многомерное образование, он обладает достаточно сложной структурой и существует в сознании носителей языка. В своей работе в качестве рабочего определения, мною было выбрано определение В.А. Масловой, так как считаю, что концепт является сопоставлением словарного значения слова и личного опыта человека. В описании концептов произведения я старалась придерживаться схемы концептуального анализа В.А. Масловой, выделяя ядро и периферию. В данной работе описаны концепты «life», «old age» и «wine» как наиболее частотные и ярко выраженные концепты произведения Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». Для более наглядного описания концептов, мною были предложены схемы. Я считаю, что концептуальный анализ является продуктивным, помогает более глубоко понять исследуемое произведение, представить фрагмент картины мировоззрения автора.

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ.

Выявить содержание того или иного концепта, а также его лингвокультурную специфику можно посредством его концептуального анализа. В настоящее время концептуальный анализ активно используется преимущественно в лексике и фразеологии. В области лингвистического анализа текста он находится в стадии разработки. [1, с. 56].

Описывая концепты, я в своей работе различала ядро и периферию концепта. Под ядром концепта, я, вслед за В.А. Масловой, понимаю словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия же субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [2, с. 59].

В данной работе я старалась придерживаться следующей схемы концептуального анализа. Эта схема, предложенная В.А. Масловой, включает несколько этапов. Для установления смыслового объема концепта нужно сделать следующее:

- определить референтную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт; при исследовании художественного текста эта операция производится на его основе;
- установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации, используя энци-

клопедические и лингвистические словари; при этом словарную дефиницию мы считаем ядром концепта;

- поскольку словарные толкования дают лишь самое общее представление о значении слова, а энциклопедические словари — о понятии, нужно привлечь к анализу самые разнообразные контексты;

- полученные результаты нужно сопоставить с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта) [2, с. 59].

Итак, концепт — многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, которые должны быть учтены при описании концепта.

Говоря о концептуальном пространстве данного произведения, можно выделить концепты «life», «old age», «wine» как наиболее частотные. Данные концепты пронизывают все произведение и неразрывно связаны друг с другом.

Для полного понимания сущности концепта «life» следует обратиться к определениям данной лексической единицы представленным в словарях.

Этимологический словарь под редакцией Вебстера (Webster's International Dictionary) дает нам следующую дефиницию данного слова: «a characteristic state or mode of living; the course of existence of an individual; the actions

and events that occur in living; the experience of living; the course of human events and activities; the condition of living or the state of being alive; the period during which something is functional (as between birth and death); the period between birth and the present time; animation and energy in action or expression; an account of the series of events making up a person's life; the period from the present until death; a living person; living things collectively; a motive for living; the organic phenomenon that distinguishes living organisms from nonliving ones».

Longman Dictionary of Contemporary English под «life» понимает: «the period of time when someone is alive; the way you live your life, and what you do and experience during it; the state of being alive; the experiences, activities, and ways of living that are typical of being in a particular job, situation, society etc; the time in your life when you are doing a particular job, are in a particular situation etc; human existence, considered as a variety of experiences and activities; the period of time during which something happens or exists; the period of time during which something is still good enough to use; the quality of being alive that people, animals, plants etc have and that objects and dead things do not have; living things, such as people, animals, or plants».

Что касается The Free English Dictionary, то по его определению «life» — это: «the property or quality that distinguishes living organisms from dead organisms and inanimate matter, manifested in functions such as metabolism, growth, reproduction, and response to stimuli or adaptation to the environment originating from within the organism; the characteristic state or condition of a living organism; living organisms considered as a group; a living being, especially a person; the physical, mental, and spiritual experiences that constitute existence; the interval of time between birth and death; the interval of time between one's birth and the present; a particular segment of one's life; the period from an occurrence until death; the time for which something exists or functions; a spiritual state regarded as a transcending of corporeal death; an account of a person's life; a biography; human existence, relationships, or activity in general; a manner of living; a specific, characteristic manner of existence; the activities and interests of a particular area or realm; a source of vitality; an animating force; liveliness or vitality; animation; something that actually exists regarded as a subject for an artist; actual environment or reality; nature».

Wikipedia определяет «life» следующим образом: «the course of an individual human's life, especially when viewed as the sum of personal choices contributing to one's personal identity».

Рассмотренные выше определения объединяют в себе такие понятия как «the condition of living or the state of being alive», «the interval of time between birth and death», «a manner of living», «the period of time when someone is alive». Именно эти понятия и будут составлять ядро нашего концепта «life», так как именно словарную дефиницию я, вслед за рядом исследователей, считаю ядром концепта.

Теперь обратимся непосредственно к нашему произведению и попытаемся определить, как концепт «life» репрезентируется в романе Рэя Брэдбери.

Говоря о лексических репрезентантах концепта «life» можно выделить такие единицы как «alive», «living», «to live», «to wake up», «to move», которые можно неоднократно встретить в данном произведении.

В это лето главный герой открывает для себя мир (и самого себя). В первую же поездку в лес его осеняет глубокое ощущение и понимание того, что он живой:

«The world, like a great iris of an even more gigantic eye, which has also just opened and stretched out to encompass everything, stared back at him. And he knew what it was that had leaped upon him to stay and would not run away now. «I'm alive», he thought».

Осознание героем того, что он живой, приводит его в полный восторг:

«I'm really alive!» he thought. «I never knew it before, or if I did I don't remember!» He yelled it loud but silent, a dozen times! Think of it, think of it! Twelve years old and only now! Now discovering this rare timepiece, this clock goldbright and guaranteed to run threescore and ten, left under a tree and found while wrestling».

Из выше приведенных строк, видим, что внезапно нахлынувшее чувство радости и наслаждения переполняет Дуга.

Осознание жизни вызывает у Дугласа стремление поделиться этим со всеми, доказательством этого служат следующие строки:

«Tom!» Then quieter. «Tom...does every one in the world... know he's alive?»

Поняв и приняв факт жизни, мальчик торопится почувствовать жизнь во всех ее проявлениях, испытать все доступные ему ощущения, он боится, что это осознание жизни куда-то исчезнет или он забудет о нем:

«He stood swaying slightly, the forest collected, full-weighted and heavy with syrup, clenched hard in his downslung hands. I want to feel all there is to feel, he thought. Let me feel tired, now, let me feel tired. I mustn't forget, I'm alive, I know I'm alive, I mustn't forget it tonight or tomorrow or the day after that».

Жизнь воспринимается автором (и его героем Дугласом) как фантастический дар, который следует беречь.

Вообще большая часть высказываний, связанных с представлением о жизни, соотнесена с главным героем: он чрезвычайно активен в уяснении сути и предназначения жизни и уделяет большое внимание ее осмыслению. Свои впечатления и наблюдения за окружающей его жизнью, и те выводы, к которым он приходит, порой очень взрослые, философски-значимые, он записывает в дневники, выразительно определив их сущность для себя: «Обычные дела и события», «Открытия и откровения».

Наряду со светлыми, страстными строчками, утверждающими гармонию жизни, полной наслаждений и любви, встречаются и такие, в которых говорится о жизни

печальной и одинокой, такой, которой живет полковник Фрилей:

«Old men only live in wait for people to ask them to talk», «I don't care. I was in a pure fever and I was alive. It doesn't matter if being so alive kills a man; it's better to have the quick fever every time. Now give me that phone».

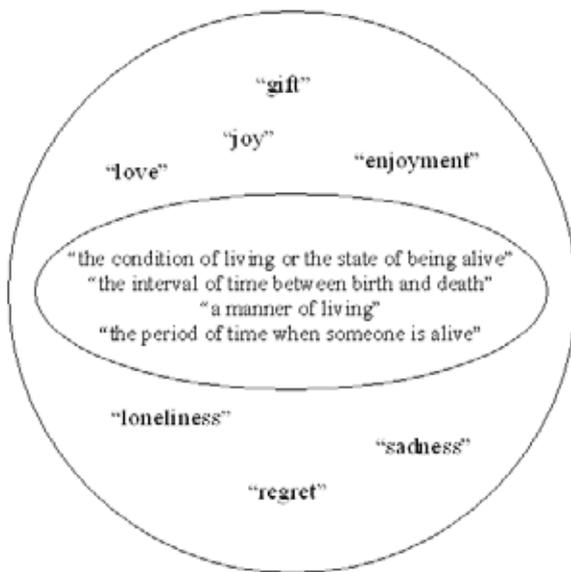
Жизнь миссис Бенгли также полна печали и сожаления:

«That was the huge regret of her life, in a way. The one thing she had most enjoyed touching and listening to and looking at she hadn't saved».

Таким образом, мы видим, что концепт «life» у Рэя Брэдбери включает в себя не только такие понятия как «gift», «joy», «enjoyment», «love», но и «regret», «sadness», «loneliness».

Следующим этапом моего исследования является сопоставление полученных результатов (периферии концепта) и ядра концепта.

Из проведенного анализа, могу заключить, что концепт «life» в произведении Рэя Брэдбери схематически может быть представлен следующим образом:

Рассмотрев концепт «life», я не могу обойти стороной концепт «old age», который в данном произведении играет не менее важную роль, чем концепт «life».

Обратимся к определениям данной лексической единицы, представленным в словарях.

Так, например, этимологический словарь под редакцией Вебстера (Webster's International Dictionary) дает следующее определение: Old age — late time of life.

Wikipedia определяет «old age» следующим образом: old age consists of ages nearing the average lifespan of human beings, and thus the end of the human life cycle.

Другие словари дают определения аналогичные определению словаря Вебстера, поэтому за ядро концепта «old age» я буду принимать следующие словарные дефиниции: «late time of life» и «the end of the human life cycle».

У Рэя Брэдбери этот концепт обыгрывается с двух условных сторон: как себя воспринимают сами старики

(взгляд изнутри) и как их воспринимают окружающие, в частности дети (взгляд снаружи).

Лексическими репрезентантами данного концепта являются следующие единицы: «an act», «a mask», «a play», «old», «cold», «coldness», «acknowledge», «calmly» и др.

Как ни странно, сами старики мудрыми себя не считают, скорее хорошими актерами, надевающими маску мудрости. Этот аспект реализуется преимущественно на вербальном уровне.

Здесь и подбор существительных: act, mask — театральное действие; и глаголов: to seem to know [everything] — делать вид что знаешь что-то; употребление здесь глагола to seem создает эффект неуверенности, миража. Кроме того, ряд риторических вопросов, подчеркивающих откровенность слов:

«How do you like my mask, my act, my certainty? Isn't life a play? Don't I play it well?»

Сюда же можно отнести и хладнокровие, скорее попытку казаться бесчувственным, что реализуется преимущественно на уровне структур:

«I'm old enough and cold enough» — я достаточно стара и хладнокровна — подобное описание себя как бы подчеркивает, что старость в понимании героини — это оппозиция эмоциям, чувствам, страсти, это победа разума над сердцем;

«[the old lady] putting coldness into warmth» — аналогичный предыдущему пример, показывающий, что эта холодность порой бывает и лишней, чересчур напыщенной; создается впечатление, что, оказавшись в теплой дружеской обстановке, эта пожилая леди своей холодностью в поведении разрушает «уютность», если так можно выразиться, теплоту внутри компании.

Использование автором превосходной степени прилагательного усиливает эффект ощущения этой холодности, исходящей от стариков:

«The hottest day won't thaw me» — даже самый жаркий день не в силах растопить меня; кроме того, глагол «таять» обычно ассоциируется с таянием снегов, льдов — чего-то громадного и холодного уже по самой своей природе и холодного от начала до конца, что создает впечатление обреченности, некоторой зависимости этих пожилых людей от всепоглощающей холодности, отсутствия эмоций внутри них самих.

Несколько другой взгляд, а порой и полностью противоположный, представлен как бы «со стороны», то, какими старики выглядят в глазах окружающих, преимущественно детей.

И на первом месте здесь вполне логично фигурирует старость как символ мудрости. А мудрость заключается в гармонии с природой, что реализуется с помощью сравнений:

«Grandfather stood...like a captain surveying the vast unmotioned calms of a season dead ahead» — уже само по себе сравнение с капитаном, осматривающим широкие просторы, говорит о гармонии природы и человека; обратим внимание на выбор существительного для срав-

нения — это капитан, не царь, не какое-то божество, а капитан — человек, постоянно имеющий дело со стихией, с природой, способный выжить только благодаря взаимодействию с природой, а не силе.

Следует обратить внимание на подбор глаголов: question [the wind] — спросить у ветра — обращение к силам природы как к равноправному собеседнику; test [the wind] — узнать направление ветра; не подчинить его себе, не направить его куда нам нужно, а узнать его естественное течение; acknowledge [the salutes of other captains on yet other flowered porches] — кивать в знак приветствия другим капитанам — важный момент — другие капитаны, т.е. осознание себя как одного из многих, имеющих те же права и возможности.

Помимо гармонии с природой это и умение внести гармонию в окружающую нас жизнь:

«She rang porcelain cups like a Swiss bell ringer» — она звенела фарфоровыми чашечками словно швейцарский звонарь — то есть посуда для нее своего рода музыкальный инструмент, на котором она играет музыку своей души.

«She glided through the halls as steadily as a vacuum machine, seeking, finding, and setting to rights» — она скользила по комнатам так же верно как пылесос, ища, находя и наводя порядок — такое обыденное дело как уборка здесь приобретает форму танца — she glided.

«She touched people like pictures, to set their frames straight» — она касалась людей как картин, как бы подправляя их рамочки.

«She made mirrors of every window, to catch the sun» — она натирала стекла до блеска, ловя лучи солнца; опять речь идет о гармонии с природой; создается впечатление, что обыденная жизнь со всеми ее делами не только не отделена от природного мира, но и является неотъемлемой частью его.

В то же время старость ассоциируется с подобием богам: «Grandma...rising from the cellar like a June goddess» — бабушка как богиня лета.

И возвращение к человеческому:

«Ninety years gazed calmly...» — все ее 90 лет глядели спокойно и пристально... — символизирует опыт, все пережитое, людей, с которыми ты встречался, чувства, которые испытывал.

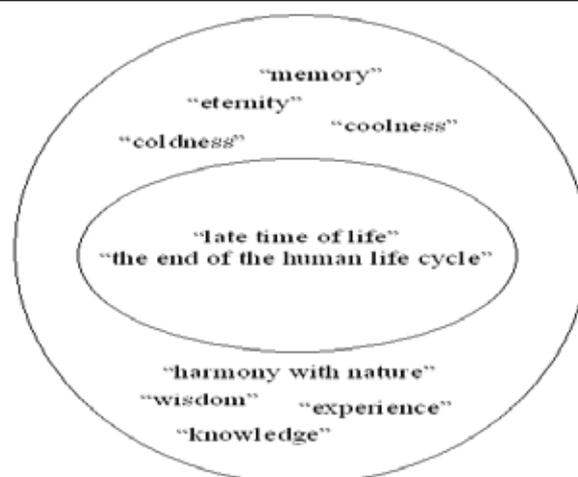
Или сравнение 90 прожитых лет со старым привидением, глядящим на быстро пустеющий дом:

«Ninety years gazed calmly...like a dust-ghost from a high cupola window in a fast-emptying house» — опять возникает ассоциация с вечностью, памятью, опытом.

Таким образом, исходя из анализа представленного концепта, можно сделать вывод о его неоднозначной трактовке автором.

Для Рэя Брэдбери концепт «old age» объединяет в себе такие понятия как «coldness», «coolness», с одной стороны, и «wisdom», «harmony with nature», «knowledge», «experience», «eternity», «memory» с другой.

Схематично концепт «old age» в романе будет выглядеть следующим образом:

Далее в процессе исследования я выделила концепт «wine». Данная лексическая единица представлена в словарях следующими определениями: «Wine — is an alcoholic beverage made from the fermentation of grape juice» (Wikipedia). «Wine — fermented juice, of grapes especially» (Webster's International Dictionary). Другие словари дают аналогичные определения, поэтому за ядро концепта «wine» я приму следующие словарные дефиниции: «an alcoholic beverage», «fermented juice».

Теперь, обращаясь к роману «Вино из одуванчиков», определим, как концепт «wine» репрезентируется в данном произведении.

«Dandelion wine. The words were summer on the tongue. The wine was summer caught and stoppered».

Как видно из приведенных выше строк, вино, для Рэя Брэдбери, — это не напиток, а пойманное и закупоренное в бутылки лето. Подтверждением этого служат и следующие строчки:

«Hold summer in your hand, pour summer in a glass, a tiny glass of course, the smallest tingling sip for children; change the season in your veins by raising glass to lip and tilting summer in».

Ясно, что когда Рэй Брэдбери берет лето в руку, когда наливает лето в бокал, то речь идет о вине. Вино из одуванчиков у автора ассоциируется с летом.

Вино — так же отличное лекарство и бальзам от простуды: «Above, in the vast house, there would be coughings, sneezings, wheezings, and groans, childish fevers, throats raw as butcher's meat, noses like bottled cherries, the stealthy microbe everywhere. Then, rising from the cellar like a June goddess, Grandma would come, something hidden but obvious under her knitted shawl. This, carried to every miserable room upstairs-and-down would be dispensed with aroma and clarity into neat glasses, to be swigged neatly. The medicines of another time, the balm of sun and idle August afternoons». От кашля, чихания и жара простуженных детей спасает «лекарство иных времен, бальзам из солнечных лучей» — вино из одуванчиков.

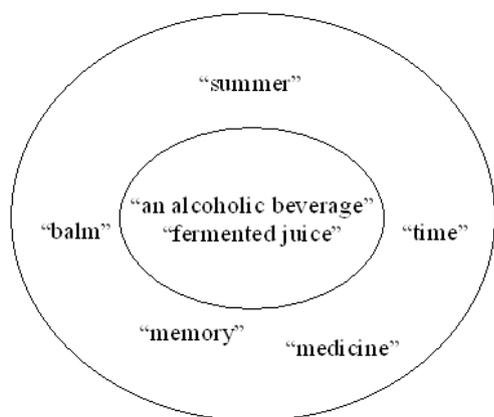
После второго сбора одуванчиков, Дуглас, расставляя пронумерованные бутылки на полки, вспоминает, что происходило в тот или иной день: «Douglas raised the bottle of warm dandelion wine but did not set it on the shelf. He saw

the other numbered bottles waiting there, one like another, in no way different, all bright, all regular, all self-contained. There's the day I found I was alive, he thought, and why isn't it brighter than the others? There's the day John Huff fell off the edge of the world, gone; why isn't it darker than the others?» День, когда Дуглас осознал, что он живой; день, когда уехал Джон Хафф. Пронумерованные бутылки с вином — не что иное, как воспоминания, память.

В то же время: «June dawns, July noons, August evenings over, finished, done, and gone forever with only the sense of it all left here in his head. Now, a whole autumn, a white winter, a cool and greening spring to figure sums and totals of summer past. And if he should forget, the dandelion wine stood in the cellar, numbered huge for each and every day». На каждой бутылке выведено число, и в них — все дни лета, все до единого. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вино из одуванчиков — это время, пусть прошлое, пусть всего лишь три месяца — июнь, июль, август — но это время, сохранившее в себе события каждого дня лета 1928 года.

Проведенный мною анализ, позволяет сделать вывод о том, что для Рэя Брэдбери концепт «wine» включает в себя следующие понятия: «summer», «medicine», «balm», «memory», «time».

Схематично концепт «wine» может быть представлен следующим образом:

Литература:

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — М.: Флинта: Наука, 2004.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2007.
3. The Free English Dictionary, 1994.
4. Longman Dictionary of Contemporary English, 1992.
5. Webster's International Dictionary of the English Language, 1974.
6. Bradbury Ray. Dandelion wine. New York, 1957.

В творчестве любого хорошего писателя есть по несколько десятков излюбленных слов-образов, слов-мотивов, которые повторяясь, обогащаются, меняются, в которые вкладывается собственный смысл, лишь отчасти соответствующий словарному. Это и есть концепты, которые составляют ядро творчества. Описав три наиболее частотных и ярко выраженных концепта произведения «Вино из одуванчиков», можно сделать вывод, что постоянное смещение углов зрения (например, характеристика концепта «old age» с позиции возраста героев), является особенностью стиля Рэя Брэдбери. Благодаря этому в сознании читателя создается многогранный образ концепта, дающий возможность каждому принять ту или иную сторону, или же, на основе этого построить свою собственную модель видения мира.

Проведенное мною исследование позволяет заключить, что для Рэя Брэдбери важно не столько ядро концепта, сколько его периферия. Так, например, «жизнь» писатель видит не только как «период времени между рождением и смертью», но и как «дар», включающий в себя не только «радость», «любовь» и «наслаждение», но и «одиночество», «печаль» и «сожаление». «Старость», для Рэя Брэдбери, — это не просто «последние годы жизни человека», это «опыт», «мудрость», «знание», «память», некая «холодность» в общении с окружающими, «гармония с природой». «Вино из одуванчиков» — не «алкогольный напиток», а «пойманное и закупоренное в бутылки лето», «память», «время», «лекарство всех времен». В этом и кроется своеобразие поэтической картины Рэя Брэдбери.

Семантико-словообразовательные особенности наименований лиц с суффиксом -ист

Романова Елена Николаевна, студент

Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова (Тюменская область)

Наименования лиц, образующие наиболее активно пополняемый пласт лексики, на протяжении нескольких десятилетий вызывают повышенный интерес в отечественной и зарубежной лингвистике.

В данной работе исследуются наименования писателей, представляющих разные литературные направления.

В современном русском языке наименования писателей создаются, как правило, суффиксальным способом, при этом используются разные словообразовательные форманты (-ист, -ик, -ец, -ург).

В центре нашего внимания наименования писателей, созданные по модели ОСНОВА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО + СУФФИКС -ИСТ. Заимствованный суффикс -ист прочно утвердился в русском языке и является чрезвычайно продуктивным словообразовательным формантом при производстве наименований лиц.

В Русской грамматике указывается, что «существительные с суффиксом -ист называют лицо по принадлежности к общественно-политическому, идеологическому, научному направлению, по сфере занятий, склонности, названным мотивирующим словом. Образования этого типа, мотивированные нарицательными существительными, называют лицо по отношению к объекту его занятий или орудию деятельности (карикатурист, журналист, фольклорист); к общественно-политическому, научному, религиозному направлению (коммунист, марксист, экономист [3, т. 1, с. 189].

Важно отметить, что имя существительное писатель, имеющее значение «тот, кто пишет литературные произведения» [5, т. 3, с. 125], является гиперонимом, то есть словом с широким значением, выражающим родовое понятие [9]. Родовому понятию писатель подчинены видовые понятия, или гипонимы [9], которые и рассматриваются в работе.

Целью нашей работы является описание семантико-словообразовательного своеобразия наименований лиц — писателей.

Проведенный нами анализ фактического материала дает возможность распределить наименования писателей на две группы: 1) наименования писателей по принадлежности к литературному направлению; 2) наименование писателей, мотивированные нарицательными существительными, называющими литературный жанр.

В данной работе будут рассмотрены производные имена первой группы — наименования писателей по принадлежности к литературному направлению: сентиментализм — сентименталист; реализм — реалист; акмеизм — акмеист; модернизм — модернист; имажинизм — имажинист; сюрреализм — сюрреалист; футуризм — футурист.

Рассмотрим семантико-словообразовательное своеобразие наименований лиц — представителей литературных направлений — с учетом их первой лексикографической фиксации. Рассмотрим существительные, которые впервые были зафиксированы в толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова.

Акмеист

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1935 г.) существительное акмеист представлено со значением «последователь акмеизма» [8, т. 1, с. 22]. Наименование акмеист создано на основе заимствованного из греческого языка существительного акмеизм, имеющего значение «течение в русской поэзии начала XX века, выражавшее декадентские умонастроения и провозглашавшее в противовес символизму материальность, предметность тематики и художественной образности с позиций «искусства для искусства» [5, т. 1, с. 24]. В толковом словаре русского языка конца XX века существительное зафиксировано с таким же значением «последователь акмеизма» [5, т. 1, с. 23], но без пометы «литературное», сопровождающей слово в словаре Д.Н. Ушакова [8, т. 1, с. 22].

Имажинист

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1935 г.) существительное имажинист представлено со значением «последователь имажинизма» [8, т. 1, с. 1191]. Существительное имажинист создано на базе заимствованного из французского языка существительного имажинизм со значением «одно из течений в русской поэзии первых лет после Великой Октябрьской социалистической революции, отрицавшее идейность творчества и сводившее его к созданию вычурных и не связанных между собой словесных образов» [5, т. 1, с. 143]. В словаре русского языка конца XX века существительное зафиксировано с таким же значением «последователь имажинизма» [5, т. 1, с. 142], но без пометы «литературное», сопровождающей слово в словаре Д.Н. Ушакова [8, т. 1, с. 1191].

Модернист

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1935 г.) существительное модернист представлено со значением «последователь модернизма» [8, т. 1, с. 242]. Наименование модернист создано на базе заимствованного из французского языка существительного модернизм со значением «направление в искусстве и архитектуре конца XIX — начала XX веков, противопоставлявшее себя искусству прошлого» [5, т. 1, с. 286]. В словаре русского языка конца XX века существительное зафиксировано с таким же значением «последователь модернизма» [5, т. 1, с. 285], но без пометы «литературное», сопровождающей слово в словаре Д.Н. Ушакова [8, т. 1, с. 242].

Сентименталист

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1935 г.) существительное сентименталист зафиксировано со значением «писатель, последователь сентиментализма» [8, т. 4, с. 149]. Наименование сентименталист создано на основе заимствованного из французского языка существительного сентиментализм со значением «течение в литературе и искусстве второй половины XVIII — начала XIX века, характеризующееся особым вниманием к душевному миру человека, к природе и вместе с тем идеализацией действительности» [5, т. 4, с. 77]. В словаре русского языка конца XX века существительное зафиксировано со значением «последователь сентиментализма» [5, т. 4, с. 77], но без пометы «литературное», сопровождающей слово в словаре Д.Н. Ушакова [8, т. 4, с. 149].

Рассмотрим существительные, которые впервые были зафиксированы в Словаре иностранных слов (1937 год).

Сюрреалист

В Словаре иностранных слов существительное сюрреалист представлено со значением «последователь сюрреализма» [4, с. 483]. Сюрреализм — авангардистское направление в буржуазной литературе и искусстве XX века, отрицающее роль разума и опыта в искусстве и ищущее источники творчества в сфере подсознательного. Производящее слово сюрреализм является заимствованием из французского языка [5, т. 4, с. 328].

Футурист

В словаре иностранных слов существительное футурист представлено со значением «последователь футуризма» [4, с. 483]. В словаре русского языка конца XX века существительное футурист зафиксировано с таким же значением «последователь футуризма» [5, т. 4, с. 589]. Наименование футурист создано на базе заимствованного из латинского языка существительного футуризм со значением «направление в европейском искусстве 10-х — 20-х годов XX века, отвергавшее культурное и художественное наследие прошлого, проповедовавшее урбанизм, разрушение форм и условностей искусства ради слияния его с ускоренным жизненным процессом 20 века» [5, т. 4, с. 589].

Рассмотрим существительные, которые впервые были зафиксированы в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля.

Реалист

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля существительное реалист представлено со значением «последователь реализма» [1, т. 4, с. 87]. Наименование реалист создано на основе заимствованного из ла-

тинского языка существительного реализм со значением «правдивое, объективное отражение действительности средствами, присущими тому или иному виду художественного творчества, а также направление в искусстве и литературе, основанное на таком отражении действительности» [5, т. 3, с. 689]. В словаре русского языка конца XX века существительное реалист зафиксировано с уточненным значением «последователь реализма в литературе и искусстве» [5, т. 3, с. 689].

При производстве рассмотренных существительных суффикс -ист присоединяется непосредственно к корню, при этом наблюдается отсутствие финалей: акме (изм) — акмеист, имажин (изм) — имажинист, модерн (изм) — модернист, сентиментал (изм) — сентименталист, сюрреал (изм) — сюрреалист, футур (изм) — футурист, реал (изм) — реалист [2, с. 211]. Значение наименований писателей в обобщенном виде может быть представлено так: «последователь направления, названного мотивирующей основой».

Производные наименования — существительные мужского рода со значением лица: акмеист, имажинист, модернист, сентименталист, сюрреалист, футурист, реалист — достаточно активно осваиваются словообразовательной системой современного русского языка: они (исключение — сентименталист) используются в качестве мотивирующих «для существительных с модификационным значением женскости — существительных со значением лица женского пола» [3, т. 1, с. 200]: акмеист — акмеистКа, имажинист — имажинистКа, модернист — модернистКа, футурист — футуристКа, реалист — реалистКа и для прилагательных акмеистСкий, акмеистИЧЕСКИЙ, имажинистСкий, имажинистИЧЕСКИЙ, модернистСкий и модернистИЧЕСКИЙ, сюрреалистИЧЕСКИЙ, футуристСкий, реалистИЧЕСКИЙ [7, т. 1, с. 63].

Таким образом, проанализированный нами материал дает возможность утверждать, что группа имен существительных, называющих писателей, активно пополнялась в русском языке XX века. Об этом свидетельствует время первой лексикографической фиксации.

Словообразовательный формант -ист является продуктивным при производстве наименований писателей и сочетающимся в рассмотренных именах с основами заимствованных имен существительных (из греческого, французского и латинского языков). Это дает нам возможность представить словообразовательную модель в таком уточненном виде: ОСНОВА ЗАИМСТВОВАННОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО + СУФФИКС -ИСТ.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. — М., 1978—1980.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообраз. единиц/ Т.Ф. Ефремова. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005
3. Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М., 1980.
4. Словарь иностранных слов. — М., 1937.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1981—1984.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. — М., Л., 1948—1965.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. — М., 1985.
8. Ушаков Д.Н. и др. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. М., 1935—1940.
9. <http://rusскиyazik.ru/169/> (дата обращения: 09.02.2012).

Особенности поэтики комического в произведениях А.П. Чехова

Сафонова Екатерина Владимировна, студент

Нижевартовский государственный университет (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)

Антон Павлович Чехов — один из величайших русских писателей-классиков.

Свои произведения он начал писать рано, еще в юности. Сотрудничая в юмористических журналах и газетной периодике, Чехов самым фактом этого сотрудничества был поставлен в условия много- и скорописания. Анекдоты, «мелочишки», подписи к рисункам, пародии, шуточные объявления, забавные календари, комическая реклама, юмористические задачки, комические новеллы, сатирические рассказы — работа молодого писателя была чрезвычайно интенсивна и жанрово разнообразна [3, с. 56]. Вначале это были просто зарисовки с натуры, которые постепенно становились все серьезнее, глубже, приобретали общественное значение. Например, рассказ «Смерть чиновника», относящийся к раннему периоду творчества Чехова, — это уже не просто насмешка, это сатира.

Каковы же приёмы юмористического изображения жизни в малой прозе Чехова? Обычно различают комизм характеров, комизм сюжета и в связи с сюжетом — положений, в какие попадают герои произведения, комизм портретов, комизм речи, имён, фамилий, комизм в описании окружающей обстановки.

Чехов пользовался всеми этими компонентами: в его произведениях вызывают смех и сюжет, и характеры героев, и их портреты и речь. Но, необходимо отметить, что комизм Чехова не был гневным смехом, суровым приговором над современной общественной жизнью: скорее это была добродушная, снисходительная усмешка над маленькими, заурядными людьми, которые казались писателю не только смешными, но одновременно слабыми и жалкими.

Чеховский смех был предельно демократичен. Этот демократизм — в его всепроникающем характере (жизнь человеческая — от рождения до смерти — находит в лице Чехова своего обстоятельного исследователя); в его всеохватности (писатель подмечает комические стороны жизни практически всех социальных групп России); в легкости его восприятия.

Демократизм чеховского смеха predetermined и особенность его поэтики. Вводя читателя в мир повседневности, мир обыденных забот «среднего человека», который был в сущности главным героем Чехова, писатель

прибегает к «поэтике бесконечно малых величий» [1, с. 98]. Эта поэтика — и в интересе к мелочам, подробностям жизни; и в пристальном внимании к деталям, характеризующим состояние героя, его действия; и в самом интересе к рядовому, ничем не выдающемуся эпизоду жизни. Все то, что происходит в комических произведениях Чехова, порождено, как правило, не столько исключительными обстоятельствами, сколько естественным ходом событий.

Отношение героя с миром в комических произведениях Чехова сложны и разнообразны. Это разнообразие нашло свое отражение и в поэтике чеховских комических произведений: комическая новелла, сатирический рассказ, ироническая трагикомедия, показывают определенную эволюцию отношений героя с миром.

С эволюцией комического воспроизведения действительности связано и изменение жанровых привязанностей Чехова. Если в первый период творчества (до 1887 г.) писатель тяготеет к комической новелле, то второй период (1887—1898гг.) можно соотнести с развитием сатирического рассказа, а третий (конец 90-х — начало 900-х гг.) — с жанром иронической трагикомедии [3, с. 60]. Понятно, что такое разграничение не носит безусловного характера: сатирические рассказы, например, появляются из-под пера писателя и в первый период его деятельности, элементы иронической трагикомедии очевидны и в пьесе без названия, но в целом для комического творчества Чехова характерна именно такая эволюция. Нетрудно увидеть в этой смене жанров определенную закономерность: движение от комической маски к характеру связано с укрупнением повествования (новелла — рассказ — пьеса). Чехов идет от изображения эпизода к изображению жизни во всей ее многоплановости и разнохарактерности.

Определяя специфику поэтики комического в произведениях Чехова, мы в праве говорить об особой системе чеховского психологического комизма [3, с. 72]. Система эта возникла не сразу, наиболее отчетливо ее черты проявились в 90-е гг. Однако контуры ее просматриваются уже в самом начале творчества писателя.

Отметим особенности этой системы. Во-первых, писатель постепенно отказывается от резких форм заострения, ориентируясь преимущественно на внешнее правдопо-

добия изображаемого. Во-вторых, ощутимо движение Чехова от изображения комической маски к изображению комического характера: происходит постепенное усиление психологического начала в создаваемых писателем образах. В-третьих, чеховское комическое повествование полифонично — комическое, лирическое и трагическое начала оказываются нерасчленимыми. В-четвертых, несложная фабула эпизода в чеховских произведениях вбирает в себя многообразие жизни. В-пятых, в комических произведениях писателя действует особый комический хронотоп [3, с. 75].

Можно выделить по крайней мере четыре признака, характеризующих время и пространство в комических произведениях Чехова независимо от их жанра. Это, во-первых, пространственно-временная ограниченность происходящего (предельная локализация места в комической новелле, сатирическом рассказе, в иронической трагикомедии). Герой не просто замкнут в определенное пространство, он не ощущает потребности в существовании за пределами очерченного круга. Предельная локализация времени и пространства и порождает, в частности емкость детали: отказавшись от развернутого воспроизведения картин, Чехов чрезвычайно уплотнил художественное время.

Во-вторых, для чеховского комического хронотопа характерно движение героя от эпизода к эпизоду (в новелле, как правило, эпизодом все исчерпывается; в рассказах и пьесах мы видим систему эпизодов, в пределах каждого из которых герой ведет себя исчерпывающе).

В-третьих, для комических произведений Чехова существенным и господствующим является хронотопический ряд бытового времени. Этот ряд развернут и детализирован. Персонажи в нем показаны в поступках, в действии, в произносимом слове. Бытовое время — это и время переживаний, и время состояний. В соответствии с канонами комического повествования оно всегда интенсивно: время организует и пространство эпизода, и героя в этом пространстве. Господство бытового времени — это и господство бытового пространства. Чеховские произведения удивительно кинематографичны, если иметь в виду интерьер каждого эпизода. Комические персонажи у Чехова действуют, как правило, в хорошо знакомой им обстановке, где стандартные атрибуты выполняют роль ориентиров. Недаром многие комические новеллы начинаются с описания места действия.

В-четвертых, комический чеховский хронотоп — это и наличие бытийного времени автора. И хотя это время чаще всего намечено лишь пунктирно, мы ощущаем постоянное стремление писателя раздвинуть перед героями границы мира, их окружающего, дать почувствовать безмерность пространства, ощутить необходимую каждому человеку связь времен. Отсутствие у героя желания «прорваться» и питает чеховскую иронию. Бытийное время автора возникает как альтернатива господствующему принципу повседневности: «так заведено», «так положено». Наиболее явственно оно в пьесах и сатирических рас-

сказах, но бытие его ощутимо и в новеллах, где за пределами описываемого эпизода угадывается безмерное пространство жизни [3, с. 83].

В пределах хронотопической комической общности произведений Чехова можно выделить и жанровую специфику каждого из них. Так, в комической новелле господствует хронотопический ряд переживаний героя, в сатирическом рассказе — ряд событий, в иронической трагикомедии — ряд судьбы. Существование этих рядов предопределено главным для Чехова — стремлением писателя соотнести нравственное состояние героя и нравственность мира, в котором он живет и который он творит.

Чехов, автор комических произведений, хорошо понимал, что условия, в которые поставлена человеческая личность, может изменить только сам человек, неустанная работа его души, и прилагал все усилия, чтобы заставить эту душу активно работать. В том числе — и с помощью смеха.

Успех Чехова-драматурга в значительной мере был подготовлен рядом характерных особенностей его художественного метода, которые в своем логическом развитии означали предельное сближение повествовательного творчества с драматургическим.

Строгая объективность, решительный отказ от иллюзорности идеологических концепций и дали возможность Чехову сделать существенный вклад в развитие реалистического искусства [1, с. 480].

В центре произведений Чехова оказывается теперь простой, внезапно прозревший человек, начавший великую переоценку привычных ценностей. Он хочет немногого — всего лишь удовлетворения своих элементарных человеческих стремлений [1, с. 482].

Непримиримый конфликт человека с нравственными, социальными и политическими основами буржуазного строя выростал в конфликт всемирно-исторического значения. [1, с. 484].

Принципиальные идейно-творческие задачи, которые решал Чехов, определяли характерные особенности его художественной системы. Так мы приходим к истокам новаторской художественной структуры чеховской прозы. Отказ от внешне-событийного сюжетного построения, перенесение внимания на духовный мир героя — все это было прямым следствием основного открытия Чехова. Здесь же следует искать глубинные истоки емкой лаконичности чеховского стиля. Ему нужно было показать сущность тех процессов, которые происходили в сознании его современников, а он видел ее именно в ломке устоявшихся представлений. Писатель стремился к тому, чтобы запечатлеть кризисное, переломное состояние героев. Лаконичность, сочетаемая с глубокой внутренней напряженностью и драматизмом повествования, способствовала реализации этой основной задачи Чехова.

Новаторство Чехова-драматурга имеет те же истоки. В основе его тот же конфликт человека с господствующим социальным строем, имея в виду не особые острые ситуации, а враждебность человеку повседневного, обычного

течения жизни. Отсюда такие особенности чеховской драматургии как «внутреннее действие» или «подводное течение», особая структура речи персонажей с ее неизменным подтекстом, — всем тем, что помогает Чехову подниматься от прозы убогого будничного существования к высокой поэзии философских лирических размышлений.

Герои чеховских пьес понимают друг друга даже когда молчат или не слушают своих собеседников, или говорят о жаре в Африке и о том, что Бальзак венчался в Бердичеве.

Этот особый характер театральной речи, когда люди говорят как бы не в унисон и отвечают не столько на реплики собеседников, сколько на внутренний ход собственных мыслей и все-таки понимают друг друга, именуется обычно «подводным течением» [2, с. 94].

Принципы и методы реалистического искусства, сложившиеся в прозе Чехова, параллельно разрабатывались им и в драматургии, к которой Чехов обратился с самых ранних шагов своей литературной деятельности. Его юношеская пьеса без названия — ровесница его первых прозаических опытов, а возможно, и предшествует им. Движение тем, эволюция метода изображения аналогичны (хотя, конечно, и не тождественны) тому, что мы видели в чеховской прозе. От общей картины жизни с ее неразберихой, с ее дрызгами и недоразумениями, с ее явными, бросающимися в глаза, и скрытыми, привычными, хроническими недугами, с тоской и недовольством людей, с их мечтами о будущем, надеждами на счастье — к ощущению того, что сроки приблизились, что будущее рядом, на пороге — таков путь и Чехова-прозаика и Чехова-драматурга [2, с. 71].

Однако важное отличие Чехова-драматурга заключается в том, что он начал с широких социально-психологических тем.

Основное художественное открытие Чехова привело его к существенному обновлению реалистических принципов типизации. Чехову принадлежат типические образы представителей тех или иных сословий и классов, которые не вызывают сомнений в их достоверности.

Разрабатывая этот метод реалистической типизации, Чехов имел возможность опираться на широкий опыт разночинно-демократической литературы 1860–1880-х годов. Особенно успешно, глубоко и своеобразно метод типизации конкретно-исторических социальных и социально-политических явлений был разработан Щедриным, Глебом Успенским и Карониным-Петропавловским. Принципиальное отличие чеховского метода подобной типизации состоит в широте, общечеловеческой значимости типизируемого явления [1, с. 490].

Глубокое знание театра, стремление способствовать его дальнейшему развитию в духе лучших традиций русского сценического реализма, с одной стороны, характерные особенности его художественного метода — с другой стороны, и явились тем творческим достоянием писателя, которое не только обеспечило успех первых серьезных шагов Чехова-драматурга, но и определило общее направление его новаторских исканий. Чеховские драмы

пронизывает атмосфера всеобщего неблагополучия. В них нет счастливых людей. Героям их, как правило, не везет ни в большом, ни в малом: все они в той или иной мере оказываются неудачниками. В «Чайке», например, пять историй неудачной любви, в «Вишневом саде» Эпиходов с его несчастьями — олицетворение общей нескладности жизни, от которой страдают все герои.

На первый взгляд, драматургия Чехова представляет собой какой-то исторический парадокс. И в самом деле, в 1890–1900-е годы, в период наступления нового общественного подъема, когда в обществе назревало предчувствие «здоровой и сильной» бури, Чехов создает пьесы, в которых отсутствуют яркие героические характеры, сильные человеческие страсти, а люди теряют интерес к взаимным столкновениям, к последовательной и бескомпромиссной борьбе. Возникает вопрос: связана ли вообще драматургия Чехова с этим бурным, стремительным временем, в него ли погружены ее исторические корни? [5]

Известный знаток драматургии Чехова М.Н. Строева так отвечает на этот вопрос. «Драма Чехова выражает характерные особенности начинающегося на рубеже веков в России общественного пробуждения. Во-первых, это пробуждение становится массовым и вовлекает в себя самые широкие слои российского общества. Недовольство существующей жизнью охватывает всю интеллигенцию от столиц до провинциальных глубин. Во-вторых, это недовольство проявляется в скрытом и глухом брожении, еще не осознающем ни четких форм. Ни ясных путей борьбы. Тем не менее совершается неуклонное нарастание, сгущение этого недовольства. Оно копится, зреет, хотя до грозы еще далеко. В-третьих, в новую эпоху существенно изменяется само понимание героического: на смену героизму одиночек идет недовольство всех. Освободительные порывы становятся достоянием не только ярких, исключительных личностей, но и каждого здравомыслящего человека. В-четвертых, неудовлетворенность своим существованием эти люди начинают ощущать не только в исключительных случаях, а ежечасно и ежесекундно, в самих буднях жизни». [4, с. 39]

Именно на этих общественных дрожжах, на новой исторической почве и вырастает «новая чеховская драма» со своими особенностями поэтики, нарушающими каноны классической русской и западноевропейской драмы:

Чехов создал новую форму реалистической драмы — предельно приближенной к жизни;

- 1) незавершенность конфликтов;
- 2) перенесение социального конфликта в бытовую психологическую сферу («драмы настроения»);
- 3) новые средства драматической выразительности (среди них и особые комические приемы);
- 4) отказ от многогероя;

5) новаторство на уровне жанра («Чайка» и «Вишневый сад» — это комедии, что не соответствует драматургической системе жанров). Чеховские пьесы, скорее, это трагикомедии.

От веселого смеха над несообразностями жизни в ранний период деятельности, от горестного удивления вопиющими несообразностями и алогизмами жизненного уклада в средний период — к ощущению необходимости и возможности перевернуть жизнь в последние

годы XIX века и в первые годы XX столетия — такова последовательность и логика творческого развития Чехова, отразившие движение русской истории от периода реакции 1880-х годов к эпохе первой русской революции.

Литература:

1. Бердников Г.А. П. Чехов. Идеи и творческие искания. — М., 1984.
2. Бялый Г. Чехов и русский реализм. Очерки. — Ленинград, Советский писатель, 1981.
3. Крайчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова: монография / Л.Е. Крайчик; научн.ред.Б. Т. Удодов, 1986
4. Строева М.Н. Режиссерские изыскания Станиславского. М. 1973 г.
5. <http://www.my-chekhov.ru>

Формы, средства и приёмы создания комического в литературе

Сафонова Екатерина Владимировна, студент

Нижневартовский государственный университет (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра)

В филологической и эстетической литературе нередко наблюдается отождествление и смешение форм и приемов комического. Существуют две отличные друг от друга формы комического: юмор и сатира. Это традиционные формы, и правомерность их разграничения ни у кого не вызывает сомнений. Некоторые исследователи рассматривают иронию в качестве самостоятельной формы комического. В силу своей интеллектуальной обусловленности и критической направленности ирония сближается с сатирой; вместе с тем между ними проводится грань, и ирония рассматривается как переходная форма между сатирой и юмором. Согласно этому положению, объектом иронии является преимущественно невежество, в то время как сатира обладает уничтожающим характером, создает нетерпимость к объекту смеха, общественной несправедливости. Ирония — средство невозмутимой холодной критики.

Основными формами комического Ю.Борев и Л.И. Тимофеев считают сатиру и юмор. Термин «комическое» принят в эстетической литературе в качестве слова, обозначающего общее и широкое понятие; сатира и юмор, как уже отмечалось, считаются формами комизма. Сатира представляет собой высшую и острую форму комического.

Иногда говорят о видах комического — таких, как юмор, сатира, гротеск, ирония, карикатура, пародия и т.д. Подобное выделение видов комического проистекает от смешения форм и приемов комического. Гротеск, карикатура, пародия входят в технику гиперболы и в совокупности составляют прием деформации явлений, характеров. Вот почему их нельзя считать формами комического. Они в одинаковой степени служат и сатире и юмору.

Безусловно, средства и приемы комического появляются не сразу, постепенно с развитием литературы уве-

личивается их число, обогащается содержание. Ю.Борев, говоря о средствах классической сатиры, считает необходимым особо отметить «... саморазоблачение и взаиморазоблачение сатирических персонажей, распространенное сравнение их с животными и овецствление, комедийный контраст, собственно языковые комедийные средства (каламбур, комедийная характеристика, сатирическое иносказание и аллегория)» [2,с.200]. Этот перечень, в основном, сохраняется Ю.Боревым и впоследствии [3, с. 113]. Однако следует отметить, что данный перечень не составляет однопорядкового класса. Здесь явно смешиваются средства и приемы комического, скажем, техника гиперболизации представляет собой один из наиболее активных способов деформации фактов и явлений; или же разоблачение себя и друг друга связано со структурой произведения и его сюжетом [3,140]. Многозначность, омонимия, каламбур, иносказание, комический контраст и т.п. являются языковыми средствами комического. Неправомерно ставить в один ряд как факторы одного порядка насмешку, иносказание, гиперболизацию (и ее виды — гротеск, карикатуру, пародию, фантастику), комическую деталь, комическую интригу, комическую ситуацию, комический характер, контраст, каламбур и т.д. Некоторые из них — иносказание, контраст, каламбур, аллегория и др. рассматриваются как «особые средства». Эта мысль справедлива, однако она не получает дальнейшего развития. Без языкового материала невозможно саморазоблачение и сравнение, воплощение и гиперболизация, создание комических характеров и т.п. Большинство из них связано с употреблением в комическом качестве видов метафоры.

Б. Дземидок в своей работе, посвященной теории комического, хотя и не рассматривает средства комического,

исследованию его форм и способов отводит особое место. Он отмечает пять приемов создания комического: видоизменение и деформация явлений; неожиданные эффекты; несоразмерность в отношениях и между явлениями; мнимое объединение абсолютно разнородных явлений: создание явлений, которые по существу или по видимости отклоняются от логической или прагматической нормы. Эти приемы объясняются на основе фактов мирового искусства. Обобщенные высказывания автора о приемах комизма в несколько уточненном виде могут быть применены к творчеству мастеров комизма различных народов. Еще одним достоинством книги Дземидока является то, что говоря о чисто комических приемах, он исключает средства комического, считая их темой отдельного исследования.

Возможно узкое и широкое понимание термина «средства комического». Все, что способствует созданию комического эффекта, в широком смысле может считаться средствами комического [6]. Средства комического в широком смысле включают разнообразные предметы и их детали. Однако, говоря о средствах комического, мы имеем в виду прежде всего его языковые средства: эпитет, метафора, гиперболы, литота, метонимия, сравнение и др.

Круг средств комического известен: сюда относятся все значимые единицы языка — слова, выражения, словосочетания, предложения и тексты. Безграничны возможности каждой из этих единиц в создании комического. Например, в качестве средства комического мы отметили языковую единицу, обобщенно именуемую «словом». Роль слова в комическом искусстве значительно возрастает. Говоря о роли слова как «средства комического», мы имеем в виду функционально-стилистическую роль общеупотребительных слов, архаизмов и диалектизмов, неологизмов, терминов и терминологических слов, профессионализмов, заимствований и вульгаризмов, жаргонизмов, собственных названий лиц, предметов и пространств, прозвищ, званий и титулов [6]. Известно, что метафоры, метонимия, сравнения, художественные определения (эпитеты) существенно расширяют семантические возможности слова. В сатирическом искусстве широко используются полисемантность слов, омонимия, синонимия, антонимия и комическая игра слов. Произнесение слов с иронической интонацией создает безмерное поле для их семантико-комического варьирования. Комический эффект производит также лингвистическое обыгрывание фигуральных выражений и афоризмов, паремий, фразеологизмов и т.п.

Следует отметить, что в языке прозаических произведений комический характер омонимов, паронимов чаще всего возникает на почве каламбуров, которые оказывают серьезное влияние на комическое выражение мысли в диалоге. Следует также отметить, что каламбуры в языке не ограничиваются использованием лексических омонимов, омоформ, омографов и паронимов; каламбуры обладают широкими возможностями выражения, многообразием форм. И все же в диалогах юмористических и сатириче-

ских произведений, особенно прозаических, эти формы чаще других употребляются для создания комических каламбуров.

Известно, что каламбур — это не просто игра слов. Использование каламбуров в художественном произведении зачастую связано с выдвижением и развитием авторской идеи. У выдающихся художников слова каламбуры встречаются редко, но имеют большое значение. Излишество каламбуров может превратить художественное произведение в поле для бессмысленной игры слов. В.Г. Белинский, говоря о Чацком «...и поэтому его остроумие так колко, сильно и выражается не в каламбурах, а в сарказмах.». [5, с. 71], имел в виду как раз эту особенность. Эта мысль связана еще и с тем, что каламбур не является средством выражения злой, резкой, гневной сатиры; основным средством подобной сатиры может быть сарказм.

Каламбур опирается на значение слова, часто он связан с различным толкованием, неожиданным переосмыслением слова. Иногда слово употребляется в совершенно ином, окказиональном, значении. Сюда же относится шуточный этимологический анализ в соответствии со складом мышления героя.

В языке прозы комизм с употреблением антонимов не ограничивается критикой отрицательных качеств, присущих отдельным индивидам: он служит также для разоблачения общественных противоречий. Антонимы выражают противоположности объективной реальности и в языке прозы. Однако в комических произведениях общий юмористический или сатирический фон придает комический тон и антонимическим противопоставлениям. При этом стороны, составляющие контраст, резко отличаются, что усиливает комическое воздействие. Иногда комическое противопоставление способствует раскрытию тайных намерений героя, служит разоблачению его духовного содержания.

Интересные образцы комических контрастов путем совместного употребления слов, никак не соотносящихся, никак не связанных между собой. Вообще описание в одном ряду совершенно несовместимых, совершенно разных и противоположных предметов и понятий представляет собой одно из основных средств выражения манеры неожиданности. Эти средства издавна использовались в мировой литературе. Например, Г.Гейне писал: «В общем, обитатели Геттингена делятся на студентов, профессоров, филистеров и скотов, каковые четыре сословия, однако, далеко не строго различаются между собой» [6]. Сатирическое отношение здесь выражено в сопоставлении профессоров, студентов и филистеров со скотом.

Приемы также разнообразны по своему характеру. Разумеется, в художественном произведении все приемы комического связаны с языком, так как художественное произведение создается на основе языкового материала. Однако не все приемы комического находятся в одинаково активных отношениях с лексическими и грамматическими средствами языка. Например, ситуативно обусловленные ирония, контраст, комическое преувеличение (гипер-

бола), умаление (литота), манеры недоразумения, неожиданности находятся в меньшей зависимости от составных элементов языка [3, с. 211].

Средство носит конкретный характер, прием — общий. Одно и то же средство может служить элементом нескольких приемов. Например, комический эффект слов может быть использован и в иронии, и в формах деформации и др. приемах. Средство вещественно, конкретно; прием же материально «неуловим», он абстрактен. Средства комического налицо: мы их видим, читаем, производим. Но приемы не выводятся из этих средств: они носят опосредованный характер. Так, например, приемом следует считать эффект недоразумения, когда употребление говорящим слова в одном значении и понимание его слушающим совсем в ином смысле становится причиной комической ситуации. Манера недоразумения, однако, вовсе не сводится к одному лишь комизму разной интерпретации словесного содержания. Или же в качестве приема эффект внезапности, неожиданности, обусловленный конституцией, может быть создан самыми различными языковыми средствами. Средства в высокохудожественном произведении можно уподобить клеткам тканей организма. В таком случае приемы на базе этих клеток раскрывают комический пафос его «жизнедеятельности». Сила комического произведения, значительность юмора и сатиры зависят от выбора средств, их уместного использования, умелого введения их в текст. В тех случаях, когда произведение не отвечает этим требованиям, комическое бывает бледно выражено, сатирический дух — слаб. Это обстоятельство еще раз подтверждает неразрывное единство средств и приемов комического. Без комических средств невозможно формирование комического характера и конфликта. Сюжет комического произведения постепенно нагружается средствами комического, которые по общему ходу сюжета обуславливают развитие комических приемов.

Язык сатирических произведений в материальном отношении не отличается от языка несатирических произведений: языковые средства комического тоже состоят из фонетических, лексических, фразеологических и грамматических средств. Языковые средства комического охватывают все выразительные средства языка, они идентичны со средствами, используемыми в лирических, эпических и драматических произведениях, и по материальной оболочке не отличаются от них. Фонетические, лексические, фразеологические и грамматические средства языка являются материалом для любого произведения. Эти средства используются всеми писателями. Однако основной задачей мастера комизма является использование языковых средств в комическом плане; мастер сатиры, создатель юмора должен уметь придавать используемым средствам сатирическую или юмористическую окраску, выбирать те единицы, которые в самом языке имеют комическое качество, окрашивать свое произведение комической интонацией и комическими речевыми средствами.

Таким образом, средства комического определяются двумя существенными чертами: интонацией и комическим качеством, формируемым в самом языке [6]. Интонация способна любым словам, группам слов, выражениям и предложениям, отличающимся особенностями значения и структуры, придавать ироническое, сатирическое звучание. В зависимости от интонации в ироническом, насмешливом, издевательском смысле могут употребляться обычные общеупотребительные слова, заимствования, имена и прозвища, слова с религиозным содержанием. Это обстоятельство свидетельствует о том, что язык сатиры не нуждается в особом материале, в специфических языковых средствах. Поэтому между фонетическими, лексическими, фразеологическими средствами, используемыми в комических произведениях, с одной стороны, и в произведениях лирических, эпических и драматических — с другой, нет различий в формальном плане. Однако это не распространяется на все приемы комического. Комическая окраска языковых средств, достигаемая интонацией, используется главным образом при иносказании, в комических контрастах и эзоповской манере. В других приемах комического интонация не играет подобной ведущей роли. Придание словам, выражениям, грамматическим средствам посредством интонации иронического, насмешливого звучания — один из основных методов сатирического описания [6]. Наряду с этим в языке функционирует немало слов, выражений, сравнений и уподоблений, пословиц и поговорок, афоризмов, которые независимо от интонации в силу своих семантических особенностей вызывают улыбку, смех. Интонация в зависимости от ситуации, обстоятельств и условий может придавать языковым единицам ироничность, шутливость, в то время как упомянутые языковые единицы обладают комическим свойством сами по себе — без того или иного интонационного вмешательства.

К проклятиям и ругательствам имеет отношение особенность, характерная для всех языковых единиц и всех жанров: не только проклятия и ругательства, но и слова, выражающие одобрение, похвалу, служат как лирическим, эпическим и драматическим произведениям, так и искусству комического. Как уже отмечалось, их участие в сатире и юморе связано с двумя факторами: с одной стороны, слова, выражающие проклятия, ругательства, похвалу и одобрение, могут произноситься с иронической интонацией и приобретать насмешливый оттенок, в силу чего выступают в качестве средств комического; с другой стороны, определенная часть этих слов и выражений уже в самом языке формируется в комическом качестве, имеет комическую природу. Подобные слова «используются в художественных произведениях в качестве готовых средств сатиры и юмора» [6]. Текстуальные условия, связь с другими словами и выражениями также играют не последнюю роль в приобретении ими сатирической окраски.

Похвала и одобрение в сочетании с другими словами и при наличии иронической интонации могут приобретать

прямо противоположное значение и превращаться в средство сатиры.

Вульгарные слова и выражения составляют особый и значительный разряд слов общенародного языка. Слова, выражающие вульгарные и грубые значения, обладают в языке древнейшей историей, на протяжении долгого времени они существуют в ограниченной бытовой среде и передаются из поколения в поколение. Вульгаризмы обладают ярко выраженным национальным колоритом, поэтому они, как правило, состоят из исконно присущих языку слов (в редких случаях они заимствуются из других языков) [6]. Определенная часть вульгаризмов (так называемые ругательства) выражают в быту резкие и неприемлимые отношения между различными индивидами. Нередко они имеют шуточный и добродушный оттенок.

Вульгаризмы проникают и в художественные произведения. И это естественно. Писатели обращаются к вульгаризмам для всестороннего изображения характера образа, его позиции в общественной жизни и в быту, для естественного и реального отображения его отношений с окружающими, реакции на различные явления. Писатели различаются по культуре использования вульгарных слов и выражений, по отношению к вульгаризмам в языке художественных произведений. Одни отводят широкое место вульгаризмам, в то время как другие придерживаются принципа ограниченного использования подобных слов и выражений.

В языке сатиры вульгаризмы используются, в основном, в качестве средств комического. Но это не относится в равной степени ко всем вульгаризмам, встречающимся в сатирических произведениях. Целый ряд бранных выражений, ругательств в языке сатиры, не обладая комическими оттенками, связан с общим развитием сюжета и образов. Эти слова выражают необходимые понятия. Однако в большинстве случаев мастера комического используют вульгаризмы в художественном произведении в качестве средств комического, особое внимание уделяют их возможностям в создании комического эффекта.

Известно, что бранные и нецензурные выражения нельзя использовать в художественном произведении по любому поводу. Писатель должен отличаться чувством меры и умением работать с этим материалом. Нельзя засорять язык художественного произведения вульгаризмами, вызывать отвращение читателя, портить вкус подрастающего поколения. Этот вопрос не был теоретически разработан, однако на практике наши мастера всегда придерживались подобных воззрений.

В языке сатирической прозы вульгаризмы являются главным образом составным элементом речи персонажей. Иногда бранные и грубые выражения встречаются и в авторской речи. В авторской речи вульгаризмы связаны, как правило, с отрицательным, сатирическим отношением к образу.

«Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеристи-

ческих функциях и т.п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [4, с.83]. Действительно, не так прост подбор имен и прозвищ в художественных произведениях. Выдающиеся мастера слова затрачивают немало усилий при подборе имен для своих героев. Гоголь не сразу находит фамилию героя повести «Шинель», сначала он хотел назвать его Башмаков, затем Башмакевич, и, наконец, Башмачкин [9, с. 408]. Над именами своих героев задумывались А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и многие другие.

Но не менее сложно всестороннее исследование данного вопроса, еще более остро стоящего перед авторами сатирических произведений. Характерные для художественных произведений так называемые «говорящие» имена чаще фигурируют в комических произведениях, где имя или фамилия с самого начала характеризуют героя. Выдающиеся мастера комического искусства умеют подбирать такие имена, которые как в художественном, так и в народном языке превращаются в символ. Безусловно, большую роль при этом играет характер образа, его внешние и внутренние черты, образующие в совокупности определенный тип и способствующие превращению удачно подобранного имени в символ. Поэтому иногда для изображения той или иной особенности характера человека достаточно сравнить его с каким-либо известным персонажем, и подобное сравнение часто лучше всяких описаний передает сущность характера. В.Г. Белинский по этому поводу писал: «Не говорите: вот человек, который глубоко понимает значение человека и цель жизни, который стремится делать добро, но, лишенный энергии души, не может сделать ни одного доброго дела и страдает от сознания своего бессилия, — скажите: вот Гамлет!.. Не говорите: вот человек, который подличает из выгод, подличает бескорыстно, по одному влечению души, — скажите: вот Молчалин!...о, не тратьте так много фраз, так много слов, — скажите просто: вот Иван Иванович Перерепенко, или: вот Иван Никифорович Довгочун! И поверьте, вас скорее поймут все. В самом деле, Онегин, Ленский, Татьяна, Зарецкий, Репетилов: разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И, боже мой! Как много смысла заключает в себе каждое из них!..» [1, с. 157]

Выдуманные имена, прозвища, названия титулов в качестве средств сатирической типизации оказывают неоценимую помощь писателям, которые используют их как самые значительные средства типизации. Мастера сатиры, стремясь заклеймить отрицательные образы, подбирают такие имена, которые с самого начала изобличают низменную сущность, низкий общественный «рейтинг» этих персонажей. Все это играет значительную роль в создании обобщенного образа сатирического типа.

Собственные имена и прозвища занимают важное место в лексическом составе языка. Ономастические имена, вводимые в структуру художественного произведения, в качестве важнейших элементов средств выразительности органически связаны с содержанием про-

изведения: «Под стилем художественного произведения условимся понимать систему языковых средств, целенаправленно используемых писателем в литературном произведении, являющемся искусством слова. В этой системе все содержательно, все элементы стилистически функциональны. Они взаимообусловлены и органически связаны с содержанием. Эта система зависит от литературного направления, жанра, темы произведения, структуры образов, творческого своеобразия художника. В этой системе все элементы подчинены одной цели — наиболее удачному выражению художественного содержания произведения» [8, с.88–89].

Таким образом, в художественном произведении собственные имена выполняют не только номинативно-опознавательную функцию: будучи связаны с тематикой произведения, жанром, общей композицией и характером образов, они несут определенную стилистическую на-

грузку, имеют стилистическую окраску. Имена и прозвища в рассказах писателя играют значительную роль в качестве источника комического воздействия, они заставляют читателя с улыбкой следить за развитием событий.

В заключение данной статьи хотелось бы отметить, что, несмотря на частое смешение форм, приемов и средств комического, все же различают две основные формы комического: юмор и сатира. Среди приемов создания комического содержания выделяют: ситуативно обусловленную иронию, контраст, комическое преувеличение (гипербола), умаление (литота), манеру недоразумения, неожиданности. А среди средств создания комического выявляют эпитеты, метафоры, сравнения, уподобления, оксюморон, синонимию, антонимию, проклятия, ругательства, одобрения, похвалу, вульгаризмы, профессионализмы, «говорящие» имена и фамилии, названия титулов и др.

Литература:

1. Билинкий Я.С. Русская классика и изучение литературы в школе: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1986.
2. Боров Ю. Комическое. — М., Искусство, 1970.
3. Боров Ю. О комическом. — М., Искусство, 1957.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963.
5. Качурин М.Г., Мотольская Д.К. Русская литература. Учебник для 9 кл. средней школы. М., 1988.
6. Кязимов Г. Теория комического. Проблемы языковых средств и приемов. // www.uludil.gen.az
7. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии.
8. Морозова М.Н. Имена собственные в баснях И.А. Крылова. — В кн.: «Поэтика и стилистика русской литературы». — Л., Наука, 1971.
9. Никонов В.А. Имена персонажей. — В кн.: «Поэтика и стилистика русской литературы». — Л., Наука, 1971.

Перевод научно-технических текстов на родной язык как одна из важных составляющих при подготовке специалистов

Тер-Саркисян Луиза Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Ереванский государственный университет (Армения)

Владение другими языками, в частности, русским языком имеет большое значение для научных работников и специалистов в особенности. Специалист получает знания профессионального русского языка только при обучении в высшей школе, в первую очередь направленном на всестороннюю подготовку, соответствующую требованиям времени.

Как отмечает Б.М. Есаджанян, «учебный процесс в вузе должен быть процессом формирования творческой личности в избранном направлении. А сформировать творческую личность можно только путем вовлечения студентов в целенаправленную деятельность». [2, 3]

Весь учебный процесс по обучению русскому языку как языку специальности направлен на подготовку студента к профессиональной деятельности, т.е. студент по завер-

шении курса имеет общую языковую подготовку (прошел курс нормативной грамматики русского языка, знаком со специальной лексикой и стилями речи — литературным, научным и т.д.), умеет переводить русскую учебную литературу или научный текст на армянский, использовать полученные данные в учебном процессе, в рефератах, сообщениях, докладах, представляемых на армянском языке, и, далее, использовать их в практической деятельности и т.д. Кроме того, он умеет писать рефераты и доклады на русском языке и владеет необходимыми навыками общения на профессиональном уровне (принимает участие в научных дискуссиях и обсуждениях).

Одна из множества задач обучения — привитие студенту навыков и умения ориентироваться в огромном потоке учебной и научной литературы, находить и выделять

из литературы необходимые сведения и данные, уметь применять эти сведения в учебе и в дальнейшей практической и научной деятельности — в учебном процессе задача первоочередная.

Обучение студентов умению грамотно и четко изложить полученную из первоисточника информацию на армянском языке приобретает все большее значение, становится как никогда актуальным, поскольку, как известно, современному специалисту приходится не только просматривать техническую и другую литературу с целью понимания ее и извлечения информации, но и обрабатывать ее, то есть, практически, заниматься переводом ее на родной язык.

Как отмечает Рецкер Я.И. «Перевод на родной язык при изучении иностранного является одновременно и целью, и средством. Умение переводить — устно и письменно — иностранный текст и иностранную речь составляет одну из задач обучения даже в том случае, когда оно не имеет своей целью профессиональную подготовку переводчиков. Вместе с тем перевод служит самым надежным средством проверки понимания иностранного языка, его тончайших смысловых и стилистических оттенков. Занимаясь практикой перевода с английского языка на русский, обучающийся повышает свою языковую культуру и совершенствуется в использовании средств родного языка.» [4, 3]

В наши дни, учитывая бурное развитие информационных технологий и неуклонный рост объема информации, правильный и точный перевод незнакомых научных и информационных текстов на родной язык становится все более востребованным и необходимым. Конечно, обучение иностранному языку специалистов естественных наук не ставит своей целью привитие студентам переводческих навыков и умений. Однако приведение студентов к пониманию принципов перевода и усвоения особенностей и тонкостей перевода именно научного текста способствует дальнейшему приобретению знаний и их использованию в учебном процессе и в профессиональной деятельности.

Используемый в процессе обучения способ проверки знания текста — выборочный вольный перевод научного текста на русском языке дает только проверку общего понимания текста. Здесь мы сталкиваемся с опасностью недопонимания отдельных явлений и терминов, обусловленного незнанием определенных грамматических и лексических явлений исходного языка и их соответствиями в переводном языке.

В связи с этим, если вспомнить историю развития перевода, мы выделим две тенденции, два типа передачи иноязычного текста — это:

1) буквальный перевод, основанный на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала — в ущерб смыслу целого и в ущерб языку, на который текст переводится, и

2) вольный перевод, основанный на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и соблюсти требования своего языка.

Оба эти типа не соответствуют определению перевода как полноценного произведения, передающего смысловое содержание подлинника и функционально и стилистически соответствующего ему — в случае перевода научно-технических текстов, в особенности, поскольку использование неправильно переведенных абстрактов или отрывков текста в научном споре, дискуссии, обсуждении и т.д. может привести к нежелательным явлениям и недоразумениям.

Итак, с одной стороны, буквализм всегда нарушает либо смысл подлинника, либо правильность языка, на который делается перевод. С другой, при вольном переводе налицо опасность неверного истолкования текста (связанная с незнанием терминов и их многозначности), неправильной передачи стиля исходного текста, что в итоге приводит к нарушению языковых норм, затрудняет понимание, а зачастую ведет и к искажению смысла оригинала.

Мы считаем, что следует ознакомить студентов со спецификой перевода научного текста в рамках существующей программы, ибо «одна практическая работа, без знания ведущих принципов перевода и теоретических обобщений, малоэффективна». [4, 3] Для студентов понятие перевода чаще всего сводится к пониманию и, далее, к реферированию, пересказу или краткому изложению содержания оригинала на языке перевода, тогда как перевод — это осмысленное восприятие иноязычного текста (понимание) и адекватное переложение его содержания. Конечно, понимание начинает переводческий процесс, оно показывает уровень владения языком, в ряде случаев достаточно лишь знания определенной лексики и грамматических структур. Любой текст вначале осмысливается, и лишь после этого излагается на другом языке. Однако перевод по определению является также процессом трансформации содержания речевого фрагмента (предложения, абзаца, текста) с одного языка на другой, передачи специфики текста, не только содержательной стороны, к чему почти всегда склоняются студенты, но и формальной стороны оригинала (стилистические особенности оригинала и перевода, необходимость соблюдения языковых норм).

Именно грамотное изложение осмысленного текста представляет собой для студентов главную трудность при переводе, что связано с несоответствием форм выражения в исходном языке и языке перевода, которое при отсутствии переводческого опыта порождает другую крайность — буквализм, выражающийся в машинальном переносе формальной структуры высказывания с языка оригинала на язык перевода (в связи с чрезмерной привязанностью к тексту оригинала, неумением определить его логическую структуру, темо-рематические отношения в структуре предложения и т.д.).

Приведем пример. Казалось бы, что может быть проще армянских двусоставных предложений с глаголом *ւնեալ* (иметь), выражающих принадлежность. Как принято считать, в русском языке этим армянским двусоставным предложениям соответствуют односоставные:

Yes ehbayr unem [Я имею брата — подстр. пер.] **У меня есть брат.** Na shat grker uni: [Он имеет много книг — подстр. пер.] **У него много книг.**

Yes azat jamanak chunem [Я не имею свободного времени — подстр. пер.] **У меня нет свободного времени.**

Однако эти соответствия, как оказывается, не имеют абсолютного характера. Если взять другой ряд примеров с глаголом unpel, то окажется, что и в русском языке необходимо использовать двусоставную конструкцию и дать дословный перевод:

Na chizahutyun unecay hostovanelu [Он имел мужество сознаться — подстр. пер.] **Он имел мужество сознаться.**

Rativ unem haytnel zez... [Честь имею уведомить вас... подстр. пер.] **Честь имею уведомить вас ...**

Сопоставив оба ряда примеров, мы можем придти к выводу, что если дополнение выражено существительным, обозначающим конкретное понятие или живое существо, то в переводе употребляется односоставная конструкция «**у меня есть**». Если же дополнение выражено существительным, обозначающим абстрактное понятие, то употребляется двусоставная конструкция: «**я имею**». Конечно, примеры второго ряда не равноценны. Односоставная конструкция при переводе первого примера шла бы вразрез со стилистической нормой русского языка: **у него было мужество сознаться**, но вполне возможен вариант: **у него хватило мужества сознаться**. Однако применение односоставной конструкции в другом случае: **у меня есть честь уведомить вас** — было бы вопиющим нарушением нормы сочетаемости слов в русском языке. И в то же время, если мы возьмем равноценный с грамматической точки зрения пример, но с иной лексикой:

Yes vorosh himker unem hamarelu [Я имею некоторые основания полагать — подстр. пер.], то окажется, что здесь вполне приемлемы оба способа перевода: **Я имею некоторые основания полагать** и **У меня есть некоторые основания полагать**. Здесь одинаково возможно и односоставное и двусоставное предложение в русском языке.

Следовательно, суть дела не в грамматическом оформлении, а в лексическом наполнении грамматических форм, что переходит в конечном счете в концепцию перевода текста научного характера.

Как пишет А.В. Федоров, в научном тексте стилистические приемы «прямо противоположны тому, что наблюдается в живой обиходной речи и в художественной прозе» [6, 225]. И, далее:.. «в техническом тексте или в стиле юридического или делового документа (сравним, например, «данное учреждение имеет филиалы во многих городах») или в научном тексте глагол «иметь» является не только уместным, но и наиболее подходящим стилистически. В подобных случаях отказ от русского глагола «иметь» (независимо от того, служит ли он переводом словарно-соответствующих глаголов или передает другие слова вроде немецкого «erhalten») и выбор обиходного

оборота нарушил бы норму делового или научного стиля. [6, 225]

Таким образом, выработка сознательного отношения к процессу перевода, т.е. «сопоставление ... средств двух сравниваемых языков и анализ приемов перевода, составляющие сущность лингвистической теории перевода, способствуют приобретению и закреплению навыков перевода. В то же время аналитический подход к самому процессу перевода помогает глубже проникнуть в специфические особенности другого языка. Таким образом, и теория, и практика взаимодействуют для достижения упомянутой выше цели обучения. « [6, 175]

Как видим, выдвигается уже необходимость обращения к сопоставительной грамматике русского и армянского языков, которая дает варианты и основания для выбора наиболее подходящей грамматической формы и синтаксической конструкции для правильной и точной передачи соответствующей формы и конструкции. Естественно, что в процессе перевода знание грамматики имеет решающее значение. Незнакомые слова можно найти в словаре. Но незнание специфики русских конструкций, как правило, мешает правильному пониманию смысла предложения. Причем особое внимание следует уделять именно вскрытию тех особенностей русской грамматики, которые представляют собой типичные случаи расхождений с армянским языком и которые в силу их специфики представляют трудность для студентов.

К примеру, существительное в русском языке, как и в армянском, объединяет слова с основным грамматическим значением предметности, имеет категорию числа, падежа, обладает способностью присоединять глаголы и прилагательные.

Но, в отличие от армянского существительного, русское существительное имеет категорию рода — наиболее характерный морфологический признак этой части речи, в то время как в армянском языке грамматической категории рода нет. Изучающие русский язык не сразу привыкают к этой особенности, и, не умея правильно определить род существительных, совершают ошибки в построении предложений, что приводит к типичным ошибкам в согласовании прилагательного с определяемым им существительным.

При изучении имени прилагательного учащимся следует также усваивать определенный ряд грамматических форм этой части речи (падежные, родовые окончания), вместе с тем уметь безошибочно устанавливать род существительного, с которым согласуется данное прилагательное, тогда как в армянском языке все эти части речи лишь примыкают к существительным (красный карандаш — красная краска — красное яблоко — karmir matit, karmir nerik, karmir hndzor).

Эта весьма важная особенность русского языка представляет конкретную трудность для учащихся-армян.

Или же, в отличие от армянского существительного, для образования множественного числа русского существительного имеется гораздо больше флексий. Кроме того,

говоря о категории числа, нельзя не упомянуть о существительных, не имеющих парных форм числа. Например, русскому слову **ворота**, употребляющемуся только в форме множественного числа, соответствует армянское, употребляемое как в форме единственного числа *dağras*, так и во множественном числе — *dağrasneg*. Или же существительному **часы** в армянском языке соответствуют *jamacu* (ед.ч.) — *jamacuսneg* (мн.ч.)

Примеров имен существительных, имеющих в русском языке только форму множественного числа, тогда как в армянском языке соответствующие им существительные имеют парные формы числа, можно привести достаточно много.

Примеров несоответствия грамматических категорий в армянском и русском языках можно привести достаточно много — это и падежные окончания существительных, и формы множественного числа притяжательных местоимений и согласование притяжательных местоимений с определяемыми ими существительными (моя книга — мои книги; *im girky* — *im grkeyu*) и т.д., и т.п.

Далее, известно, что одной из наиболее важных проблем перевода научной литературы является проблема

выбора терминов из целого ряда вариантов. Как отмечает А.В. Федоров, «одной из важных задач перевода терминов в научном тексте является правильный выбор варианта в тех случаях, когда для иноязычного термина существуют соответствия в виде:

- 1) слова родного языка и
- 2) слова заимствованного.» [6, 219]

И, далее: «при классификации следует различать: заимствования оправданные и полезные; заимствования, допустимые в условиях определенного контекста в силу их большей краткости; заимствования ненужные, затрудняющие понимание смысла, поскольку имеются термины родного языка, означающие то же понятие и отличающиеся той же степенью краткости.» [6, 219–220].

Все эти оттенки и тонкости в правильной передаче смысла слова и термина требуют неоднократной корректировки и регулировки во время занятий по русскому языку.

В заключение отметим, что обращение в процессе занятий к тренировочным упражнениям по переводу с русского языка на армянский во многом будет способствовать подготовке полноценного специалиста.

Литература:

1. Есаджанян Б.М. Научные основы методической подготовки преподавателя русского языка как неродного. М., Русский язык, 1984
2. Рецкер Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. Вып.1, М. — 1981
3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. Москва, «Высшая школа», 1983
4. L.G. Alexander. New concept English. Practice and Progress. An integrated course for pre-intermediate students. 1967.

Смысловая адекватность метафоры в переводах комедии Шекспира «Укрощение строптивой» на русский и узбекский языки

Турдикулова Барно Тоиркуловна, преподаватель
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Согласно «энциклопедическому» определению комедия (лат. *Comodia*, греч. *komodia*, от *komos* — веселая процессия и *ode* — песня) — «вид драмы, в которой характеры, ситуации и действия представлены в смешных формах или проникнуты комическим», то именно «карнавальный смех», а не сатирический, выражает суть жанра, проявленную в первую очередь в образной системе безобразного. Но помимо смеха веселого, иронизирующего, определяемого Н.Гоголем как «незримое честное лицо», в жанре выделяется еще и «благородный комизм», символизирующий положительное начало (например, Фальстаф у Шекспира). Эти два начала составляли искусство комедии, которое по мнению Фесенко Э.С., высшего воплощения «достигло в творчестве У.Шекспира» («Две

надцатая ночь», «Укрощение строптивой» и др.). Уродство в его комедиях было смешным, в них царил веселье и были цельные характеры сильных людей, умеющих любить [1].

Поскольку комедия принадлежит драматическому литературному роду, то для нее характерна театральность речи и некоторая условность образов. Сценичность комедии проявляется в синтезе этих двух начал, реализованном в главной функции языка драмы — быть «речевым языком персонажей». При этом текстовая метафоризация пронизывает все уровни жанра — содержательный, стилиевой, образный. «Метафоричность языка — одно из проявлений уникального по своему разнообразию и богатству стиля шекспировских произведений», — писала

В.П. Комарова о стиле драматургии Шекспира. Метафорическое пространство шекспировских комедий более многогранное и глубинное, поскольку... он наделяет своих персонажей сложным и динамичным внутренним миром».

Через все комедии Шекспира проходит лейтмотив «маски». Большинство героев играют свою роль и плюс какую-то другую. Люченцио превращается в учителя Камбио, Гортензио в учителя Лично («Укрощение строптивой»), Джулия в пажа Себастьяна («Два веронца»), Розалина в Ганимеда («Как вам это понравится»), Виола в Цезарио («Двенадцатая ночь»), Порция в доктора права («Венецианская ночь»). Причем большинство героев — женщины. Персонажи не меняют своего характера, а маскарад становится лишь средством достижения цели. Маска открывает новые черты характера героя. Маскарад заканчивается, когда герои уже добились мечты.

Маска выполняет в комедиях Шекспира функцию метаморфозы, определяющей «истинность» и «ложность» характеров персонажей. Перевернутость значений маски передается, как правило, при помощи метафорической образности речи героев, которые как бы сами ее «надевают» на себя или других и «срывают». Очень велика в реализации лейтмотива маски в комедиях эстетическая роль речевого «намёка», воплощенного в метафоре, в которой «идея» маски и «образ» маски пронизывают друг друга и приобретают символическое значение (А. Ф. Лосев). «Дорастание» комедийной метафоры до символа достигается Шекспиром за счет «полифонии» его масок — множественности значений, приемов и функций маски. Все элементы перевоплощения, преобразования человека реализует прием «маски». Не случайно А.Л. Штейн замечает, что характер комедии несет на себе печать происхождения от комической маски, он прежде всего тип, а не личность. [2]

В связи со сложным процессом метафоризации образа — символа маски, реализованном в двух аспектах: масочная функция и прием — маска, особенно актуальными при переводе комедии становятся вопросы адекватности с точки зрения воссоздания речевой образности оригинала, в частности, перевода метафоры (простой или сложный) с английского на русский и узбекский языки. Шекспир часто ограничивается использованием простой речевой метафоры (ПРМ), выраженной именем существительным, но при этом использует достаточно широкие контекстуальные приемы, расширяющие номинативный аспект процесса метафоризации «театрального и литературного маскарада» в эстетическо-художественном пространстве комедии. Не всегда переводчиками улавливается семантическая сложность и значимость ПРМ, и часто метафорическое содержание контекстуального фона снижается или утрачивается в переводном тексте.

При переводе важным является не первичное значение опорных нормативных лексем, выраженным ПРМ, а их включенность, посредством различных контекстуальных форм и приемов в антитезу. То есть можно говорить о переходе ПРМ в сложную речевую метафору (СРМ) за

счет контекстного наполнения. Для выявления метафорической сути переводимого текста важно иметь так называемый окказиональный референт, то есть элемент (главный в цепи процесса метафоризации), куда актуализируемые семы со значением «маски» пере носятся с узкого денотата. У Шекспира «окказиональный референт» выражается сложной словесной цепью (а не одной словесной цепью, не одним словом), основу которой представляет символическая образность.

К примеру, возьмем отрывок из комедии «Укрощение строптивой»:

*«Well, come, my Kate: we will unto your father's
Even in these honest mean habiliments;
Our purses shall be proud, our garments poor;
Fortis the mine that makes the body rich...»*

*«What is the jay more precious than the lark,
Because his feathers are more beautiful?»
(IV, III; p.567)*

Значение метафоры в позиции «these honest habiliment» (эти честные платья) — «the rich body» (богатое тело) — важно не внешнее одеяние, а скрытая под ним суть.

Семантико-ономасиологический аспект процесса метафоризации наиболее рационально выявляет и идейный смысл, заключенный в лейтмотиве «маска» в комедии. Поэтому для переводчиков очень важно уловить суть данного семантико-метафорического параллелизма и в лингвистическом аспекте и в образно-художественном. Только так возможно осуществление смысловой «адекватности» перевода, что удалось осуществить далеко не всем русским и узбекским переводчикам:

Перевод Гнедича:

*«Ну, Котик, мы в убогих честных платьях
Поедем к твоему отцу. Что делать?
Пусть бедны платья — кошельки полны.
Не в теле красота: в душевных свойствах...»*

*Ужель павлин нам жаворонка лучше
Лишь потому, что хвост его красив?»
(с. 196)*

Перевод Мелковой:

*«Что делать, Кет, отправимся к отцу
Мы в этом скромном и обычном платье.
Хоть плох наряд — зато карман набит.
Не платье украшает человека...»*

*И разве сойка жаворонка лучше
Лишь потому, что ярче опереньем?»
(с. 109)*

Перевод Курошевой:

*«Что же делать, Кет, к отцу поедем мы
Вот в этих будничных и честных платьях.
Пусть платья бедны — кошельки спесивы.
Не ум ли делает богатым тело?»*

*Иль сойка жаворонка нам дороже,
Затем, что перья краше у нее?»*
(с. 92)

Перевод Т. Тулы:

*«Ne ham qilardik, Ket, otamiznikiga
oddiy shu ko'ylakda jo'naumiz endi.
Libos bo'lmasa ham, hamyonlar to'liq,
Insonning chiroyi ko'ylakda emas...»*

*Turg'ay bedanadan qanotigina
Go'zal bo'lganidan yaxshi ekanmi?»*
(б.449)

При сравнительно-сопоставительном анализе всех переводов выявляется общая характерная деталь — замена пышного слова «драгоценнее» на более нейтральное «лучше». Тем самым, на наш взгляд, в переводах несколько утрачивается именно тот важный аспект метафорического параллелизма двух отрывков, который осуществляет вторичный (окациональный) уровень сравнения — для Петруччо в этическом плане важна именно честь «богатства», скрытая за маской «оперенья», а не «красота», высвечиваемая в текстах Мелковой, Гнедича и Т. Тулы (в его случае это объяснимо использованием опорного русского текста с лексемой «лучше»). А вот в переводе Курошевой лексическая адекватность (вместо «лучше» она использует «дороже») сохраняет и смысловую, хотя несколько снижена помпезность и звучная яркость шекспировской метафоры за счет некоторой нейтральности значения «дороже» в сравнении с «драгоценнее».

Более точно, чем у Мелковой и лексическая соотношение внешнего аспекта метафорической «маски» в переводах Гнедича, Курошевой и Т. Тулы, потому что они точно передают слово «more beautiful» — «хвост его красив», «перья краше у нее», «go'zal bo'lganidan yaxshi ekanmi». Мелкова использует слово «ярче», которое лишь на семном уровне содержит значение «красивый».

Достаточно интересна замена самого опорного метафорического образа (ПРМ — простой речевой метафоры) в двух переводах: Гнедич «переделал» сойку в павлина, тем самым усилив два значения, присущие этой птице и отражающие смысл внешнего аспекта «маски» в этом случае — «буффонадная» красота и ее «этическая» бесполезность; Т. Тула заменил ту же сойку на «бедана» (перепел), и тем самым в национально-фольклорном [3] аспекте обыграл качество «беспечность», приблизив свой перевод к восприятию узбекского читателя. Так тонко

Т. Тула обыграл в своем переводе и «внутреннюю» суть «маски» — у «перепелки-человека» нет дома, а значит, он беден, ведь для Петруччо честь — это богатство. Именно этот смысл заключен в шекспировском использовании слова «honesty» — «честный» в соотнесенности с «habilliments» — «одеяния». Он использовал возвышенно-патетическое определение, чаще употребляемое в связи с персонологическими качествами человека, нежели с деталями его быта, со словом, имеющим в народной лексике шуточный оттенок (по словарю Мюллера — «habilliment» — ... 2) pl. шутол. платье, одежда (с. 338)). Шекспир, скорее всего, сознательно использовал множественное число этого существительного (pl.), чтобы высветить значение «шуточного», и тем самым усилить «комический» эффект и метафорического сравнения, и смысла речей Петруччо, и всей «карнавальной» атмосферы комедии, в глубине которой кроются самые «серьезные» смыслы, также передаваемые в метафоре, в ее контексте (создаваемом Шекспиром за счет переносных значений используемых им лексем).

Этот скрытый за «ироническим тоном» смысл более точно передали Гнедич и Курошева, использовав несколько устаревшее для русского языка сочетание — «честные платья». Но они, каждый по-своему, выделили этический аспект метафоры. Курошева сделала это более адекватно и точно в плане лексико-семантическом, дословно переведя последующую шекспировскую строчку:

«For'tis the mine that makes the body rich» —
«Не ум ли делает богатым тело».

Гнедич дал несколько вольную интерпретацию, но более ярко воспроизвел шекспировское понимание «маски», и являющееся побудителем к метафорической образности: в лексическом плане он сохранил лишь слово «тело», как бы подчеркнув «масочную» грань между внешним — «красота», и внутренним — «душевные свойства», но на семантическом (семном) уровне все-таки смог передать оттенки шекспировской фразы — в значении «богатое тело» содержится сема «красота», а в «уме» — «душевные свойства». И на наш взгляд, именно Гнедич более ярко и удачно высветил суть и смысл «маски» — он призвал скрывать и вскрывать именно внутренний мир личности, его духовную сокровенную суть, то, что в переводе Т. Тулы великолепно передано словосочетанием «Инсоннинг чиройи» — «личностная красота». Узбекский переводчик не использовал синонимов «одам» или «киши», несколько разговорного качества, а именно их книжный эквивалент «инсон», высветив нравственный аспект категорий — «честь», «богатство», «красота».

В этом плане несколько обеднен перевод Мелковой, которая использованием синтаксической фигуры «умолчание» (за счет многоточия и обрыва фразы) свела все «душевные свойства» и «честь» только к кошельку — «зато карман набит». Но ведь через всю комедию проходит мысль о том, что для Петруччо «богатство» лишь «внешний» повод к женитьбе, что ему главное другое — «личностная красота» Катарини, скрытая за «маской»

строптивности, и «платье бедное, но честное» ему необходимо для того, чтобы сорвать эту маску, и раскрыть всем «душевные свойства» любимой.

Таким образом, несмотря на выявленную ранее некоторую «неадекватность» в ряде переводов, в финальной, концептуально — значимой, сцене комедии во всех пере-

водах отмечается лексико-семантическая, образно-метафорическая и идейно-содержательная «адекватность» оригиналу. В этой идейной «грануле» комедии раскрывается суть лейтмотива маски, обеспечивающая художественную целостность произведения. Эту целостность постарались передать все переводчики комедии.

Литература:

1. Фесенко Э.Я. Теория литературы. Архангельск, 2001. — с. 243
2. Штейн А.Л. Философия комедии. // Контекст 1980. Литературно-теоретические исследования. — М.:Наука, 1981. с. 25.
3. Узбекско-русский словарь. — М., 1999. — с. 61 (бедана ...; -нинг уйи йўқ, қаерга борса битбилдик; перепел, у перепелки нет пристанища, но куда ни придет — всюду поёт (о человеке, который хоть и живёт на птичьих правах, но всегда весел, беззаботен и беспечен)).
4. Шекспир У. Полное собрание сочинений в 8 томах. (Перевод Мелковой) — М.:Искусство, 1958. — Т.2. с. 223.
5. Shakespeare W. Comedies. — London: Collins, 1973. P.539—567.
6. Шекспир У. Комедии. (Перевод Курошевой). — М., 1987.
7. Шеспир. Избранные произведения. (Перевод Гнедича) — М.-Л., 1950.
8. Шекспир В. Танланган асарлар. — Т., 1981. 2 жилд. (Перевод Т.Тулы)

Глаголы в форме повелительного наклонения в текстах современной интернет-рекламы как средство усиления перлокутивного эффекта

Уразаева Наталья Хакимовна, аспирант
Челябинский государственный педагогический университет

Огромное количество функций и та роль, которую играет современная реклама в жизни социума, определяют неугасающий интерес к данному феномену и вызывают потребность дальнейшего изучения рекламной теории и практики. С лингвистической точки зрения рекламу можно рассматривать как особую сферу практической деятельности, продуктом которой являются словесные произведения.

Задача рекламных текстов — усиление перлокутивного эффекта. Решить ее при размещении текста в Интернете довольно просто. «Отличительной чертой рекламы в Интернет является то, что в отличие от радио- и ТВ-рекламы, она обладает ненавязчивостью», — отмечает А.А. Романов [6, с. 118]. Современным исследователям удалось найти несколько способов для решения этой задачи. В нашей статье мы рассмотрим один способ, предложенный В.В. Чухановой.

«Обращение к оценочному тезаурусу (совокупность всех сведений, которыми обладает субъект, прим. автора) потенциального покупателя при формировании положительного имиджа объекта рекламы» [10, с. 3]

Эффективность предложенных способов зависит от правильно подобранного языкового материала. Высоким прагматическим потенциалом в рекламном тексте обладает глагол. «Глагол, — писал акад. В.В. Виноградов, —

самая сложная и самая яркая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [2, с. 422].

Грамматические категории играют важную роль в достижении эффекта речевого воздействия. Наиболее значимыми морфологическими категориями глагола являются категории наклонения, времени и лица. По словам А.М. Чепасовой, «категория наклонения имеется исключительно у процессуальных единиц, оно в специальных формах характеризует процесс с новой стороны, не сливаясь с другими категориями, не поглощаясь ими, а вступая в сложное взаимодействие с каждой из них» [9, с. 75]

Очень высоким потенциалом воздействия на адресата обладают формы повелительного наклонения. «Повелительное наклонение выражает волю говорящего, направленное к другому лицу побуждение к совершению действия, просьбу или приказание говорящего. Побуждение к совершению действия со стороны говорящего может относиться прежде всего к собеседнику; поэтому естественно, что основной формой повелительного наклонения является форма 2-го лица единственного или множественного числа. Так как формы повелительного накло-

нения выражают воздействие, побуждение со стороны говорящего, т.е. имеют экспрессивное значение, то они характеризуются в речи особой типичной для них повелительной интонацией, с оттенками приказа, увещания, просьбы, мольбы, в зависимости от направленности речи» [3, с. 492].

Глаголы в форме повелительного наклонения в наибольшей степени способствуют реализации основной цели рекламного текста — воздействовать на адресата для побуждения его к приобретению товара или услуги.

В данной статье мы рассмотрим примеры рекламных текстов, размещенных на различных сайтах в Интернете и содержащих в себе глаголы в форме повелительного наклонения.

Для создания фактора интимности и дружеского участия, а также для усиления воздействия на реципиента, в текстах интернет-рекламы часто используются формы повелительного наклонения единственного числа.

Раскрой свой город! (Реклама Nissan QASHQAI 360 на сайте <http://mail.ru/>).

«Раскрыть» — совершенный вид от «раскрывать».

«Раскрывать» — (перен.) находить, устанавливать что-либо путем исследований, наблюдений; (перен.) давать возможность понять что-либо, получить представление о чем-либо [4].

Собери свой номер сам! Замени номер на красивый с услугой «Номер на выбор». (Реклама услуги «Номер на выбор» на сайте <http://www.beeline.ru>).

«Собрать» — совершенный вид от «собирать».

«Собирать» — делать, составлять из отдельных, разрозненных частей [4].

«Заменить» — занять место кого-, чего-нибудь, став равноценным [5].

Испытай все лучшее от Sony в новом смартфоне! (Реклама смартфона Sony Xperia Z на сайте <http://www.gambler.ru>).

«Испытать» — проверить на опыте, исследуя качества, пригодность [8].

Купи набор чистоты! (Реклама моющего средства Comet на сайте <http://mail.ru/>).

«Купить» — приобрести за деньги [8].

Хочешь бонусы за покупки? Оформи Прозрачную карту! (Реклама банка «Ренессанс Кредит» на сайте <http://www.odnoklassniki.ru>).

«Оформить» — сделать действительным, придать законную силу чему-нибудь путем выполнения необходимых формальностей или действий [8].

Разбуди в себе сыщика! (Реклама автомобиля Volkswagen на сайте <http://mail.ru/>).

«Разбудить» — заставить проснуться; прервать чей-либо сон; (разг.) вывести из состояния покоя, апатии, заставить быть деятельным; вызвать, усилить какое-либо чувство, состояние [1].

Пулей проверь почту! (Реклама компании «Билайн» на сайте <http://www.odnoklassniki.ru>).

«Проверить» — совершенный вид от «проверять».

«Проверять» — удостоверяться в наличии или отсутствии кого-либо, чего-либо; устанавливать количество, наличие чего-либо [4].

Получи 250 000 рублей без справок с работы! (Реклама банка «Хоум Кредит» на сайте <http://www.odnoklassniki.ru>).

«Получить» — взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое [5].

Закажи книги в OZON.RU. Больше миллиона книг. Найди свою книгу сейчас! (Реклама интернет-магазина OZON на сайте pozdravok.ru).

«Заказать» — совершенный вид от «заказывать».

«Заказывать» — поручать изготовить, исполнить, доставить что-либо [4].

«Найти» — подыскать, подобрать кого-либо, что-либо [4].

Ешь «Активиа» и помогай пищеварению! (Реклама йогурта «Активиа» на сайте <http://mail.ru/>).

«Есть» — поглощать пищу, питаться, насыщаться [1].

«Помогать» — несовершенный вид от «помочь».

«Помочь» — оказать нужное действие [1].

Будь ближе к тем, кто далеко! (Реклама компании «Мегафон» на сайте <http://mail.ru/>).

«Быть» — глагол-связка в составном именном сказуемом «будь ближе».

Тексты, в которых используются формы повелительного наклонения множественного числа, чаще всего обозначают процессы продажи и покупки товара или услуги, дают информацию о новых товарах и их положительных качествах, показывают, каким образом можно вступить в контакт с рекламодателем с целью покупки товара или услуги.

Сервис онлайн-звонков. Настройка за 7 минут. Услышьте своих клиентов. (Реклама сервиса Zingaya на сайте <http://dic.academic.ru>).

«Услышать» — воспринять слухом что-либо; получить какие-либо сведения о ком-либо, чем-либо из сообщения, разговоров и т.п.; узнать; (перен.) почувствовать, заметить, ощутить [4].

Посмотрите, как рождается парикмахерское искусство L'Oreal Professionnel! (Реклама L'Oreal Professionnel на сайте <http://facebook.com/>).

«Посмотреть» — побыть зрителем на каком-либо зрелище, представлении [4].

Откройте карту Visa к старту продажи билетов «Сочи 2014» (Реклама карт «VISA» на сайте <http://mail.ru/>).

«Открыть» — совершенный вид от «открывать».

«Открывать» — (перен.) давать начало действию, развитию, ведению чего-либо; (отт.) начинать какую-либо деятельность, какие-либо действия; (отт.) начинать что-либо, находясь впереди или будучи первым [4].

Заполните заявку и получите деньги уже сегодня! (Реклама MyCreditCalkulator.ru на сайте <http://vk.com/>).

«Заполнить» — вписать нужные сведения во что-нибудь [5].

«Получить» — взять, принять что-либо вручаемое, присылаемое, выдаваемое и т.д.; добиться кого-, чего-либо, заполучить [7].

Узнайте о преимуществах опции «БИТ+Мобильное ТВ»! (Реклама компании «МТС» на сайте <http://vk.com>).

«Узнать» — получить, собрать сведения о ком-, чем-либо, стать осведомленным относительно чего-либо; получить истинное понятие, представление о ком-, чем-либо [7].

Выгодный кредит! Успейте в феврале! (Реклама банка «Тинькофф» на сайте <http://www.odnoklassniki.ru>).

«Успеть» — найти достаточно времени для исполнения, совершения чего-нибудь, сделать что-нибудь вовремя, в какой-нибудь нужный срок [8].

«Просторы». Спросите у менеджеров, что это такое! (Реклама жилого комплекса «Просторы» на сайте <http://www.mail.ru>).

«Спросить» — совершенный вид от «спрашивать».

«Спрашивать» — обращаться к кому-либо с целью узнать, выяснить что-либо [4].

Товары для детей в клубе Mamsy. Присоединяйтесь! (Реклама магазина Mamsy на сайте <http://facebook.com/>).

«Присоединяться» — примыкать к какой-либо группе людей, компании [4].

Управляйте банком с мобильного телефона! (Реклама «Сбербанка» на сайте <http://sberbank.ru>).

«Управлять» — руководить деятельностью кого-либо, чего-либо, направлять работу кого-либо, чего-либо [4].

Получайте бесплатно на ваш e-mail адрес! (Реклама курсов EnglishTown на сайте <http://slovonline.ru>).

«Получать» — брать, принимать что-либо вручаемое, присылаемое, выдаваемое [4].

Оплачивайте коммунальные услуги просто через Сбербанк-онлайн. (Реклама «Сбербанка» на сайте <http://sberbank.ru>).

«Оплачивать» — платить за что-либо, вносить плату, вознаграждение [4].

Покупайте Pampers и получайте минуты на ваш телефон. (Реклама подгузников Pampers на сайте <http://vk.com>).

«Покупать» — приобретать что-либо за деньги.

«Получать» — брать, принимать что-либо вручаемое, присылаемое, выдаваемое [4].

Таким образом, перечисленные примеры наглядно доказывают, что с помощью рассмотренных нами способов усиления перлокутивного эффекта, можно достичь основной цели рекламных текстов — обеспечить результативное воздействие на адресата.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2003. — 1535 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М.: «Высшая школа», 1972. — 613 с.
3. Грамматика русского языка: В 2 т./Под ред. В.В. Виноградова. — М.: Изд-во АН СССР. 1953 — Т. 1: Фонетика и морфология, 1953. — 720 с.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: около 160000 слов: в 3 т./ Т.Ф. Ефремова. — М.: Астрель, 2006.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой: АН СССР, Ин-т рус. яз. — 23-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1991. — 915 с.
6. Романов А.А. Учебное пособие по дисциплине «Реклама. Интернет-реклама»/Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. — М., 2003. — 168 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т./РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного языка: 180000 слов и словосочетаний/ Д.Н. Ушаков. — М.: Альта: Принт: Дом.21 век, 2006. — 1239 с.
9. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. — 144 с.
10. Чуханова В.В. Диалог как оптимальная форма для достижения перлокутивного эффекта сообщения (на материале рекламных интервью). Материалы VI Международной научно-практической конференции «Личность-слово-социум». — Минск, 2006.

Прагматические функции повторов в публицистическом тексте

Храмушина Людмила Максимовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московский городской педагогический университет

Данная статья посвящена исследованию роли различного вида повторов в публицистических текстах.

Ключевые слова: диктема, повтор, перифраз.

This article is devoted to the analysis of the role of different kinds of repetitions in publicistic texts.

Key words: dicteme, repetition, periphrasism

В последние несколько лет публицистический текст находится в сфере особого внимания лингвистов благодаря усилению и расширению влияния СМИ и новых информационных технологий на современное общество.

Публицистический текст — это статья, очерк и более протяженное сочинение, написанное на «злобу дня» и посвященное описанию и оценочному рассмотрению общественно-значимых событий и фактов, в том числе часто нашумевших, сенсационных.

Публицистические тексты сконцентрированы вокруг тем широкого диапазона. Это и политические новости, скандалы, экономические новости, события в сфере культуры, жизни известных людей, спортивные события.

Исследователи подчеркивают, что основными функциями публицистического текста являются: а) информационная, б) воздействующая или экспрессивная, т.е. «функция убеждения», и в) популяризаторская [Кириллов 2007, Ковалевская 2011, Шейгал 2000].

Практически главной функцией, характеризующей публицистический текст, многими современными исследователями считается именно воздействующая функция, т.к. основным предназначением такого текста является не просто информирование читателя, но формирование у него определенного отношения к предоставляемой информации.

Другими словами, воздействующая функция имеет явный оттенок манипуляции, что и выделяет ее на фоне любого другого речевого воздействия.

Воздействующая функция реализуется комплексно, т.е. на всех уровнях языка, но только начиная с уровня диктемы можно наблюдать и анализировать совокупность, «итог» взаимодействия воздействующих средств нижележащих уровней языка, среди которых можно выделить использование авторами разного рода повторов и перифразов.

При анализе участия различного рода повторов в структурно-семантической и композиционно-стилистической организации публицистического текста мы будем опираться в настоящей статье на диктемную теорию проф. М.Я. Блоха.

Ученый показал, что основной уровнеобразующей единицей текста является диктема (от лат. dicto, dicere, dictum), которая может быть сформирована как отдельным предложением, так и группой предложений, вы-

ражающих микротему. Иными словами, диктема является элементарной тематической единицей связной речи.

В диктеме выявляются функционально-языковые аспекты речи: номинация, предикация, тематизация и стилизация. Номинация реализует именование событий, ситуаций. Предикация относит название ситуации к действительности. Тематизация скрепляет пропозитивные значения в единое осмысленное целое. Стилизация регулирует выбор языковых средств, необходимых для адекватной передачи содержания в конкретных условиях речевого общения. При участии когезии осуществляется сцепление микроструктур в макроструктуру и когерентности, выражающей отношение части к целому, совместное функционирование данных аспектов речи реализует полноценный текст как продукт содержательно-мыслительной деятельности человека [Блох 2004].

Как говорилось выше, для осуществления воздействующей функции в публицистическом тексте используются различные языковые средства, среди которых можно выделить повторы в самых разных проявлениях.

Под повтором мы понимаем вторичное выражение, воспроизводящее формальную и семантическую структуру предыдущего. Повтор может быть простым, а также расширенным, когда воспроизводится семантическая структура предыдущего и сопровождается при этом расширением первичного выражения с помощью различных языковых средств. Повтор может осуществляться на уровне слова или сочетания слов в составе предложения. Такой повтор М.Я. Блох называет повтором на уровне денотемы [Блох 2004]. Повтор на уровне диктемы — это повтор предложений внутри диктемы. Повторы на этих двух уровнях — денотемном и диктемном — могут быть прямые и косвенные.

Приведем пример прямого повтора из журнала «Time»:

Richard Cook took the stage at the celebratory press conference that followed: «Seriously, was that cool or what? It was cool indeed...» [Time, August 20, 2012].

Прямой повтор в виде ответа «It was cool» не дает фактически новой информации на предшествующий риторический вопрос: «Was that cool or what?» Повтор имеет место в рамках одной диктемы. Совершенно очевидно, что прагматическим назначением данного прямого повтора является придание особой экспрессивности и выразительности данному фрагменту текста. Этому способст-

ует комплекс языковых средств — риторический вопрос и ответ на него с расширяющим компонентом — наречием «indeed»; последний выполняет функцию уточнения, подтверждения.

Приведем еще пример прямого расширенного повтора: «The impulse to treat Curiosity almost like a human astronaut is hard to resist. The rover gets ready to wake up for its first day in a new place. The rover's day ends on Mars around 3 or 4 p.m. The rover tells us what she did today, and that ... lets us plan her day tomorrow» [Time, August 20, 2012].

В данном примере наблюдаем четырехкратный повтор на уровне слова «the rover» в рамках одной диктемы. Все повторы существительного «rover» сопровождаются элементами расширения, каждый из которых дает дополнительную информацию о марсоходе. Следует отметить, что стилизация данной диктемы, как и в предыдущем примере, сильная. Это достигается комплексом языковых средств: использованием параллельных синтаксических конструкций, а также персонификацией неодушевленного нарицательного существительного «rover», что подтверждается заменой местоимения «it» на «she» и «her». Этот прием свидетельствует о любви американских специалистов к своему детищу-марсоходу Discovery.

В публицистических текстах часто используется косвенный повтор, причем косвенный повтор часто переплетается с простым. Под косвенным повтором мы понимаем такой повтор, который усиливает выражение смысла повторяемого компонента. Косвенный повтор в комбинации с простым повтором способствует детализации, конкретизации основного содержания повторяемого компонента. Выделяя какой-то элемент, автор наделяет его разными определениями, синонимичными или антонимичными по значению, придавая тем самым особую экспрессивность высказыванию.

Например:

Thirteen people had been executed in eastern Syria, shot with their hands bound behind their faces. ... Anti-government activists said that those victims — the 13 slain people who were electricity workers — were killed by shelling from military forces [IGT, May 31, 2012].

В данном примере мы наблюдаем переплетение прямого повтора с косвенным: прямой повтор «thirteen people» и «13 slain people», а фразы «had been executed» и «were killed» демонстрируют косвенный повтор. Здесь же находится элемент расширения — обстоятельство образа действия — «by shelling from military forces».

Указанные повторы встречаются на уровне двух диктем, расположенных дистантно — первый в начале публицистического текста, а второй — практически в конце. Автор не случайно обращается к данному трагическому эпизоду, тем самым заостряя внимание читателя на драматических событиях в Сирии, где гибнут мирные люди.

Приведем еще пример:

«They are sitting there, Adam said. Yes, they are sitting and laughing about some of the most important problems» [IGT, May 21, 2012].

Прямой повтор «they are sitting» дополняется косвенным «laughing», который дополняет, детализирует основное высказывание.

Здесь же присутствует элемент расширения повтора «about some of the most important problems». Данный повтор с расширяющим компонентом придает высказыванию несколько саркастический и иронический оттенок.

В источниках справочного характера (Ахманова О.С., Квятковский А. и др.) наблюдаются разночтения в определении термина «перифраз» и его основных признаков, хотя в основном оно сводится к следующему: «Перифрастическое выражение — это функционально-семантическая единица речи, имеющая форму метафоризированного словосочетания, которая, выделяя одну или несколько отличительных черт предмета, явления, признака, служит средством их образно-описательной характеристики и выступает контекстуальным синонимом к слову, обозначающему основное наименование» [Ахманова 1990]. Итак, под перифрастическим повтором мы понимаем выражение денотативного значения некоторого элемента текста иными языковыми средствами. Перифраз может использоваться на уровне слова или словосочетания в составе предложения, а также на уровне предложений в составе одной или нескольких диктем.

Перифразы могут быть двух видов — логические и образные. Логические перифразы прямо, линейно отражают предмет, образ, явление. Приведем пример логического перифраза:

The market is supra-natural, with potential buyers from anywhere and everywhere. Indeed, real estate marketing has to follow that trend: «You could be in Hong Kong and see on the TV screen that there is a property for sale in Stratford-upon-Avon or a ranch house in Wyoming» [NYT, June 1, 2012].

Характерной чертой этих прямых логических повторов-перифраз: market, real estate marketing, a property for sale, a ranch house является то, что их значения связаны и раскрываются вследствие непосредственной связи с обозначаемой ими сущностью — торговлей недвижимостью в Великобритании и США. Стилизация такой диктемы, содержащей логические перифразы, обычно слабая!

Образные перифразы, в отличие от логических, обладают большим выразительным потенциалом. Они не просто обозначают предмет, явление, а создают особый образ его, усиливая в целом выразительность текста (или его фрагмента) и эмоционально воздействует благодаря этому на читателя. Например:

This is the most important development project for Mongolia and is likely to be so for the foreseeable future. But remember this: in 2005, Robert Friedland and others compared the copper and gold deposit to a «cash machine» for foreign investors [Time, March, 2012].

Образный перифраз на уровне сочетания слов copper and gold deposit, «cash machine» подчеркивает явно пренебрежительное отношение к отсталой, медленно развивающейся стране со стороны западноевропейских и американских инвесторов.

Приведем еще один пример из журнала «Time»:

The antipathy of the Mongolians to China extends beyond the economy. The Dalai Lama, the Tibetan spiritual leader, «a wolf in monk’s clothing», is revered by Mongolian Buddhists and has visited eight times. Each time he does, the Chinese government even severs rail links between the two countries as punishment. Mongolia’s response? Extending a firm welcome back to the Dalai Lama. Still, whenever the Dalai Lama arrives in Mongolia: things are always coming to the foil, the arrows are flying [Time, June 2012].

В этом абзаце мы видим три образных перифраза: «a wolf in monk’s clothing» в отношении Далай Ламы и две в конце диктемы: things are always coming to the foil, the arrows are flying.

Первый перифраз свидетельствует о негативном, саркастическом отношении к Далай Ламе, а два последних ярко демонстрируют накал политических страстей, которые вызываются визитами буддистского лидера в Монголию. Данный перифраз наделен экспрессией, реализует эмоциональность и оценочность ситуации с помощью этих образных высказываний.

Представляется интересным перифраз в диктемах, расположенных дистантно:

In point of fact, «Simpson-Bowles» has become a symbol, or Simbowl, rather than an actual plan, political shorthand for the process of long term deficit reduction. Does the President support «Simpson-Bowles»? Yes. He’s said so many times.

So Obama has tried to be Symbolic. Has he tried hard enough? Probably not. Should the President make a big Simbowl statement in this campaign? Absolutely. It’s called leadership [Time, August 2012].

Речь в данной статье идет о плане Симпсона-Боулза по сокращению долгосрочного дефицита США. Автор статьи

несколько иронично относится к Б.Обаме, который, с одной стороны, вроде бы поддерживает этот план, а с другой — значение этого плана является просто символом (symbol, Simbowl), а не реальным планом. В ряду стилистических приемов следует отметить появление окказионализма (simbowl) и переход имени собственного в нарицательное «symbol», а далее в прилагательное Simbowllic.

Прямой повтор с расширением в приведенном выше примере выступает в двух функциях — связующей (две сильные позиции в тексте — первый абзац — диктема с последним), а также экспрессивной, чему способствует появление окказионализма, а также риторический вопрос. В целом, текст приобретает несколько ироничное звучание, вовлекая, тем не менее, читателя в важную экономическую проблему страны.

В заключение следует сказать, что все виды повторов — простой, а особенно расширенный и перифрастический — являются часто особым стилистическим приемом с целью гармонизации текста, усиления экспрессии, привлечения внимания, подчеркивания и формирования скрытых смыслов. Проанализированный нами материал позволяет выделить следующие наиболее важные прагматические функции расширенного и перифрастического повторов на уровне словосочетания или предложения: информативная, экспрессивная, эмоционально-оценочная, эстетическая и фатическая.

Повторы различного рода в публицистических текстах являются мощным экспрессивным средством. Расширенный повтор и перифраз сходны по прагматическим функциям, но последний отличается большей степенью стилистической маркированности. Повторы всех видов реализуют связь контактно и дистантно расположенных предложений в диктеме, а также в организации композиционной структуры публицистического текста в целом.

Литература:

1. Ахманова О.С. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — 680 с.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. Вопросы языкознания. — М., 2000. — № 4. — с. 56–67.
3. Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика. Автореф.дисс. ... канд.филол.наук. — Саратов, 2007. — 18 с.
4. Ковалевская Е.В. Метафора и сравнение в публицистическом тексте. Автореф.дисс. ... канд.филол.наук. — М.: 2011. — 16 с.
5. Никитина К.В. Технология речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США). Автореф. дисс. ... канд.филолог. наук. — Уфа, 2006. — 18 с.
6. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Волгоград, 2000. — 26 с.
7. International Gerald Tribune. — 2011–2012.
8. Time. — 2012.

Проблема онтологии и структуры дискурса. Специфика англоязычного дискурса медиации

Чернышенко Алина Геннадьевна, аспирант
Пятигорский государственный лингвистический университет

Определение понятия «дискурс» является одной из центральных проблем языкознания. Категория «дискурс» имеет множество научных интерпретаций, так как дискурс представляет собой явление промежуточного характера между речью и общением, а также языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом с другой стороны. Поэтому мы считаем, что дискурс необходимо рассматривать динамически с позиции не только лингвистики, но и социолингвистики, прагматической лингвистики и лингвофилософии [2, с. 26].

Социолингвистически дискурс — это общение людей, рассматриваемое с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации. Лингвофилософия рассматривает дискурс как «конкретизацию речи в различных модусах человеческого существования». С точки зрения прагматической лингвистики, главными критериями в изучении дискурса являются признаки способа и канала общения. С позиции лингвистики речи, дискурс представляет собой процесс живого вербализуемого общения, который можно охарактеризовать множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей [8, с. 232–243].

Возникший и утвердившийся к концу XX в. **коммуникативный подход** к изучению дискурса во многом опирается не только на создание нового категориально аппарата, но и на переосмысление существующих терминов. Доминантный интерес к языковой личности, характерный для коммуникативной лингвистики, обогатил традиционную систему лингвистических терминов новыми понятиями, описывающими язык в его функциональном аспекте.

Согласно М.Л. Гаспарову, в основе коммуникативного подхода к дискурсу лежит теоретическое положение о паритетной значимости горизонтального и вертикального развертывания речевого потока [5, с. 91]. Иными словами, речевой поток говорящего на родном языке формируется как полицитатное явление, включающее множество готовых «коммуникативных фрагментов», а также как результат линейного конструирования единиц языковой системы. Именно они выступают в качестве «прототипического фона» для новой формы, включая в себя символически нагруженные выражения, авторские метатекстовые включения, которые имеют самостоятельное значение за пределами линейной структуры текста.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, и в силу

этого — как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида, иными словами, «дискурс — это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 121].

А.В. Олянич считает коммуникативную цель, для достижения которой автор прибегает к использованию фактов иноречевой среды, основанием для построения модели дискурса. Он подчеркивает, что смысловые фрагменты выступают в процессе текстопорождения как проявление активного авторского начала, которое реализуется как «отсылка к чужому опыту и метафорическая презентация этого опыта, характеризующая личность носителя и собственное действие, приведшее к запланированной цели» [17, с. 53].

Коммуникативный подход к анализу внутренней структуры текста позволяет рассматривать его как полифоническую структуру, а именно — как «такой способ организации информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших нагруженность в конкретно-ситуативной реализации текста» [22, с. 75]. Единицей данной структуры И.В. Тубалова называет полифоническое включение — речевой фрагмент, отягощенный некоторой «дотекстовой информацией», «унаследованной» из предыдущих текстов.

Характерное для коммуникативного подхода положение о взаимодействии двух текстов (текста-источника и текста-результатирующего) позволяет применять его при анализе дискурса медиации, так как сам процесс альтернативного урегулирования конфликтов предполагает обязательное обращение к «дотекстовой» информации. При этом дискурс-источник может проявляться и через конкретный прототекст, либо существовать отдельно от конкретно-текстового проявления социокультурно обусловленной дискурсивной модели. Специфика дискурса медиации определяет необходимость опираться при исследовании на определённую дискурсивную модель или прототекстовую среду, служащую источником формирования текстовой полифонии. Однако для более точного анализа необходимо обращение к социальному аспекту дискурса, а также к специфической взаимосвязи «дискурс — общество», которая была рассмотрена Ю. Хаббермасом в рамках **социально-коммуникативного подхода**.

Предлагая социально-коммуникативную трактовку дискурса, Ю. Хаббермас связал само понятие дискурса с теорией социального действия — стратегического, нормативного, драматургического, коммуникативного, а также

с проблемой социальной легитимности. Он особо выделил так называемое дискурсивное общение, которое характеризуется им как свободное и консенсусное. Данный тип общения рассматривался как идеальная коммуникативная модель. По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия: «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования» [23, с. 67].

Для описания и анализа дискурса медиации особенно актуальными являются выведенные в рамках социально-коммуникативного подхода «моральные принципы» построения дискурса. Так, например, дискурс всегда ориентирован на процедуру вовлечения и включения, признание «Другого» в качестве достойного участника, признания его права на иное мнение, что является необходимым в процессе медиации. А положение Ю.Хабермаса об «установке на преодоление конфликтности и противоречий не с помощью силовых методов, а посредством риторического убеждения, риторического влияния, в результате которого достигается одобрения определенной нормы или нормативного документа» [23, с. 110] представляется особенно актуальным для изучения дискурса медиации, в котором принятие чужой точки зрения и уважение к ней являются критически важными для достижения основной коммуникативной цели — примирения сторон.

В основе **когнитивного подхода** к анализу дискурса лежит функционально-семантический анализ как один из наиболее известных современной лингвистике способов обеспечить выяснение роли того или иного языкового средства в организации текста. М.Ю. Олешков отмечает, что при этом важное место отводится не только коммуникативной природе текста, но и когнитивной специфике его бытования [19, с. 58]. В частности, актуальность изучения когнитивной основы языковых явлений в связи с их функционально-коммуникативными свойствами подчеркивается Е.С. Кубряковой: «...каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [12, с. 132].

А.А. Кибрик считает, что когнитивное исследование дискурса и текста как результата дискурсивного процесса может быть осуществлено на основе когнитивно-дискурсивного моделирования, которое включает пропозициональный, контекстуальный и концептуальный анализ в их интеграции. Такой дискурсивно-когнитивный анализ речевого взаимодействия возможен с учетом контекста, в котором выделяется смысловое ядро (базовый концепт), отражающее на онтологическом уровне структуру общения и деятельности, и периферия — совокупность интенционально обусловленных локальных концептов, пропозиционально «цементирующих» дискурс [11, с. 39–41]. Для нашего исследования является важным, что в рамках когнитивного подхода особое внимание уделяется роли

контекста при разворачивании дискурса, так как именно он зачастую помогает вычленивать имплицитные смыслы в медиативных текстах (дискурсах) и дать им адекватное (эксплицитное) объяснение.

Изучение дискурса в рамках **лингвокультурного подхода** предполагает обращение к проблеме реализации социокультурного компонента в дискурсе. Особое внимание к экстралингвистическим параметрам коммуникации в данной работе обусловлено спецификой использования терминов в дискурсе медиации как когнитивно-коммуникативной системе, так как изначально культура альтернативного урегулирования конфликтов развивалась именно в Америке, и при анализе необходимо учитывать некоторые культурологические и исторические аспекты формирования и функционирования языковых единиц, входящих в данную дискурсивную модель. И.А. Стернин считает, что «национальная специфика семантики лексической единицы представляет собой отличие ее по составу от значений близких по семантике слов другого языка, включая случаи близких по семантике слов другого языка, а также случаи полной безэквивалентности значения» [21, с. 99].

По мнению О.А. Леонтович, под культурным значением целесообразно понимать внеконтекстную, статичную сущность или же «закрепленное за языковой единицей содержание, маркированное с точки зрения его национальной или этнической принадлежности» [16, с. 302]. При этом культурные смыслы создаются в процессе переговоров между участниками и являются результатом их совместного творчества, формируются на основе культурных значений и являются контекстуально обусловленными, интерактивными и динамичными.

Представленные выше подходы к изучению дискурса позволяют представить его как социокультурно детерминированный процесс речепорождения и речевосприятия, имеющий определенную коммуникативную цель. Для анализа англоязычного дискурса медиации необходимо системное представление о дискурсивном процессе, учитывающее когнитивные, социальные, идеологические и этнокультурные факторы, обуславливающие формирование и функционирование данного дискурса. В этом отношении комплексный лингвосоциокультурный подход является наиболее приемлемым (подходящим, актуальным) для анализа терминологии дискурса медиации, так как он обращается к ментальной репрезентации, контексту и реализации социокультурного компонента в ходе функционирования дискурса.

При изучении дискурса встает вопрос о его **классификации**. Каждый тип дискурса протекает в определенной социальной сфере и определяется набором правил, выполнения которых он требует. При исследовании типов дискурса основной задачей является описание структур, наиболее предпочтительных или типичных для дискурса данного вида.

Основными критериями для выделения типов дискурса являются способ и канал общения, стиль изложения, фи-

гуративность и адресность, количество участников и функциональность. По способу общения противопоставляются информативный и фасцинативный, содержательный и фактический, несерьезный и серьезный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый типы дискурса; по каналу общения — устный письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный типы дискурса. В семантических классификациях критерием выделения типов дискурса служит стиль изложения (нарративность/ не нарративность), а также фигуративность. Необходимо отметить, что определенные критерии типологизации дискурса, выделяемые на прагмалингвистическом основании, взаимопересекаются. Неритуальное общение, например, может включать информирование, фасцинативный обмен текстами, фатическую и нефатическую составляющие [9, с. 232–234].

А.Ж. Греймас представляет **семиотическую типологию дискурса**. При этом он подчеркивает, что в семиотическом понимании типология может быть коннотативной, «характеризующей данный культурный ареал, очерченный географически и исторически», поскольку дискурсом называют определенную «область семиотических фактов» уже в силу ее социальной коннотации, относящейся к данному контексту культуры [7, с. 489]. Типология дискурса может быть обусловлена нарративностью (повествовательностью) — свойством, характеризующим определенный класс дискурса, «исходя из которого отличаются нарративные виды дискурса (нарративные дискурсы) от видов не нарративного дискурса» [7, с. 504]. При этом нарративный дискурс находит воплощение в форме повествования, а ненарративный дискурс осуществляется в форме диалога, но эти две формы почти никогда не встречаются в чистом виде: «любой разговор почти автоматически переходит в повествование о чем-либо», а «повествование в любой момент может развиваться в диалог» [7, с. 506]. Говоря об англоязычном дискурсе медиации, стоит отметить, что он может существовать как в нарративном (объявление медиационного соглашения, изложение медиатором деталей процесса одной из сторон в развернутом письме), так и в ненарративном виде (диалог, обсуждение деталей проблемы).

Следующая перспектива, которая, с точки зрения семиотики, позволяет классифицировать дискурс, опирается на процедуру фигуративизации. В результате дискурсы подразделяются на фигуративные и не фигуративные (или абстрактные): «Когда совокупность дискурсов пытаются расклассифицировать на два больших класса: дискурсы фигуративные и не фигуративные (или абстрактные), замечают, что почти все тексты, называемые литературными и историческими, принадлежат к классу фигуративных дискурсов [7, с. 509]. В данной классификации присутствует, на наш взгляд, аспект «абсолютизации», так как деление дискурсов на фигуративные и нефигуративные является в какой-то степени «идеальным» и поэтому неприемлемым в рамках данного исследования. Дискурс медиации, наряду с другими дискурсами не может осуществляться в

конкретной форме. В то же время, не вызывает сомнений, что при анализе дискурсивной модели медиации необходимо понять, из чего складывается составная часть дискурсивной семантики, и какие процедуры использует говорящий, чтобы сделать высказывание фигуративным.

В рамках исследования дискурса медиации, необходимо также разделить дискурс на групповой и индивидуальный, так как в стандартном процессе медиации участвуют не менее трех сторон. При этом отдельно внимание следует уделять индивидуальному дискурсу медиатора, который берет на себя роль составления документов, речей, обращений на домедиативной стадии процесса.

С позиций **социолингвистики**, можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. Два этих типа отличаются ролью говорящего: если в первом случае он выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, то во втором — он представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует, по мнению В.И. Карасика, в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение [8, с. 69].

Согласно И.Н. Горелову, бытовое общение — это общение между хорошо знакомыми людьми; оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Отличительной чертой данного типа дискурса является то, что участники общения хорошо знают друг друга, общаются на сокращенной дистанции и поэтому могут не проговаривать детально того, о чем идет речь [6, с. 56]. В свою очередь, общение в бытийном дискурсе носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер. Участники используют все формы речи на базе литературного языка; предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве. Стоит заметить, что бытийное общение преимущественно монологично и представлено, в основном, произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами [6, с. 114].

Институциональный дискурс характеризуется наличием заданных рамок статусно-ролевых отношений. В.И. Карасик выделяет, применительно к современному обществу, следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Выделение персонального и институционального дискурса позволяет установить релевантные признаки социокультурных ситуаций общения, типов коммуникативных личностей и способов организации текста и открывает перед языковедами новые перспективы изучения человека в языке [8, с. 304].

Заметим, что англоязычный дискурс медиации относится к институциональному типу дискурса, так как осуществляется, в сущности, в рамках устойчивой системы статусно-ролевых отношений, сложившейся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности, а именно, в

сфере досудебного урегулирования конфликтов. Опираясь на формулировку П.Будье: «Институциональный дискурс — это дискурс порядка и надзора». [25, с. 52], можно сделать однозначный вывод о том, что дискурс медиации следует рассматривать именно как институциональный дискурс, обладающий системой базовых ценностей, в рамках которой осуществляются властные функции символического принуждения (или же имплементируются правила ведения и контроля медиативного процесса) в форме нормативного предписания и легитимации определенных способов миротворения.

Для нашего исследования также важно разграничение понятий «дискурс» и «текст», выявление формальных отличий и возможного взаимодействия данных понятий в рамках когнитивного, коммуникативного и функционального подходов. Следует отметить, что анализ англоязычного дискурса медиации предлагает не оппозицию, а, скорее, взаимодействие текста и дискурса, поэтому мы будем избегать абсолютизации противопоставления данных понятий, так как их все же связывает некое «генетическое родство». Медиативные тексты не существуют вне дискурсивной модели медиации, так как именно она обеспечивает их формирование и функционирование.

Иногда дискурс и текст разграничивают формально — по двум формам языковой деятельности — использующей и не использующей письмо. На основании этой дихотомии некоторые исследователи склонны разграничивать дискурс-анализ (объектом которого, по их мнению, должна быть лишь устная речь) и лингвистику (письменного) текста. Поэтому в настоящее время существует тенденция к жесткому разграничению между дискурсом (устным) и текстом (письменным). Это также отражено в двух наименованиях изучаемой дисциплины — дискурс-анализ и лингвистика текста, хотя такая дихотомия представляется не вполне обоснованной, так как, например, доклад можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление [3, с. 95]. На наш взгляд, данное разграничение является неприемлемым для исследования англоязычного дискурса медиации, так как альтернативное урегулирование конфликтов представляет собой сложный многоэтапный процесс, состоящий из множества коммуникативных событий, которые могут быть представлены как в устном, так и в письменном виде.

Е.С. Кубрякова рассматривает соотношение понятий «дискурс-текст» в рамках когнитивного подхода и делает вывод, что «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [13, с. 15]. В.Е. Чернявская отмечает, что текст находится в центре дискурсивного процесса и может в своей пресуппозитивной части содержать один или более имплицитных прецедентных текстов. Таким образом, прецедентные тексты и являются обязательными конституентами дискурса, обес-

печивая процессы понимания, но не облигаторны как составляющие текста» [24, с. 29].

В функциональном подходе к анализу дискурса принято противопоставлять текст и дискурс по ряду оппозитивных критериев: «функциональность — структурность, процесс — продукт, динамичность — статичность и актуальность — виртуальность. Соответственно, различаются структурный текст как продукт и функциональный дискурс как процесс» [14, с. 48]. Применяемое в рамках функционального подхода противопоставление текста и дискурса с помощью оппозиционных критериев представляется не совсем подходящим для анализа дискурсивной модели медиации, в которой текст и дискурс все же являются взаимосвязанными понятиями.

Коммуникативный подход к разграничению понятий текст и дискурс изложен А.Ю. Поповым в его работе «Основные отличия текста от дискурса» [20, с. 75], в которой он противопоставляет спонтанность дискурса упорядоченному, каноничному по форме изложению тексту; динамичность дискурса — статичности текста; нацеленность дискурса на появление реакции собеседника — закрытой коммуникативной текстовой системе; ограниченность дискурса во времени — произвольному выбору длины текста автором; ориентированность дискурса на живую аудиторию — текста — на аудиторию дистантную и абстрактную. Коммуникативный подход, рассматривает дискурс как нечто, что «рождается, живет и умирает, когда предмет, который обсуждается, теряет свою актуальность. Текст же вечен, это средство и единица коммуникации, а дискурс — это форма, в которой эта коммуникация протекает» [20, с. 75]. На наш взгляд, коммуникативный подход более ясно отражает взаимодействие понятий «текст» и «дискурс» для анализа модели медиации, так как, с одной стороны, все виды медиативных процессов представляют собой «живую» и динамичную интеракцию, с другой стороны, неотъемлемой компонентом медиации является документация, которую как раз и можно охарактеризовать как нечто «вечное», «существующее в закрытой коммуникативной текстовой системе, т.е как текст в чистом виде».

Анализ англоязычного дискурса медиации предполагает связь текста и дискурса, так как представление о процессах порождения и понимания медиативных текстов невозможно без опоры на определенную коммуникативную ситуацию. Важно также учитывать аспект «ситуативности» в дискурсе и «контекстуальности» в тексте, так как оба понятия объединяют дискурс и текст, будучи нацеленными на экспликацию того, что говорится, и того, что имеется в виду. А адекватное объяснение имплицитных смыслов в тексте и дискурсе медиации, как уже говорилось выше, является одной из коммуникативных целей самого дискурса медиации.

Исследование сферы альтернативного разрешения конфликтов, а именно медиации, невозможно без определения роли говорящего и слушающего для дискурса и текста. Участниками дискурса являются представители той или иной социальной группы, вступающие в общение

и исполняющие определённые коммуникативные роли, в то время как разновидности коммуникативных ролей напрямую зависят от вида дискурса. Так, например, дискурс медиации обычно предполагает трех участников процесса — медиатора и две конфликтные стороны. При этом, все участники являются частью дискурсивной модели медиации, представляя собой компоненты данного дискурса в отличие от системы «говорящий-текст-слушатель», для которой характерны иные отношения между участниками и несколько ограниченная степень их вовлеченности. Из истории изучения текста в его отношении к участникам коммуникации можно сделать вывод о том, что в системе «говорящий-текст-слушающий» эффективность контакта определяется степенью совпадения переданной и полученной информации. Слушающий находится в позиции реципиента: он воспринимает сообщение, пытаясь понять его сигналы посредством коммуникативного кода [4, с. 53].

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать следующий вывод о роли говорящего и слушающего дискурса и текста: если для дискурса участники являются неотъемлемыми компонентами дискурсивного процесса, то для текста говорящий и слушающий находятся в обособленном положении, «за рамками текста». Данное положение уместно применить для анализа англоязычного дискурса медиации, рассматривая его участников как составную часть или компонент, без которого невозможно построение дискурсивной модели.

Наличие у дискурса компонентов позволяет сделать вывод о существовании у него определенной лингвистической структуры. Для аналитической деятельности в масштабах такого объекта, каковым является коммуникативный процесс, необходимо определиться с понятием структуры дискурса на уровне модели. Несмотря на то, что среди некоторых языковедов бытует мнение, что на уровне дискурса, отсутствует какая-либо структурная организация, большинство носителей языка интуитивно определяют свойство дискурса, заключающееся в том, что далеко не любое высказывание можно поместить после какого-то другого высказывания [15, с. 92]. Значит, существует определенный порядок коммуникативных ходов, структура обменов речевыми действиями. Общепринятым в лингвистике является выделение макроструктуры и глобальной структуры дискурса, предложенное Т. ван Дейком.

Т. ван Дейк понимает под «макроструктурой» дискурса членение на крупные составляющие, например, эпизоды в рассказе, абзацы в газетной статье, группы реплик в устном диалоге и т.д. Крупные фрагменты разделяются границами и помечаются относительно более длинными

паузами (в устном дискурсе), графическим выделением (в письменном дискурсе), специальными лексическими средствами. Необходимо, чтобы внутри таких фрагментов существовало тематическое и референциальное (единство участников описываемых ситуаций), событийное, временное, пространственное единство [26, с. 162].

М.Ю. Олешков предлагает рассматривать структуру дискурса с точки зрения коммуникативных задач. По его словам, моделирование дискурсивного процесса и вычленение «составных частей» полученной модели помогает изучать сложный, многоаспектный объект (процесс) более детально [18, с. 4]. Структура дискурса принципиально отличается от структуры лингвистических единиц разных уровней. Исследователь выделяет следующие основные структурные единицы дискурса: коммуникативный акт — коммуникативный ход (макроакт) — обмен — транзакция. У этих единиц, по мнению М.Ю. Олешкова, имеются когнитивные корреляты: например, рамки коммуникативного хода определяются наличием иерархически организованной целевой доминанты коммуникантов, границы транзакции зависят от характера предметно-референтной ситуации и обусловленных процедурным сценарием типов деятельности коммуникантов и т.д. [18, с. 5]

Когнитивное представление структуры дискурса дается в работах А.А. Кибрика, который выделяет два типа структуры — локальную и глобальную. Глобальная структура соответствует членению дискурса на крупные составляющие: эпизоды в рассказе, группы реплик в устном диалоге и так далее. Исследование глобальной структуры представляет собой взгляд на дискурс сверху, а изучение локальной структуры, напротив, строится на выделении минимальных единиц, относимых к «дискурсивному уровню». Такими единицами А.А. Кибрик предлагает считать клаузы или предикации, отмечая, что в этом сходятся большинство современных направлений [10, с. 30–35]. Однако заметим, что данная структура подходит лишь для некоторых типов дискурса и не может считаться универсальной.

Важно отметить, в ходе сложного медиативного процесса участниками дискурса создается множество речевых фрагментов, реализующихся в конкретной коммуникативной ситуации, поэтому структуру англоязычного дискурса медиации лучше всего представить «полифонически», т.е. как способ организации информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших нагруженность в конкретно-ситуативной реализации текста.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. — 3-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 383 с.
2. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. / В.В. Богданов. — Л.: Изд-во Ленин. гос. унта, 1990 б. — 88 с.

3. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева. — Киев, 1993. — 154 с.
4. Валгина Н.С. Учебник XXI века. Теория текста. / Н.С. Валгина — М., 2003—430 с.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: ИД Новое литературное обозрение, 1996. — 370 с.
6. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. / И.Н. Горелов. — М., 1980. — 349 с.
7. Греймас А.-Ж. В поисках трансформационных моделей // Французская семиотика: От структурализма к пост-структурализму. — М., 2000. — С. 171—195.
8. Карасик О типах дискурса /В. И. Карасик// Языковая личность: институциональны и персональный дискурс: Сб науч.тр. Волгоград: Перемена 2000.-с. 5—20.
9. Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
10. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. доктора филол. наук. А.А. Кибрик. — М.: Институт языкознания РАН, 2003—90 с.
11. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. / А.Е. Кибрик. — СПб: Алетейя, 2003. — 720 с
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира Рос. академия наук. Ин-т языкознания./ Е.С. Кубрякова. — М.: Языки лавянской культуры, 2004. — 560 с.
13. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». / Е.С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Воронеж, 2001. — С. 4—10
14. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК Гнозис, 2003. — 280 с.
15. Макаров, М.Л. Выбор шага в диалоге: Опыт эксперимента. /М. Л. Макаров // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. — Тверь, 1992. — С. 129—134.
16. Леонтович О.А. Коммуникативные стратегии иерархического общения Авторитетность и коммуникация (коллективная монография) / О.А. Леонтович // Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 4. — Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. — 216 с.
17. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. — М: Гнозис, 2007. — 407 с.
18. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография / М.Ю. Олешков. — Нижний Тагил: Издательство Нижнетагильской государственной социальной-педагогической академии 2006. — 234 с.
19. Олешков М.Ю. Когнитивный аспект лингвистического анализа текста дискурса. /М. Ю. Олешков. // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 5—6 февраля 2010 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. — Ч. I — С. 325—331.
20. Попов, А.Ю. Формы экономических текстов и дискурсов. / А.Ю. Попов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 130—137.
21. Стернин И.А. Коммуникативное поведение. Профессиональная коммуникативная личность. / И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2007. — 194 с.
22. Тубалова И.В. Коммуникативные модели обращения к «чужому голосу» в разговорно-бытовом дискурсе / И.В. Тубалова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — N 3. — С. 75—83.
23. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. — М.: Весь мир, 2003
24. Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа. / В.Е. Чернявская // Филологические науки, 2003, вып. 3. — С. 23—25
25. Bourdieu Pierre. In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology / Trans. R. Nice. Cambridge: Polity Press, 1990—190 с.
26. Dijk T.A. Discourse as Structure and Process. / T.A. Dijk — London, 1997. — 320 с.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Уголовно-правовой анализ оснований освобождения от уголовной ответственности участников незаконных вооруженных формирований

Агаджанян Эдуард Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», филиал в г. Кисловодске

Принятие демократического уголовного законодательства, ориентированного на приоритет личности, ее прав и свобод, на отражение принципов правового государства, должно осуществляться в рамках обеспечения законодательной базы для эффективной борьбы с преступностью в новых условиях на основе надежных разработок в области уголовного права и криминологии [1]. Особенно это касается новых ранее не известных российскому уголовному законодательству преступлений, которым, в частности, является создание незаконных вооруженных формирований (НВФ).

Норма, содержащаяся в ст. 208 УК РФ, основана на ст. 13 Конституции России, запрещающей создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на создание вооруженных формирований. Это положение закреплено также в п. 9 ст. 1 Федерального закона № 61-ФЗ от 11 ноября 2003 г. «Об обороне» [7].

Создание незаконного вооруженного формирования, неподконтрольного федеральной государственной власти и не основанного на федеральных законах, служит потенциальным источником терроризма и может быть использовано как в политических, так и в национальных, религиозных и иных целях.

Общественная опасность данного преступления заключается в том, что создание и функционирование незаконного вооруженного формирования как альтернативы законным Вооруженным Силам и другим воинским формированиям, предусмотренным законодательством, создает угрозу общественной безопасности, обстановку неконтролируемых государством действий значительного числа вооруженных людей, возможность их использования преступным элементом в противоправных целях столкновения с законно действующими силовыми структурами.

Пунктом 9 ст.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 г. определено, что «создание и существование формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику либо в которых предусматривается прохождение военной службы, положение

которых не урегулировано федеральными законами, запрещаются и преследуются по закону».

Общественная опасность этого преступления заключается в том, что деятельность НВФ как не контролируемая государством создает угрозу общественной безопасности, возможность использования вооруженных людей в преступных целях, столкновения их с законно действующими силовыми структурами. Неупорядоченная, бесконтрольная деятельность НВФ связана с незаконным оборотом оружия, содержит потенциальную опасность возникновения конфликтных ситуаций. Нередко преступники обращаются к помощи зарубежных покровителей, наемников.

Особую опасность представляет использование незаконных вооруженных формирований в сепаратистских, экстремистских и иных преступных политических и религиозных целях. Как показывает обстановка в Чечне и других районах Северного Кавказа России, широкомасштабные действия вооруженных формирований, сопровождающиеся насилием, становятся опасным источником терроризма.

Общественная опасность НВФ обуславливает необходимость подавления этих структур войсками Министерства обороны и вооруженными отрядами иных силовых структур государства, что сопряжено с потерями, прежде всего, это человеческие жертвы, материальный и моральный ущерб. Поэтому создание независимых от государства вооруженных структур не может быть терпимо в любом государстве. Введение уголовной ответственности за организацию НВФ, руководство ими, за участие в них рассчитано на предотвращение возможных тяжелых последствий, к которым может привести деятельность незаконных формирований.

Впервые норма об ответственности за организацию НВФ или участие в нем была введена в УК 1960 г. (ст. 77² УК РСФСР) Федеральным законом от 28 апреля 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [6]. По всей видимости, объективные предпосылки введения в уголовный закон этой новеллы в то время действительно

существовали. Рост незаконных вооруженных формирований в Чечне, их открытое противостояние федеральным государственным органам вызвали необходимость специальной криминализации такого рода деяний.

Часть первая ст. 77² УК РСФСР предусматривала ответственность за организацию вооруженных объединений, отрядов, дружин и других вооруженных формирований, не предусмотренных федеральными законами, а равно за участие в таких формированиях, Часть вторая — за умышленные действия, совершенные в составе НВФ, если они сопряжены с массовым насилием над людьми или причинением тяжких последствий.

Наказывались эти деяния соответственно: лишением свободы на срок до 8 лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 1 ст. 77²); лишением свободы на срок до 12 лет с конфискацией имущества или без таковой (ч. 2 ст. 77²); В качестве особо квалифицирующего признака умышленных действий, совершенных в составе незаконных вооруженных формирований, указывалась гибель людей (ч.3), что влекло наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертной казни.

Вряд ли можно согласиться с точкой зрения В.В. Мальцева, что ст.208 УК РФ по сравнению со ст.77 УК РСФСР стала удачнее и лаконичнее [4]. Из содержания статьи, по крайней мере, было ясно, что незаконное вооруженное формирование создается для совершения массового насилия над людьми, других аналогичных противоправных действий. В отличие от современного состава преступления, предусмотренного ст.208 УК РФ, прежний состав организации или участия в нем подчеркивал ярко выраженный антигосударственный характер рассматриваемого общественно опасного посягательства. Наоборот, одним из главных недостатков ст.208 УК РФ является как раз отсутствие указания на цель создания незаконного вооруженного формирования. Это упущение породило множество проблем и разночтений при толковании и уяснении истинного содержания рассматриваемой нормы, ее уголовно-политической сущности. А, как справедливо отмечает В.С. Комиссаров, «задачи строго соблюдения законности при применении уголовного закона диктуют необходимость избегать законодательных формулировок, допускающих двойное толкование» [8]. Интересным представляется мнение С.Ф. Милюкова о том, что такая лукавая позиция современного российского законодателя предопределяется, в первую очередь, политическими соображениями. «По существу, — пишет ученый, — в 1995 г. законодатель создал своего рода паразитарную норму, которая частично дублирует составы, ныне предусмотренные в ст.275 и 278 УК РФ. Сделано это исключительно ради того, чтобы избежать критики (прежде всего, из-за рубежа) относительно наличия в демократической России достаточно большого числа политзаключенных». С существованием этой статьи можно было бы, по его мнению, смириться, если бы она не давала формальных оснований для привлечения к строгой уголовной ответственности лиц, добровольно выступивших с оружием в

руках на защиту российского государства и охраняемых им ценностей. К тому же эта норма должна иметь соответствующую санкцию — вплоть до смертной казни и пожизненного лишения свободы при отягчающих обстоятельствах [5].

Итак, незаконное вооруженное формирование не создается просто так, без какой-либо цели. Теоретически, возможны два варианта: 1) создание незаконного вооруженного формирования с непроступными (даже с социально-полезными, благими) целями, например, защита суверенитета субъекта Федерации, обеспечение безопасности и общественного порядка в каком-либо регионе, помощь правоохранительным органам в борьбе с преступностью и т.д.; 2) организация вооруженного объединения, отряда, дружины или иной группы в целях совершения преступных посягательств.

Если организация незаконного вооруженного формирования не преследует цели совершения преступлений, действия виновных лиц при наличии к тому оснований следует квалифицировать по ст.222 УК РФ. Например, в рамках какой-либо коммерческой или общественной организации создается вооруженное подразделение для обеспечения безопасности и охранных функций. В других случаях при установлении факта законного обладания оружием соответствующими лицами вполне достаточно административно-правовых средств.

По утверждению В.В. Мальцева, вооруженные формирования, действующие под вывеской всякого рода охранно-сыскных агентств и контор, представляют угрозу основам общественной безопасности [3]. В.С. Комиссаров также считает, что к незаконным вооруженным формированиям можно отнести не только структуры, имеющие военную организацию, но и гражданские объединения (в частности, охранные и детективные агентства) [2].

Не исключена возможность выполнения рассматриваемой нормой еще одной функции, функцию предупреждения тяжких последствий, которые могут наступить в случае действий подобных незаконных вооруженных формирований.

Необходимость установления уголовной ответственности за организацию НВФ или участие в них стала очевидной после того, как наряду с позитивными процессами постсоветского периода развития России (демократизм, расширение прав и свобод граждан, политический плюрализм, укрепление самостоятельности регионов) стали проявляться и тенденции негативного характера: падение уровня общественной дисциплины; жесткая борьба за власть и государственную собственность; увеличение масштабов преступности; коррупция; появление различных форм организованной преступности, включая вооруженную; сепаратизм; политический и религиозный экстремизм и т.д. Нередко НВФ вырождаются в уголовные и уголовно-политические банды, группировки террористов.

Согласно статистическим данным, за последние 5 лет 99% преступлений, квалифицируемых по ст. 208 УК РФ, совершены в регионе Северного Кавказа.

Литература:

1. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Шишов О.В. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. 1992. - №3. — с. 3.
2. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. — с. 114.
3. Мальцев В.В. Ответственность за организацию или участие в незаконных вооруженных формированиях // Российская юстиция. 1995. — №9. — с. 35.
4. Мальцев В.В. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Российская юстиция. 1999. — №2. — с. 44.
5. Милоков С.Ф. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Уголовно-правовой и криминологический аспекты организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем», представленную Дмитриенко А.В. на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 // Уголовное право. 2004. — №2. — С. 142–143.
6. СЗ РФ. 1995. №18. Ст.1595.
7. СЗ РФ. 1996. №23. Ст. 2750; 2003. №46 (ч. 1). Ст. 4437.
8. Терроризм: психологические корни и правовые оценки (материалы «круглого стола» журнала «Государство и право») // Государство и право. 1995 — .№4. — с. 29.

Историко-правовые аспекты феномена экстремизма в России

Бидова Бэла Бертовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Экстремизм — явление очень сложное и многоплановое, берущее свои истоки из вечно существовавшего и существующего национального и религиозного вопросов. В нашу жизнь экстремизм вторгся на изломе крутых перемен в политической, экономической, социальной жизни общества. С началом бурных и противоречивых изменений, захлестнувших общественную и политическую жизнь России в последние десятилетия, экстремизм стал в нашей стране повседневной реальностью, ежедневно напоминающей о себе своими страшными и жестокими проявлениями.

В XXI веке экстремизм, переживающий эволюционный подъем, стал оказывать все большее влияние на многие сферы жизни человеческого сообщества, подрывая стабильность существования населения в настоящем и их уверенность в завтрашнем дне. Поэтому все более актуальной задачей становится необходимость раскрытия сущности экстремизма, разработки понятийно-терминологического ряда, который позволил бы определить исторические, социологические, политические, психологические, информационные, правовые и другие аспекты борьбы с данным опасным явлением.

Необходимо признать, что в российской юридической науке до сих пор нет четкой позиции по поводу определения экстремизма. Отсутствует единый взгляд на его виды и формы, нет четкого разграничения смежных с экстремизмом явлений.

История развития общественных отношений убедительно доказала, что экстремизм проявлялся в разные

исторические времена в разных государствах и при любых социальных условиях, даже внешне вроде бы весьма благоприятных. Природа экстремизма зиждется либо на стремлении уничтожить существующую систему государственно-правовых и общественных отношений, либо на стремлении их сохранить в неизменном виде. Идеологическое обоснование экстремизм получил в XIX веке. Немецкий радикал Карл Гейнцген провозгласил, что запрет убийства неприменим в политической борьбе и что фактическая ликвидация сотен и тысяч людей может быть оправдана, исходя из «высших интересов человечества». Он был уверен, что с помощью экстремистских акций даже небольшая группа единомышленников сумеет создать хаос в самом сильном государстве [1, с. 40].

Если явление «экстремизм» известно с древних времен, то термин «экстремизм», как представляется, многовековой истории не имеет. Мы не находим его толкования ни в Толковом словаре русского языка В.И. Даля, ни в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, хотя определение близкого к экстремизму термина «терроризм» — в данных словарях приведено.

В отечественной политической и научной литературе термин «экстремизм» раскрывается в различных аспектах, но комплексного междисциплинарного подхода к определению этого многогранного явления не существует, что затрудняет понимание его сущности, не дает возможности выработать не только направления совершенствования общественных отношений, но и исследовать тот методологический инструментарий, который спо-

собен цивилизованно анализировать данные отношения. Как следствие, возникают затруднения с выработкой научно обоснованных рекомендаций по вскрытию причин и факторов, детерминирующих экстремизм, что, в конечном счете, снижает эффективность противодействия экстремистской деятельности [2, с. 249].

В настоящее время существуют различные мнения ученых о понятии и сущности экстремизма, его проявлениях, видах и формах. Например, экстремизм связывают с фундаментализмом и радикализмом [3, с. 67].

Другие авторы рассматривают экстремизм как своеобразный способ разрешения социальных противоречий, сложившихся в тех или иных сферах общественной жизни, или как совокупность крайних форм политической борьбы [4, с. 14].

Приведенные выше определения раскрывают сущность экстремизма исключительно как политического феномена, но не раскрывают правовой природы данного явления. В то же время, учитывая, что в рассмотренных определениях заложена конфликтогенность данного явления, его определение должно содержать характеристики противоправного характера экстремистских деяний.

Первым примером международного закрепления дефиниции «экстремизм» стала Шанхайская Конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [5], от 15 июня 2001 г. В ней как «экстремизм» расценивается как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [6, с. 52].

В отечественном нормотворчестве законодательное определение «экстремизм» проходило неоднозначно.

Так, в Уголовном кодексе РСФСР, принятом 2-й сессией ВЦИК XII созыва, введенного в действие постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г. [7], понятие экстремизма отсутствует. Нет его и в УК РСФСР 1961 г. [8], как не было и законов, посвященных противодействию экстремизму.

Это, впрочем, понятно, так как в недавнем прошлом проблемы борьбы с экстремизмом не стояли так остро, как в современный период. В Советском Союзе, в России долгое время считалось, что у нашего народа после Второй мировой войны выработан стойкий иммунитет против фашизма и нет никакой надобности ужесточать законодательство для противодействия экстремизму. Любые проявления недовольства в социальной, политической, экономической сферах идеологами коммунизма объявлялись результатом антинародного воздействия западной пропаганды. Носители таких убеждений получали клеймо проводников враждебной социалистическому строю идеологии, а их попытки отстоять собственную точку зрения попадали под действие, статей действовавшего тогда УК РСФСР, например, «Антисоветская агитация и пропа-

ганда» (ст. 70). Такой подход жесткого контроля идеологической сферы со стороны государства, безусловно, ограничивавший свободу убеждений и права граждан, играл, тем не менее, положительную роль с точки зрения предупреждения проявлений экстремизма. Практическая реализация сколько-нибудь масштабных акций становилась невозможной уже потому, что конфликту на стадии его зарождения давалась весьма жесткая идеологическая и правовая оценка, а к реальным и потенциальным участникам политически мотивированных насильственных действий государство незамедлительно применяло комплекс административных и воспитательных мер воздействия [9, с. 474].

В условиях преобразований, произошедших в Российской Федерации, ломки сложившихся схем и отношений в области политики, экономики, права, религии, социальной и иных сферах жизни государства и общества, были разрушены прежние, выработанные десятилетиями, механизмы регулирования отношений между государством, обществом и личностью, утратили свое прежнее значение и силу такие дисциплинирующие и цементирующие общественную жизнь начала, как патриотизм, чувство долга, нравственность, мораль. Был упразднен механизм профилактики преступлений. Непоследовательная реорганизация правоохранительных служб, и особенно органов безопасности, привела к ослаблению последних, а, следовательно, к формированию благоприятной среды для экстремистских проявлений.

В рассматриваемый период правовое понимание термина «экстремизм» в большей степени сводилось к его проявлению в религиозной сфере, подтверждением чему могут служить утвержденные 05.11.1998 г. Президентом Российской Федерации «Комплексный план мероприятий по противодействию исламскому экстремизму», «Перечень первоочередных мероприятий по противодействию исламскому экстремизму и предотвращению распространения радикальных исламских течений на территории Российской Федерации в 1998–2000 г.г.», Решение Совета Безопасности РФ «О дополнительных мерах по пресечению антиконституционной деятельности исламских экстремистских организаций в Российской Федерации» [10, с. 271].

Вместе с тем в Указе Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» особо подчеркивается, что: «Для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти, сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие» (п. 20 разд. II). При этом, «экстремистская деятельность наци-

оналистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленных на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране» отнесена в Стратегии к числу одного из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности нашей страны (п. 37 разд. IV).

В то же время, несмотря на несомненный рост экстремизма, законы, которые могли бы стать правовой основой для понимания экстремизма и борьбы с ним, на федеральном уровне не вырабатывались. Это затрудняет правовую оценку экстремистских проявлений, снижает эффективность применяемых государством мер по защите прав и законных интересов личности, общества, государства.

Отдельные субъекты Российской Федерации, не дождавшись решения вопроса на федеральном уровне, стали принимать местные нормативные акты: в Республике Дагестан был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» [11], в Кабардино-Балкарской Республике — Закон «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» [12]; в Карачаево-Черкесской Республике принят Закон «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики» и др. [13].

Общим недостатком указанных законов стало отсутствие в них научно обоснованного терминологического ряда, что неминуемо вело к нарушению конституционных прав и свобод граждан.

Неразрывная связь теории (идеологии) и практики экстремизма нашла выражение в определении экстремизма, данном В.А. Пономаренковым и М.А. Яворским: это «насильственные и (или) противоправные деяния, совершаемые по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также призывы к таковым деяниям» [14, с. 42].

Литература:

1. Авадиалов А.С. Концепции разрушения //Право и безопасность. 2012. №2. — С. 41.
2. Политология: Краткий энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Ю.С. Борцова. — М.: Изд-во коммерч. ун-та, 1997. — С. 249.
3. Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. 2007. №4. — С. 67.
4. Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис... канд. полит. наук. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2000. — С. 14.
5. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. №41. ст. 3947.
6. Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской республике: ислам и политика на Северном Кавказе. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. — С. 52.
7. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 года //Собрание узаконений РСФСР. 1926. №80. Ст. 600. (утратил силу).

Ю.Е. Пудовочкин и Р.М. Узденов, рассматривая понятие экстремизма, предлагают следующее его определение: «Экстремизм — это совершение преступлений в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами» [15, с. 87].

Полагаем, что указанное определение не достаточно полное по своему содержанию.

Иное мнение к определению понятия экстремизма у Е.П. Сергуна: «под экстремизмом следует понимать приверженность к целой системе взглядов, концепций, идей или представлений, основанной на политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражде в отношении личности, какой-либо социальной группы, нации или государства, не имеющую внешнего выражения. Как только экстремистские воззрения индивида реализуются во внешнем мире в форме противоправных деяний, следует говорить об экстремистской деятельности» [16, с. 197].

Таким образом, возникает проблема — расхождение в понимании экстремизма: экстремизм определяется через приверженность или все же, как считает большинство специалистов, — это деятельность. Быть приверженцем чего-либо — означает придерживаться определенных норм, оценок, взглядов и т.д. Однако приверженность может и не находить выражения в поведении, а так и оставаться всего лишь точкой зрения. Другое дело — экстремизм как деятельность. Здесь уже имеют место конкретные деяния, которые могут быть восприняты правом. Именно так нужно рассматривать экстремизм как объект правового воздействия [17, с. 297]. В противном случае борьба с экстремизмом означала бы борьбу с убеждениями, инакомыслием. Общеизвестно, что во вне своих деяний человек для права не существует. Идеи, взгляды, намерения, убеждения должны воплотиться в поведении человека и только в таком виде могут получить правовую оценку.

8. Уголовный кодекс РСФСР 1960 от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. №40. Ст. 591. (утратил силу).
9. Екимов С.О. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / Под ред. В.П. Сальникова. — М.: Наука, 2005. — С. 474.
10. Сулова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: Автореф. дис...канд. филос. наук. — М.: Сталкер, 2004. — С. 21.
11. Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» от 22.09.1999 №15 (в последней ред. Закона Республики Дагестан от 09.03.2007. №10) // http://karachaycherkessia.news-city.info/docs/sistemsr/dok_iegldi.htm (утратил силу).
12. Закон Кабардино-Балкарской Республики «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности» от 01.06.2001. №47-РЗ // <http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/179-rossiyskiy-opyt>
13. Закон Карачаево-Черкесской Республики «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории карачаево-черкесской республики» от 04.05.2000 №6-РЗ // http://karachaycherkessia.news-city.info/docs/sistemsr/dok_iegldi.htm (утратил силу).
14. Пономаренков В.А., Яворский М.Л. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. №2. — С. 42.
15. Пудовочкин Ю.Е., Узденков Р.М. Теоретические конструкции определения экстремизма: проблемы и перспективы // Криминологический журнал. 2005. №2 (8). — С. 87.
16. Сергун Е.П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. №2. — С. 197.
17. Бидова Б.Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму // Молодой ученый. 2012. №11. — С. 287.

Полномочия органов местного самоуправления в области градостроительства (проблемы самовольного строительства)

Бузынова Наталья Владимировна, ведущий специалист, магистрант
Управление архитектуры и градостроительства Одинцовского муниципального района,
Одинцовский гуманитарный институт

В данной статье рассмотрены полномочия органов местного самоуправления, проблемы самовольного строительства, а именно многоквартирных жилых домов на землях, предназначенных для индивидуального жилищного строительства. Проанализированы основные нарушения в законодательстве, при возведении такой постройки. Выявлена и обоснована необходимость изменения в законодательстве, а именно в градостроительном и земельном кодексах.

Ключевые слова: *местное самоуправление, градостроительная деятельность, полномочия, индивидуальный жилой дом, многоквартирный дом, земельный участок.*

This article discusses the powers of local authorities, the problem of unauthorized construction, as multi-family houses on land intended for individual housing construction. Analyzed the main breaches of the law, in the construction of such buildings. Identified and the necessity of changes in legislation, namely in urban and land codes.

Key words: *local governance, urban operations, powers, detached house, apartment house, land.*

Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации и представляет собой форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Становление и развитие местного самоуправления в Российской Федерации нередко сопровождалось изменениями в правовом регулировании вопросов местного значения, тем не менее, законодательство о местном самоуправлении традиционно относит определенные сферы градостроительной деятельности к вопросам местного значения. Это обуславливает вовлечение деятельности в области градостроительства, осуществляемой населе-

нием непосредственно или через органы местного самоуправления, в русле проводимой в стране государственной градостроительной политики.

Историю развития человеческой цивилизации невозможно представить без роста человеческих поселений. Градостроительная деятельность по развитию территорий, осуществляемая в виде территориального планирования, архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции объектов капитального строительства, затрагивает также общественные отношения, которые относятся к природоохранной сфере, земельным отношениям, защите жизни и здоровья людей, реализации основных конституционных прав человека и гражданина.

Полномочия органов местного самоуправления закреплены в статье 8 Градостроительного кодекса Российской Федерации, которая посвящена полномочиям органов местного самоуправления в области градостроительной деятельности, другие, производные, полномочия содержатся в иных статьях Градостроительного кодекса Российской Федерации. Помимо Градостроительного кодекса Российской Федерации полномочия органов местного самоуправления в данной области закреплены в ряде других нормативных правовых актов: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Жилищный кодекс 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ, Земельный кодекс 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ.

Градостроительный кодекс Российской Федерации, каким бы он ни был, является единственным источником права в градостроительной сфере, основным регулятором современных отношений, в которых выступают органы местного самоуправления, это к тому же результат долгой эволюции различного рода проявлений нормотворчества.

Результатом нормотворчества, как одним из способов реализации полномочий органов местного самоуправления являются: генеральный план, местные нормативы градостроительного проектирования, правила землепользования и застройки, план по реализации генерального плана, решение о назначении публичных слушаний, документация по планировке территории (проект планировки территории, проект межевания территории, градостроительный план земельного участка).

Однако несоблюдение гражданам и юридическими лицами законодательства, а именно неполучение разрешения на строительство капитальных объектов, мешает органам местного самоуправления вести градостроительную политику.

Вопросам самовольного строительства уделяется в настоящее время достаточное количества внимания, как в теоретическом, так и в правоприменительном плане. Согласно пункту Г статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации самовольной постройкой является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке,

не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Сейчас возникает вполне обоснованный вопрос, имеет ли право орган местного самоуправления вводить в эксплуатацию самовольные постройки и регулировать данную процедуру на уровне муниципального правового акта в отсутствие законодательного закрепления таких полномочий.

В настоящее время гражданское право уже не является исключительно отраслью частного права, поскольку в него вплетено немало публично-правовых элементов. Так, наряду с частноправовыми санкциями, направленными на восстановление нарушенного субъективного права потерпевшего, гражданское законодательство предусматривает публично-правовые санкции, обеспечивающие публичный порядок, чем и являются нормы о сносе самовольной постройки [10]. О.А. Беляева считает однозначным положение о том, что требовать сноса самовольной постройки могут органы местного самоуправления — администрации муниципальных образований, — именно в их компетенцию входят вопросы регулирования планировки и застройки территории муниципального образования; владения, пользования, и распоряжения муниципальной собственностью; выдачи разрешений на строительство; предоставления земельных участков для строительства и реконструкции [9].

Поскольку право собственности на самовольную постройку у застройщика не возникает, он не может воспользоваться гражданско-правовыми способами защиты своих интересов. Вместе с тем на самовольно возведенный объект недвижимости право собственности может устанавливаться в судебном порядке — только на основании решения суда постройка получает статус полноценного объекта гражданских прав. Однако судебное признание права собственности невозможно, если сохранение постройки нарушает права и законные интересы других лиц либо создает угрозу жизни и здоровью граждан. Самовольное строительство относится к числу первоначальных способов приобретения права собственности [11, с. 18–22]. Хотя по своей правовой сути самовольная постройка — это гражданское правонарушение, последствия которого сводятся к сносу самовольной постройки осуществившим ее лицом либо за его счет. Основным смысл института самовольной постройки выражается в санкции за допущенные нарушения при осуществлении строительства недвижимого имущества. Чаще всего самовольно возводятся объекты, приносящие доход: здания магазинов, кафе, склады, гаражи, цеха, автозаправочные станции и т.д. Самовольное строительство встречается и в жилищной сфере.

На данный момент на территории Одинцовского района около 100 самовольных многоквартирных домов построенных на землях для индивидуальной жилой застройки. Застройщики под «индивидуальными жилыми домами»

без проектной и разрешительной документации или с отступлением от нее, с нарушением технологии строительства, без привлечения специализированной организации, имеющей свидетельство СРО на проведение строительных работ, в отсутствие необходимых инженерных коммуникаций на территории застройки возводят многоквартирные жилые дома, не отвечающие требованиям СП «Здания жилые многоквартирные». Далее «передают» по договорам дарения доли в выстроенных объектах, фактически представляющие из себя квартиры. При этом застройщик получает прибыль от *n*-го количества квартир, а обманутые приобретатели остаются в квартирах, непригодных для проживания. Проживание в подобных помещениях несет потенциальную угрозу для жизни и здоровья граждан.

Однако для потенциального покупателя на первый взгляд все выглядит довольно неплохо. Риэлторы показывают проекты домов, картинки с трехэтажным домом, вокруг газон и деревья, застройщик утверждает, что рядом будет парковка с достаточным количеством машиномест, да и сам дом симпатичный. Впрочем, предложение очень заманчивое, тем более что участки под застройку расположены в очень удобных, в плане транспортного сообщения, местах — около железнодорожных станций, вблизи крупных транспортных магистралей.

Однако вернемся к сложившимся проблемам:

1. Согласно Законодательству, собственник земельного участка вправе возводить на нем здание, сооружение при условии соблюдения требований о целевом назначении земельного участка — ст.42 ЗК РФ [3].

«Многоквартирным домом признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещения общего пользования в таком доме» [6].

Земельные участки, на которых возводятся спорные объекты, имеют вид разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства» и предназначены для размещения жилых домов для проживания одной семьи. Таким образом, спорные объекты — многоквартирные жилые дома, не соответствуют типу (виду) постройки, которая может быть возведена на земельном участке с целевым назначением «для индивидуального жилищного строительства» [2, п.1 ст.263, п.2 ст.260].

2. На территории малоэтажной жилой застройки, следует предусматривать 100% обеспеченность машино-местами для хранения и парковки легковых автомобилей и других транспортных средств в пределах отведенного участка. По фактическому пользованию в границах исследуемых участков возможность размещения машино-мест отсутствует. Поскольку дома занимают практически всю площадь участка [8, п.4.2.6, п.4.2.7; 5, п.2.3].

3. Планировочное решение малоэтажной жилой застройки должно обеспечивать проезд автотранспорта ко всем зданиям и сооружениям, в том числе к домам, расположенным на приквартирных участках. Зачастую подъезд к спорным объектам не обеспечен, либо объект сужает,

затрудняет, а иногда и вовсе перекрывает подъезд к соседним участкам [4, ст. 67; 7, п.6.19, 8, п.4.2.3].

4. Централизованное инженерное обеспечение (тепловые и газовые сети, водоснабжение, электроснабжение, канализование) территории малоэтажной жилой застройки должно производиться в соответствии с техническими условиями, выдаваемыми соответствующими органами, ответственными за эксплуатацию местных инженерных сетей. Фактически системы водопровода, отопления, канализации, газоснабжения в спорных объектах в полном объеме, отсутствуют. Как правило, это проблемы с электричеством. Электросети выделяют энергии столько же, как на соседние дома (т. е. для одной семьи), чего явно не хватает на количество жильцов многоквартирного дома. Зачастую, вместо центрального канализования, устанавливаются септики, а то и вовсе выгребные ямы, что не допустимо для многоквартирных домов [5, п.8.1.1; 8, п.4.3; 6].

5. Конструкции здания должны быть запроектированы и возведены таким образом, чтобы в процессе его строительства и в расчетных условиях эксплуатации была исключена возможность разрушений или повреждений конструкций, ухудшения эксплуатационных свойств конструкций или здания в целом вследствие деформаций [6, п.6].

6. Застройка земельных участков вправе осуществляться при условии соблюдения градостроительных и строительных норм и правил, требований санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, технического регламента о требованиях пожарной безопасности на основании разрешения на строительство [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Лицо, осуществившее самовольное строительство, не приобретает на такую постройку прав собственности. Соответственно, не вправе этим объектом и распоряжаться: продавать, сдавать в аренду и прочее.

Кроме того, такой объект подлежит сносу на основании решения суда за счет собственника объекта самовольного строительства. То есть, если судебный акт о сносе дома вынесен после приобретения квартир покупателями, то за их счет. И примеры судебной практики не единичны: суды Видновского, Раменского, Одинцовского, Истринского, Мытищинского и других городских судов обязали покупателей снести за свой счет дома, квартиры в которых они купили.

Тот факт, что права собственности «обманутых дольщиков» прошли государственную регистрацию, ни о чем не говорит. Вернее, свидетельствует о таком человеческом факторе, как некомпетентность лиц, регистрирующих права и разрешающих подобное строительство. А также о недоработках действующего законодательства.

Кроме того необходимым фактором строительства многоквартирных жилых домов является обеспечение проживающих в нём семей объектами социального назначения: школа, детский сад, поликлиника, аптека и т.д., а так же организация придомовой территории с четким функциональным зонированием и размещением пло-

щадок отдыха, торговых, спортивных хозяйственных площадок, гостевых стоянок автотранспорта, площадок для мусорных контейнеров, зеленых насаждений. При этом системы расселения социальной, производственной, инженерно-транспортной инфраструктур, а также развиваемые на перспективу трудовые, культурно-бытовые и рекреационные связи в пределах поселения должны быть едины.

Рациональная очередность развития поселения с принципиальным решением по территориальному развитию, функциональному зонированию, планировочной структуре, инженерно-транспортной инфраструктуре предусматривается генеральным планом территории.

Кроме того подобное строительство ведет к социальной напряженности и криминогенной обстановке на территории поселков и деревень. Застройщики при возведении многоквартирных домов не обеспечивают граждан, намеренных проживать в возводимых домах, вышеуказанными объектами соцкультбыта, поэтому они вынуждены пользоваться услугами существующих на территории объектов, что приводит к их дефициту и дисбалансу территории, нарушая тем самым права, проживающих в поселениях жителей.

Органы местного самоуправления, в пределах своей компетенции и полномочий обязаны бороться с такими нарушениями. Однако рычагов борьбы в действующем законодательстве не много. Местная администрация лишь может в рамках муниципального земельного контроля, выехав на место зафиксировать нарушение и сообщить о нем в государственный орган, для проведения государственного земельного контроля. Лишь для защиты своих прав и законных интересов, местная администрация обращается в суд.

Александр Коган — министр правительства Московской области по долевному жилищному строительству, ветхому и аварийному жилью, видит несколько основных путей решения проблемы. Во-первых, надо информировать граждан, по каким договорам, на каких землях можно приобретать жилье. «Предупрежден — значит вооружен. Надо сформировать и опубликовать в средствах массовой информации уточненный реестр многоквартирных домов, возводимых на землях, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, и на землях, предоставленных садоводческим, огородническим и дачным некоммерческим объединениям граждан», — говорит министр.

Необходим также контроль со стороны администраций муниципальных образований за строительством многоквартирных домов на землях ИЖС. Нужно незамедлительно реагировать, как только появится реклама продажи таких квартир.

«Ну и, разумеется, предстоит подготовить предложения по совершенствованию федерального и регионального законодательства, исключающие возможность строительства многоквартирных домов на землях, предназначенных для индивидуального жилищного строи-

тельства, и землях, предоставленных садоводческим, огородническим и дачным некоммерческим объединениям граждан», — резюмирует министр [13].

Как отметил Мартин Шакум, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по земельным отношениям и строительству: «В соответствии с нормами земельного законодательства, законодательства о градостроительной деятельности для строительства многоквартирного многоэтажного дома необходимо, чтобы он находился в границах населенного пункта и вид разрешенного использования земельного участка соответствовал такому строительству. Однако подготовить и согласовать все необходимые документы для этого не просто. Маловероятно, что застройщику легко удастся включить, например, дачный участок в черту населенного пункта и получить необходимый вид его разрешенного использования. Кроме того, законодательство о градостроительной деятельности предусматривает территориальное планирование, градостроительное зонирование, планировку территории. Именно эти институты определяют, какие земельные участки и для каких целей можно предоставлять и что на них можно строить. При этом планы выносятся на публичное обсуждение.

Проблема строительства многоэтажных домов на дачных участках и участках под индивидуальное жилищное строительство должна решаться не только путем постоянного изменения законов, но и с помощью надлежащего контроля за действиями застройщика. Сейчас, например, не требуется экспертиза проектной документации, а следовательно, не осуществляется строительный надзор за строительством отдельных видов трехэтажных многоквартирных домов и двухэтажных объектов, площадь которых не превышает 1500 квадратных метров. Такая либерализация законодательства отчасти и привела к тому, что органы строительного надзора и другие компетентные органы до определенного момента не вправе вмешиваться в строительный процесс. А когда такое право у них появляется, обычно уже поздно.

Граждане, которые покупают квартиры, должны знать: согласно Федеральному закону № 214 застройщик имеет право привлекать денежные средства только на основании договоров об участии в долевом строительстве. Очень важно, чтобы люди это понимали и не покупали подозрительно дешевые квартиры, так как риск стать жертвой мошеннических схем был, есть и будет всегда.

В ближайшее время Госдума рассмотрит в первом чтении законопроект о нормативах градостроительного проектирования. Это требования, которые подлежат учету при разработке документов территориального планирования, градостроительного зонирования, документации по планировке территории. Готовится к рассмотрению во втором чтении законопроект о предоставлении земельных участков, благодаря которому этот институт земельного законодательства будет в значительной степени изменен и доработан».

Необходимо разработать механизм воздействия органов местного самоуправления на недобросовестных застройщиков, по которому разрешение на строительство будет единственным документом дающим застройщику право осуществлять строительство. Отсутствие разрешения уже должно быть основанием для обращения органов местного самоуправления в суд. В настоящее время суды достаточно лояльно относятся к самовольным постройкам и основанием для сноса служат нарушения нарушает прав и законные интересы других лиц, либо угроза жизни и здоровью граждан.

По состоянию на 1 октября 2012 года в Московской области 363 индивидуальных жилых дома с признаками многоквартирности, из них в Одинцовском районе — 97 объектов [12].

В свое время положения статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации стали предметом оценки со стороны Конституционного Суда Российской Федерации,

который указал, что правила о самовольных постройках обязывают граждан не совершать неправомерных действий, поэтому нельзя считать, что они нарушают конституционное право частной собственности и право на жилище [8]. В последние годы и в судах общей юрисдикции, и в арбитражных судах рассматривается большое число исков о признании права собственности на самовольные постройки.

Изучение проблем, связанных с самовольными постройками, а также судебно-арбитражной практики по данной категории дел позволяет утверждать, что сейчас нет четкого правового регулирования многих вопросов в этой области и, как следствие, нет единообразия в их применении.

Изложенные факты и доводы позволяют нам сделать вывод о важности вопросов регламентирования муниципальными правовыми актами тех сфер жизнедеятельности, которые напрямую не детализированы нормами федерального законодательства.

Литература:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 20.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ.
4. Федеральный закон от 22.07.08 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»
5. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 10 июня 2010 г. N 64 г. Москва «Об утверждении СанПиН 2.1.2.2645—10»
6. Строительные нормы и правила РФ СНиП 31—01—2003 «Здания жилые многоквартирные» (приняты постановлением Госстроя РФ от 23 июня 2003 г. N 109)
7. Строительные нормы и правила РФ СНиП 2.07.01—89* «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»
8. Свод правил по проектированию и строительству СП 30—102—99 «Планировка и застройка территорий малоэтажного жилищного строительства» (утв. постановлением Госстроя РФ от 30 декабря 1999 г. N 94) (утв. постановлением Госстроя СССР от 16 мая 1989 г. N 78)
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.03.2004 № 85—0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лежнева Виктора Захаровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации».
10. Беляева О.А. Правовые последствия самовольного строительства. «Право и экономика». 2007. № 7.
11. Романец Ю.В. Сделки, противные основам правопорядка и нравственности (этический и правовой аспекты). «Вестник гражданского права». 2009. № 2.
12. Щенникова Л.В. Самовольное строительство в России: объективная оценка и неожиданные гражданско-правовые последствия. Законодательство. 2006. № 3. С. 18—22.
13. ГАУ МО «Издательский дом «Подмосковье» № 180 от 03.10.2012 г.
14. <http://www.irn.ru/articles/32900.html>

Проблемы и практика правового регулирования кадастровой оценки приватизированных земельных участков

Бузынова Наталья Владимировна, ведущий специалист, магистрант
Управление архитектуры и градостроительства Одинцовского муниципального района,
Одинцовский гуманитарный институт (Московская обл.)

В данной статье рассмотрены проблемы правового регулирования кадастровой оценки приватизированных земельных участков. Проанализировано российское законодательство в этой сфере. Показаны основные области применения кадастровой оценки. Выявлена и обоснована необходимость изменения непрозрачности процедуры установления кадастровой оценки, а так же соответствующие изменения в законодательстве и иных нормативных актах, регулирующих порядок установления кадастровой стоимости.

Ключевые слова: кадастровая оценка, кадастровая стоимость, Росреестр, земельный участок, объект недвижимости, право, налогообложение.

This article discusses the issues of legal regulation of privatised land cadastral valuation. Analysis of Russian legislation in this field. Shows the main scope of the inventory estimate. Identified and the necessity of changing the opacity of the cadastral valuation, as well as relevant developments in legislation and other normative acts regulating the procedure for establishing the cadastral value.

Keywords: cadastral valuation, cadastral value, Rosregister, land, real estate, law, taxation

В настоящее время эта тема актуальна и имеет особое значение, поскольку современное государство нуждается в реальной достоверной экономической оценке тех активов, того богатства, которыми оно располагает, поскольку знание стоимости меняет отношение. Кадастровая стоимость регулирует важные имущественные, правовые, финансовые, налоговые отношения.

Основу кадастровых отношений составляет законодательство РФ в этой сфере, которое состоит из:

Конституции РФ — ее нормы служат правовой основой развития российского законодательства в целом, в систему которого входит и настоящий закон. Она имеет высшую силу и прямое действие.

Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Лесного кодекса РФ, Водного кодекса РФ, Градостроительного кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ — указанные кодексы регулируют правоотношения сторон, касающиеся предмета регулирования комментируемого закона, а именно: объектов недвижимости. Сведения же об объектах недвижимости содержатся в базах данных систем государственного земельного кадастра, технического учета объектов градостроительной деятельности, а также водного, лесного и других природно-ресурсных кадастров.

В соответствии со ст. 76 Конституции РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ издаются Федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты. (Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 08.04.2000 г. № 316 «Об утверждении Правил проведения государственной кадастровой оценки земель»; постановление Правительства

Российской Федерации от 25.08.1999 г. № 945 «О государственной кадастровой оценке земель»; приказ Минэкономразвития России от 12.08.2006 г. № 222 «Об утверждении Методических указаний по определению кадастровой стоимости вновь образуемых земельных участков и существующих земельных участков в случаях изменения категории земель, вида разрешенного использования или уточнения площади земельного участка» и др.)

Однако все вышеперечисленные законы имеют, к сожалению, в своем содержании противоречия и пробелы. Главный недостаток Земельного Кодекса состоит в том, что он изобилует общими нормами, содержащими отсылки к крупным законодательным актам. Многие его статьи прописаны плохо и неоднозначно, иногда лишь обозначены с некачественным содержанием в надежде, что специальный закон, на который есть ссылка в Кодексе, выправит содержание. Примером этого является статья «Землеустройство», в которой не нашли отражения такие задачи, как консолидация земельных участков; землеустройство в связи масштабными проектами строительства и необходимостью перераспределения земель; землеустройство, обеспечивающее охрану земель с выводом земель из оборота; землеустройство, связанное с упорядочением земельных участков, обеспечивающее доступ к земельному участку и укрупнением земельных участков для осуществления строительства и т.д. [3]

Результатом проведения государственного кадастрового учета является присвоение объекту уникального, не повторяющегося во времени и на территории Российской Федерации кадастрового номера и изготовление кадастрового паспорта, используемого при регистрации прав

и совершении сделок с недвижимым имуществом, а также для определения налоговой базы.

Кадастровая стоимость земельных участков — это расчетная величина, определяемая в результате государственной кадастровой оценки земель с учетом классификации земель по целевому назначению. А также в виду функционального использования на основании статистического анализа рыночных цен и иной информации об объектах недвижимости, а также иных методов массовой оценки недвижимости для целей налогообложения и иных целей, установленных законом. Надо отметить, что это определение вытекает из нормативных актов, законов о земельном кадастре, из Земельного кодекса Российской Федерации и Правил проведения государственной кадастровой оценки земель.

В соответствии с п. 13 ст. 3 ФЗ № 137-ФЗ «О введении в действие земельного кодекса РФ», в случаях, если кадастровая стоимость земли не определена, для целей, указанных в статье 65 ЗК РФ, применяется нормативная цена земли [2]. Согласно п. 5 ст. 65 ЗК РФ, для целей налогообложения и в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, федеральными законами, устанавливается кадастровая стоимость земельного участка. То есть ст. 65 ЗК РФ охватывает в том числе и приватизацию земельных участков.

В данный момент, в половине субъектов РФ кадастровая стоимость земельных участков определена, следовательно, в силу п. 13 ст. 3 указанного ФЗ органы государственной власти этих субъектов и муниципальных образований обязаны применять именно эту цену при приватизации земельных участков. Там где она не определена, действуют методики субъектов РФ или муниципальных образований основывающиеся на нормативной цене земли.

Итак, основные области применения кадастровой оценки:

- для целей налогообложения (п. 1 ст. 391 НК РФ);
- для целей определения выкупной цены земельного участка (ст. 2 № 137-ФЗ).

Как показывает практика, наиболее динамично участвуют в обороте объекты недвижимости — ранее приватизированные строения, сооружения. Оборот с недвижимостью на земельном участке всегда сопряжен с переходом прав на землю, но не всегда участники гражданско-правовых отношений решают вопросы землепользования. Это объясняется временным фактором оформления земельно-правовых отношений, так как не во всех случаях земельные участки ранее были сформированы как объекты недвижимости и на них выданы документы либо при наличии документов на земельный участок стороны ограничиваются положениями некоторых нормативных актов.

Федеральным законом № 137 «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» предусмотрена обязанность граждан и юридических лиц переоформить право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право их аренды или приобрести

земельные участки в собственность, а религиозные организации кроме того — переоформить на право безвозмездного срочного пользования по своему желанию до 1 января 2006 г. [2]

Переоформление прав позволит включить земельные участки в гражданский и земельный оборот (ипотека, продажа земельных участков, прав аренды, субаренда и т.д.), в то время как распоряжение земельными участками, находящимися у землепользователей на праве постоянного (бессрочного) пользования, запрещено. При этом ст. 20 ЗК РФ гарантирует сохранение права постоянного (бессрочного) пользования. Статьей 45 ЗК РФ установлены основания прекращения права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. Непереоформление права постоянного (бессрочного) пользования на право собственности, аренды или безвозмездного срочного пользования является основанием прекращения права на земельный участок.

Федеральным законом от 21 декабря 2001 года № 178 «О приватизации государственного и муниципального имущества» установлены особенности отчуждения земельных участков при приватизации зданий, строений и сооружений, а также объектов, строительство которых не завершено и которые признаны самостоятельными объектами недвижимости. Их отчуждение осуществляется одновременно с отчуждением лицу, приобретающему такое имущество, земельных участков, занимаемых таким имуществом и необходимых для их использования, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Запрет на приватизацию установлен в ст. 95 ЗК РФ применительно к земельным участкам в границах государственных заповедников и национальных парков. В соответствии с ч. 12 ст. 85 ЗК РФ земельные участки общего пользования, занятые площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, закрытыми водоемами, пляжами и другими объектами, могут включаться в состав различных территориальных зон и не подлежат приватизации [1].

Особенности земли, как объекта купли-продажи и иных сделок не могут не отразиться на условиях сделки, правах и обязанностях ее сторон. Необходимо отметить при этом, что и для гражданского законодательства регулирование сделок с землей является относительно новым институтом, на практике применяющимся только в течение последнего десятилетия и требующим дальнейшего развития и совершенствования. Поэтому можно констатировать, что в гражданском и земельном законодательстве происходит становление и развитие этого института, причем это происходит путем устранения ряда противоречий в правовом регулировании и выявления на практике особенностей регулирования сделок именно в отношении земли.

Оценочная стоимость единичного земельного участка населенного пункта — это кадастровая стоимость земли оценочной зоны с поправкой на его отличия от типичного участка, оказывающие ценообразующее влияние на вели-

чину рыночной стоимости. Данная величина характеризует стоимость земельного участка в системе оценочного зонирования территории поселения с учетом сложившегося спроса и предложения на земли данного вида использования и качественно-количественных характеристик земельного участка.

Государственная кадастровая оценка земель проводится не реже одного раза в 5 лет. Она начинается с разработки и утверждения следующих трех документов:

- распорядительный документ Росреестра об организации проведения государственной кадастровой оценки земель в субъектах РФ;
- распорядительный документ территориального Управления Росреестра об организации проведения государственной кадастровой оценки земель в субъекте РФ с указанием даты ее проведения;
- акт органа исполнительной власти субъекта РФ о проведении государственной кадастровой оценки земель в субъекте РФ с указанием даты ее проведения.

В соответствии со ст. 390 НК РФ налоговая база по земельному налогу определяется как кадастровая стоимость земельного участка, признаваемого объектом налогообложения. Соответственно, ее увеличение влечет за собой пропорциональное повышение налоговых обязательств при уплате земельного налога.

В начале 2008 г. в большинстве регионов России вступили в силу акты, утверждающие результаты государственной кадастровой оценки земли. Такие акты выносятся органами исполнительной власти субъектов РФ, имеющими соответствующие полномочия. Соответствующие экономические показатели вносятся в государственный земельный кадастр. Для многих землевладельцев новая кадастровая стоимость их земельных участков явилась полной неожиданностью. Как правило, она многократно превышает прежнюю кадастровую стоимость, которая применялась до 2008 г., а во многих случаях значительно превышает и рыночную стоимость [4].

Земельный налог является местным налогом и вводится в действие соответствующими нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований. Этими же актами устанавливаются налоговые ставки и налоговые льготы в пределах, зафиксированных ст. 394 и 395 НК РФ. Кроме того, кадастровая оценка влияет как на размер стоимости выкупа земельного участка (при оформлении его в собственность), так и на размер арендных платежей (при оформлении в долгосрочную аренду). Таким образом, одновременно во многих регионах России возникли ситуации, когда землевладельцы и землепользователи были просто не в состоянии заплатить земельный налог. Многие предприятия, оказались на грани разорения.

Возможность рассмотрения в судебном порядке споров, возникающих при проведении государственной кадастровой оценки земель, предусмотрена п. 12 Правил проведения государственной кадастровой оценки земель (утв. постановлением Правительства РФ от 08.04.2000 г.

№316; далее — Правила оценки земель). Однако на практике возможность судебной защиты носит скорее декларативный характер и не позволяет налогоплательщикам в должной мере отстаивать свои права. Суды как общей юрисдикции, так и арбитражные в большинстве случаев подходят к рассмотрению споров о кадастровой оценке формально.

Причиной такого отношения судов к данному вопросу, по всей видимости, следует считать не последовательное отстаивание интересов бюджета, а непрозрачность процедуры установления кадастровой стоимости. В частности, известно, что в этом процессе задействовано несколько органов государственной власти (территориальное Управление Росреестра, орган исполнительной власти субъекта РФ и т.д.) и организаций.

Нарушения, связанные с определением кадастровой стоимости земель, вызваны, как правило, отклонением от Методических рекомендаций по государственной кадастровой оценке земель населенных пунктов (утв. Приказом Минэкономразвития России от 15.02.2007 г. №39; далее — Методические рекомендации по оценке земель) и Технических рекомендаций по государственной кадастровой оценке земель населенных пунктов (утв. приказом Роснедвижимости от 29.06.2007 г. №П/0152; далее — Технические рекомендации по оценке земель).

Одним из самых больших пробелов в процессе установления кадастровой стоимости является несогласованность действий органов власти и организаций, участвующих в процессе кадастровой оценки земель. Закреплено, что организатором процесса является Управление Росреестра (ранее — Роснедвижимости) по соответствующему субъекту РФ, однако фактически кадастровую оценку проводит иное лицо. При этом и Управление Росреестра, и орган исполнительной власти субъекта РФ, утвердивший результаты кадастровой оценки, ссылаются на то, что не могут повлиять ни на процесс определения кадастровой стоимости, ни на ее размер. Кроме того, существенное повышение налоговой нагрузки, как уже указывалось, связано с несогласованностью действий лиц, устанавливающих кадастровую стоимость, и органов местного самоуправления, которые устанавливают ставки земельного налога. Соответствующие поправки в нормативные правовые акты представительных органов муниципальных образований позволили бы избежать столь негативных последствий.

Что касается проблем, выявляемых при обжаловании результатов кадастровой оценки по причине несоблюдения порядка утверждения и опубликования соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта РФ, можно сказать с уверенностью: требуются соответствующие изменения в законодательстве и иных нормативных актах, регулирующих порядок установления кадастровой стоимости.

Прежде всего, следует ввести строгое определение понятия «результаты государственной кадастровой оценки». Неверное толкование данного определения управлениями Росреестра и в некоторых случаях судами приводит к не-

правомерному признанию результатов государственной кадастровой оценки, не соответствующими требованиям законодательства. Далее на уровне федерального закона следует конкретизировать порядок публикации акта, утверждающего результаты государственной кадастровой оценки. И наконец, следует более подробно регламентировать процесс формирования проекта акта об утверждении результатов государственной кадастровой оценки и передачи этого проекта органу исполнительной власти субъекта РФ [4].

В целях оптимизации кадастровой стоимости предлагается:

1. Разработать ясные, экономически обоснованные методики расчета с привлечением профессиональных оценщиков, российских научных организаций, занимающихся теорией оценки;
2. Сделать процедуру кадастровой оценки более открытой, публичной и понятной;
3. Установить перечень целей, решение которых так или иначе связано с кадастровой стоимостью;
4. Сформулировать четкие требования к исходным данным, в том числе по обязательному набору исходных данных, обеспечивающих градостроительную ценность земельных участков.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ.
2. Федеральный закон № 137-ФЗ от 25.10.2001 г. «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации».
3. Быстров Г.Е. Аграрное право о земельном кодексе <http://www.k-press.ru/bh/2001/1/bistrov/bistrov.asp> 28.09.2012 г.
4. Стружков А. Кадастровая оценка: практика оспаривания// Юрист предприятия в вопросах и ответах статья. 2010. №4.

Проблема экстремизма и ее влияние на национальные интересы России

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Исследуя проблему экстремизма в современном мире, вылившиеся в события 11 сентября 2001 г., необходимо отметить, что они резко изменили международные отношения. Это вылилось, главным образом, в изменение отношений между Россией и странами Запада. Россия сделала окончательный выбор в сторону европейской цивилизации, построения гражданского общества, жертвуя при этом определенными своими интересами. Нельзя не замечать определенные опасности данной позиции, обусловленные полиэтническим и разнородным в культурном и религиозном отношении населением. Наличие серьезных социальных конфликтов осложняет достижение желаемого результата [3].

В России проживает около 20 млн. людей, исповедующих ислам. Исламское население характеризуется тенденцией быстрого демографического роста. Огромная протяженность сухопутных границ ставит вопрос выработки внутренней политики, позволяющей российским мусульманам ощущать себя гражданами своей страны. Сухопутные границы с исламским миром дают прямое соприкосновение с воинствующим исламским экстремизмом, ставя, по существу, Россию первым эшелон классического конфликта «север — юг». Поэтому, в интересах России участие в экономической и политической жизни этого региона, для содействия реальному

подъему уровня жизни, становлению демократических основ власти. Подобное развитие ситуации позволит снять остроту вопроса миграций, на что столь болезненно реагирует наше общество [2].

Оценивая проблему экстремизма и ее влияние на национальные интересы России, нельзя не учитывать определенные установившиеся особенности российской действительности. Огромный отпечаток накладывает длительный экономический кризис, социальная дифференциация общества, потеря общенациональной идеи. Исходя из этого, можно выделить основные противоречия эксплуатируемые экстремистами.

Прежде всего, противоречия экономического характера, основными из которых являются: резкое несоответствие результатов экономической реформы ожиданиям общества; несоразмерно высокая цена реформы (падение вдвое производства, обнищание большинства населения). Все это порождает некомпенсируемый рост цен, растущую безработицу, криминализацию общества. В условиях ограниченных финансовых, материальных ресурсов эти обстоятельства грозят социальной катастрофой.

Особое значение в современной российской действительности приобретают социальные противоречия. Во-первых, это противоречия, обусловленные расколом

общества на группы с различным экономическим положением. Это влечет за собой замедление процесса формирования среднего слоя, значимость которого в социальной структуре создает основу стабильности общества.

Во-третьих, противоречия, обусловленные углублением национальных, религиозных и иных конфликтов. Последствия их могут быть крайне негативны: формирование очагов напряженности, перерастающей в вооруженные конфликты, например, осетино-ингушский и особенно чеченский конфликты. В данных конфликтах мы видим эксплуатацию социальных, экономических проблем общества путем эффективной пропаганды через развитые структуры «благотворительных» фондов, центров, школ и призывов насильственными методами решить возникшие проблемы. Данная угроза опасна не только для Северокавказского региона, но и для других регионов России.

Остается только сожалеть, что, имея богатый опыт (Афганистан, длительный диалог с исламским миром и глубокие традиции востоковедения), российские власти упустили момент для решения вопроса на начальной стадии с минимальной затратой ресурсов, и только с появлением очевидной угрозы безопасности страны государство обратило внимание на решение данного вопроса.

Литература:

1. Бидова Б.Б. Общекриминологическое противодействие молодежному экстремизму // Актуальные вопросы юридических наук: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2012. — С. 76.
2. Бидова Б.Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму // Молодой ученый. 2012. № 11. — С. 287.
3. Крупнейшие теракты в истории XX в. // Власть — 2001 г. № 37

Понятие насилия в отношении несовершеннолетних

Давыдова Дарья Юрьевна, старший лейтенант полиции, адъюнкт
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. (г. Москва)

Одним из необходимых показателей уровня цивилизации человеческого общества выступает уровень защищенности прав и законных интересов несовершеннолетних, нормальное психофизическое и морально-нравственное развитие которых является необходимой предпосылкой прогресса социума.

Значение насилия над детьми как социального явления велико. Оно оказывает негативное влияние не только на психическое и физическое здоровье ребенка, его развитие, но также во многом предопределяет жизнь будущих поколений. Когда дети вырастут, станут взрослыми и станут воспитывать собственных детей, их поведение во многом будет определяться их детским семейным опытом. Исследования психологов дают основание считать, что в основе жесто-

Прямое воздействие на территориальную целостность оказывают противоречия в политических отношениях: противоречия между демократическими принципами и реальной политической практикой; противоречия, порожденные ослаблением социально-экономических и культурных связей между регионами и центром.

Данная группа противоречий ослабляет возможность государственной власти эффективно противостоять угрозам со стороны религиозных экстремистов. Данные факторы способствуют деградации ценностной структуры общества, разрушению исторических, культурных традиций России [1].

Выделяя эти обстоятельства, хотелось бы отметить, что угрозы воинствующего исламизма для национальной безопасности России выстраиваются также в области распространения идей «об исламском порядке и справедливом построении общества», что находит определенный отклик у определенной части населения.

И, наконец, основным направлением по борьбе с экстремизмом является развитие экономики, построение гражданского общества и правового государства, чьими плодами, возможно, будут пользоваться все граждане России, независимо от территориального и религиозного происхождения.

кого обращения с детьми лежит механизм социальной передачи агрессии из поколения в поколение. Сложный путь, которым агрессия передается потомству, полностью не изучен. Важную роль в этой передаче играют механизмы психологической защиты, позволяющие потерпевшему справиться с перенесенной психической травмой.

Очевидно, что в результате совершения преступлений против несовершеннолетних страдает общество в целом, поскольку преступления против несовершеннолетних представляют собой общественно опасные посягательства, которые непосредственно нарушают общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, интеллектуальное и нравственное воспитание несовершеннолетних.

Следует отметить, что в юридической литературе немало внимания уделяется насилию в семье, физическому и сексуальному насилию среди опекунов, принуждению к занятию проституцией, насилию над детьми находящимися в детских учреждениях, в том числе и государственных. Достаточно разработанными являются и вопросы предупреждения преступления против несовершеннолетних. Тема профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних всегда была и останется одним из приоритетных направлений деятельности всех правоохранительных органов, ведь дети — это самая незащищенная категория населения, которые не могут не только противостоять насилию, но и в силу своего возраста не всегда осознают те противоправные действия, которые совершают в отношении них взрослые.

Существует ряд подходов к пониманию преступного насилия. Именно это понятие может выступать основой для формулирования понятия насильственных преступлений против несовершеннолетних. Насилие, применяемое одной стороной (личностью, социальной и политической группами, институтами и учреждениями, партиями и движениями и т.д.), вызывает адекватное противодействие другой стороны, которое приобретает более ожесточенный и упорный характер. В научной литературе можно встретить различные определения насилия. Насилие — это «узурпация свободной воли, такое отношение между людьми, в ходе которого одни силой, внешним принуждением навязывают свою волю другим» [1]. Насилие — «применение физической силы к кому-либо; принудительное воздействие на кого-либо; притеснение, беззаконие; опора на силу, действие с помощью силы» [2]. Насилие — это «физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле)» [3]. Насилие — это «нанесение любого ущерба (физического, морального, психологического, идеологического и др.), или любые формы принуждения в отношении других индивидов и групп» [4]. По мнению А.А. Гусейнова понятие насилия несет четко выраженную негативную оценочную нагрузку и включает в себя все формы физического и психологического подавления [5]. Не случайно предлагаемое Н. Иванцовой определение выглядит следующим образом: «Насилие — это противоправное, умышленное, физическое и психическое воздействие, направленное на другого человека против или помимо сознания и воли, причинившее ему существенные вред либо создавшее опасность причинения такого вреда» [6].

Однако по уголовному законодательству признаком насилия является лишь физическое воздействие. Гаухман Л.Д. исследуя насилие определяет его, на наш взгляд, так же слишком узко включая в него лишь насилие физическое и угрозу применения такого насилия.

Р.Д. Шарапов в своей монографии исходит из двух базовых признаков насилия: неволя и принуждение,

исключая из признаков незаконность, тем самым сужая понятие насилия. Он утверждает, что «Истинный смысл насилия состоит в том, что им обозначали и обозначают некое действие одного, совершаемое в отношении другого вопреки его воле» [7]. Также Шарапов Р.Д. указывает что «насилие в уголовном праве — это преступное посягательство на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки его воле путем энергетического (физического) или информационного (психического) воздействия на организм человека» [8].

Вполне обоснованным видится утверждение А.Н. Илюшенко о том, что «всякое насильственное преступление с субъективной стороны характеризуется умышленной формой вины». Л.В. Сердюк акцентирует внимание на то, что следствием насилия может выступать не только какой-либо физический вред здоровью, но и психический вред, а также ограничение свободы волеизъявления или действий [9].

Такие авторы, как А.В. Иващенко и А.И. Марченко, которые указывают, что «в качестве насилия следует рассматривать активную социальную деятельность (поведение), непосредственно направленную против свободного волеизъявления. В отличие от многих других форм проявления человеческой активности только насилие представляет собой поведение, при котором поступки человека, очевидно, нацелены на подавление свободы». Так из понятия насилия авторы необоснованно исключают признак «противоправности». Анализируя научную литературу по данному вопросу и законодательство, следует отметить, что на сегодняшний день существует очень много недоработок, касающихся вопросов содержания понятия насилия, опасного и неопасного для жизни и здоровья, понятия психического насилия; что данные вопросы регулируются на законодательном уровне недостаточно четко.

Однако по уголовному законодательству признаком насилия является лишь физическое воздействие. Физическое насилие в этом случае понимается широко: оно может выразиться как в побоях, не влекущих причинения вреда здоровью подростка, в причинении легкого или средней тяжести вреда здоровью, а также в изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера. Гаухман Л.Д. [10].

Для того чтобы полностью раскрыть понятие насилия необходимо учитывать, что выделяют виды насилия: физическое, насилие; сексуальное насилие; эмоциональное, психологическое, психическое насилие; экономическое насилие. В современной литературе рассматриваются также следующие виды насилия: пренебрежение; духовное насилие; информационное насилие; религиозное насилие [11]. Физическое насилие проявляется в нанесении человеку физических травм, различных телесных повреждений, которые причиняют ущерб его здоровью, нарушают его развитие и лишают жизни. Сексуальное

насилие — принуждение человека к сексуальным отношениям средствами физического или психологического воздействия. Сексуальное насилие или совращение в отношении несовершеннолетних — использование ребенка взрослым или другим ребенком для удовлетворения сексуальных потребностей или получения выгоды. Психологическое насилие выражается в унижении, оскорблении, контроле поведения, изоляции, ограничении круга общения жертвы, шантаже, угрозах причинения насилия. На наш взгляд к психологическому и эмоциональному насилию можно отнести и насилие, которое применяется на глазах у ребенка к другому человеку или животному, например, избивание домашних животных, избивание или унижение сестры, брата.

Психическое насилие выражается в постоянном или периодическом словесном оскорблении несовершеннолетнего, угрозах со стороны родителей, опекунов, учи-

телей, воспитателей, унижении его человеческого достоинства, обвинении его в том, в чем он не виноват, демонстрации неприязни к ребенку. Эмоциональное насилие над несовершеннолетним выделяется в качестве разновидности психологического насилия — это любое действие, которое вызывает у него состояние эмоционального напряжения, подвергая опасности возрастное развитие его эмоциональной жизни.

Исходя из изложенного, главной особенностью насильственного воздействия является принудительность, противоправность или незаконность его осуществления. Таким образом, на наш взгляд насилие в отношении несовершеннолетних — это противоправное, умышленное, физическое и психологическое воздействие или угроза применения такого воздействия, нацеленное на подавление человека, против его воли, а также ограничение свободы волеизъявления или действий.

Литература:

1. Гуссейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. М.: Гардарики, 2000. С. 32
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 344.
3. Большой юридический словарь. М., 1998. С. 397.
4. Козырев Г.И. Проблема насилия в теории, массовом сознании и реальной жизни // Вестник МГУ. Сер.7. Философия. 2000. №6. С. 85.
5. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия — 1994. — №5.
6. Курносова О.П. понятие насильственных преступлений против несовершеннолетних// «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2009 — №1. — С. 130.
7. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве — СПб. 2001. — с. 20
8. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): Автореф. дис. докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2006. — с. 9.
9. Курносова О.П. понятие насильственных преступлений против несовершеннолетних// «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2009 — №1. — С. 131.
10. Ползуновский вестник №3 2006 И.С. Колесников — С. 115
11. Добренков В.И Проблема насилия в отношении подростков в городе Москве — Москва 2011 г. — с. 29

Преступления против безопасности государства по УК Швейцарии

Добрынина Ольга, студент
Иркутский государственный университет

Вопросы обеспечения безопасности в любой стране мира являются предметом изучения политиков, военных, ученых. Данное явление вполне объяснимо, т.к. эти проблемы затрагивают и государство, и общество, и каждого отдельного человека. Именно особая значимость порождает дискуссии и споры об эффективности и способах применения потенциала, имеющегося в руках руководства страны. С каждым годом разрабатываются различные меры защиты, внедряются новые технологии, применение которых не всегда имеет однозначную оценку, исследуются теоретические аспекты, формируется и развивается правовая база. Однако, несмотря на отсутствие

единства мнений, и теории, и практики сходятся в одном: одной из основных задач каждого государства является обеспечение своей внутренней и внешней безопасности. От наличия порядка внутри страны, своевременного и эффективного пресечения посягательств извне, зависит жизнь граждан.

Одной из важнейших предпосылок обеспечения государственной безопасности является развитие эффективной правовой базы, регулирующей данный вопрос. Полезным для этих целей является изучение зарубежного опыта и анализ современного российского законодательства. В частности, внимание следует уделить уголовному праву,

т.к. пресечение действий, представляющих угрозу национальным интересам, входит в его сферу регулирования.

Во всех странах мира Уголовные Кодексы содержат главы, посвященные рассматриваемым преступлениям.

Преступления против безопасности государства — всегда относятся к наиболее тяжким, и всегда влекут применение сурового наказания. Изначально они карались смертной казнью, но в настоящее время в большинстве стран применяется тюремное заключение длительностью вплоть до пожизненного.

Рассматриваемая группа преступлений закреплена в Разделе 13 УК Швейцарии. Это, пожалуй, один из немногих разделов, претерпевших существенные изменения с момента принятия Кодекса в 1937 году. Существовавшие изначально положения были разработаны еще до II Мировой войны, коррективы в них были внесены путем принятия «Чрезвычайного союзного постановления, касающегося мероприятий против опасных для государства происков и для защиты демократии». В 1945 это постановление было отменено, но через 5 лет его положения были прямо закреплены в тексте статей УК.

Все преступления, направленные против государства, входят в юрисдикцию Союза и не могут регулироваться кантональным законодательством.

Статья 265. Государственная измена

Кто совершает действие, которое направлено на то, чтобы, используя силу,

1. *изменить Конституцию Федерации или кантона,*

2. *отстранить от должности конституционные государственные органы или лишить их возможности выполнять свои функции,*

3. *отделить швейцарскую территорию от Конфедерации или территорию от кантона,*

наказывается каторжной тюрьмой или тюремным заключением на срок от одного до пяти лет.

Раздел о государственных преступлениях открывает наиболее тяжкое из них — государственная измена, т.е. посягательство на безопасность государства и внутренний государственный строй. Из приведенного в статье списка можно сделать несколько выводов применительно к тому, в какой степени Уголовный Кодекс защищает Федерацию в целом и ее составные части. Во-первых, по общественной опасности приравнено посягательство на общешвейцарскую Конституцию и Конституцию кантона. Кроме того, отделение части территории кантона будет наказываться так же, как и отделение территории от всей Швейцарии. Во-вторых, свержение установленных Конституцией органов или лишения их возможности нормально функционировать также образует состав государственной измены. Следовательно, защита государства одинаково распространяется как на Федерацию, так и на входящие в нее кантоны.

Диспозиция статьи раскрывает, на что именно должны быть направлена преступная деятельность: изменение Конституции Федерации или какого-либо кантона, отстра-

нение от должности конституционных государственных органов или лишение их возможности, выполнять свои функции, отделение территории от Федерации или кантона.

В законе акцентируется внимание на том, что данные действия производятся с использованием силы. Поэтому, если изменение Конституции, отстранение государственных органов или отделение территории происходят в установленном законом порядке, то состав государственной измены вменяться не должен.

Субъект преступления, как правило, общий. Применение силы указывает на то, что преступнику не обязательно, например, занимать государственную должность. Данное преступление может, при определенных обстоятельствах, совершить любой человек. В законе отдельно не указан возраст субъекта. Если обратиться к Общей части УК, то можно увидеть, что лицо, совершившее преступление, подпадает под уголовную ответственность с 10 лет. Но, применительно к данному составу, вряд ли субъектом может быть ребенок.

Субъективная сторона всегда выражена виной в форме умысла.

Состав формальный.

Статья 266. Посягательство на независимость Конфедерации

1. *Кто совершает действие, которое направлено на то, чтобы нарушить независимость Конфедерации или нанести этому угрозу, произвести вмешательство чуждой власти в дела Конфедерации, угрожающее независимости Конфедерации,*

наказывается каторжной тюрьмой или тюремным заключением на срок от одного года до пяти лет.

2. *Кто вступает в связь с правительством иностранного государства или с его агентурой, чтобы развязать войну против Конфедерации, наказывается каторжной тюрьмой на срок не менее трех лет.*

В более тяжелых случаях может быть назначено наказание в виде пожизненной каторжной тюрьмы.

Если предыдущая статья устанавливала ответственность за попытку нарушить внутреннюю безопасность государства, то вышеприведенная — за посягательство на внешнюю.

Объект преступления — безопасность государства и его независимость.

Независимость — это возможность станы самостоятельно принимать решения, руководствуясь собственными интересами. Она проявляется в двух ее аспектах: в независимости во внутренних делах и во внешних.

В первой части 266 статьи изложен общий состав (ставится под угрозу внутренняя самостоятельность), а во второй — квалифицированный (опасности подвергается внешняя независимость).

Лицо своими действиями может создать ситуацию, при которой высшие государственные органы Конфедерации теряют контроль над процессами, происходящими в стране. Наравне с этим, состав преступления образует

создание условий для возникновения такой ситуации. В отличие от статьи 265, речь идет именно о Швейцарии в целом (обо всех ее частях), а не об отдельном кантоне. Преступник также может способствовать тому, что решения, принимаемые руководством страны, будут приниматься ими под влиянием других государств. Более суровое наказание повлекут за собой действия лица, способствующие развязыванию войны между двумя государствами. В этом случае, под угрозой оказывается не только независимость, но и внешняя безопасность страны.

Субъект — общий (т. к. в данном качестве законодатель не указал на какую-либо отдельную категорию лиц). Но, скорее всего, у простого гражданина просто не будет возможности совершить данное преступление. Для того, чтобы произвести указанные в диспозиции действия, человек должен каким-либо существенным образом оказывать влияние на судьбу страны. То же самое можно сказать и о части 2 статьи 266. Для совершения таких действий у преступника должна быть возможность связаться с властями другой страны и склонить их к акту агрессии против Швейцарии. В качестве примера можно назвать дипломата.

Состав преступления — формальный, но при наступлении преступных последствий становится материальным. Такой вывод можно сделать исходя из формулировки «в более тяжелых случаях» и крайне жесткой санкции во 2 абзаце части 2 статьи 266.

Субъективная сторона преступления — вина в форме прямого умысла.

Статьи 267, 272—274. Различные виды шпионажа

Определение шпионажа содержится в части 1 статьи 267: *«Кто умышленно разглашает иностранному государству, его агентуре или делает им доступной тайну, чье сохранение требуется для блага Конфедерации,*

кто документы или средства доказывания, которые относятся к правовым отношениям между Конфедерацией или кантоном и иностранным государством, фальсифицирует, уничтожает, устраняет или похищает и тем самым умышленно угрожает интересам Конфедерации или кантона,

кто, являясь уполномоченным Конфедерации, умышленно проводит сношения с иностранным правительством в ущерб Конфедерации,

наказывается каторжной тюрьмой или тюремным заключением на срок до пяти лет».

Литература:

1. Уголовный кодекс Швейцарии. Перевод с немецкого / Науч. ред.: Серебрянникова А.В. (Пер., предисл.) — С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 350 с.
2. Агузаров Т.К. Уголовно-правовая охрана власти по законодательству зарубежных государств // Право и практика. — 2011. — №8. — С. 89—93.
3. Малиновский АА. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. — М.: Международные отношения. 2002. — 376 с.
4. Современное зарубежное уголовное право: Финляндия. Швейцария. Перевод с немецкого. Т. 2 / Под ред.: Пинотковский А.А. (Предисл.); Пер.: Либерман С.Л. — М.: Иностр. лит., 1958. — 550 с.

Объект преступления — внешняя безопасность Швейцарии.

Объективная сторона выражена в форме действия. Преступник выполняет объективную сторону путем разглашения государственной тайны или способствуя доступу к ней иностранных агентов. В УК Швейцарии к данным действиям приравнены: фальсификация, уничтожение, устранение, похищение документов, содержащих государственную тайну, а также сотрудничество с правительствами государств, которое может поставить в опасность безопасность Конфедерации. Разглашение в СМИ или в других общедоступных источниках также образует состав данного преступления.

Субъект — как общий (если имеет доступ к государственной тайне), так и специальный. Например, в первой части 267 статьи указывается на «уполномоченного Конфедерации», т.е. на лицо, которому поручено представление интересов Швейцарии во взаимоотношениях с другими странами.

Субъективная сторона выражена в форме умысла. Исключение составляет только часть 4 267 статьи, где говорится о неосторожном совершении преступления.

Шпионаж по УК Швейцарии подразделяется на несколько видов. Первый — дипломатический, он был описан выше. Второй — политический (ст. 272), третий — экономический (ст. 273) и четвертый — военный (ст. 274).

Статья 272 «Политическая разведывательная деятельность» устанавливает ответственность для лиц, осуществляющих разведывательную деятельность интересах иностранного государства или зарубежной партии, или другой зарубежной организации в ущерб Швейцарии или ее представителей.

В статье 273 «Экономическая разведывательная деятельность» говорится о лице, которое выведывает производственную или коммерческую тайну, чтобы сделать ее доступной чужому служебному органу или иностранной организации, или частному предприятию, или их агентам.

Статья 274 содержит состав преступления военная разведывательная деятельность для иностранного государства в ущерб Швейцарии.

Общей особенностью для всех видов шпионажа является то, что законодатель не проводит грань между оконченным преступлением и покушением, поэтому вид состава определить затруднительно.

К вопросу о развитии законодательства об экологических преступлениях

Жадан Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал)

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы на основе анализа правовых норм и научных подходов в виде авторских предложений по развитию законодательства об экологических преступлениях.

Ключевые слова: *вопросы, правовые нормы, научные подходы, предложения, развитие, законодательство об экологических преступлениях.*

Одной из актуальных и всеобъемлющих проблем, стоящих перед всем международным сообществом является охрана окружающей природной среды. Воздействие человека и его деятельности в различных сферах на природную среду настолько возросло и продолжает стремительно нарастать, что мировое сообщество в качестве важнейшей составляющей международной (всеобщей) и национальной безопасности каждого государства отводит экологической безопасности.

Учитывая значимость в национальной безопасности Российской Федерации [8] (далее — РФ, Россия) и в соответствии с принятыми на себя международными обязательствами охрана окружающей среды нашла свое правовое закрепление в природоохранном, уголовном и другом законодательстве, иных нормативных правовых актах. В развитие государственной природоохранной деятельности в России 2013 год объявлен годом охраны окружающей среды [9], что должно не только благоприятно сказаться на экологии и среде обитания российских граждан, но и возможно на дальнейшем развитии законодательства в области охраны окружающей среды.

Происходящие в России с 90-х годов XX века реформы в политической и социально-экономических сферах привели к развитию новых рыночных отношений, предусматривающих в условиях равенства всех форм собственности свободу предпринимательства и иной экономической деятельности. При этом данный процесс оказался не только сложным и болезненным, повлекшим негативные последствия в социально-экономическом плане, но и значительный рост не только экономических, но и экологических правонарушений и преступлений, в том числе появление и новых их видов.

Вопросам анализа криминологической и юридической характеристики правонарушений и преступлений, методики расследования преступлений в области охраны окружающей среды посвящено немало публикаций [5]. В тоже время проблемных и дискуссионных вопросов в области охраны окружающей среды не становится меньше, а поэтому предметом нашего исследования будут некоторые вопросы о системе и развитии законодательства об экологических преступлениях.

В числе всех видов совершаемых и регистрируемых правонарушений и преступлений, определяющих современную криминогенную ситуацию в России, и при этом достаточно востребованных в правоприменительной пра-

ктике не последнее место занимают преступления в области охраны окружающей среды и природопользования.

Исходя из сказанного, представляют интерес следующие вопросы: какие общественно опасные деяния образуют преступления в области охраны окружающей среды и природопользования, какие преступные деяния образуют собственно экологические преступления? На многие из данных вопросов в законодательстве и других нормативных правовых актах в области охраны окружающей среды РФ, официальных документах даются ответы в виде юридической характеристики, рекомендаций и комментариев. По указанным вопросам также имеются научные публикации, которые отчасти и будут нами использованы в ходе данного исследования.

В науке уголовного права в части определения и систематизации преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования имеются различные подходы. При этом в зависимости от оснований (критериев) преступные деяния подразделяются на определенные группы, которые были отчасти предметом нашего исследования.

Так, по общепризнанному в уголовном праве научному подходу все общественно опасные деяния, предусмотренные в Уголовном кодексе РФ [6] (далее — УК) и с учетом выполняемых ими функций, относящихся к охране окружающей среды и природопользованию, подразделяются на три категории: специальные экологические составы, смежные и дополнительные [3].

С учетом данной системы преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования в первую группу относятся преступные деяния (специальные экологические составы), которые предусматриваются в главе 26 «Экологические преступления» УК. В главе 26 имеется 17 статей (ст. 246–262 УК), которые включают свыше 30 составов преступлений. К экологическим преступлениям относятся такие преступные деяния, которые посягают на общественную экологическую безопасность, экологический правопорядок, причиняющие либо способные причинить вред здоровью человека или окружающей среде, а именно: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК); нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК); нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК); нарушение ветеринарных правил и правил, установ-

ленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249 УК); загрязнение вод (ст. 250 УК); загрязнение атмосферы (ст. 251 УК); загрязнение морской среды (ст. 252 УК); нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253 УК); порча земли (ст. 254 УК); нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК); незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК); нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УК); незаконная охота (ст. 258 УК); уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259 УК); незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК); уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК); нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК).

В тоже время, В.П. Кашепов и другие ученые к специальным экологическим составам относят также преступления, которые перечисленные в иных главах УК — нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215), сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237), жестокое обращение с животными (ст. 245) и экоцид (ст. 358) [3].

На наш взгляд, с такой позицией согласиться сложно, так как в соответствии с законодательным построением Особенной части УК по всем видам преступлений предусматривается деление ее на разделы по родовому объекту, а на главы — по видовому объекту преступного посягательства. Исходя из такого подхода, видовым объектом преступлений, указанных в главе 26 «Экологические преступления» являются социально значимые и охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, общественного порядка в **области охраны окружающей среды и природопользования**.

Поэтому предложение относить указанные преступления к специальным экологическим составам противоречит законодательному построению Особенной части УК, так как нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК) содержится в главе 24 «Преступления против общественной безопасности»; сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК) и жестокое обращение с животными (ст. 245 УК) — в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности; экоцид (ст. 358 УК) — в разделе XII (главе 34) «Преступления против мира и безопасности человечества».

К смежным составам преступлений в области охраны окружающей среды и природопользования принято относить такие, которые выполняют экологические функции лишь при определенных объективированных обстоятельствах, а именно: отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК); регистрация незаконных сделок

с землей (ст. 170 УК); террористический акт (ст. 205 УК); нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК); нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК); нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий (ст. 218 УК); нарушение требований пожарной безопасности (ст. 219 УК); незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК); незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 234 УК); нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК); нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 269 УК); планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК); применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК) [3]. По нашему мнению, в данную группу следует относить и такие преступные деяния: нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК); сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК), жестокое обращение с животными (ст. 245 УК), экоцид (ст. 357 УК) и др. Эти преступления приобретают экологическое значение лишь тогда, когда в результате совершаемых преступных деяний нарушаются правила природопользования и причиняется вред окружающей среде.

Помимо вышеуказанных преступлений в УК имеются и другие преступные деяния, которые по своему характеру не предусматривают выполнение природоохранных функций, но при определенных обстоятельствах также могут быть связаны с нарушением правил охраны окружающей среды. К дополнительным составам принято относить преступные деяния, которые предусмотрены в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», а именно: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК), служебный подлог (ст. 292 УК) и халатность (ст. 293 УК). Указанные преступные деяния, совершаемые должностными лицами при определенных обстоятельствах объективного порядка, могут способствовать причинению вреда окружающей среде.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что к преступлениям в области охраны окружающей среды и природопользования следует относить достаточно большой перечень преступных деяний, квалифицируемых по указанным статьям Особенной части УК.

Следующий вопрос, который требует самостоятельного исследования — некоторые предложения по развитию законодательства об экологических преступлениях.

В УК с момента введения и по настоящее время в главу 26 «Экологические преступления» вносились изменения и дополнения более 10 раз, а последние внесены Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11]. При этом изменения и дополнения касались, как правило, совершенствования содержания диспозиций уголовно-правовых норм, корректировки санкций и введения новых видов уголовных наказаний.

В части развития уголовного законодательства об экологических преступлениях имеется также немало публикаций [4], а поэтому мы остановимся только на некоторых предложениях по совершенствованию законодательства об экологических преступлениях.

Одним из проблемных вопросов, имеющим законодательное значение и характеризующим экологические преступления является определение правового (нормативного) понятия этих преступлений. В УК не дается определение понятия «экологические преступления». Между тем определение экологических преступлений значимо, как для достижения задач уголовного законодательства, так и в не меньшей степени для правоприменительной практики.

В литературе дается достаточно много научных определений понятия экологических преступлений, чего не скажешь в части правовых понятий. Единственное правовое понятие экологических преступлений дается в Законе РФ от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [1] и при этом в статье 85 указывается, что под «экологическим преступлением понимается общественно опасное деяние, посягающее на установленный в Российской Федерации экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека». Закон утратил силу на основании Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [10].

Автор этих строк солидарен с научной позицией о необходимости в главе 26 «Экологические преступления» определить понятие преступлений данной категории. По нашему мнению, по аналогии с главой 33 «Преступления против военной службы», следует в первой статье главы 26 дать уголовно-правовое понятие экологических преступлений.

В связи с изложенным, предлагаем проект статьи 246 УК в следующей редакции: экологическими преступлениями признаются предусмотренные настоящей главой преступления, нарушающие правила охраны окружающей среды, если они повлекли причинение или создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека, животному или растительному миру, рыбным запасам, водным биологическим ресурсам, лесному или сельскому хозяйству, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия для компонентов природной среды, совершенные гражданами или лицами,

ответственными за соблюдение этих правил либо с использованием служебного положения. Соответственно статью 246 УК следует считать статьей 246.1 УК.

Что касается возможного совершенствования законодательства об экологических преступлениях по другим вопросам, то рассмотрим некоторые из них:

1) предлагаем в статье 246 УК (с учетом вышеуказанной редакции) по аналогии с главой 21 «Преступления против собственности» (ст. 158 УК — кража) предусмотреть примечание, в котором определить «значительный размер и ущерб», «крупный размер и ущерб» и «особо крупный размер и ущерб» и при этом указать конкретные суммы с учетом современных реалий (например, значительный размер и ущерб признается превышающий 5 тысяч рублей; крупный размер и ущерб — свыше 50 тысяч рублей; особо крупный размер и ущерб — свыше 100 тысяч рублей); соответственно толкование этих категорий из примечаний к статьям 260 УК «Незаконная рубка лесных насаждений» и 261 УК «Уничтожение или повреждение лесных насаждений» исключить; указанные критерии позволили бы дифференцировать уголовную ответственность за соответствующие экологические преступления в зависимости от размера причиненного вреда, а также отграничить уголовную ответственность от административной;

2) как известно большинство ученых, практиков и граждан России выступают за воссоздание (восстановление) в УК конфискации имущества как вида наказания, данной же позиции придерживается и автор этих строк; в УК предусматривается мера уголовно-правового характера (ст. 104.1 УК — конфискация имущества), при этом экологические преступления не вошли в число составов, по которым может быть назначена конфискация имущества, а поэтому предлагаем в пункт «а» части 1 статьи 104.1 УК «Конфискация имущества» включить преступления данной категории;

3) мы солидарны с научной позицией, что в уголовных и административных нормах имеются юридические неточности, а в отдельных случаях используются одни и те же термины, а как следствие возникают вопросы в разграничении ряда составов экологических преступлений и правонарушений, предусмотренных главой 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» Кодекса РФ об административных правонарушениях [2];

4) в УК практически отсутствует административная преюдиция, которая предусматривалась в УК РСФСР 1960 г. [7], в то же время правоприменительная практика по экологическим преступлениям (ст. 250 УК — загрязнение вод, 251 УК — загрязнение атмосферы, 254 УК — порча земли и др.) свидетельствует о ее неоднозначности; по аналогии со статьей 151.1 УК «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (в примечании к данной статье предусмотрена административная преюдиция) в статье 246 УК (с учетом предложенной редакции) в примечании считаем необхо-

димым предусмотреть привлечение к уголовной ответственности по экологическим преступлениям (например, ст. 250, 251, 254, 256, 258, 260–262 УК), если это лицо ранее привлекалось за аналогичное административное правонарушение;

5) также полагаем, что санкции по экологическим преступлениям могут быть дополнены не только таким видом наказания как конфискация имущества (при условии, что конфискация имущества будет восстановлена в УК как дополнительный вид наказания), но и введение нового вида наказания, который предлагается многими учеными — возложение обязанности загладить причиненный вред в природе; в УК РСФСР 1960 г. [7] данный вид наказания был предусмотрен как «возложение обязанности загладить причиненный вред» (ст. 21–22 УК) и применялся в качестве основного и дополнительного вида наказания; общепризнано, что введение в УК такого вида наказания, который будет предусматривать обязанность виновного в непосредственном устранении причиненного

вреда своими силами (например, высаживание лесных насаждений, кустарников и др.; *очистение водоемов, парков, заповедников и др.*; *зарыбление водоемов; рекультивация земли* и т.д.) или в возмещении материального ущерба своими средствами, либо в иной форме устанавливаемой судом (например, в публичном извинении перед потерпевшими или членами коллектива и т.д.), в определенной степени и сводится к возмещению причиненного вреда в натуре; мы солидарны с позицией ученых, что и по экологическим преступлениям данный вид наказания следует включить в санкции уголовно-правовых норм.

Таким образом, проанализированные нормы уголовного законодательства и теоретические положения науки уголовного права, характеризующие экологические преступления позволяют акцентировать внимание на общественную опасность данных преступлений и дать некоторые авторские предложения по развитию законодательства об экологических преступлениях.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 19.12.1991 г. №2060–1 «Об охране окружающей природной среды» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 23.04.2013). Утратил силу с 10.01.2002 г.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (в ред. от 23.02.2013 г. №14-ФЗ) // СЗ РФ. — 2002. — №1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. См.: Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник для вузов. — М.: Юристъ, 1998. — 688 с.; Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.center-bereg.ru/640.html> (дата обращения: 23.04.2013); Уголовная ответственность за экологические преступления [Электронный ресурс]. URL: <http://jurkom74.ru/> (дата обращения: 23.04.2013); Юридическая ответственность за экологические правонарушения [Электронный ресурс]. URL: <http://isfic.info/pravov/gosp137.htm> (дата обращения: 23.04.2013) и др.
4. См.: Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. — 2007. — №2. — С. 8–18; Игнатъева И.А. Систематизация экологического законодательства и экологизация иных отраслей российского законодательства // Экологическое право. — 2007. — №1. — С. 4–11; Скобелева Л.А. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов об охране окружающей среды: конституционно-правовой аспект: дисс.... канд. юрид. наук. — Казань, 2005. — 220 с. и др.
5. См.: Виноградова Е.В. Преступления против экологической безопасности: дисс. ... докт. юрид. наук. — Ставрополь, 2001. — 381 с.; Жадан В.Н. Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений // Молодой ученый. — 2013. — №4. — С. 387–393; Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты. — М.: Изд-во УРАО, 2002. — 239 с.; Лавыгина И.В. Экологические преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. — 160 с.; Савиченко И.А. Проблемы расследования экологических преступлений // Сибирский юридический вестник. — 2004. — №1. — С. 48–52 и др.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 04.03.2013 г. №23-ФЗ) // СЗ РФ. — 1996. — №25. — Ст. 2954.
7. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. (в ред. ФЗ от 13.06.1996 г. №64-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 23.04.2013). Утратил силу с 01.01.1997 г.
8. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 23.04.2013).
9. Указ Президента Российской Федерации от 10.08.2012 г. №1157 «О проведении в Российской Федерации Года охраны окружающей среды» [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/acts/16219> (дата обращения: 23.04.2013).

10. Федеральный закон от 10.01.2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 21.11.2011 г. №331-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2002/01/12/oxranasredy-dok.html> (дата обращения: 23.04.2013).
11. Федеральный закон от 07.12.2011 г. №420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70103074/> (дата обращения: 23.04.2013).

К вопросу о понятии и признаках жилого помещения

Жаренова Кристина Андреевна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья 15 Жилищного кодекса РФ (далее ЖК РФ) называет жилые помещения в качестве единственного объекта жилищных прав [1]. В части 2 ст. 15 ЖК РФ дается понятие жилого помещения как изолированного помещения, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан. Такое определение жилого помещения отличается от понятия жилого помещения как объекта права собственности, закрепленного Гражданским Кодексом (п. 2 ст. 288), как помещения пригодного для проживания граждан. Известно, что есть существенное различие между помещениями, которые предназначены для постоянного проживания граждан, к которым относятся жилые дома, квартиры, дома престарелых, и помещениями, предназначенными для временного проживания граждан, каковыми являются гостиницы, дома отдыха, кемпинги, садовые дома. Ужесточение требований к функциональному назначению жилого помещения (только постоянное проживание) необходимо приветствовать. Такое широкое закрепление в ГК РФ понятия жилого помещения, как пригодного для проживания граждан, не было поддержано в юридической литературе.

Следует согласиться с весьма справедливым суждением В.Н. Литовкина, что понятие жилого помещения как объекта права собственности в Гражданском кодексе РФ следует понимать в узком смысле этого слова — как место жительства [2 с. 34].

Возникает вопрос, к какой категории следует отнести строения, пригодные для постоянного проживания, возведенные на дачных, садовых и огородных участках. Ответ мы можем найти в ст. 1 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» [3].

Из анализа данной статьи можно сделать вывод, что закон допускает возможность строительства на дачных, огородных, садовых участках различных видов строений. Регистрация права проживания возможна только в построенном на дачном участке жилом доме. Означает ли это, что только этот вид строения признается жилым помещением, предназначенным для постоянного жительства. По всей видимости, ответ должен быть положительным.

Признание жилыми помещениями капитальных строений (индивидуальных жилых домов), построенных на дачных участках, вполне соответствует требованиям современной жизни, поскольку в настоящее время наблюдается бум загородного индивидуального жилищного строительства и вместо «советских» садовых и дачных домиков растут дорогостоящие жилые дома, которые требуют юридического признания в качестве таковых. В юридической литературе по этому поводу отмечается, что «необходимо предварительно выполнить значительное число условий, чтобы достичь такого технического и санитарного состояния строения этого типа, когда его можно будет признать конструктивно пригодным для постоянного или преимущественного проживания, т.е. жилым домом» [4 с. 32]. Более того, строительство такого жилого дома должно быть осуществлено в соответствии с градостроительными, строительными, экологическими, санитарно-гигиеническими, противопожарными и иными установленными требованиями (правилами и нормативами).

Таким образом, на основании изложенного можно выделить следующие признаки жилого помещения:

1. Прежде всего, жилое помещение должно быть недвижимым имуществом. На основании п. 1 ст. 130 ГК РФ жилые помещения относятся к недвижимому имуществу, а именно должны быть прочно связанными с землей, причем настолько, чтобы перемещение этих объектов было невозможно без несоразмерного ущерба их назначению. Как отмечает Л.В. Щенникова, «такие объекты признаются недвижимостью до тех пор, пока они связаны с землей, будучи отделенными от нее, они становятся движимыми» [5]. Следовательно, не могут быть признаны в качестве жилых помещений бытовки, вагоны, сборно-разборные домики. Хотя известен случай, когда судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала жилым щитовой сборно-разборный дом, в котором истец проживал на основании договора имущественного найма с 1989 г. Щитовой дом, в котором он проживал, пришел в негодность и был снесен. Взамен ему предложено помещение в аналогичном щитовом сборно-разборном доме, на переселение в которое он вначале согласился, подписав договор имущественного найма, а

затем отказался, так как предоставленное помещение не отвечает санитарно-техническим требованиям, и потребовал предоставить ему благоустроенное жилое помещение [6 с. 5] Очевидно, что принятое Постановление явилось результатом отсутствия четких признаков жилого помещения.

Однако, рассматриваемый признак жилого помещения, признается далеко не всеми учеными. Так, А.А. Иванов, отмечает, что такой признак жилого помещения, как указание на его недвижимый характер, является лишним в определении жилого помещения: «... откуда возьмутся «движимые» помещения, если они всегда рассматриваются как части зданий (сооружений) объектов недвижимости» [7 с. 88]. Безусловно, движимых помещений, которые имели бы статус жилых, не бывает. Однако представляется, что смысл в том, чтобы выделять такой признак, все-таки есть. Как отмечает Б.М. Гонгалов, к сожалению, немалое количество граждан все еще проживает в сборно-разборных домах, вагончиках и т.п. Отношения по их использованию для проживания жилищным законодательством не регулируется (в соответствующих случаях применяются нормы гражданского законодательства о договоре имущественного найма (аренды) [8 с. 88]. Необходимо также отметить, что в силу природных условий, а также особенностей жизненного уклада люди также постоянно проживают в юртах, ярангах, иглу, но с точки зрения ЖК РФ признать данные объекты жилыми помещениями никак невозможно. Именно этим и следует объяснить необходимость выделения такого признака жилого помещения как то, что оно является объектом недвижимости. Именно этим объясняется целостность системы объектом жилищных прав, в которую не могут быть включены яранги, юрты, дома-вагончики, сборно-разборные дома и т.п.

2. Другим обозначенным в Жилищном кодексе РФ признаком жилищного помещения является его изолированность. Принцип изолированности жилого помещения не раскрыт ни в ГК РФ, ни в ЖК РФ, а также в иных нормативных правовых актах. Данный принцип был закреплен в прежнем жилищном законодательстве. В соответствии со ст. 52 Жилищного кодекса РСФСР предметом договора найма могло быть только изолированное жилое помещение, состоящее из одной или нескольких комнат либо квартиры. В той же статье указывалось, что не могли быть самостоятельным предметом договора найма комната или часть комнаты, связанные с другой комнатой общим входом (смежные), подсобные помещения [9]. Если обратиться к словарю, то «изолированный» понимается как «отдельный», «единичный». В данном случае можно предположить, что жилое помещение должно быть отделено от иных жилых помещений, объектов общего пользования, иметь отдельный вход (выход) [10 с. 315].

3. Важнейшим системообразующим признаком жилого помещения является его пригодность для постоянного проживания граждан. Как подчеркивает Ю.К. Толстой, «пригодность жилого помещения определяется с учетом

достигнутого в данном городе или ином населенном пункте уровня благоустройства» [11]. Среди требований, предъявляемых к жилому помещению, можно назвать, следующие: жилое помещение должно находиться в жилой зоне; несущие и ограждающие конструкции жилого помещения должны находиться в работоспособном состоянии, не должны иметь разрушения и повреждения, приводящие к их деформации или образованию трещин, снижающие их несущую способность и ухудшающие эксплуатационные свойства конструкций; жилое помещение должно быть обустроено и оборудовано таким образом, чтобы предупредить риск получения травм жильцами при передвижении внутри и около жилого помещения, при входе в жилое помещение; инженерные системы (вентиляция, отопление, водоснабжение, водоотведение, лифты и др.), оборудование и механизмы, находящиеся в жилых помещениях, должны соответствовать требованиям санитарно-эпидемиологической безопасности; жилые помещения должны быть защищены от проникновения дождевой, талой и грунтовой воды и возможных бытовых утечек воды из инженерных систем при помощи конструктивных средств и технических устройств; доступ к жилому помещению, расположенному в многоквартирном доме выше пятого этажа, за исключением мансардного этажа, должен осуществляться при помощи лифта и т.д. [12].

4. Жилое помещение должно быть предназначено для постоянного проживания, т. е. жилое помещение должно отвечать установленным санитарным, техническим, пожарным правилам и нормам. В соответствии с ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» жилые помещения по площади, планировке, освещенности, инсоляции, микроклимату, воздухообмену, уровням шума, вибрации, ионизирующих и неионизирующих излучений должны соответствовать санитарным правилам в целях обеспечения безопасных и безвредных условий проживания независимо от его срока [13]. Жилое помещение в соответствии с ФЗ «О пожарной безопасности» должно отвечать требованиям пожарной безопасности — специальным условиям социального и (или) технического характера, установленным в целях обеспечения пожарной безопасности законодательством Российской Федерации, нормативными документами или уполномоченным государственным органом [14].

Первые два признака жилого помещения, свойственны любому помещению в его гражданско-правовом и жилищно-правовом значении, а признаки пригодность и предназначенность для постоянного проживания, по утверждению ряда ученых (С. П. Гришаев, А.М. Эрделевский), выступают критерием деления помещений на жилые и нежилые [15]. В свою очередь другая группа ученых (В. М. Жуйков, В.П. Мозолин, И.Д. Кузьмина), выделяет в качестве признака, отличающего жилое помещение от нежилого, предназначенность для постоянного проживания граждан [16]. Третьи называют как предназначенность, так и пригодность [17 с. 735]. Таким образом, в юридической литературе вплоть до настоящего времени

нет единства мнений о том, какой признак должен быть определяющим в понятии жилого помещения в целях его отличия от нежилого помещения. Следует согласиться с мнением П.В. Макеева, который предлагает для целей разграничения жилых и нежилых помещений использовать как признак пригодности, так и предназначенности для постоянного проживания граждан [18 с. 101]. Свою точку зрения, П.В. Макеев мотивирует на следующем примере: нежилое помещение, переведенное из жилого помещения без проведения переустройства и перепланировки, которое фактически продолжает отвечать всем требованиям жилого помещения, т.е. остается пригодным для постоянного проживания, жилым не является, так как имеет другое предназначение. В таком случае использование только признака пригодности для постоянного проживания не позволяет разграничить жилое и нежилое помещение и требует дополнительный признак, которым может выступить предназначенность для постоянного проживания.

5. В качестве самостоятельного признака Т.П. Строганова выделяет регистрацию жилых помещений [18 с. 137]. Регистрация осуществляется в соответствии с Постановлением от 13.11.1997 «О государственном учете жилищного фонда РФ». Государственному учету подлежат независимо от формы собственности жилые дома, квартиры, и иные жилые помещения в других строениях, пригодные для проживания. Отнесение данного помещения к жилищному фонду, т.е. прохождение процедуры государственного учета, технической инвентаризации и паспорти-

зации. Технический учет жилищного фонда возлагается на специализированные государственные и муниципальные организации технической инвентаризации — унитарные предприятия, службы, управления, центры, бюро (БТИ) [19].

Подводя итог сказанному, следует отметить следующее: во-первых, поскольку предназначенность, наряду с пригодностью является признаком жилого помещения, предлагается отразить ее в понятии жилого помещения в ч. 2 ст. 15 ЖК РФ; во-вторых, признаком жилого помещения является отнесение жилого помещения к жилищному фонду, что следует также закрепить в дефиниции жилого помещения.

В связи с этим представляется необходимым изложить в новой редакции ч.2 ст. 15 ЖК РФ: Жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом, предназначенное и пригодное для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства), прошедшее государственный учет в соответствующих органах.

В-третьих, в целях исключения дублирования предназначенности в понятии жилого помещения в ч. 2 ст. 15 ЖК РФ и назначения в ст. 17 ЖК РФ, думается, что нет необходимости в последней выделять назначение жилого помещения. В связи с этим наименование ст. 17 ЖК РФ предлагаем изменить: «Пределы использования жилого помещения. Пользование жилым помещением», а ч. 1 ст. 17 ЖК РФ признать утратившей силу.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №188 — ФЗ // Российская газета. №1. 12.01.2005 (с послед. изм. и доп.).
2. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Н Литовкина. М.: Проспект, 2005. С. 34.
3. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: Федеральный закон от 15.04.1998 №66 — ФЗ // Российская газета. №79. 23.04.1998 (с послед. изм. и доп.).
4. Иванов А.А. Вопросы недвижимости в новом Жилищном кодексе РФ // Хозяйство и права. 2005. №6. С. 32.
5. Щенникова Л.В. Недвижимость: законодательные формулировки и концептуальные подходы // Российская юстиция. 2003. №11.
6. Постановление Президиума Верховного суда РФ от 01.12.1999 «Решение суда, рассмотревшего иск, о предоставлении благоустроенного жилого помещения исходя из норм ГК РСФСР, регламентирующих правоотношения, возникающие из договора имущественного найма, а не из норм ЖК РСФСР, признано неправильным» (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. №8. С. 5.
7. Иванов А.А. Вопросы недвижимости в новом Жилищном кодексе РФ // Хозяйство и права. С. 88.
8. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2005. С. 98 (автор комментария с. 15 ЖК РФ — Б.М. Гонгалло).
9. Жилищный кодекс РСФСР от 24.06.1983 / Ведомости ВС РСФСР №26. Документ утратил силу.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка 24-е издание. М., 2005. С. 315.
11. Толстой Ю.К. Жилищное право: учебник. — 2-е изд., перераб. И доп.. М.: Проспект, 2011.
12. «Об утверждении положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» Постановление Правительства РФ от 28.01.2006. №47 // Российская газета. №28. 10.02.2006.
13. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» ФЗ от 30.03. 1999. №52 — ФЗ // Российская газета. №64—65. 06.04.1999 (с послед. изм. и доп.).

14. «О пожарной безопасности» ФЗ от 21.12.1994. №69 — ФЗ // Российская газета. №3. 05.01.1995 (с послед. изм. и доп.).
15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под. ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского // СПС «КонсультантПлюс»
16. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под. ред. В.М. Жуйкова. М.: Кон-тракт, 2007. С. 65; Гражданское право, часть вторая: учебник / Отв. Ред. В.П. Мозолин. М.: Юристъ, 2004. С. 168; Кузьмина И.Д. Понятие жилого помещения // Российская юстиция. 2001. №9. С. 30.
17. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под. ред. О.Н. Садикова. М.: Инфа-М, 2005. С. 735.
18. Макеев П.В. О признаках жилого помещения: предназначённости и пригодности для постоянного прожи-вания граждан // Жилищное право. 2010. №10. С. 101.
19. Строганова Т.П. К вопросу законодательного закрепления понятия жилого помещения // Юридическая наука и практика: пути развития и совершенствования» / Сборник статей. Пермь, 2003. С. 137.
20. «О государственном учете жилищного фонда в РФ» Постановление Правительства РФ от 13.10.1997. №1301 // Российская газета. №205. 22.10.1997 (с послед. изм. и доп.).

Особенности системы государственного управления Республики Алжир

Миннибаев Булат Илдарович, старший преподаватель

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга)

Конституция главенствует над всеми, она является основным законом, гарантирующим личные и обще-ственные права и свободы, защищает право свободного выбора народа и придает законность исполнению государством своих полномочий. Она позволяет обеспечить юридическую защиту и контроль за действиями публичных властей в обществе, где господствуют законность и расцвет личности во всех ее проявлениях [3].

Ключевые слова: форма правления, форма государственного устройства, унитарное государство, респу-блика, округ, Конституция, народ.

Алжир — государство в Северной Африке. По форме государственного устройства Республика Алжир является унитарным государством, состоящий из админи-стративно-территориальных делений, а именно из 48 про-винций, которые свою очередь состоят из 553 округов и 1541 коммун.

Высшая законодательная власть в Алжирской Респу-блике согласно Конституции ст. 98 осуществляется Пар-ламентом, состоящим из двух палат — Национального на-родного ассамблеи и Совета нации [5, с. 28].

Национальная народная ассамблея (нижняя палата) состоит из 380 депутатов, избираемых всеобщими пря-мыми выборами на 5 лет. Совет нации (верхняя палата) включает 144 члена, срок полномочий которых — 6 лет, при этом каждые 3 года обновляется половина состава. 2/3 членов Совета нации избираются путем не-прямых и тайных выборов из членов народных собраний коммун и областей (вилай), 1/3 назначается главой государства [5, с. 29]. На основании ст. 122, Конституции АНДР, Парла-мент осуществляет следующие полномочия:

- основополагающие права и обязанности граждан, в частности режим публичных свобод, защита личных свобод и обязанностей граждан;
- основные правовые нормы, относящиеся к статус личности и к семейному праву, в частности брак, развод,

усыновление, дееспособность и права наследования;

- условия регистрации граждан;
- базовое законодательство о гражданстве;
- основные правовые нормы, касающиеся статуса иностранных граждан;
- правила, относящиеся к организации судебной си-стемы и к созданию судебных учреждений;
- основные уголовные и уголовно процессуальные нормы, в частности определение преступлений и право-нарушений, учреждение соответствующих наказаний лю-бого характера, регулирование условий амнистии, экстра-диции и пенитенциарного режима;
- общие положения гражданского процесса и спо-собы исполнения судебных решений;
- режим гражданско-правовых, торговых обяза-тельств, а также обязательств по недвижимости;
- территориальное деление страны;
- принятие государственного плана;
- утверждение государственного бюджета;
- установление налогов, пошлин, такс и сборов лю-бого рода, а также их ставок и стоимости объекта обло-жения;
- таможенный режим;
- регламентация денежной эмиссии, а также банков-ского, кредитного и страхового режима;

- общие правила в сфере образования и научных исследований;
- общие правила, относящиеся к здравоохранению и народонаселению;
- общие правила, касающиеся права на труд, социальной защиты, права на профсоюзную деятельность;
- общие правила, касающиеся окружающей среды и обустройства территории;
- общие положения, относящиеся к защите флоры и фауны;
- защита и сохранение культурно-исторического достояния;
- общий режим лесов и пасторальных земель;
- общий режим вод;
- общий режим шахт и углеводородного сырья;
- режим землепользования;
- основные гарантии государственных служащих и статус государственных служб;
- общие правила, относящиеся к сфере национальной обороны и использованию вооруженных сил гражданскими лицами;
- правила передачи собственности из государственного в частный сектор;
- создание учреждений различных категорий [3].

Глава государства и исполнительной власти является Президент Республики, избираемый всеобщим, прямым и тайным голосованием непосредственно гражданами сроком на 5 лет. Он может быть переизбран только однажды.

Для избрания на пост Президента Республики кандидат, согласно статье 73 Конституции АНДР, должен:

- иметь исключительно алжирское гражданство и происхождение;
- быть мусульманином;
- быть в возрасте не менее 40 лет ко дню избрания;
- пользоваться всеми гражданскими и политическими свободами;
- представить свидетельство того, что супруг кандидата является гражданином Алжира;
- подтвердить участие в революции 1 ноября 1954 года для кандидатов, родившихся до июля 1942 года;
- подтвердить неучастие родителей кандидата, родившегося после июля 1942 года, в актах, враждебных революции 1 ноября 1954 года;
- представить публичную декларацию о своем движимом и недвижимом имуществе в Алжире и за его пределами;
- другие условия предписаны законом [3].

Согласно Конституции (ст.77) Президент Республики осуществляет следующие права и prerogatives:

- является верховным главнокомандующим всех вооруженных сил Республики;
- является министром обороны;
- определяет и проводит внешнюю политику страны;
- председательствует в Совете министров;
- назначает главу правительства и прекращает его полномочия;

- подписывает президентские указы;
- обладает правом помилования, отсрочки и смягчения наказания;
- может обращаться к народу посредством референдума по любому вопросу, имеющему национальное значение;
- заключает и ратифицирует международные договоры;
- присуждает награды и почетные символы государства [3].

Кроме этого, в пределах своих полномочий на основании ст. 78 Конституции АНДР, Президент Республики назначает:

- на должности, предусмотренные Конституцией;
- на гражданские и военные должности в государстве;
- на должности, установленные в Совете министров;
- председателя Государственного совета;
- генерального секретаря правительства;
- управляющего Банком Алжира;
- судей;
- руководителей органов безопасности;
- вали [3].

Исполнительную власть в стране осуществляет Правительство. Глава Правительства в соответствии с Конституцией ст. 85 реализует следующие полномочия:

- перераспределяет функции между членами правительства с соблюдением положений Конституции;
- председательствует в Совете министров;
- следит за соблюдением законов и регламентов;
- подписывает исполнительные декреты;
- назначает на государственные должности, не нарушая положений статей 77 и 78;
- контролирует нормальное функционирование государственного аппарата [3].

Правительство разрабатывает собственную программу деятельности, которая должна быть одобрена Национальным народным ассамблеям. Правительство отвечает перед Национальным народным собранием и Президентом страны. Оно может быть отправлено в отставку как Президентом единолично, так и Парламентом, но окончательное решение об отставке принимает только Президент [5, с. 30]

Отдельный раздел главы Конституции АНДР, посвящен судебной власти, в котором отмечается, что «судебная власть является независимой, осуществляется в соответствии с законом и защищает общество и свободы и гарантирует всем и каждому сохранение их фундаментальных прав» (ст. 138, 139). «Судьи назначаются исполнительной ветвью власти и несут ответственность перед Высшим советом магистратуры (ВСМ) — специальным органом для управления судебским сообществом. ВСМ заседает под председательством Президента Республики. Он решает вопросы о назначении, перемещении и продвижении судьи по службе. ВСМ дает консультации по вопросам помилования, осуществляемого Президентом Республики» [5, с. 35].

Литература:

1. Алжирская Народная Демократическая Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1983.
2. Алжир: Справочник. М., 1997.
3. Конституция Алжирской Народной Демократической Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/53> (Дата обращения: 08.04.2013).
4. Ладыга Р.Г. История Алжира. XX век. М., 1999.
5. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник. / Отв. ред. — д.ю.н., проф. А.Я. Сухарев. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. — 840 с.
6. Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). М., 1999.
7. Bedjaoui M. Algeria // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol.1. 1972. P.17–28.

Вопросы исследования юридической терминологии в транспортной отрасли

Муслиенко Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент;
Елеазаров Александр Петрович, старший преподаватель
Киевская государственная академия водного транспорта (Украина)

В статье рассмотрены основные вопросы, которые решались в процессе разработки научной работы «Исследования современного состояния юридической терминологии в транспортной отрасли» и при создании Транспортного юридического словаря. В статье обозначена методика и критерии, по которым должен осуществляться подбор соответствующих юридических терминов.

Ключевые слова: транспортная отрасль, перевозки, юридический термин, юридический словарь, определение понятий, источник информации.

Basic questions that must decide in the process of development of the advanced study of «Research of the modern state of legal terminology in a transport industry» and at creation of the Transport legal dictionary are considered in the article. Methodology and criteria on that the selection of conformable law terms must come true are marked in the article.

Key words: transport industry, transport, legal term, legal dictionary, the definition of concepts and information source.

Эффективное функционирование транспортных правоотношений невозможно без применения всеми субъектами данного процесса единой юридической терминологии. Данный аспект приобретает особенно большое значение в сфере международных перевозок пассажиров и грузов, поэтому приоритетной задачей развития транспортной отрасли Украины является внедрение единого подхода к пониманию и применения юридической терминологии на транспорте. На сегодняшний день в правовом поле Украины прослеживается разобщенность, неодинаковое толкование и отсутствие единого подхода к применению юридических терминов в транспортной отрасли. Недостаточная база юридического понятийного аппарата в транспортных правоотношениях априори не может быть использована их участниками. Поэтому на практике имеем множество судебных споров, которые, как правило, возникают из-за отсутствия единого понимания юридических терминов при заключении договоров; осуществлении властных функций государства; в вопросах юридической ответственности и т.п. Все это актуализирует необходимость наработки

единого методического подхода к систематизации юридической терминологии.

Вопросам юридического терминообразования посвящено много научных трудов таких украинских исследователей, как Н. Артикуца, М. Вербенец, Ю. Зайцев, А. Красницкая, С. Толстая, С. Тростюк, Л. Чулинда. Среди российских исследователей следует упомянуть Т. Губаеву, Н. Ивакина, В. Каратухину, А. Пиголкина. Однако исследования юридического терминообразования именно в транспортной отрасли имели фрагментарный характер и касались преимущественно определенных видов транспорта. Так, ряд исследователей определяли формулировки некоторых юридических терминов, касающихся, например, перевозок на железнодорожном транспорте или перевозок грузов морским транспортом. Отдавая должное их разработкам, следует отметить, что до сих пор в Украине не проводилось комплексного отраслевого исследования состояния юридической терминологии на транспорте.

Рассмотрим ряд основных вопросов, которые должны решаться в процессе создания Транспортного юридиче-

ского словаря. Основное внимание следует уделять разработке методики и критериев, по которым должен происходить подбор соответствующих юридических терминов.

В настоящее время в Киевской государственной академии водного транспорта имени гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного на базе Юридического факультета завершена разработка научного проекта «Исследование современного состояния юридической терминологии в транспортной отрасли». Целью данной научной работы является повышение эффективности применения юридической терминологии в транспортной отрасли путем разработки научно-методических положений по применению юридических понятий и их толкования в процессе: перевозок пассажиров и грузов; законотворческой и нормотворческой деятельности государственных органов власти; решения судебных споров, в частности международно-правовых; заключение международных договоров; разработки тезауруса соответствующих терминов, которые могут использоваться при создании автоматизированного банка данных (АБД) терминов и понятий, научно-исследовательской работы, подготовки учебников и пособий; издания транспортного юридического словаря, создание информационной автоматизированной поисковой системы юридических терминов с транспортного права.

Практические задачи, на решение которых направлен проект «Исследование современного состояния юридической терминологии в транспортной отрасли» следующие:

1. Определение современных тенденций применения юридических терминов в транспортной отрасли Украины;
2. Анализ транспортных юридических терминов в действующем законодательстве Украины;
3. Уточнение понятий и классификация юридической терминологии, содержащейся в действующих нормативно-правовых актах Украины;
4. Формирование единого понятийного аппарата юридических терминов, применяемых в транспортной отрасли, с учетом международного опыта;
5. Анализ терминообразования в транспортной отрасли Украины и исследование направлений его дальнейшего формирования;
6. Разработка методических рекомендаций по обоснованию выбора того или иного варианта юридического термина с соответствующим толкованием;
7. Создание транспортного юридического словаря.

На основе полученного объема практических результатов исследования остановимся и рассмотрим базовые вопросы разработки Методических рекомендаций относительно толкования юридических терминов в транспортной отрасли (далее — Методические рекомендации).

Анализируя современное состояние юридической терминологии в транспортной отрасли, следует отметить, что в применении юридических транспортных терминов на практике имеет место дублирование одних и тех же понятий, их множественность, противоречивость. То есть прослеживается такое состояние, когда одно и то же понятие формулировалось в разное время и в разных источ-

никах. Если такие понятия отличаются друг от друга, возникает необходимость применения наиболее приемлемого варианта. Кстати, это может быть не официальное определение. Таковы наиболее приемлемые варианты должны быть подготовлены авторами научного проекта «Исследование современного состояния юридической терминологии в транспортной отрасли» и изложены в Методических рекомендациях.

Основные положения рекомендаций следующие. В действующем законодательстве Украины существует ряд понятий, содержащихся в нормативно-правовых актах, однако четкого определения нет. Итак, в Методических рекомендациях предусматриваются указания относительно толкования юридических терминов.

С другой стороны, может оказаться отсутствие ряда понятий в нормативно-правовых актах или других источниках, которые используются на практике в транспортной отрасли, которые могут относиться к юридической терминологии. Тогда такие понятия должны приводиться с учетом практики применения терминов, слов и словосочетаний в юриспруденции.

Таким образом, следующим важным положением Методических рекомендаций является определение критериев, по которым должен происходить подбор соответствующих юридических терминов. Так, многозначные юридические термины, требующие единого определения и обоснования одной дефиниции, обрабатываются в соответствии с Методическими рекомендациями, должны соответствовать содержанию Единой транспортной системы, которая состоит из:

- Транспорта общего пользования в составе железнодорожного, водного, автомобильного, авиационного и городского электротранспорта;
- Промышленного железнодорожного транспорта;
- Ведомственного транспорта;
- Трубопроводного транспорта;
- Путей сообщения общего пользования [1].

В процессе разработки научного проекта «Исследование современного состояния юридической терминологии в транспортной отрасли» авторами был проработан значительный по объему пласт нормативной, энциклопедической и научной информации, составлен Перечень общих юридических терминов транспортной отрасли (далее Перечень), подготовлены Методические рекомендации относительно толкования юридических терминов в транспортной отрасли. Именно эти научные материалы как результаты выполнения определенных этапов научного исследования явились источником, из которого авторы отбирали соответствующие толкования для Транспортного юридического словаря.

Учитывая то, что в рамках исследования был создан Транспортный юридический словарь, возникает необходимость рассмотреть некоторые аспекты его подготовки.

Структура словаря предоставляет пользователю возможность исследуя определенный официальный термин получить информацию о соответствующем нормативно-

правовом (международно-правовом) акте, в котором приводится его понятие (дефиниция). Таким образом, пользователь получает: во-первых, четкое определение понятия термина, который его интересует, во-вторых, если это юридический термин, имеющий официальное определение в нормативно-правовых актах — информацию об официальной позиции законодателя относительно того или иного понятия, в-третьих, информацию об источнике, в котором приведено соответствующее понятие юридического термина (нормативно-правовой акт, соответствующие словари и энциклопедии, специальная литература, научные работы и т.д.).

Итак, схему изложения информации относительно определенного юридического термина можно изобразить так: 1) термин, 2) определение понятия (дефиниция), 3) название источника, где приведено определение понятия. Стоит заметить, что идея изложения в словаре информации именно по такой схеме не нова. Еще в 2001 году в киевском издательстве А.С. К. было выдано труд Ивана Ивановича Дахно «Юридический словарь И.Дахно: Словарь законодательных и нормативных терминов» [2]. Хотя эта работа имеет общий характер и не выделяет юридические термины относительно определенных отраслей народного хозяйства, именно в ней применяется вышеприведенная схема изложения информации относительно определенного срока.

Транспортный юридический словарь содержит законодательные и нормативные определения понятий. Это значит, что тот или иной юридический термин приводится с определением, которое содержится в нормативно-правовом (международно-правовом) акте. Такой подход позволяет предоставить пользователю официальный, удобный в применении понятийный аппарат.

Авторы научного проекта «Исследование современного состояния юридической терминологии в транспортной отрасли» для его осуществления использовали как различные электронно-поисковые системы, компьютерные правовые базы данных, так и официальные издания органов власти, соответствующие словари и энциклопедии, специальную литературу, научные работы и т.д.

Среди прочих особо следует отметить такие электронные информационно-правовые ресурсы, как: Нормативные акты Украины (ЗАО «Информтехнология»), ЛИГА: ЗАКОН (ИАЦ «ЛИГА»), «Право» (ИАЦ «Бит»), страница в сети Интернет Верховной Рады Украина (<http://www.rada.gov.ua/>) и т.д. Однако, следует отметить, что этот удобный и надежный способ поиска необходимой правовой информации практически неэффективен для поиска терминов, содержащихся в нормативно-правовых актах, изданных или слишком давно, чтобы быть включенными в базы данных, или не регистрировались в Министерстве юстиции Украины и поэтому остаются за пределами упомянутых правовых баз.

Также кроме указанных электронных ресурсов были подвергнуты анализу официальные издания органов

власти Украины, как: «Ведомости Верховной Рады Украины», «Официальный вестник Украины», «Сборник Указов Президента Украины», «Официальный вестник Президента Украины», Информационный бюллетень «Нормативные акты министерств и других центральных органов государственной исполнительной власти Украины», «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств Украины «и т.п.

Для осуществления вышеуказанной работы большую пользу имели энциклопедические словари. К таковым следует отнести: «Юридическую энциклопедию: В 6-ти тт. / Гл. ред. Ю.С. Шемшученко « (К., 1998–2004), «Юридический словарь И.Дахно: Словарь законодательных и нормативных терминов « (М., 2001), «Русско-украинский-английский словарь юридической терминологии. Трудности терминопотребления / Общ. ред. Ю. Зайцева « (К., 1994), «Большой юридический словарь / Под ред. А.В. Малько « (Проспект, 2009), «Большой юридический словарь / А. Сухарев « (2005), «Словарь понятий и терминов, сформулированных в нормативных документах российского законодательства / В. Арбесман», «Правовой глоссарий по комплексному управлению прибрежными зонами / Е. Андреева, Ю.Барсегов, А. Вылегжанин», «Морской энциклопедический справочник: В 2-х тт. / Под ред. Н.Н. Исанина» (Л., 1987), «Большая энциклопедия транспорта: В 8 тт. / Гл. ред. Н.С. Конарев « (М., 2003), «Морской энциклопедический словарь: В 3-х тт», «Действующее международное право: В 3-х тт». (М., 1997), «Словарь украинского языка: В 11-ти тт». (К., 1970), «Словарь украинского языка: В 4-х тт.. / Б. Гринченко» (К., 1996), «Словарь технической терминологии / И. Шелудько, Т. Садовский» (К., 1928), «Русско-украинский словарь научного и технического языка / А. Войналович, В. Моргунок» (К., 1997), «Русско-украинский научно-технический словарь / В. Перхач, Б. Кинаш» (Львов, 1997), Русско-украинский морской словарь. И. Авраменко (М., Транслит 2009) и т.д.

В процессе выполнения упомянутого научного исследования авторы проекта также использовали такую специальную литературу, как: «Лингвистические аспекты стандартизации украинской терминологии. Методические рекомендации для преподавателей всех специальностей / Сост. В. Дубчинский, А. Кремень» (Х., 2003), «Украинский деловой язык: практическое пособие на каждый день / Под ред. М.Д. Гинзбурга» (Х., 2003), «Современный украинский язык: Справочник / Под ред. О.Д. Пономарева» (К., 1993) и т.д.

Таким образом, систематизация юридических терминов и выпуск Транспортного юридического словаря на основе Методических рекомендаций относительно толкования юридических терминов в транспортной отрасли должно устранить дублирование одних и тех же понятий, их множественность и противоречивость и облегчить применение юридической терминологии на транспорте.

Литература:

1. Закон Украины «О транспорте» от 10.11.1994 №232/94-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины, 1994, N 51 (20.12.94), ст. 446.
2. Юридический словарь И. Дахно: Словарь законодательных и нормативных терминов. 2-е изд. доп. — К.: А.С. К., 2001. — 1056 с.

Problematic issues of exemption from serving a sentence with the probation in accordance with the criminal law of Ukraine

Назимко Егор Сергеевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Донецкий юридический институт МВД Украины

Yegor Nazymko, Candidate of Law, Senior Research Fellow
Donetsk Law Institute of Ministry of Internal affairs of Ukraine

Some actual issues of exemption from serving a sentence with the probation in accordance with the criminal law of Ukraine are under consideration in the article. The definitions of criminal-law terms and proposals concerning enforcing criminal-law legislation are given as well.

Keywords: *exemption from serving a sentence, criminal law, obligation, woman, reformation.*

Implementation in the Criminal Code of Ukraine (further — CC of Ukraine) an idea of humanization of a criminal liability has given the cause for an existence of an exemption from serving a sentence institution for a person, who has committed a crime. Exemption from serving a sentence usually means a refusal of a state to enforce a penalty concerning a person, who, according to verdict of guilty, is convicted in committing a crime. The institution has a great significance for a development of Ukrainian state-hood, as very often the purposes of a sentence can be reached without serving, and serving itself appears to be unnecessary, ineffective, damaging the person's, guilty in committing a crime, reformation process.

Issues of exemption of a person from serving a sentence are included in the area of scientific interests of following scientists as O.O. Dudorov, O.P. Goroh, A.A. Muzyka, E.O. Pysmensky and the others. However, a judicial practice of Ukraine has real problems of enforcing this institution.

Taking into consideration a significance and necessity of working out the problems, the aim of given article is to give scientific-practical recommendations by means of enforcing articles 75–79 of CC of Ukraine. Specific features of the given aim are conditioned by two factors. The first — is exclusively of researching character — to explain own scientific grounds on optimization issue of appropriate judicial practice. The second — is so called comparative — drawing scientists of Russian Federation and the other specialists in discussing problematic issues of Ukrainian legislation and

enforcing it in practice as well. It's obviously to claim that Ukrainian and Russian Federation's Criminal Codes, at the level of legislative practice, are almost identical. In addition, they were worked out on a basis of general typical document — Model of Criminal Code for the states-participants of CIS.

There shall be considered in the article general terms of exemption from serving a sentence with the probation (art. 75–78 of CC of Ukraine), exemption from serving a sentence with the probation of women and those who are the mothers of children who haven't attained the age of seven years old (art. 79 of CC of Ukraine).

The Chapter XII of CC of Ukraine «Exemption from a sentence and serving» provides for such encouraging norms as exemption of sentenced person from a sentence or from further serving, substitution of one punishment for a milder one, commutation of imposed sentence as well. Exemption from serving a sentence — non-enforcement by a court of penalty concerning a person, sentenced for committing a crime. Exemption from serving a penalty — sentenced person's discontinuing a further serving a sentence for committing a crime. Commutation of imposed penalty — is easing of degree and term. Substitution of one punishment for a milder one — is substitution of not served part of one punishment for another, which is milder (sentences, contained in CC of Ukraine are put from mildest to most severe).

Exemption from serving a sentence with the probation is a right of a court, not an obligation. It takes place in time of infliction of such penalties as correctional works, official re-

restrictions for military men, confinement for a term not longer than five years. Confinement for a term not longer than five years means a real fixing a time limit of sentence, but not a maximal limit of sanction of norm of the article of Special chapter of CC of Ukraine, whereby an accused person is being adjudged.

While making decision on exemption, a court takes into account a gravity of a crime, identity of the accused, probability of reformation of a person under a sentence without serving a sentence and the other circumstances of a case.

The indicators of a gravity of a crime are the character and degree of its danger to the community. Identifying a gravity of a crime's degree, it's necessary to proceed from a classification of crimes (art.12 of CC of Ukraine), also from specific features of concrete crime and circumstances of its committing (form of a blame, motive and a purpose, means, stage of committing, quantity of criminal activity episodes, role of each of abettors, in case if a crime is committed by group of persons, character and gravity of consequences caused etc) (par.1 of the cl.3 of the resolution of Plenary session of Supreme Court of Ukraine «On practice of infliction by courts of criminal punishment», 24-th of October 2003 №7).

An identity of the accused can be characterized by following data: behavior of the accused before and after committing a crime (aiding to suffer, admission of guilt), life behavior, in public areas, in office or educational institution, being recognized as a participant of a war, if awards are available, presence of criminal record and administrative penalty, age, state of health, physical disability and so on.

The rest of circumstances of a case are: family status of an accused, dependence of other persons on him, grave diseases of members of family, reconciliation with a victim and so on.

In case if a decision on exemption from serving a sentence with the probation is taken, a court fixes a trial period, when an accused must not commit another crime and is obliged to carry out its obligations, provided for art.76 of CC of Ukraine.

A trial period must be not less than one year and not longer than three years. It starts from announcing a sentence of a court (part 1 of the art.165 of Criminal-Executive Code of Ukraine).

In case of exemption from serving a sentence with the probation a court can oblige a person under a sentence to carry out one or several obligations, which are laid down by part 1 of art.76 of CC of Ukraine.

The content of the article means that a court can exempt a person without obliging a person to carry out obligations mentioned-above.

Part 1 of the art.76 prescribes following obligations:

1) apologizing to a suffer in public or in some other way. Public character of apology prescribes a presence of other persons in the process of apologizing which is being said by an accused to a suffer: in a hall of court session, at the meeting of sentenced and suffer's working or student collectives, by means of mass media and so on. The different way of apologizing prescribes a letter from a sentenced person to a suffer, oral apology of a sentenced person to a suffer tete-

a-tete and so on. An issue concerning way of apologizing is under court's consideration taking into account the circumstances of a case and desire of a suffer. In case of obliging a person under a sentence to apologize to a suffer in public or in other way, the person has to file a confirmation of fulfilling its obligation (for example, by radio, TV, newspaper, magazine or a letter). Especially important reforming influence of this obligation is for a minor person.

Under a criminal conduct, a physical person can be regarded as a suffer, who, by means of criminal breach, is insulted, injured or damaged to property and a legal person as well, who, by means of criminal breach, is damaged to property. The rights and duties of a suffer have been acting since filing of an application on committing against him a criminal breach or an application on joining to criminal conduct as a suffer (art.55 of Code of Criminal Procedure of Ukraine);

2) not leaving Ukraine for permanent residence without permission of criminal-executive inspection. If a court has obliged a person not to leave Ukraine for permanent residence, the latter may leave only after revising all the causes for departure by inspection (for example, a necessity to move, which is confirmed by documents or a certificate for permanent residence in foreign state can be regarded as grounds etc);

3) informing a criminal-executive inspection about moving from previous place of living, changing office or study. A person under a sentence, who is obliged to inform an inspection about moving from previous place of living, changing office or study, is to do it before changing or in course of three days after changing in a written form;

4) visiting on a regular basis a criminal-executive inspection for a registry. In case of not appearing when summoned without valid reasons, there can be used an excuse by appropriate internal affairs agencies relating to a sentenced person.

The valid reasons for not appearing of a person when summoned to inspection for a fixed period are: not timely receipt of summon, disease and the other circumstances, that in fact deprive of a chance to appear when summoned and which are documentary confirmed (part 5 of the art.166 of Criminal-Executive Code of Ukraine);

5) receiving treatment for alcoholism, drug abuse or disease, that is dangerous for a health of the others.

An obligation to receive treatment for alcoholism, drug abuse or disease, that is dangerous for a health of the others, provides for receiving some course of treatment. A sentenced person can be obliged in this way by the right of a court in case of confirmation of abuse of alcohol, drugs, also in case of medical conclusion of a necessity to receive an appropriate treatment.

If a court has obliged a person under a sentence to receive treatment for alcoholism, drug abuse or disease, which is dangerous for a health of the others, discharging by a person of its obligation is to be confirmed by appropriate information of medical institution.

The list of obligations mentioned above is exhaustive, and a court must not oblige a person, which is exempted from

serving a sentence with the probation, in another, not laid down in law, ways.

2. The control under behavior of such persons under a sentence is provided by criminal-executive inspection in place of residence of sentenced person, and concerning accused military men – by commanders of military units. Such control includes: recording of sentenced persons in course of trial period; providing together with internal affairs authorities and appropriate public institutions an individual-prophylactic work under sentenced persons; observing by sentenced persons a public order and carrying out duties, they are obliged by a court; excuse of sentenced persons, who have not appeared when summoned to inspection; making initial investigating measurers concerning sentenced persons, whose location is unknown; providing the other measures in accordance with legislation.

In compliance with art.77 of CC of Ukraine in case of exemption from serving a sentence with the probation, a sentenced person can be additionally punished by imposing fines, deprivation of right to hold some offices, deprivation of military, special rank, title, grade or qualification class (property confiscation is excluded). Simultaneously, when person is exempted from serving a sentence with the probation there is a chance, not an obligation to impose additional penalties.

Additional penalties, which are imposed when person is being exempted, are to be discharged independently.

Imposing additional penalties in case of exemption from serving a sentence with the probation is to be done in accordance with CC of Ukraine.

A fine as an additional penalty can be imposed only when it's prescribed on a special basis in sanction of an article (sanction of part of an article) in Special part of CC of Ukraine (part 3 of the art.53 of CC of Ukraine). For more details about fine see commentary to art.53 of CC of Ukraine.

The deprivation of right to hold some offices or make some activity as an additional penalty can be imposed also in case when it's not prescribed in sanction of an article (sanction of part of an article) in Special part of CC of Ukraine taking into account a fact of crime committing in office or it has something to do with making some activity, identity of a sentenced and another circumstances of a case, then a court recognizes it impossible for a sentenced person to remain a right to hold some offices or make some activity (part 2 of article 55 of CC of Ukraine).

Imposing a deprivation of holding some offices or making some activity as an additional penalty to an arrest, confinement, keeping military men in disciplinary military unit or confinement for some term – it applies to the all term long of a main penalty and, additionally, to a term, imposed by a judgment, which come into force. Moreover, a term of additional penalty starts from the moment of serving a main penalty, and when a penalty is a deprivation of right to hold some offices or make some activity as an additional to the other main penalties, and also in case of enforcing article 77 – from the moment of judgment entering into force (part 3 of the art.55 of CC of Ukraine).

Deprivation of military, special rank, title, and grade or qualification class can be enforced to a person sentenced for committing a grave or especial grave crime, who has a military, special rank, title, and grade or qualification class (art.54). For more details about deprivation of military, special rank, title, and grade or qualification class see commentary to art.54 of CC of Ukraine.

After a trial period expiring, a sentenced person, who has fulfilled its obligations and committed no another crime, is being exempted on the proposal of a criminal-executive inspection by a court from an imposed penalty, his behavior is no longer under control, and a sentenced person is being crossed off the criminal-executive inspection's register (part 2 of the art.165 of Criminal-Executive Code of Ukraine). After expiring a trial period, during of which a sentenced person has fulfilled all the obligations, imposed by a court and committed no another crime (that is to be confirmed by a demand of a presence of a criminal record and bringing to a criminal responsibility from internal affairs information technologies department), it is being sent a proposal and personal case of sentenced person to a court concerning making decision on exemption from an imposed penalty. If a last day of a trial period is a holiday or a day of celebration, a proposal is being made on first day after them. The proposal contains an information concerning person's behavior facts in the course of being registered, concerning person's fulfillment of its obligations, person's characteristics in place of work, study or residence.

If a sentenced person dodges its obligations, imposed by a court or was being brought to administrative responsibility for breaking a public order, he is brought an admonition in a form of written warning about prospect of abolition of exemption from serving a sentence with the probation and nomination for serving a sentence, imposed by a court (part 1 of the art.166 of Criminal-Executive Code of Ukraine).

If a sentenced person dodges its obligations, imposed by a court after admonition in a form of written warning or three and more times was breaching a law, that were causing administrative enforcement which are the witness of its will not to reform, and also when a sentenced person doesn't appear to an inspection two or more times without valid reasons (that is to be confirmed by appropriate information) or left its place of residence to avoid a control under its behavior, an inspection makes a proposal to a court on abolition of exemption from serving a sentence with the probation and nomination for serving a sentence, imposed by a court.

Sentenced person's non-fulfilling any of obligations, imposed by a court is regarded as a total non-fulfilling (for instance, a sentenced person doesn't appear to an inspection two or more times in succession without valid reasons). A proposal to a court on abolition of exemption from serving a sentence with the probation is to be adducted to a court during a month after establishing such facts (part 3 of the art.166 of Criminal-Executive Code of Ukraine).

In case a sentenced person commits another crime during a trial period, a court imposes a penalty taking into account

a total quantity of sentences in accordance with rules of imposing penalties and taking into account a term of previous confinement.

Exemption from serving a sentence with the probation of women and those who are the mothers of children who haven't attained the age of seven years old is a right of a court, not an obligation as well. It takes places in the course of imposing on pregnant women or those who are the mothers of children who haven't attained the age of seven years old only such penalties as restraint of liberty or confinement for more than five years for grave or especially grave crimes.

Confinement for more than five years means a real imposed term of a court's sentence, but not a maximal limit of sanction of norm of the article of Special chapter of CC of Ukraine, whereby an accused person is being adjudged.

Exemption from serving a sentence with the probation of pregnant women and those, who are the mothers of children, who haven't attained the age of seven years old, touches upon both main and additional penalty.

In case of exemption, the persons mentioned-above are given a trial period, during which, in accordance with a law, a woman can be released from work because of pregnancy, childbirth and child attaining seven-years old age.

These confinement terms are prescribed in Code of Labor Laws of Ukraine, particularly art.179 contains the regulation about maternity leaves, childbirths leaves, and childcare leaves as well. For instance, on a basis of a medical conclusion, women are given a maternity leave with pay of 70 calendar days before childbirth and 56 (in case of delivery of two or more children and in case of difficult birth – 70) calendar days after childbirth, starting from a day of birth.

Duration of a maternity leave is a summary and consists of 126 calendar days (140 calendar days – in a case of delivery of two or more children and in case of difficult birth). The leave is given to women entirely independently on a quantity of days, which were spent for childbirth in fact.

According to a woman's desire, she's given a childcare leave until a child attains a three-years old age with pay during these periods an allowance in accordance with a legislation.

In case of exemption from serving a sentence with the probation of pregnant women and those who are the mothers of children, who haven't attained the age of seven years old, a court can oblige a sentenced woman in a way, prescribed in the article 76 of CC of Ukraine. For more details see commentary to art.76 of CC of Ukraine.

Concerning pregnant women and those who are the mothers of children who haven't attained the age of seven years old, exempted from serving a sentence with the probation, a criminal-executive inspection together with re-

spective internal affairs agencies controls following issues as well: did a woman refuse from its child and did she send her child to children's home? did she move from its place of residence? did she dodge upbringing her child and caring? For more details about a control under sentenced persons' behavior see commentary to part 2 of the art.76 of CC of Ukraine.

If a sentenced person breaches requirements, which derive from a legislation, that, in its turn, witnesses her absence of desire to reform itself, a proposal on abolition of exemption from serving a sentence with the probation (exemption from serving a sentence), nomination of a sentenced person for serving a sentence imposed by a court and personal case of a sentenced person are being sent to a court.

After expiring a trial period, a court, depending on a sentenced woman's behavior, exempts her from serving a sentence or nominates her for serving a penalty, imposed by a sentence.

Exemption from serving a sentence takes place under condition of observing during all the trial period long conditions of this article, that is a witness of person's confirming its reformation. In this case a person is regarded as that who has no criminal record (p.1 of the art.89 of CC of Ukraine).

Non-observing any of the conditions mentioned-above obliges a court to nominate a sentenced woman to serving a penalty, imposed by a sentence.

A court, in accordance with a proposal of a control body, nominates a sentenced woman to serving a penalty, imposed by a sentence when one of the following circumstances appears: 1) in case when a woman, exempted from serving a sentence with the probation, refused from its child; 2) sent her child to a to children's home; 3) moved from its place of residence; 4) dodges upbringing her child and caring; 5) does not fulfill obligations, imposed by a court; 6) breaches a law on a systematic basis, that caused administrative enforcement and witnesses an absence of desire to reform itself.

A sentenced person, whose location is unknown during 30 days after making initial investigating measures by a criminal-executive inspection, is regarded as disappeared from its place of living.

In case of committing by a sentenced woman in time of a trial period another crime, a court imposes a penalty taking into account a total quantity of sentences in accordance with rules of imposing penalties and taking into account a term of previous confinement.

Summing up, we should note, that at the present stage of Ukrainian state-hood's development, reaching a purpose of a penalty should, as it's possible, be secured by means of preventive measures, without an influence of a penalty, one of them is an exemption from serving a sentence with the probation.

К вопросу профессионального развития монгольской полиции

Наранчимэг Цэрэнбадамын, докторант
Университет образования Монголии (г. Улан-Батор)

Полицейские органы и каждый его сотрудник должен хорошо помнить, что граждане платят налоги и организовали полицейские органы, чтобы они защищали их спокойную и мирную жизнь. Далеко позади осталось то время, когда в области борьбы с преступностью полицейские органы не имели конкурентов и занимали главенствующую роль.

Монголия перешла в общество демократии и рынка бесповоротно, и, хотя, полицейские органы обязаны нести ответственность за общественный порядок перед законом, наряду с данной ответственностью в некоторых случаях действуют только для защиты интереса олигархов-политиков, становится их средством защиты.

«По мере развития режима профессиональной работы любой организации Правительства в его структуре происходят глубокие изменения, эффективное сотрудничество значительно ослабевает, впоследствии снижается общая производительность труда и конечный результат становится неясным. В итоге бюрократическую организацию ждет участь ликвидации или рассеивания» так упоминает в своем творчестве «Совершенное Правительство» исследователь R.M. Linden [2, с. 33]. Вышеупомянутое положение наблюдается в нынешнем образе Монгольской полицейской организации. Разумеется, полицейская организация не может быть вытеснена из общества. Другими словами, хотя полицейский занимает в данной области беспрецедентное монопольное место, неизвестно, сколько это будет продолжаться. За последние годы образованы следственная служба, Управление по борьбе с коррупцией при Прокуратуре, Криминалистико-аналитический Центр, который реализовывает направление и обязанности анализов полицейских органов, стал самостоятельным и независимым агентством, Полицейская Академия стала Университетом правоохранения при Министерстве Юстиции, дальше, решается вопрос отделения службы реализации направления и обязанности в спорте и искусстве, в итоге, в полицейских органах идет процесс разложения. Полицейские органы перестали соответствовать преобразованиям общественной структуры и изменениям, не стало сотрудников с высоким образованием и профессиональным навыком, которые являлись основой его существования, люди перестали доверять производительности труда и способности сотрудников и стали резко критиковать [1, с. 3]. Сегодняшние правоохранительные органы, их руководства ведут политику, направленную на преобразование и изменение, чувствуя влияние общества, давление граждан-жителей. Изменение и преобразование — это такой процесс, где требуется сложный и длинный срок, где необходима грандиозная выдержка со стороны руководства, также требующий усердной работы,

и, зависящий от профессиональной способности специалистов [3, с. 16]. К сожалению, в нынешнее время не хватает обоснованно обработанного стратегического планирования политики полицейского образования и плана развития полиции.

По нашим взглядам, политика и задача образования, в конечном итоге, есть деятельность по **оказанию поддержки развитию и формированию личности человека**. Поэтому, содержание образовательной услуги должна быть направлена на поддержку развития и жизнеспособности человека. Формирования личности человека наряду с образованием неразрывно связано с формированием большой системы общества и полицейский периода гуманного и демократического общества должен соответствовать требованиям высокого образования и знания, с чувством гуманности, сострадательности, морали, с чувством среды, со способностью самостоятельной жизни, ликвидности, с высокой производительностью труда, обладающий политической культурой, со способностью самостоятельно обучаться, развиваться, с чувством патриотизма и демократизма. Изменилась наша традиционная тенденция понятия об образовании как об образовании, дающих только в рамках образовательных учреждений, и нами изучено о том, что человек, начиная с самого рождения и до самой своей смерти адаптируется с окружающей средой, обучается и развивается непрерывно. Это в простой речи и в произведении об изучении образования «Непрерывное образование» понимается и изучается под формулировкой «пожизненное образование» [4, с. 11]. В связи с формированием понятия пожизненного образования среди общества и людей, появился актуальный вопрос о непрерывной системе образования полиции, и среди них — развитие личного состава монгольского полицейского.

Основной элемент непрерывной системы образования является наряду с официальным образованием также и неофициальным образованием. Так как пожизненное образование невозможно обеспечить только официальным образованием, помимо официального образования появилась необходимость развития и неофициального развития. Если в системе непрерывного развития политику официального образования, содержание, стандарт устанавливается со стороны государства на основе законов, имеет относительно постоянный признак и определяет направление образовательного развития, то в неофициальном образовании содержание, способ и форма имеют свободный характер, имеет множество вариантов, различий, гибкий, относительно открытый, с чувством восприятия среды, ликвидности, и поэтому продвижение вперед развития образования имеет большое значение. Из исследований видно, что к реализации непрерывной системы по-

лицейского образования и ее механизмов полицейские органы еще не готовы. Такими причинами являются, с одной стороны, то, что слова, произнесенные из уст начальников являются приказами, с другой стороны, существуют строгие законы, ограничивающие право выборов сотрудников соответствующих личным особенностям. Поэтому, считаем, что субъекты реализующие руководство полицейского образования должны быть открыты для сотрудников, привлекать по их интересам, потребностям и требованиям обучению, обучать участию коллектива и общества, и нести обязанность помощи за их саморазвитие. В дальнейшем,

1. В данной организации необходима общая политика развития человека, соответствующая новым измененным условиям нынешнего времени. Поэтому необходимо внедрить способы и методы дальнейшего планирования человеческого развития, потребности, спроса, поставки, оценки, формулировки новой политики контроля, принимаемые всем обществом и соответствующие новым условиям. По нашим исследованием видно, что весь полицейский личный состав на высшей, средней и низшей стадиях желают произвести резкие изменения в обучении по квалификации и официальном обучении. Граждане и общество желают того же. Слишком много накопленных проблем и актуальных вопросов в полицейских органах должны решаться не по стадиям, а требуют не теряя времени изменить всей системой.

2. Для нахождения более новых идей, для привлечения как можно больше людей к деятельности перестройки, среди личного состава полицейских органов обмениваться мнениями и предложениями, регулярно организовать обсуждения, диалоги, научно-исследовательские дебаты, конкурсы и соревнования.

Считаем, что полицейскому управлению необходимо оторваться от традиционных методов приказов, реализовать менеджмент поддержки сотрудников, соответствующих их личным особенностям.

3. Обучать и инструктировать сотрудников, находящихся под непосредственным руководством, практиковать, помимо этого организовать механизмы, которые смогли бы реализовать такие обязанности, использовать их с эффективностью. Благодаря этому, развить полицейского служащего как данные от природы талант и профессиональную способность именно для монгольского человека, этим дать им возможность в общественной жизни активное место, в дальнейшем, оказать влияние на усовершенствование общественных отношений. Поэтому,

Литература:

1. «Мнение граждан о полиции и о деятельности полицейских сотрудников. Центр исследования Максима. УБ.2008.
2. Цэцэгмаа Ц. «Менеджмент человеческого ресурса». УБ. 2009.
3. Пурэвдорж Ч. Менеджмент переподготовки. УБ.2011.
4. Пурэвдорж Ч. О методике теории развития и инновации в области образования. УБ.1999.

считаем, что для системы непрерывного образования полицейских органов, направленных для перестройки общественных полицейских услуг, производства современных тенденции развития менеджментов в соответствии особенностям личности, планирования развития полицейских, для усовершенствования планов необходимо реализовать следующие задачи:

1. Разработать и развить программу поддержки пожизненного образования (Повысить культуру и имидж организации);

2. Сделать полицейские органы обучающейся организацией;

3. Организация, коллектив, команда, каждый сотрудник — обучающийся, обязан делиться знанием, обязан быть инициатором — в деятельности следовать «5 Н» образцов:

— **Новый менталитет и опыт** (внедрение лучших опытов центральных и региональных полицейских органов, также борьбу с преступностью полицейских органов других стран, опыт развития полицейских)

— **Научная тенденция** (всадить метод комбинации теории, практики, традиции, перестройки)

— **Новейшая деятельность** (изучение тенденций развития общества, потребности, требований, изменить форму и качество деятельности)

— **Новая ступень** (В рамках деятельности перестроенного правительства реализовать перестройку деятельности полиции)

— **Новое образование-имидж** (организовав вышеупомянутую деятельность систематически, наряду с реализацией дальнейших задач оказания полицейского образования на новой ступени поднимается уровень авторитета полицейских органов, и реализуется новый имидж перестроенного полицейского органа-личного состава)

4. Принять мероприятия по организации правил поощрения инновационной деятельности, творческой работы сотрудников;

5. Организовать систему поднятия карьеры, опирающейся на производительности, также систему оценки званий, организовать механизм справедливой оценки производительности, для этого внести дополнительные изменения в соответствующие правовые акты;

6. Важное значение для создания полицейских услуг, опирающихся на чувство к изменениям внутренних и внешних сред, подлинными желаниями граждан и их потребности, занимает повышение стремления, активности и участие сотрудников полицейских органов.

Историко-правовой аспект регулирования личных неимущественных отношений супругов в России

Никитин Дмитрий Николаевич, аспирант
Современная гуманитарная академия (г. Москва)

Существует множество версий происхождения семьи. Согласно одной из них выделялись три ступени исторического развития кровных союзов: общеплеменной супружеский союз, где женщины племени составляли достояние мужчин этого племени; материнское право, при котором племя делилось на кровные группы, каждая из которых находилась под властью матери; индивидуальный брак и семья полигамическая, во главе которой стоял отец-патриарх [1, с. 422]. Другие теории отвергали существование племенного гетеризма, утверждая, что от группового брака исторически происходит брак индивидуальный (сначала полигамный), или отрицали как племенной брак, так и групповой, первой ступенью считая брак парный, моногамный, но не индивидуальный [2, с. 2]. В.И. Сергеевич не был согласен с тем, что в первобытном обществе существовала только какая-то одна форма брака, предполагая, что в ходу было и единобрачие, и полигамия, и полиандрия и совершенно беспорядочные отношения мужчин и женщин [3, с. 467].

М.Ф. Владимирский-Буданов по данному вопросу отмечал следующее: «Не отвергая важности исследований об общеплеменном браке и материнском праве, мы должны признать оба эти явления доисторическими, относящимися к эпохе животного состояния человека и во всяком случае ко времени до образования правовых идей. Семейное право, как и всякое другое, первоначально развивается из животных инстинктов, которые превращаются в человеческие учреждения лишь с того времени, когда они проникают сознанием и разумностью; лишь с того момента начинается историческая жизнь общества. Что касается древнеславянских племен, то отсутствие у них коммунального брака и материнского права в историческое время не подлежит сомнению» [1, с. 423].

Современная семья — результат длительного исторического развития. По мнению А.И. Загоровского, индивидуальный и моногамный брак, выступающий последней ступенью брака, до которой довела его история, развился из патриархальной семьи под влиянием экономических причин (не все себе могли позволить иметь несколько жен) и религиозных воззрений, отрицавших полигамию [2, с. 2].

В современной юридической литературе можно встретить утверждение, согласно которому развитие семейно-брачных отношений протекало от больших семей (VI-VII вв.) к экономически и юридически самостоятельным малым семьям (XI-XII вв.) [4, с. 40].

О личных неимущественных отношениях супругов в древние времена сохранились немногочисленные сведения.

Семейные отношения в этот период регулировались обычным правом [4, с. 8]. Жена находилась в личном подчинении мужа. Некоторые исследователи даже усматривали в этих отношениях следы рабства [5, с. 60]. «При невмешательстве государства во внутреннюю жизнь семьи трудно даже отличить эту власть от власти над рабами», — писал о власти мужа над женой Г.Ф. Шершеневич [6, с. 636].

До принятия христианства существовало три способа заключения брака. К ним относились: похищение невесты, покупка невесты у ее родственников и приведение невесты в дом жениха.

Похищение (умыкание) могло сопровождаться разорением жилья и грабежом. Из-за женщин происходили целые войны, когда за похищенную невесту вступались ее родственники [7, с. 403]. Нередко и девушки похищали себе женихов [5, с. 55].

На смену умыканию приходит покупка невесты. Сделка могла совершаться родителями невесты или главой рода, родового союза либо происходила уже после похищения, фактически являясь выкупом, направленным на примирение с родом невесты [1, с. 425].

Между похищением и покупкой усматривается значительная разница в правовых последствиях. Древнее право широко применяло брачный договор в определении личных и имущественных прав [8, с. 18]. Если при умыкании правовое положение женщины целиком зависит от воли мужа, то при заключении соглашения с ее родственниками устанавливаются определенные условия, исполнение которых обязательно для покупателя. «Таким образом женщина не выходила замуж а ее выдавали замуж. Эту житейскую формулу юрист выразил бы так: женщина была правоспособна к браку, но не дееспособна к его установлению. Нечего и говорить, что женщина, лишенная этой дееспособности, не могла определять своих прав и обязанностей по отношению к мужу. Эти права и обязанности определялись не ее волею; совокупность их составила потом брачное право замужней женщины, образовавшееся помимо ее воли. Замужняя женщина не творила для себя сама объективного права» [8, с. 19].

Приведение невесты в дом жениха впервые появилось у Полян. Данная форма брака основывалась на свободном соглашении и религиозных обрядах [1, с. 425]. К тому времени женщина по-прежнему оставалась бесправной. «Хотя уже в Уставе Ярослава содержался запрет выдавать замуж силой, согласие невесты при этом не имело существенного значения», — отмечает Н.С. Нижник [4, с. 10].

Символом власти мужа над женой считалась плеть, которая передавалась от отца невесты к зятю, символически

обозначая передачу власти [9, с. 49–50]. Обряд разувания мужа также свидетельствовал о подчинении замужней женщины [7, с. 409].

Жена должна была последовать за мужем и в загробный мир [3, с. 493]. Существовал обычай, по которому женщин, оставшихся вдовами, сжигали на костре. «Умирал муж, должна была умереть и жена, и не потому только, что существование ее оказывалось совершенно лишним, но и потому, что оно было необходимо для умершего мужа: владелец брал с собою собственность для удовлетворения своих потребностей» [10, с. 230–231]. Но у женщин был выбор между жизнью и смертью. Самопожертвование жен объяснялось утратой защитника и его поддержки. Дальнейшее существование вдовы становилось крайне затруднительным, что и толкало на подобный шаг. Отказ жены последовать за мужем мог оскорбить его родственников [3, с. 494]. Славяне верили, что для того, чтобы душа мужчины попала в рай, ему требовалась душа женщины [9, с. 123]. Языческий обряд расторжения брака заключался в растягивании тонкой холстины, натянутой мужем и женой, стоявшими на разных берегах речки; после того, как ткань рвалась, брачный союз считался расторгнутым [11, с. 174]. В литературе можно встретить утверждение, что брачное право языческой эпохи не знало расторжения брака [4, с. 13].

Принятие христианства оказало влияние на брачное право в Древнерусском и Московском государстве. В семейную жизнь стали внедряться нравственные начала, провозглашаемые церковными принципами [4, с. 41]. Жена перестала рассматриваться как имущество. Брак понимался уже не как договор, а как таинство. Православие улучшило положение женщины в семье, а неограниченная власть мужа стала уменьшаться [12, с. 32]. Уставы князей Владимира и Ярослава передали брачные дела ведомству церкви, которая признавала истинным и законным только тот брак, который совершен обрядом венчания; способ приобретения жены значения при этом уже не имел [11, с. 174].

Установление общего местожительства супругов обозначало не только необходимость совместного проживания у мужа или жены, но и обязанность супруги следовать за мужем в случае ссылки. Мужу разрешалось не направляться вслед за ссылкой супругой, что объясняется неизмеримо высшей ролью мужчин в допетровский период русской истории.

С появлением в России византизма и распространением аскетических взглядов на женщину возникает особый режим, именуемый теремом, при котором устройство домашней жизни было монастырским. «Терем, как особая пристройка, предназначавшаяся для женщин, существовал и раньше, и постоянно встречался в былинах, описывающих, как «сидит она в высоком терему»» [5, с. 63]. В этот период женщина становится затворницей, а режим терема больше напоминает тюремный.

Абсолютная власть в семье принадлежала мужчине. Он был вправе телесно наказывать жену и детей. «Домо-

строй» попа Сильвестра содержал рекомендации по поводу наказаний и иные нормы обычного права в вопросах семьи и быта. По мнению С. Шпилевского, «Домострой представляет целую теорию приложения исправительных мер. Наказание является здесь не как вспышка гнева или раздражения, а прилагается осторожно, обдуманно; наказание является не только как право, принадлежащее семейным властям, но и как обязанность их, в силу необходимости, для исправления, во избежание дурных последствий от оставления виновных без наказания» [9, с. 59]. Наказание не должно было происходить публично; во время этого действия муж не должен был быть гневным, а оставаться спокойным; рекомендовано было использовать плеть, ведь это «и разумно, и больно, и страшно, и здорово». Более того, русские жены иногда были недовольны, что муж их не наказывал, ведь наказание представлялось доказательством любви и назиданием [9, с. 63]. О праве мужа наказывать жену говорят и русские пословицы: «Кого люблю, того и бью» [9, с. 63], «Женский быт, всегда он бит» [13, с. 50], «Степушка Степан Степанидушку трепал» [13, с. 50] и т.д. Следует отметить, что в случае совершения преступления или произвола в отношении жены вмешивалась ее родня, которая постоянно наблюдала за ее содержанием [9, с. 117].

Женщина разделяла социальное положение мужа: «жена князя становится княгиней, жена боярина — боярыней, крестьянина — крестьянкой, попа — попадьей и т. д.» [3, с. 471]. Но свободный человек, вступая в брак с рабыней, сам становился холопом, если господин не давал ей свободу [3, с. 471]. Вместе с социальным положением женщина получала от мужа фамилию. В народе говорилось: «Под чужой потолок подведут, так другое имя дадут» [13, с. 51].

Муж имел право на распоряжение личной жизнью жены [1, с. 455]. Жены могли становиться предметом залога, а при материальных затруднениях в семье встречались случаи, когда мужья предлагали за определенную плату своих жен другим мужчинам [4, с. 46]. Однако в литературе отмечается, что муж, сдавая жену в залог, злоупотреблял супружеской властью, право такого не имея [9, с. 72].

Русская правда устанавливала ответственность для жены и детей, которые знали о краже, совершенной главой семьи (ст. 132) [7, с. 410].

По законодательству почти всех народов муж имел право убить жену, совершившую преступление, но в России о наличии такого права у мужчин источники умалчивают [1, с. 457]. Хотя судебная практика того времени показывает, что убивший жену за прелюбодеяние получал снисхождение [9, с. 67].

Правила о разводе вели свое начало из Византии. Греческие номоканоны, которые содержали в себе нормы церковного и светского права, именовались в России «кормчими» и получили широкое распространение в славянских переводах [2, с. 129]. Однако пользоваться такими источниками брачного права было достаточно

сложно, что объяснялось плохим качеством перевода [2, с. 129].

Личному праву супругов на расторжение брака противостояла церковь, считавшая брак таинством, совершаемым на небесах. В московский период допускалось множество поводов к расторжению брака, среди них в литературе выделяются следующие: прелюбодеяние, неспособность сожития со стороны мужа, бесплодие жены, пострижение в монашество, болезнь супруга, обоюдное согласие супругов, а также, если жена мылась в одной бане с мужчинами или без согласия мужа посещала театр, амфитеатр, цирк [6, с. 622].

В имперский период происходят значительные изменения, направленные на улучшение положения женщины в семье и обществе. Петр Первый изменил патриархально-монастырский уклад жизни, привив западноевропейские нравы российскому обществу [5, с. 73].

Воинские Артикулы Петра признавали за мужем право наказывать жену, при этом муж подвергался меньшей ответственности, если жена умирала от побоев. Только Уложением о наказаниях 1845 г. было запрещено бить и увечить жен [7, с. 410].

В петровский период, как отмечается в литературе, «в область источников бракоразводного права начинает проникать право светское — Синод при отсутствии определенного постановления в церковных правилах обращается к Уложению, Генеральному Регламенту, а впоследствии к Своду Законов» [2, с. 139]. Петр Великий прибегает и к праву неписанному, чему служил установленный практикой обычай [2, с. 139]. Выработывается более строгий взгляд на возможность расторжения брака, чем это было в допетровский период. На законодательном уровне происходит сокращение поводов к разводу, однако появляются и новые [6, с. 622].

Правило, согласно которому вступление в брак с крепостным лишало супруга свободы, было отменено для свободного мужа — Екатериной II, для свободной жены — Александром I [2, с. 204].

Лицам, состоявшим на службе (гражданской или военной), запрещалось вступать в брак без дозволения начальства, для чего требовалось письменное свидетельство [14].

Из Устава благочиния 1782 г. следовало: «Муж да прилепится к своей жене в согласии и любви, уважая, защищая и извиняя ее недостатки, облегчая ее немощи, доставляя ей пропитание по состоянию и возможности своей. Жена да пребывает в любви, в почтении и послушании к своему мужу и да оказывает ему всякое угождение и привязанность, яко хозяйка» [15, с. 524].

Важнейшая взаимная обязанность супругов, по мнению ученых, заключается в их совместной жизни [16, с. 27]. «Эта обязанность должна быть понимаема не в смысле безусловном, а лишь в том, что, раз нет законных оснований для раздельной жизни, каждый супруг имеет право требовать от другого прекращения такой жизни: муж имеет право требовать, чтобы отдельно живущая

жена возвратилась к нему, а равно следовала бы за ним при всякой перемене жительства (переселении, поступлении на службу, ст. 103), а жена — чтобы отдельно живущий муж взял ее к себе», — писал А.И. Загоровский [2, с. 191]. Жена следовала местожительству мужа. Необходимо отметить, что правило о совместной жизни супругов распространялось и на нехристиан, проживавших на территории России, но в законе отсутствовало специальное указание на этот счет. В период реформ начинает пересматриваться отношение к безусловной обязанности супругов жить вместе, в большей степени распространяющуюся на жен, обязанных следовать за мужьями даже в вечную ссылку. И.Г. Оршанский называл четыре категории причин, которые могут отменять правило о совместной жизни супругов: постановление закона, преступление одного из супругов, соглашение супругов, физическая или моральная невозможность проживать совместно [16, с. 37–38].

Невиновный супруг осужденного к ссылке теперь не обязан был следовать за своим супругом [5, с. 177].

Муж не мог требовать совместного жительства, если вел кочевой образ жизни [17, с. 281]. Исключением из этого правила являлись такие народы как цыгане, калмыки и др., которые вместе со своими семьями и женами перекочевывают с места на место [18, с. 168].

Жены переселяемых по приговорам обществ мужей могли не следовать за супругом в случае, если муж даст согласие, удостоверенное его подпиской в присутствии полицейского начальства, об оставлении жены на прежнем месте жительства; тяжкой болезни жены, на основании чего губернское правление было правомочно принять решение, позволяющее не ехать за супругом; жесткого обращения или развратного поведения мужа, чему должно было предшествовать рассмотрение дела в суде [5, с. 177].

Супруги могли проживать раздельно по обоюдному согласию. Это объясняется тем, что личные отношения супругов «с положительной их стороны неуловимы для законодательства» [1, с. 458]. Но заключать соглашения либо иные акты, ведущие к их самовольному разлучению, законом воспрещалось.

Ограничение свободы разводов послужило причиной для появления правила о разлучении супругов, которое практиковалось в двух видах:

- как средство разъединить до исхода процесса супругов, о законности брака которых шло судебное разбирательство, либо тех, которые возбудили дело о разводе или жестоком обращении;
- как средство «суррогатного развода», применявшееся по решению духовно-семейной власти вследствие несогласной жизни мужа с женой [2, с. 189].

Жены иностранных граждан, не состоявших ни в службе, ни в подданстве России, должны были следовать вслед за супругом. Замужние иностранки не принимались в русское подданство отдельно от мужей [19, с. 119]. Запрещалось принимать в монастырь мужа при живой жене,

за исключением случая, когда оба супруга решат подстричься [19, с. 119].

Статья 106 Свода законов гражданских обязывала мужа доставлять жене содержание «по состоянию и возможности своей» [20, с. 12]. Примечательно, что данное положение находилось в разделе, посвященном личным правам супругов, а не имущественным. Единого взгляда о характере права на содержание не было. По мнению Сената, «право жены на получение содержания от мужа, несмотря на то, что оно представляется правом материальным, все же есть ее личное право, а не право на имущество мужа, как вытекающее из его личной обязанности перед ней» [18, с. 164]. Д.И. Мейер рассматривает его как право имущественное, однако, замечая, что обязанность заботиться о содержании жены соединяется с правом власти мужа [21, с. 691]. К.Н. Анненков называет обязанность содержания «не только личной, но и имущественной» [18, с. 171]. Г.Ф. Шершеневич отмечал имущественный характер права на содержание, делая оговорку, что оно «имеет и личный характер, потому что право содержания присвоено определенному лицу без возможности отчуждения его, потому что требование содержания обращается к лицу мужа, а не к преемникам его» [6, с. 644]. И.Г. Оршанский также признавал имущественный характер права на содержание, отмечая, что «оно носит личный характер, вследствие чего оно не подлежит давности» [16, с. 78–79]. Говоря об иске жены к мужу о взыскании содержания, К.П. Победоносцев отрицал, что это иск о выделе доходов [19, с. 122]. «Это иск об особом праве, — писал он, — которое едва ли можно смешивать с правом на имущество, именно о праве на содержание или алименты. Право это не есть вещное и не есть обязательство, по началу своему числом и мерой определяемое, а право, проистекающее из некоторых семейственных отношений, с коими связана обязанность попечения и питания» [19, с. 122].

Об обязанности жены содержать мужа закон не упоминал, что, по мнению А.И. Загоровского, «плохо вяжется с бесспорно устанавливаемой законом обязанностью взаимной нравственной поддержки друг друга: для мужа — «облегчать немощи» жены (ст. 106), для жены — «пребывать в любви», «оказывать угождение и привязанность» (ст. 107)» [2, с. 187]. Законодательство большинства зарубежных стран стремилось к установлению самостоятельности женщин, в том числе в вопросах заработка, а также закреплению правила, обязывающего жен содержать мужа и семью [8, с. 283–284].

О возможности регулирования личных и имущественных отношений супругов с помощью договора писал В.И. Синайский, который признавал крайне незначительную роль частного соглашения в данной области гражданского права, отмечая при этом, что такие договоры имели место в жизни, иногда нарушая постановления сенатской практики и закона [8, с. 230].

Личные обиды между супругами не подлежали судебному преследованию [19, с. 120].

Жена имела право на имя мужа, а также на все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином или званием, которые она не утрачивала в случаях лишения мужа всех прав состояния за преступление (ст. ст. 101, 102 Свода законов гражданских) [20, с. 11–12].

Существовали исключения, касающиеся правила передачи мужем прав состояния своей супруге:

- жена, принадлежащая до замужества к высшему состоянию, сохраняла преимущества, не сообщая его мужу;
- жена, лишенная всех прав состояния и перечислившаяся в сословие государственных крестьян, не приобретала прав своего мужа, относившегося к высшему сословию;
- лица, принадлежащие к царствующему или властвующему дому, вступая в брак, не передавали прав членов Императорской фамилии, т.е. права на престолонаследие и права на получение содержания из удельного имущества [19, с. 205].

Право на повсеместное приобретение недвижимого имущества, принадлежавшее в некоторых случаях евреям, не передавалось их детям и женам [22, с. 53].

Закон также содержал положение, согласно которому «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, прибывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» [20, с. 12] (ст. 107 Свода законов гражданских).

А.И. Загоровский отмечал, что данное правило должно рассматриваться с другими положениями закона — «о жизни с женой в согласии», «об уважении» к ней (ст. 106), указывающими на безграничную власть мужа [2, с. 201–202].

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «из права личной власти мужа выводится запрещение некоторых сделок без разрешения мужа, именно вступления в договор личного найма (т. X ч. 1 ст. 2202), и выдачи или передачи векселей (Устав вексельный, ст. 2)» [6, с. 642].

Согласно ст. 45 Свода законов гражданских, супруг имел право на расторжения брака духовным судом в случаях:

- прелюбодеяния другого супруга или неспособности его к брачному сожитию;
- если другой супруг приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или сослан в Сибирь с лишением всех особенных прав и преимуществ;
- в случае безвестного отсутствия другого супруга [20, с. 5].

Среди иных поводов к разводу А.И. Загоровский также выделял:

- прелюбодеяние квалифицированное (двоебрачие, бигамия);
- принятие монашества по взаимному согласию обоими супругами;
- принятие крещения супругом-нехристианином (в случае, если супруг-нехристианин не пожелает жить с обращенным, воспитывать детей в православной вере, а

также не пожелает не укорять и не совращать православного супруга);

— посвящение мужа в епископы [2, с. 160].

Данные правила распространялись на православных супругов, расторжение брака между лицами инославных вероисповеданий и нехристиан имело свои отличия.

Так, например, брак между католиками не мог быть расторгнут вообще, а лишь в некоторых случаях признавался недействительным; помимо установленных православной церковью поводов к разводу у лютеран имелись такие, как «неизлечимая прилипчивая и крайне отвратительная болезнь, сумасшествие, развратная жизнь и противоестественные пороки, жестокое и угрожающее опасностью обхождение, намерение лишить супруга чести, свободы, жизни, злонамеренное оставление (т. XI, ч. 2, Устав иностранных исповеданий, ст. 369)» [6, с. 269].

В советский период происходят коренные изменения в правовом регулировании различных общественных отношений. Социалистическое государство устремилось к созданию нового семейного строя. В связи с чем были приняты декреты ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [23] и от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» [24], которые положили начало новому брачно-семейному законодательству, получившему международный резонанс и существенно повлиявшему на ход развития семейного законодательства за рубежом [25, с. 24].

Более конкретное и полное регламентирование семейные отношения получили с принятием Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. [26] (далее — КЗАГС). Первый семейный кодекс закрепил революционные преобразования в семейно-правовой сфере [27, с. 63]. Уже в первые годы социалистического государства были сформулированы и закреплены основные принципы советского семейного права [28, с. 36].

Как отмечается в литературе, с принятием этого кодекса берет начало тенденция советского семейного права, согласно которой в сфере личных неимущественных отношений супругам предоставляется достаточно прав, в то время как имущественные отношения ставятся в неопределенно жесткие рамки [29, с. 103]. Развив положения декретов, КЗАГС установил, что права и обязанности супругов порождает только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в органах записей актов гражданского состояния. Брак, совершенный по религиозным обрядам, а также фактическое сожитие не имели юридической силы, но и не воспрещались законом. Однако церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 г. с соблюдением правил действовавшего на тот момент брачно-семейного законодательства, признавались действительными. Ведение книг актов гражданского состояния теперь возлагается на государственные органы, в то время как в царской России записи велись в приходских (метрических) книгах. Действующая власть шла по пути отделения церкви от государства.

Также КЗАГС устанавливал свободу прекращения брака. Развод по обоюдному согласию супругов производился в загсе или в суде, а по инициативе одного из супругов — в суде. «Ибо совершенно ясно, — отмечал Г.К. Матвеев, — что там, где нет свободы развода, там не может быть и свободы брака. Как нельзя понуждать людей ко вступлению в брак, так нельзя принуждать их к продолжению брачной жизни, если она совершенно расстроилась и надежд на ее восстановление нет» [30, с. 21].

Данное положение имело огромное значение для женщин, которые находились в браке, заключенном ранее по принуждению родителей либо в силу безвыходности, связанной с материальными затруднениями [28, с. 33].

Супруги признаются равными в личных и имущественных правах.

Окончательным разрывом с принципом главенства мужа в семье послужила норма закона, согласно которой супруги могли именоваться не только фамилией мужа, как это было ранее, но и фамилией жены, а также их совместной фамилией [31, с. 395–396]. Брачная фамилия сохранялась на протяжении всего времени существования брака, а также в случаях прекращения брака по причине смерти или объявления супруга умершим.

Статья 102 КЗАГС гласила: «При расторжении брака разводом в просьбе о разводе указывается, какой фамилией супруги впредь желают именоваться. Если по этому вопросу между ними нет соглашения, то бракоразведенные супруги сохраняют каждый свою добрачную фамилию».

Равноправие в семье также проявлялось в том, что отныне супруг не обязан был следовать за изменившим местожительство супругом, а перемена гражданства производится только в случае изъявления на то желания мужем или женой (если одна из сторон состоит в русском гражданстве). Семидеркин Н.А. отмечал по данному вопросу следующее: «Дореволюционное право смотрело на мужчину как на деятельную, активную фигуру брачной пары, а на жену — как на принадлежность, которая должна была следовать судьбе главной фигуры. Советское право уравнило супругов» [27, с. 52].

Необходимо отметить, что КЗАГС уравнивал в правах не только супругов, но и родителей. Мероприятия в отношении детей отныне должны решаться по взаимному согласию, а при отсутствии договоренности — местным судом.

Решение вопросов о выборе фамилии детей (в случае развода или признания брака недействительным) и гражданстве ребенка требует согласования родителей. Однако при отсутствии договоренности по поводу гражданства, дети считаются гражданами России, но с достижением совершеннолетия они вправе заявить о желании следовать гражданству родителя-иностранца.

Любопытной представляется статья 148 КЗАГС:

«Родители могут согласиться относительно принадлежности детей, не достигших 14-летнего возраста, к той или иной религии.

При отсутствии между родителями соглашения по этому вопросу, дети до достижения ими 14-летнего возраста считаются находящимися во вневероисповедном состоянии.

Примечание. Указанное в настоящей статье соглашение родителей о принадлежности детей к той или иной религии должно быть заключено в письменной форме».

Если отсутствовало соглашение о месте жительства ребенка, то этот вопрос разрешался в общеисковом порядке местным судом.

КЗАГС фактически утратил силу в связи с принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. [32] (далее — КЗоБСО). Сравнивая оба кодекса, можно обнаружить некоторые различия между ними.

Законодатель признал силу за фактическими брачными отношениями. Данный шаг был обоснован стремлением защитить имущественные права женщин. Нередко женщина оставалась покинутой лицом, с которым она состояла в фактических брачных отношениях и от которого не могла добиться ни доли в совместно нажитом имуществе, ни алиментов (в случае нетрудоспособности) и т.д. [25, с. 28]. Однако только зарегистрированный брак порождал личные неимущественные права супругов.

Новеллой КЗоБСО явилось положение, согласно которому супруги пользуются свободой выбора занятий и профессии (ст. 9). «Этот вопрос, — как отмечается в литературе, — имеет принципиальное значение с точки зрения утверждения равноправия и самостоятельности женщин (в ряде буржуазных стран женщина с выходом замуж лишается права определять свои занятия и свою профессию помимо мужа)» [31, с. 437].

Еще одним новшеством семейного законодательства стало указание на то, что ведение общего хозяйства производится по взаимному соглашению супругов.

Согласно ст. 19 КЗоБСО прекращение брака, как зарегистрированного, так и незарегистрированного, но установленного судом, при жизни супругов может быть зарегистрировано в органах записи актов гражданского состояния.

Подача заявления в ЗАГС являлась основанием для развода, судебный порядок для регистрации прекращения брака был отменен.

Судом теперь решался только вопрос о месте жительства ребенка (при отсутствии соглашения между родителями, живущими раздельно), остальные споры передавались органам опеки и попечительства (ст. ст. 38–40 КЗоБСО).

Дальнейшее развитие брачно-семейного законодательства было связано с принятием нескольких нормативно-правовых актов. Сначала стоит отметить Постановление ЦИК СССР №65, СНК СССР №1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о неко-

торых изменениях в законодательстве о разводах» [33]. Данным законом впервые было запрещено производить аборты. Исключение делалось лишь для операций по медицинским показаниям, но строго в обстановке больниц и родильных домов. Также новым являлось положение, согласно которому при разводе в ЗАГС обязательно вызывались оба супруга, в паспортах делалась отметка о расторжении брака и устанавливалась внушительная плата за развод (50 руб. — за первый развод, 150 руб. — за второй, 300 руб. — за все последующие).

Не менее важным актом являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Матеро-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [34]. Со вступлением его в силу действительным стал признаваться лишь зарегистрированный брак, фактические брачные отношения не порождали больше никаких юридических последствий. Ужесточились нормы закона о разводе. Вместо регистрационной процедуры в ЗАГСе вводилась двухступенчатая судебная процедура, при которой народный суд примирял супругов, а областной — решал вопрос по существу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов» [35] женщинам было предоставлено право самостоятельно решать вопросы материнства. Однако проведение легальных абортов без медицинских показаний допускалось лишь в лечебных учреждениях.

Следующий этап кодификации семейного права прошел в 1986–1970 гг. Начало было положено принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утвержденных Законом СССР от 27 июня 1968 г [36] (далее — Основы законодательства о браке и семье СССР). Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. [37] (далее — КоБС) стал продолжением развития советского семейного законодательства.

Основные положения закона о личных правах и обязанностях супругов не претерпели изменения:

- супруги вправе выбрать общую фамилию или же оставить свои добрачные;
- вопросы семьи, включая воспитание детей, решаются супругами совместно;
- каждый из супругов свободен в выборе занятий, профессии и места жительства и т.п.

Двухуровневая процедура развода была отменена. Брак расторгался судом только в том случае, если дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи были невозможны.

Впервые в законе появилась норма, согласно которой во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка муж не мог возбуждать дело о расторжении брака, не имея на то согласия жены (ст. 31 КоБС). Д.А. Ефременкова считает такую норму «дискриминационной в отношении мужчин» [12, с. 170].

Основные принципы советской семейной политики (в ственных отношений супругов) нашли отражение в новом том числе, касающиеся регулирования личных неимуще- российском законодательстве.

Литература:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905.
2. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909.
3. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.
4. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.
5. Орович Я. Женщина в праве. СПб., 1895.
6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911.
7. Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов-на-Дону, 1918.
8. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.
9. Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.
10. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
11. Самоквасов Д.Я. История русского права. М., 1906.
12. Ефременкова Д.А. Эволюция правового положения супругов в России: IX — конец XX вв.: Дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
13. Кузнецов Я. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910.
14. В рассказе А.П. Чехова «Тина» поручик Александр Григорьевич Сокольский надумал жениться, но для этого ему требуются деньги. Сам герой поясняет это так: «История в том, что по закону офицер не может жениться раньше 28 лет. Если угодно жениться, то или со службы уходи, или же вноси пять тысяч залога».
15. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи. СПб., 1909.
16. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877.
17. Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. II. Киев, 1915.
18. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т.V. СПб., 1905.
19. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. II. СПб., 1896.
20. Свод законов Российской Империи. Кн. 3. Т.X. Ч. 1 / Под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912.
21. Мейер Д.И. Русское гражданское право. СПб., 1864.
22. Тютрюмов И.М. Законы гражданские. Т.I. Петроград, 1915.
23. СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160 (утратил силу).
24. СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152 (утратил силу).
25. Советское семейное право / Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1982.
26. СУ РСФСР. 1918. № 76—77. Ст. 818 (утратил силу).
27. Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989.
28. Советское семейное право / Под общ. ред. В.Ф. Маслова, А.А. Пушкина. Киев, 1981.
29. Антокольская М.В. Семейное право. М., 2010.
30. Матвеев Г.К. Советское семейное право. М., 1985.
31. Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М., 1949.
32. СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612 (утратил силу).
33. СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
34. Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.
35. Ведомости ВС СССР. 1955. № 22. Ст. 425.
36. Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241 (утратил силу).
37. Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397 (утратил силу).

Исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних в конце XIX – начале XX века

Новикова Юлия Валерьевна, аспирант

Российская правовая академия министерства юстиции Российской Федерации (г. Москва)

Впервые в истории Российского уголовного законодательства несовершеннолетние, как субъект уголовной ответственности и наказания, упоминаются в Артикуле Воинском 1715 года: «Наказание воровства обыкновенно умалется, или весьма оставляется, ежели... вор будет младенец, который, дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть». Законодатель, не конкретизировал ни возраста, с которого начиналась уголовная ответственность, ни наказания, которому они могли быть подвержены со стороны государства. Более подробно этот вопрос был урегулирован Указом Екатерины Второй от 26 июня 1765 года, в соответствии с которым лица, не достигшие десятилетнего возраста, не подлежали уголовной ответственности вообще, а лица, в возрасте от 10 до 17 лет подвергались мерам государственного принуждения только за отдельные преступления.

Последующее развитие института уголовной ответственности несовершеннолетних нашел свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 года. Понятием «несовершеннолетние» определялась категория лиц в возрасте от 10 до 17 лет, совершивших умышленные преступления, то есть «действовавшие с разумением». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года установило особый порядок определения и применения наказания к вышеупомянутой категории лиц, несколько отличающейся от общего установленного порядка. Так, за совершение некоторых преступлений, санкции, наказания которых предусматривали наказания плетью и ссылку на каторжные работы, несовершеннолетние наказывались ссылкой на поселение и наказанием плетью, эта категория лиц подвергалась заключению в монастырь или смиренный дом сроком до 8 лет. За общественно опасные деяния, предусматривающие наказание в виде заключения в смиренный или работный дом несовершеннолетние наказывались заключением в монастырь сроком от 2 месяцев до 1 года.

Законы крепостного права допускали наказание лишением свободы несовершеннолетних, не совершавших преступлений, а отданных в места заключения по воле помещиков. При этом в местах заключения они содержались вместе со взрослыми преступниками.

В России вопросы правового регулирования порядка и условия исполнения уголовного наказания в отношении подростков, совершивших различного рода преступления, стали актуальными в середине XIX века. Именно в этот период возникла необходимость правового регулирования режима исполнения уголовного наказания в отношении

несовершеннолетних. Значимо то, что в России на протяжении длительного периода отсутствовали не только специальные уголовно-правовые нормы, но и отдельные исправительные учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей. Одной из первых попыток обратить внимание на бедственное положение подростков-правонарушителей явилась разработка в 1838 г. Положения о детских приютах, в котором предусматривалась программа организации приютов для несовершеннолетних.

Начало совершенствования системы уголовных наказаний и условия их исполнения связано с реформами Александра Второго. Его Указом от 17 апреля 1863 года «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказания уголовных и исправительных» были отменены телесные наказания, применявшиеся ранее в отношении несовершеннолетних как мера уголовной репрессии. Вступивший в законную силу Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 году, нормативно определил подсудность несовершеннолетних мировым судьям за преступления, не являющиеся тяжкими. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, впервые провозгласил, что малолетние преступники могут быть в судебном порядке направлены в особо учрежденные исправительные приюты. Однако направление в приюты не было обязательным, и решение об этом зависело от мирового судьи даже в тех местностях, где такие приюты имелись. Позже, 5 декабря 1866 г., был принят Закон об исправительных приютах. К моменту принятия Закона в России существовало несколько заведений для нравственно испорченных детей, созданных частными лицами и не попадающих, под юрисдикцию правоохранительной системы. Названный закон явился первым в отечественной истории правовым актом, регулирующим порядок учреждения и общие начала деятельности исправительных приютов, появление которых ознаменовало очередной этап в уголовной и уголовно-исполнительной политике государства.

Условия, при которых малолетние преступники направлялись в исправительные приюты, регламентировались Уложением о наказаниях 1866 г. — отдаче в такие приюты подлежали подростки в возрасте от 10–17 лет, действовавшие при совершении преступления с разумением.

Приюты должны были находиться в ведении Министерства внутренних дел и предназначались только для детей, совершивших преступления. По терминологии закона заведения именовались «богоугодными и общеплезными». Их учредителями могли быть государственные, общественные организации и общества, частные лица,

земства, духовенство (ст.1 Закона об исправительных приютах).

На основе Закона 1866 г. были открыты первые исправительные приюты: Важной особенностью названного закона явилось то, что он ввел понятие условно-досрочного освобождения несовершеннолетних правонарушителей (ст. 10) и изложил общий минимум требования в организации работы с воспитанниками (ст. 8).

В конце XIX в. нормы об ответственности несовершеннолетних и применении к ним уголовного наказания содержались не только в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, но и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в Уставе о ссыльных, Сельском и Воинском уставах о наказаниях, Уставе о паспортах и беглых. В проекте, составленном Н.С. Таганцевым вопрос о применении к несовершеннолетним наказания, связанных с изоляцией, решался так: дети, не достигшие при совершении преступления 12 лет, не подлежат уголовному преследованию; малолетние, от 12 до 17 лет, подлежат уголовному преследованию только в том случае, если они действовали «с разумием»; в возрасте от 17 до 21 года вопрос о разумии виновного не становится. Отрицание разумия, по мнению Н.С. Таганцева совершенно тождественно с отрицанием вменяемости.

В конце 19 века, свет увидел другой закон: Закон «Об изменении постановления, касающихся обращения в исправительные приюты и содержания в них малолетних преступников». Данный акт был принят 20 мая 1892 г. и внес изменения в ст. 137, 138 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В соответствии с этим законом срок содержания несовершеннолетних в заведении определялся не судом, а самим исправительным заведением и зависел от степени исправления. Законом определялись лишь границы этого срока: воспитанников можно было содержать не менее года и не более 18-летнего возраста. Однако, необходимо заметить, что критериев исправления выработано не было и они целиком зависели от усмотрения конкретных лиц, которые по-разному подходили к оценке поведения воспитанников. Тем не менее, появление закона свидетельствовало о заинтересованном подходе к решению возникающих вопросов. 2 июня 1897 был принят закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних». Анализ данного закона показывает усиление воспитательной функции наказания в отношении подростков, поскольку существенно расширяются меры применения исправительного наказания к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 17 лет и к малолетним, дифференцируется подход к наказанию несовершеннолетних по возрастам.

Таким образом, законодательная база и практика розыска преступников на отдельных исторических этапах существования России развивалась, происходили изменения в нормах права и практике их применения. Деятельность в области борьбы с преступностью всегда была законодательно регламентирована, но эта регламентация

менялась вместе с общественно-экономическими условиями.

Следующим этапом в развитии законодательства о несовершеннолетних стало Уголовное Уложение 1903 г. Данное Уложение определило характер заведений для несовершеннолетних, называя их воспитательно-исправительными, повысило возраст несовершеннолетних, подлежащих воспитательно-исправительному воздействию до 21 года; сделало попытку дифференцировать подход к несовершеннолетним мужского и женского пола и т.д. Уложение во многом сохранило главные положения законов о несовершеннолетних, принятых в конце XIX в.

Поскольку, были переименованы все учреждения для несовершеннолетних в воспитательно-исправительные, то основным их предназначением стало перевоспитание несовершеннолетних. Таким образом, подчеркивался приоритет воспитания в деятельности подобных заведений. Уголовное Уложение 1903 г. сделало значительный шаг вперед в развитии законодательства о несовершеннолетних, однако многие вопросы не были разрешены. Не получилось окончательно вывести несовершеннолетних из мест заключения. Не был разрешен вопрос о порядке исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, содержащихся в общих местах заключения.

Новый период в области исправления несовершеннолетних в России получил свое начало с принятием Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних, утвержденного Законом от 19 апреля 1909 г.

Положение носило не только исправительный, но и предупредительный характер. В эти заведения помещались несовершеннолетние от 10 до 17 лет

— Признанные виновными в совершении какого либо преступного деяния по определениям и приговорам суда.

— Относительно которых оказывалось необходимым принять меру пресечения взятие их под стражу по постановлениям следственной или судебной власти.

— Нищенствующие, бродяжествующие и вообще бесприютные, беспризорные по постановлениям комитетов, правлений или советов обществ, заведующих воспитательно-исправительными заведениями.

— Отдаваемые для исправления родителями.

Закон предоставлял право уставам отдельных заведений определять предельный возраст подлежащих приему несовершеннолетних и устанавливал продолжительность пребывания их в учреждениях в зависимости от категории помещаемого и его возраста.

Таким образом, в России, в отличие от западных стран, законодательство закрепляло существование одного типа заведений, как для детей, совершивших преступления, так и не сделавших этого, — воспитательно-исправительные. Они учреждались для нравственного исправления содержащихся в них несовершеннолетних и «подготовки к честной трудовой жизни».

История развития в Российской империи исправительных заведений для несовершеннолетних свидетельст-

вует о том, что в ходе осуществления реформ уголовного и судебного законодательства определился новый подход к организации работы с несовершеннолетними правонарушителями. В России наметились и частично сформировались основные ее направления:

- особые институты уголовной юстиции
- отдельное содержание под стражей несовершеннолетних с использованием средств воспитательной работы;

— организацию специальных заведений исправительного воспитания;

- самостоятельный институт социальной помощи

Анализ карательной государственной политики и общественной деятельности в области превенции правонарушений несовершеннолетних, конца XIX — начала XX вв., позволяет говорить о появлении механизма взаимодействия государства и общества в этом деле.

Литература:

1. Российское законодательство X—XX веков. М. 1986, т. 4
2. Свод законов... Спб., 1857. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.
3. Свод законов... С.Пб., 1875. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных
4. Свод законов... Спб., 1890. Т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.
5. См.: Сборник узаконении и распоряжении по тюремной части. Пермь, 1903.
6. Отчет Главного тюремного управления за 1883 год. Спб., 1884.
7. Сборник циркуляров и распоряжении, изданных по Главному тюремному управлению (1879—1910 гг.). Спб., 1911
8. Свод законов... Спб, 1913. Т. XIV. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних.
9. Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1892
10. Дриль Д.А. Малолетние преступники. М. 1888
11. Познышев С.В. К вопросу о несовершеннолетних преступниках. Вопросы права. 1910

История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному

Нуралиева Зейнаб Абилфетовна, аспирант
Дагестанский государственный технический университет (г. Махачкала)

К моменту формирования первобытного общества относят и начало развития медицины. Это подтверждают археологические раскопки: на ископаемых останках у наших предков обнаруживают сломанные переломы больших трубчатых костей, а в те времена без длительного ухода, подобные травмы неизбежно приводили бы к смерти. Очевидно, что тогда и начался первый этап развития науки о регулировании поведения врача, опиравшейся на основные моральные ценности — понятия о добре и зле, ставшие впоследствии фундаментальными категориями этики. Первый закон этой науки, гласивший: «Оказание помощи больному — добро, неоказание (без каких-либо весомых причин) — зло», назовут впоследствии принципом добродетели.

Ответственность врачей за ошибки и упущения в различные исторические эпохи была неодинаковой и зависела от общественного правосознания, религиозных воззрений, морально-этических норм и уровня развития медицинской науки.

Уже в XII в. до н.э. в вавилонской книге религиозных заклинаний «Шурпу» в перечне грехов указывается неоказание помощи нуждающемуся в ней.

Право древней Индии не считало преступлением или грехом неоказание помощи безнадежно больному или пациенту не выздоровевшему в течение года. От лечения таких больных следовало отказаться.

В древнем Китае не наказывалось неоказание помощи не только неизлечимо больного, но и необеспеченного. Такое неоправданное деление больных по социальным признакам и тяжести заболевания обуславливалось классовыми и религиозными соображениями.

В Древней Греции медицинское искусство ценилось очень высоко, но до гиппократовской эпохи позволить себе медицинское обслуживание могли только рабовладельцы и богатые купцы. Рабы и бедняки были фактически лишены врачебной помощи. Наряду со светскими врачами медицину практиковали и храмовые жрецы. Они строго следили за чистотой святилища и его посетителей. Согласно религиозным воззрениям того времени медицина не должна «протягивать свои руки» к тем, кто уже побежден болезнью, т.е. богами. Помощь безнадежно больным считали оскорблением богов. Смертному человеку, даже наделенному даром врачевания, не пристало сомневаться в том, что боги вынесли такому больному

смертный приговор. Поэтому, безнадежно больным и роженицам входить на территорию храма не разрешали. Религиозные правила греков не допускали в святилища все нечистое (связанное с рождением или смертью) [1, с. 10].

В Древнем Риме также как и в Греции авторитет врача был очень высок, но наряду с привилегиями римское право ввело регламентацию обязанностей врача и установило ответственность за профессиональные правонарушения. Впервые к врачебной деятельности было применено понятие «ошибка» (закон Аквилы). К ошибкам относили и неопытность, и неосторожность, и неоказание медицинской помощи.

Следующим этапом развития врачебной этики рабовладельческого общества является медицина периода Гиппократов. Величайший врач древности Гиппократ был первым, кто попытался систематизировать правила медицинской этики на основании многовекового опыта медицины. В своей знаменитой «Клятве», в книгах «О враче» и «О благоприличном поведении», «Об искусстве», в «Афоризмах», написанных около двух с половиной тысяч лет тому назад он создал кодекс моральных норм, обязательных для тех, кто на всю жизнь избрал врачевание своей профессией.

Под влиянием идей Гиппократов в Древней Греции уделялось исключительное внимание нравственному облику врача. Нормы поведения врача были сформулированы в соответствии с новыми знаниями о человеке и его здоровье.

Ни в одном трактате Гиппократов не говорится о различии между свободными и рабами, за всеми признаются одинаковые права на внимание, заботу и уважение со стороны врача.

Его знаменитая «клятва» — это первый медико-этический документ, нашедший самое широкое признание, и многие его постулаты являются базовыми в современных законах и конвенциях, регламентирующих действия и профессиональное поведение медиков. Обязуясь действовать, «воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости», молодой врач должен был с первых своих шагов усвоить, что несправедливость во врачебном деле неуместна, как и в любом другом, но в еще большей степени.

В заключительной части клятвы говорится: «Мне, неумолимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву, да будет обратное этому...»

Это были не пустые слова. В Древней Греции и Древнем Риме воздвигались памятники замечательным врачам. Тем же, кто подписал текст «Клятвы», а затем нарушил ее, грозило суровое наказание: штраф или отсечение руки, той самой, которой он подписывал это моральное обязательство.

Суровая кара за неоказание помощи ожидала врача и по христианским канонам. В некоторых христианских

странах врача могли за это приговорить к смертной казни с конфискацией имущества.

В мусульманском праве также была установлена весьма жесткая ответственность за неоказание помощи больному. Врачи должны были придерживаться не только норм мусульманского права, которое запрещало вредить человеку, но и разработанных на мусульманском Востоке этических норм [2].

После мусульманского Востока самые прогрессивные законы, касающиеся врачебной практики, появились в Российской империи. В одном из указов Петра I говорилось: «Следует, чтобы лекарь в докторстве доброе основание и практику имел, трезвым, умеренным и добротным себя держал и в нужных случаях чин свой как ночью, так и денно отправлять мог». И нужно заметить, что это были не пустые слова. За нарушение хотя бы одного положения указанной нормы врач мог как минимум лишиться практики. Именно при Петре I впервые в законодательстве появляются нормы, которые позволяли освободить врача от уголовной ответственности, если будет доказано, что врач действовал согласно правилам, без умысла и небрежности. В противном случае он привлекался к уголовной ответственности как за убийство [1, с. 55].

В дореволюционной России ответственность врача за неоказание помощи регламентировалась ст.1522 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года, гласившая, что не оставившие практики врачи, акушеры, фельдшеры и повивальные бабки, не явившиеся по приглашению без уважительной причины к нуждающемуся в помощи больному или родильницам, несут ответственность за совершение преступления. Если же врач, акушер, фельдшер или повивальная бабка находились при этом на службе, то к ним применялось дополнительное наказание — отстранение от должности. Статья 1522 предусматривала, кроме того, квалифицированный состав преступления, и наказание за совершение данного преступления усиливалось, если виновный знал об опасном состоянии больного, родильницы или новорожденного младенца [3].

Впервые в уголовном законодательстве России после 1917 года ответственность за неоказание помощи была установлена Уголовным кодексом 1922 года. В разделе кодекса «оставление в опасности» устанавливалась ответственность за неоказание помощи больному и за отказ медицинского персонала в оказании медицинской помощи (ст. 165). Данная статья своим содержанием охватывала ответственность лиц медицинского персонала, поскольку в силу своей профессии они обязаны были оказывать медицинскую помощь. Учитывая специфику этой профессии и характер помощи, в которой нуждается больной, законодатель в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года выделил неоказание медицинской помощи в самостоятельный состав преступления. При этом статья 165 УК различала простой и квалифицированный составы данного преступления. К первому в Уголовном кодексе относилось «не-

оказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказывать по закону или по установленным правилам» (ч. 1 статьи 165 УК); ко второму — «отказ врача в оказании медицинской помощи, если он заведомо мог иметь опасные для больного последствия» (ч. 2 статьи 165 УК) [4].

В связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 года в нормы об ответственности за оставление в опасности были внесены некоторые изменения — уточнена диспозиция, снижены санкции. В качестве специального вида оставления в опасности уголовный кодекс РСФСР 1926 года выделил неоказание медицинской помощи (ст. 157 УК) [5]. Кроме того, Уголовный кодекс 1926 года отказался от объединения всех деяний, предусматривающих ответственность за оставление в опасности, и не предусматривал при этом вовсе поставление в опасность и простое неоказание помощи.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года объединил в главе 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» статьи о преступлениях, связанных с оставлением в опасности и неоказанием помощи. Это статьи 127 «Оставление в опасности», 128 «Неоказание помощи больному» и 129 «Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие».

Статья 128 УК устанавливала ответственность за неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказать по закону или по специальному правилу. Субъектом преступления мог стать медицинский работник, обязанный оказать помощь больному. Не имело значения, работало данное лицо или находилось на пенсии. Ответственность за совершение данного преступления усиливалась, если следствием неоказания помощи больному стала его смерть или если наступили тяжкие последствия. При этом из содержания данной статьи законодатель убрал слова «медицинский персонал» и заменил их словами «лицом, обязанным... по закону или по специальному правилу» [6].

Литература:

1. Бобров О.Е. Медицина (нравы, судьбы, бесправие) — Кировоград: Полиум, 2003. — 242 с.
2. Сорокина Т.С. История медицины [<http://www.bibliotekar.ru>]
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года [<http://quator.ru>]
4. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [<http://law.edu.ru>]
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [<http://ru.wikisource.org>]
6. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года [<http://ru.wikisource.org>]
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [<http://www.consultant.ru>]

Ныне действующий Уголовный кодекс РФ 1996 года внес некоторые изменения в статью о неоказании помощи больному (ст. 124 УК РФ). Как и ст. 128 УК РСФСР 1960 г., комментируемая статья состоит из двух частей, но она содержит существенные изменения: за неоказание помощи больному ответственность наступает только в случае, если это повлекло наступление вреда средней тяжести. Ранее ответственность не связывалась с наступлением вреда. В статье также отсутствуют слова о неоказании помощи «без уважительных причин». В ч.2 статьи нет указания на заведомость причинения возможного вреда, теперь речь идет о любом вреде, который охватывается рамками субъективной стороны данного преступления.

Таким образом, на данный момент статья уголовного кодекса, регламентирующая ответственность за неоказание помощи больному, имеет следующий вид:

1. Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, — наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев.

2. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью, — наказывается принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [7].

Религиозно-политический экстремизм и терроризм в поликонфессиональном обществе

Оссауленко Светлана Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», филиал в г. Кисловодске

Южный федеральный округ является не только самым многонациональным регионом нашей страны, но и отличается сложной конфессиональной картиной. Здесь зарегистрировано более 3300 религиозных организаций. Конфессиональное пространство региона можно условно разделить на четыре основные части: 40% — религиозные организации Русской православной церкви (РПЦ); 30% — религиозные организации мусульман; 27% — протестантские организации и 3% — буддисты и иудеи.

Исламские организации преобладают в 5 субъектах СКФО (Дагестан, Ингушетия, КЧР, КБР и Чечня). На Юге России действуют 11 Духовных управлений мусульман (ДУМ), большинство из которых входят в Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК). Самое крупное региональное Духовное управление мусульман зарегистрировано в Дагестане, где действуют 1756 мечетей. ДУМ Чечни объединяет около 300 мечетей, Ингушетии — 85, Северной Осетии — 19, Кабардино-Балкарии — 130, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края — 113, Адыгеи и Краснодарского края — 28, Ростовской области — 17, Калмыкии — 2 [1, с. 52].

В регионе значительное развитие получило исламское образование. На Юге России официально действуют 30 исламских вузов, из которых 19 в Дагестане, 8 в Чечне и по одному в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Астраханской области. В то же время более 2 500 молодых людей из субъектов ЮФО обучаются в зарубежных исламских учебных заведениях. Еще одна специфика религиозной ситуации в регионе — большое количество мусульман, совершающих паломничество — умра и хадж. Так, если в 2006 г. из Российской Федерации совершили паломничество в КСА более 15,5 тыс. чел., то более 14,5 тысяч человек из них были из субъектов Юга России.

На Северный Кавказ религиозно-политический экстремизм и терроризм активно начинает проникать около двадцати лет тому назад, в первую очередь на территорию Дагестана и Чечни. Одним из важных факторов геополитического характера распространения исламского радикализма на Северном Кавказе является разносторонняя поддержка их деятельности извне многочисленными международными радикальными исламскими центрами, зарубежными культурно-просветительскими и благотворительными организациями [2, с. 57].

Так, с конца 80-х — до 1999 г. на Северном Кавказе действовали филиалы международных благотворительных, просветительских, культурных организаций.

За эти же годы активизировалась деятельность таких исламских организаций, как Международная исламская организация «Спасение» (МИОС), «Беневоленс Ин-

тернешнл Фаундейшн» (БИФ, штаб-квартира расположена в г. Чикаго, США), «Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-Ислами» (штаб-квартира в Кувейте), «Лашкар Тайба» (штаб-квартира в Пакистане), «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн» («AL-Haramein Foundation» (образовательный центр в США), «Катар» (штаб-квартира в Катаре), «Икраа» (штаб-квартира в Джидде (КСА), «Ибрагим бен Ибрагим» (штаб-квартира в Джидде (КСА) и др., финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом. Для них характерны практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в северокавказском регионе исламского государства, за установление тесных связей Северного Кавказа, Дагестана с такими мусульманскими странами, как Саудовская Аравия, Турция, Иран, Иордания, Пакистан. По решению северокавказских судов в 1999–2000 гг. все они за активную поддержку, в том числе и финансирование исламских радикальных группировок и организаций в Дагестане, были закрыты.

Исламские радикальные структуры в СКФО тесно связаны с радикальными исламистскими организациями за рубежом, за которыми просматриваются геополитические интересы, как государств исламского мира, так и ряда западных держав.

Специальные службы и неправительственные организации этих стран стремятся обеспечить благоприятные условия для оказания выгодного им воздействия на развитие политической, экономической и религиозной ситуации в регионе в целом. Они рассматривают Дагестан в качестве плацдарма для утверждения своего духовного и политического влияния на Северном Кавказе и других мусульманских регионах России.

Привнесенный в нашу страну с конца 80-х гг. XX в. при мощной финансовой и организационной поддержке из-за рубежа идеология религиозно-политического экстремизма стала агрессивной идеологией, питающей идеи радикального национализма и сепаратизма для целей, далеких от нужд абсолютного большинства мусульман Юга России.

Религиозно-политический экстремизм и терроризм на Юге России представлен в основном в виде ваххабизма. Исторически ваххабизм представляет собой фундаменталистское религиозное движение в суннитском исламе, ставшее идейным столпом будущего саудовского государства. Сложность и неоднозначность самого феномена исламского радикализма в мире, в том числе и в России и на Северном Кавказе привела к тому, что на официальном уровне, на языке представителей науки, средств

массовой информации, специалистов и, наконец, официального духовенства стали широко использовать многочисленные определения, такие, как «ваххабиты», «последователи ваххабизма», «салафиты», «фундаменталисты», «муваххидун», «джамаатисты», «исламские экстремисты» и многие другие. Отдельные исследователи (директор Института религии и политики, профессор МГУ А. Игнатенко) считают, что более точное и научное определение этого феномена — «ваххабизм». Термин «ал-ваххабийя» («ваххабизм») прочно утвердился и в мусульманском мире.

Как показывает анализ деятельности сторонников религиозно-политического экстремизма на постсоветском пространстве, они стремятся путем демагогии, организации беспорядков, актов гражданского неповиновения дестабилизировать и разрушить существующие общественные структуры для достижения своих целей. При этом широко используют силовые методы — террористические акты, партизанскую войну и т.д.; в принципе отрицают переговоры, соглашения, компромиссы, основанные на взаимных уступках.

Налицо проявление национального мародерства в поведении политических руководителей, которые объявили своим кредо строить благополучие своей нации (а в большинстве случаев свое личное благосостояние) в ущерб достоинству и благополучию других народов. К сожалению, националистические идеи увлекли часть населения, хотя и не столь большую, как того хотели их творцы. Социологические исследования показывают, что в повседневном общении, на работе и в быту люди разных национальностей демонстрируют высокий уровень доверия и толерантности друг к другу вопреки клику шествующим заявлениям лидеров национальных политических партий и движений [3, с. 345].

Если рассматривать религиозно-политический экстремизм и терроризм на Юге России как сложные, многомерные социально-политические явления, то, решая проблему их блокирования, следует выделить наиболее важные причины и их детерминирующие факторы.

Среди них, в первую очередь, следует отметить социально-экономические (системный кризис в экономике, сопровождающийся снижением жизненного уровня населения, в том числе безработицей), политические (ослабление российской государственности в результате развала Советского Союза, деидеологизация населения, многочисленные конфликты), конфессиональные (возрожденческие процессы в религиях, их политизация и радикализация, влияние на эти процессы внешнего фактора) и этнические (этнодемографические и миграционные). Стратегическим направлением борьбы с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом в регионе, безусловно, является нейтрализация «ключевых» факторов, прежде всего, социально-экономических и политических, способствующих его активизации.

Существующие в современном религиоведении и конфликтологии подходы к вопросу о корнях и причинах исламского религиозно-политического экстремизма можно

разделить на экономические, политические, идеологические, функционалистические, основанные на роли личности и др.

Экономические подходы исходят из важности социально-экономических условий как причины экстремизма, порожденного бедностью, отсталостью, безработицей.

Как отметил Президент РФ Путин В.В., решение социально-экономических проблем — важный и позитивный шаг на пути преодоления экстремизма и терроризма. Все субъекты Северо-Кавказского федерального округа едины в том мнении, что основной причиной возникновения и роста религиозно-политического экстремизма является социально-экономическая напряженность, обусловленная спадом производства, падением уровня жизни значительной части населения, безработица, появление маргинальных слоев населения. Например, на конец 90-х гг. количество безработных только в Дагестане составляло 25%, сегодня 50% дагестанцев живут за чертой бедности, средняя зарплата остается одной из самых низких на Северном Кавказе и России в целом. Эти проблемы больше всего коснулись молодежи, наиболее оказавшейся подверженной идеологии радикального ислама в форме ваххабизма [4, с. 14].

Подход, ориентирующийся на политическую ситуацию, рассматривает экстремизм как форму протестных отношений, вызванных невозможностью политического участия в делах общества, повсеместной коррупцией, засильем клановых структур. В то же время такой подход не может объяснить, почему в ряде стран с авторитарными режимами (например, Туркменистане) исламский радикализм не получил распространение.

Идеологическое объяснение исходит из того, что некоторые фундаменталистские идейные течения в исламе, характеризующиеся как ваххабитские, содержат идеи такфира (обвинения в неверии), проповедующие нетерпимость не только к немусульманам, но и мусульманам, нарушающим законы ислама (шариата). В то же время многие мусульманские идеологи, западные и российские востоковеды считают, что расширительная версия джихада, проповедуемая сторонниками религиозно-политического экстремизма и терроризма на Юге России, резко расходится с фундаментальными основами ислама, являются отклонением от ислама.

Функционалистическая концепция религиозно-политического экстремизма и терроризма рассматривает ислам лишь как орудие для достижения политических целей. После падения коммунистической идеологии, на постсоветском Юге России мусульмане испытывали кризис идентичности. Ислам стал одним из важнейших компонентов новой идентичности, формирующейся у мусульманских этнических групп. К сожалению, некоторые исламские группировки в качестве самоутверждения выбрали путь религиозно-политического экстремизма [5, с. 21].

Также существуют и теории «отложенного антиколониального восстания» под исламскими знаменами (особенно относительно событий в Чечне), «цивилизаци-

онного отпора», своеобразного мусульманского ответа Западу.

Однако ни один из вышеуказанных подходов не дает полного объяснения роста позиций исламского радикализма на постсоветском пространстве. Скорее всего, наиболее продуктивной может быть комбинация нескольких концепций. В этой связи необходимо, прежде всего, определиться в вопросе, какие причины — внешние или внутренние — являются главными в процессе радикализации

религий. Для ответа на этот вопрос надо развести два понятия: «причины» и «влияние». Механизмы внешнего влияния имеют успех в связи с нашей внутренней легкой уязвимостью. Кроме того, преувеличение роли и влияния внешних факторов на рост экстремизма и терроризма не способствует выбору адекватных мер противодействия. В настоящее время на Юге России предпочтение отдается силовым методам, но развитие событий свидетельствует об их недостаточной эффективности.

Литература:

1. Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской республике: ислам и политика на Северном Кавказе. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. — С. 52.
2. Бидова Б.Б. Социально-экономические и политические причины религиозного экстремизма. Религиозно-политический экстремизм и пути его преодоления // Государство и право: теория и практика (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. — С. 57.
3. Бидова Б.Б. Особенности национального самосознания и его роль в становлении межконфессиональная толерантность // Молодой ученый. 2013. №3. — С. 345.
4. Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис... канд. полит. наук. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2000. — С. 14.
5. Сулова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: Автореф. дис...канд. филос. наук. — М.: Сталкер, 2004. — С. 21.

Коллизии процессуальных норм, регулирующих подведомственность судам дел об административных правонарушениях

Самойленко Ольга Александровна, магистрант;
 Научный руководитель Бакулина Ирина Петровна, кандидат юридических наук, доцент
 Тюменский государственный университет

Разграничение подведомственности дел между различными ветвями судебной власти — один из ключевых процессуальных вопросов. От того, насколько четко данный вопрос регламентирован в законодательстве, во многом зависит слаженность деятельности судебной системы в целом и, как следствие, доступность и своевременность правосудия. [1]

На данный момент дела об административных правонарушениях рассматриваются арбитражными судами в условиях действия смешанного процессуально-правового режима — искового производства, производства по делам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений, и производства по делам об административных правонарушениях, регулируемого КоАП РФ. Согласно ч. 1 ст. 202 и ч. 1 ст. 207 АПК РФ дела об административных правонарушениях рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными главой 25 АПК РФ и КоАП РФ.

Подобное «наслоение» процессуальных норм обязывает суд постоянно разрешать различные виды коллизий, в том числе и между общей нормой права главы 25 АПК

РФ и специальными нормами глав 29, 30 КоАП РФ, регулирующими вопросы о том, кто вправе обратиться с заявлением в суд, какие виды решений административного органа могут быть оспорены. [2]

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, если рассмотрение дела не относится к компетенции судьи, органа, должностного лица, к которым протокол об административном правонарушении и другие материалы дела поступили на рассмотрение, то выносится определение о передаче их на рассмотрение по подведомственности.

Однако нормы ГПК РФ и АПК РФ не предусматривают передачу дел судом общей юрисдикции в арбитражный суд, в то время как нормы КоАП РФ четко регулируют возможность такой передачи дела.

В случае если рассмотрение дела относится к компетенции судьи арбитражного суда, то подобное решение не может быть принято, поскольку в арбитражных судах дела об административных правонарушениях рассматриваются по правилам главы 25 АПК РФ, согласно которой основанием для возбуждения производства по делу о привлечении к административной ответственности является

заявление государственного органа, составившего протокол об административном правонарушении и уполномоченного обратиться в суд с таким требованием. [3]

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5, судья, установив при подготовке дела к рассмотрению, что дело относится к ведению арбитражного суда, должен вынести определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, составивший протокол, на основании п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ. [4]

Руководствуясь нормой п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, суды общей юрисдикции направляют материалы дел, которые им неподведомственны, в арбитражные суды. Однако последние, как правило, отказываются их рассматривать, поскольку нормы АПК РФ не предусматривают возможность возбуждения производства по делам об административных правонарушениях на основании поступивших из суда общей юрисдикции материалов. Так, основанием для возбуждения производства по делу о привлечении к административной ответственности арбитражным судом должно являться заявление, соответствующее определенным требованиям (ст. 202, 204 АПК РФ). Для возбуждения производства по такому делу в суде общей юрисдикции, подача специального заявления не требуется. Таким образом, передача материалов дела из суда общей юрисдикции в арбитражный суд не может заменить собой подачу заявления.

В соответствии с пунктом 5 статьи 29.4 КоАП РФ при подготовке дела к рассмотрению судья выносит определение о передаче протокола об административном правонарушении и других материалов дела на рассмотрение по подведомственности, если рассмотрение дела не относится к компетенции судьи, к которому протокол об административном правонарушении и другие материалы дела поступили на рассмотрение.

Обратим внимание, что, ориентируясь на ст. 129 АПК РФ, арбитражным судам предписано вынести определение о возвращении заявления о привлечении к административной ответственности за совершение правонарушения, рассмотрение дела о котором не отнесено частью 3 статьи 23.1 КоАП РФ к подведомственности арбитражного суда. Если же неподведомственность дела выяснится на стадии рассмотрения, арбитражному суду надлежит вынести определение о прекращении производства в арбитражном суде и возвращения протокола об административном правонарушении и прилагаемых к нему документов административному органу.

Один из примеров перенаправления дела из суда общей юрисдикции в суд арбитражный и обратно в связи с отсутствием в АПК РФ норм, позволяющих принять его к производству, нашел свое отражение в Определении Конституционного Суда РФ от 03.04.2007 № 336-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московского областного суда о проверке конституционности части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Из текста данного Опре-

деления следует, что дело неоднократно пересылалось из суда одной ветви судебной системы в другую и обратно, до тех пор, пока не истек срок, привлечения к административной ответственности. Так, дело об административном правонарушении, предусмотренном статьей 6.14 КоАП РФ «Производство либо оборот этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции, не соответствующих требованиям государственных стандартов, санитарным правилам и гигиеническим нормативам» изначально находилось в производстве судьи Московского областного суда. Данное дело было возбуждено в отношении индивидуального предпринимателя Ю.А. Скотникова определением от 11 апреля 2006 г. № 412, вынесенным территориальным отделом территориального управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) по Московской области в городе Рошаль, Воскресенском, Егорьевском, Шатурском районах Московской области, который, проведя административное расследование, 24 апреля 2006 года составил соответствующий протокол и направил материалы дела в Шатурский городской суд Московской области.

Судья этого суда, основываясь на положениях статьи 23.1 КоАП Российской Федерации, пришел к выводу, что дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.14 названного Кодекса, в отношении индивидуальных предпринимателей рассматриваются судьями арбитражных судов, и, руководствуясь статьями 23.1 и 29.4 КоАП Российской Федерации, направил протокол и другие материалы дела по подведомственности в Арбитражный суд Московской области (определение от 10 мая 2006 года), который 5 июня 2006 года возвратил их в Шатурский городской суд Московской области на том основании, что ни ГПК РФ, ни АПК РФ не предусматривают право судов общей юрисдикции направлять материалы об административном правонарушении по подведомственности в арбитражные суды. Письмом судьи Шатурского городского суда Московской области от 26 июня 2006 года материалы дела повторно направлены в Арбитражный суд Московской области по подведомственности, однако письмом заместителя председателя Арбитражного суда Московской области от 11 июля 2006 года материалы дела вновь возвращены в Шатурский городской суд Московской области.

Постановлением судьи Шатурского городского суда Московской области от 25 июля 2006 года производство по делу на основании статей 29.4, 24.5 и 4.5 КоАП РФ прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности. [5]

Таким образом, коллизии процессуальных норм, регулирующих подведомственность судам дел об административных правонарушениях, не только усложняют работу судей, но и в некоторых случаях преграждают доступ к правосудию.

Согласно п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 10 от 2 июня 2004 г. прямо указано, что при получении про-

токола об административном правонарушении и иных документов без заявления суд возвращает их административному органу без вынесения определения в связи с отсутствием оснований для решения вопроса о возбуждении производства по делу в арбитражном суде.

Вместе с тем вопрос о том, как следует действовать судьбе арбитражного суда в случае поступления ему на рассмотрение материалов по делу о привлечении к административной ответственности не от административного органа, а из суда общей юрисдикции, посчитавшего, что дело ему неподведомственно, своего разрешения не нашел.

Разрешить данные коллизии, на наш взгляд, представляется возможным посредством внесения поправок в ст.

33 ГПК РФ, ст. 39 АПК РФ, которые позволяли бы суду передавать дело на рассмотрение другого суда (суда общей юрисдикции или арбитражного суда), если при рассмотрении дела в данном суде выявилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности или подведомственности. А так же определив в АПК РФ порядок возбуждения арбитражным судом производства по делам об административных правонарушениях на основании определения о передаче дела по подведомственности из судов общей юрисдикции при наличии заявления административного органа о привлечении лица к ответственности и при соблюдении общих и специальных требований, установленных в ст. 125 и ст. 203, 204 АПК РФ.

Литература:

1. Абсалямов А.В. Административное судопроизводство в арбитражном суде. Теоретико-методологические аспекты: Дис... д-р. юрид. наук. — М., 2009. — 353 с.
2. Хазанов С.Д.. «Арбитражная практика» №07 (28) 2003 июль, http://art.thelib.ru/business/insurance/problem_1_primepeniya_koap_rf.html.
3. Панкова О.В. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях. М., Проспект, 2011, 156 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5, (ред. от 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» //Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
5. Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2007 N 336-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московского областного суда о проверке конституционности части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»//Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

О малозначительности административных правонарушений

Самойленко Ольга Александровна, магистрант

Научный руководитель Бакулина Ирина Петровна, кандидат юридических наук, доцент

Тюменский государственный университет

Согласно ст. 2.9 КоАП РФ, при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. О том, что арбитражные суды могут применять ст. 2.9 КоАП РФ, вытекает из Определения Конституционного Суда РФ, в котором судам указывается не только на то, что они могут выбирать в отношении виновного лица такую меру наказания, чтобы учесть размер вреда, степень вины, смягчающие или отягчающие обстоятельства, но и освободить лицо от административной ответственности при малозначительности совершенного административного правонарушения. [1]

К сожалению, законодатель не дает ни легального определения такой правовой категории, как малозначительность, ни перечисляет составы административных пра-

вонарушений, за совершение которых лицо может быть освобождено от административной ответственности. Это значит, что критериев определения малозначительности закон не содержит.

Этот пробел попыталась восполнить судебная практика. Так, постановлением Пленума ВАС РФ арбитражным судам рекомендуется исходить из оценки конкретных обстоятельств совершения административного правонарушения. При этом малозначительность может иметь место только в том случае, когда отсутствует существенная угроза охраняемым общественным отношениям. [2] Если обратиться к практике судов общей юрисдикции и мировых судей, то Пленум Верховного Суда РФ рекомендует под малозначительным административным правонарушением, понимать действие или бездействие, которое хотя формально и содержит признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя,

размера вреда и тяжести наступивших последствий, не представляет существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. [3] При этом обе высших судебных инстанции считают, что добровольное устранение последствий правонарушения, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, указывающими на малозначительность правонарушения, поскольку эти причины могут быть учтены при назначении наказания как смягчающие ответственность. [4] Отметим, что на имущественное и финансовое положение привлекаемого к административной ответственности юридического лица, как на обстоятельство, смягчающее административную ответственность, но не свидетельствующее о малозначительности административного правонарушения, обращали внимание суды, рассматривая дела в кассационной инстанции. [5]

Иными словами, арбитражные суды, восполняя пробел законодательства, при освобождении лица от административной ответственности в силу малозначительности совершенного административного правонарушения должны мотивировать в своем решении отсутствие у этого правонарушения существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Рассмотрим несколько примеров применения арбитражными судами ст. 2.9 КоАП РФ. Заметим, что решения этих судов в двух случаях отменены вышестоящей инстанцией.

Так, арбитражный суд применил ст. 2.9 КоАП РФ и освободил от административной ответственности предпринимателя, реализующего кроссовки без сертификата соответствия. Факт отсутствия в момент проверки сертификатов соответствия, удостоверяющих безопасность реализуемого предпринимателем товара, зафиксирован в протоколе, составленном территориальным управлением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Ставропольскому краю. Предприниматель был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.4 КоАП РФ в виде взыскания 4000 рублей штрафа. Федеральным арбитражным, судом Северо-Кавказского округа решение отменено, поскольку вывод суда о малозначительности допущенного правонарушения ошибочен. Свое решение суд мотивировал общественной опасностью правонарушения. [6]

В данной ситуации, возможно, что совершенное предпринимателем административное правонарушение и обладает признаком повышенной общественной, опасности. Однако в чем же заключается эта общественная опасность, суд не разъяснил.

В другом случае суд, наоборот, принял во внимание отсутствие вредных последствий и, применив ст. 2.9 КоАП РФ, отменил постановление государственного инспектора по ЮФО Департамента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по ЮФО от 19.08.10 №00147/3/10 о привлечении Администрации Должанского сельского поселения Ейского района к админи-

стративной ответственности по ст. 8.41 КоАП РФ и назначении ему наказания виде штрафа в сумме 50 000 руб., объявив администрации устное замечание. В этом случае доводы суда о применении ст. 2.9 КоАП РФ представляются убедительными. Он принял во внимание отсутствие угроз допущенной администрацией просрочкой на 8 дней платежа в сумму 2 487,34 рублей государственным и общественным интересам. Суд счел данное правонарушение малозначительным, а наказание — значительным и суровым (50 000 рублей), не соразмерным ввиду малозначительности совершенного им правонарушения. [7]

В третьем случае арбитражный суд также сделал вывод о малозначительности правонарушения, ответственность за которое предусмотрено ч. 3 ст. 14.16 КоАП РФ. Общество реализовывало алкогольную продукцию при отсутствии товарно-транспортной накладной. Этот факт был установлен налоговой инспекцией и подтвержден соответствующими доказательствами. Суд сделал вывод об отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям и применил статью 2.9 КоАП РФ. Однако суд кассационной инстанции отменил решение суда и указал, что данное административное правонарушение все же свидетельствует о возможном причинении вреда здоровью и жизни граждан, в связи с чем оно несет существенную угрозу охраняемым общественным отношениям. [8]

Нам представляется, что использование такого критерия для отграничения малозначительного административного правонарушения, как существенное нарушение охраняемых общественных правоотношений, не совсем точно отражает суть малозначительности как правовой категории административного права. Дело в том, что любое административное правонарушение — это менее опасное нарушение охраняемых общественных правоотношений, чем преступление. Соответственно, о более опасном правонарушении можно сказать и как о существенном правонарушении охраняемых общественных правоотношений. Именно с этих позиций предлагаемый судебной практикой критерий не приемлем для выявления малозначительных административных правонарушений.

Очевидно, что малозначительность — понятие оценочного характера, ему невозможно дать универсальное определение, подходящее для каждого административного правонарушения. В одном случае действия (бездействие) могут служить основанием для освобождения лица от ответственности в силу малозначительности совершенного им административного правонарушения, а другой ситуации — эти же действия (бездействие) явятся основанием для привлечения к ответственности. Поэтому за основу признания административного правонарушения малозначительным могут быть приняты несколько критериев, которые в единстве позволят обосновать применение правовой категории «малозначительность» совершенного административного правонарушения. Именно комплексный характер таких критериев, как степень вины лица,

привлекаемого к административной ответственности, размер вреда, тяжесть наступивших последствий, а также соразмерность ответственности ее целям, справедливости и совершенному правонарушению, характеризует малозначительность совершенного административного правонарушения.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2003 № 116-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Арбитражного суда Владимирской области о проверке конституционности статьи 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 8.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 8; Постановление Пленума Верховного Суда РФ 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.
5. Постановление ФАС Поволжского округа от 04.09.2007 по делу № А12-3628/07 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.03.2007 № Ф08-1255/2007-539А по делу № А63-8494/2006-С7 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решения Арбитражного суда Краснодарского края (дело № А-32-33029/2010-11/909-356АЖ) // URL: <http://ras.arbitr.ru/>. См. также аналогичные решения Арбитражного суда Краснодарского края (дела № А-32-35255/2010-11/936-359АЖ, № А-32-2683 8/2010-11/680-262АЖ, № А32-27162/2010-45/485-112АЖ); решения Арбитражного суда Ростовской области (дело № А53-25384/2010, № А53-25566/10, № А53-25488/10) // URL: <http://ras.arbitr.ru/>
8. Постановление от 25 января 2007 года № А74-3038/06-Ф02-7391/06-С1 // Обзор судебной практики Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа по рассмотрению дел об административных правонарушениях в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции в 2007-2008 годах // URL: <http://fasvso.arbitr.ru>

Заступническая адвокатура в Древнем Риме

Соловьев Сергей Александрович, аспирант

Международный институт бизнес-образования (г. Мурманск)

Адвокат некоммерческой организации «Мурманская областная коллегия адвокатов»

В статье рассматривается вопрос происхождения института адвокатуры Древнего Рима и судебного патроната из заступнической адвокатуры. Также исследуется возможность оказания заступниками юридической помощи гражданам и их судебной защиты. Кроме этого определяются полномочия заступников при осуществлении ими своей деятельности.

Ключевые слова: Древний Рим, адвокатура, заступническая адвокатура, патронат, юридическая помощь.

Защита подсудимых в Древнем Риме осуществлялась, в том числе, лицами в рамках заступнической адвокатуры. В этой связи отдельные исследователи полагают, что указанный институт (именуемый ими «родственной адвокатурой» либо «заступничеством в силу родства») выступал формой оказания юридической помощи архаич-

ческого периода и предпосылкой возникновения адвокатуры Древнего Рима.

Вместе с тем, их мнения можно разделить на две противоположные стороны, согласно первой из которых, заступническая адвокатура, первоначально возникнув до основания Рима, в результате своего развития преобра-

зовалась в патронат, в результате распространения своего действия в отношении лиц, не являющихся родственниками [4, с. 41; 8].

Согласно другой точке зрения, выдвинутой М. Грелле-Дюмазо [17, р. 52–53] и поддерживаемой С.А. Дехановым [5, с. 38], описываемый институт наоборот являлся развитием из института патроната, и, в свою очередь, следствием опубликования Законов XII таблиц.

Однако представляется, что оба вышеприведенных утверждения подлежат дополнительному критическому исследованию.

По нашему мнению, заступническая адвокатура не преобразовывалась в патронат, равно как патронат не развивался из указанного института. Приведенный довод подтверждается, во-первых, следующими свидетельствами античных авторов о фактах осуществления защиты обвиняемых их родственниками либо знакомыми, начиная с древнейших времен (до основания Рима), вплоть до I в. до н.э., что совпадает с периодом существования института патроната:

1. Так, в судебном процессе в отношении Илии (Реи) Сильвии (Арр., Вс., 1.1.2; Liv., 1.3–4) [2, с. 18; 9, с. 27], произошедшем до основания Рима, согласно Дионисию Галикарнасскому, защиту последней осуществлял ее отец — Нумитор (Dionys., 1.78) [6, с. 73–74]. Участие заступника в процессе заключалось в подаче ходатайства об отложении заседания, произнесении защитных речей в ходе судебного процесса, а также в опросе им очевидца.

2. В период царствования Туллы Гостилия (673–641 гг. до н.э.), Горация, обвиняемого в совершении убийства, защищал его отец — Публий Гораций (Dionys., 3.22; Liv., 1.26) [6, с. 161; 9, с. 44–45], путем выступления в суде с оправдательными речами.

3. В уголовном деле по обвинению Сервия [Спурия] Сервилия (475 г. до н.э.) в совершении военного преступления в качестве защитников с речами в ходе судебного процесса выступали все желающие из присутствующих, в том числе консул Авл Вергиний (Dionys., 9.28–33; Liv., 2.52) [7, с. 31–36; 9, с. 115].

4. В процессе по обвинению Цезона Квинкция (461 г. до н.э.) в совершении убийства, защиту осуществляли его родственники и знакомые: Тит Квинций Капитолин, Спурий Фурий, Луций Лукреций; а также отец — Луций Квинций Цинциннат (Dionys., 10.5–6; Liv., 3.12) [7, с. 73–74; 9, с. 134–135].

5. В процессе по иску клиента Марка Клавдия о признании Виргилии рабыней (451–450 гг. до н.э.), находившегося в производстве децемвира Аппия Клавдия, ее защитниками выступали отец — Луций Вергиний, а также жених — трибун Луций Ицилий (Flor., 17.24.2–3; Dionys., 9.28–36; Liv., 3.44–47) [1, с. 117; 7, с. 142–148; 9, с. 158–161]. Как и в предыдущих случаях, деятельность защитников заключалась в устных выступлениях в суде с обоснованием определенной позиции.

6. В процессе по обвинению Аппия Клавдия (451–450 гг. до н.э.) в незаконном вынесении решения о при-

знании Виргилии рабыней, защиту Аппия Клавдия осуществлял его дядя — Гай Клавдий (Dionys., 11.46; Liv., 3.56–58) [7, с. 156–157; 9, с. 168–170].

7. Кроме вышеизложенного, Тит Ливий описывает судебный процесс 325–324 гг. до н.э. по обвинению начальника конницы Квинта Фабия Максима Руллиана в неисполнении приказа диктатора Луция Папирия Курсора, защиту в котором осуществлял отец Квинта Фабия — Марк Фабий (Liv., 8.33) [9, с. 400–401].

8. Также в процессе по делу о потере войска в Апулии в отношении Гнея Фульвия (211 г. до н.э. [9, с. 731]) обвиняемый ходатайствовал о привлечении в качестве его защитника брата — Квинта Фульвия (Liv., 26.3) [9, с. 733–734].

Вместе с тем, указаний в приведенных источниках на иной особый статус судебных заступников (защитников): как-то патрона либо судебного оратора; не содержится.

Кроме того, факт существования заступников подтверждает также Цицерон в его речи в защиту Марка Целия Руфа, которая датируется 56 г. до н.э. (Cic., р.М. Caelio, 4.10) [16, с. 158; 19].

На основании изложенного, по нашему мнению, следует признать факт существования института заступнической адвокатуры с древнейших времен до основания Рима (VIII в. до н.э.) до I в. до н.э. включительно.

Также следует полагать, что заступническая адвокатура, первоначально возникнув, как средство защиты конкретно родственников, в дальнейшем, с течением времени, расширила свой круг судебной защиты также и лиц, не являющихся родственниками.

Приведенный вывод прямо следует из указанных судебных процессов в отношении Сервия (Спурия) Сервилия, Цезона Квинкция и Виргилии, где защитниками выступали обычные знакомые. Такая точка зрения косвенно находит подтверждение и во мнении современного исследователя В. Тая о том, что правозащитничество первоначально появилось в форме родственного и соседского [11, с. 13].

В этой связи, представляется, что определение рассматриваемого института как «родственная адвокатура» [4, с. 40–41; 5, с. 38; 8], даваемое Е.В. Васьковским, С.А. Дехановым и П.Е. Коротковой, не совсем корректно. По такой же причине следует признать не совсем верным и определение указанного института как «заступничество в силу родства» [10, с. 38], используемое Е. Носковой.

Вследствие вышеизложенного, по нашему мнению, предпочтительнее использование определения «заступническая адвокатура».

Вторая часть предлагаемого определения («адвокатура») обосновывается, фактом использования античными авторами термина «advocatus» для обозначения такого рода заступников. Так, Тит Ливий прямо называет таким образом защитников Виргилии (Liv., 3.44) [21, р. 183]. Также подтверждается и мнением М. Бартошека, согласно которому «advocatus» являлся процессуальным помощником стороны, поддерживавшим ее своим личным авторитетом и юридическими советами, во времена Ре-

спублики оказывавшим этим безвозмездную дружескую услугу [3, с. 25].

Помимо изложенного, как следует из фрагментов речей Цицерона в защиту Авла Клуенция Габита (Cic., р. Cluent., 40.110) [15, с. 219; 18] и в защиту Марка Целия Руфа (Cic., р. М. Caelio, 4.10) [16, с. 158; 19], полноценным защитником, то есть адвокатом, являлся патрон, а определение «advocatus» в период Республики применялось для лиц, обладавших менее значимым статусом.

Приведенная точка зрения Цицерона более подробно точно раскрывается в комментарии Псевдо-Аскония к речи Цицерона против Квинта Цецилия (Ps. Asconius, ad Cic. divin. in Caecil., ep., 11) [20], в соответствии с которым «тот, кто защищает другого в суде называется <...> адвокатом, если он или помогает юридическими советами, или своим присутствием выражает дружеское участие...» [4, с. 48].

Как видно из вышеприведенного, именно «advocatus» являлся надлежащим определением для лиц, осуществляющих деятельность в рамках заступнической адвокатуры.

Вместе с тем, по нашему мнению, институт заступнической адвокатуры не являлся в полном смысле ни адвокатской деятельностью, ни юридической помощью, что следует из непрофессиональной формы оказания такой помощи и недостаточной юридической квалификацией лиц, ее оказывающих. Так, тайное монопольное хранение норм права жрецами-понтификами вплоть до III в. до н.э., а также отсутствие особого правового статуса у лиц, оказывающих такую судебную помощь, указывает на недостаточность им юридического знания.

В свою очередь, непрофессиональная форма деятельности выражалась в том, что заступники оказывали помощь на непостоянной основе по мере необходимости как частные лица — либо родственники, либо знакомые лица, привлекаемого к ответственности.

Кроме того, исходя из объема и характера оказываемой помощи в вышеизложенных судебных процессах, под заступником и его деятельностью, понималась скорее деятельность, заключающаяся в произнесении оправдательных речей, зачастую имевших характер неких свидетельских показаний, характеризующих лишь личность лица, подлежащего ответственности, чем непосредственная юридическая помощь.

Литература:

1. Анней Флор. Две книги Римских войн // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица / пер. с латин. М.: Ладомир, 1995. С. 99–190.
2. Аппиан Александрийский. Римская история. В 2 т. Т. 1. Внешние войны / перевод с древнегреческого [отв. ред. Е.С. Голубцова]. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006. 368 с.
3. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
4. Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. В 2 т. Т. 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1893. 396 с.
5. Деханов С.А. Западноевропейская адвокатура: сравнительно-правовое исследование. М.: Российская академия адвокатуры, 2008. 206 с.

Приведенный вывод о характере оказываемой заступниками помощи также полностью согласуется с позицией Теренция, излагаемой им в своих пьесах (Terent., Phormio, 312–314 [14, с. 302]; Terent., Eunuch., 337–340 [13, с. 215]; Terent., Eunuch., 761–765 [13, с. 248]; Terent., Adelph., 649–651 [12, с. 469]).

Таким образом, применение самостоятельных терминов «адвокатура» и «адвокат» для описываемого института и лиц, оказывающих такую помощь, преждевременно, ввиду выступления заступнической адвокатуры в качестве только предварительной стадии формирования непосредственного института адвокатуры. Следовательно, предпочтительнее использование определения «заступническая адвокатура», как обозначающего незавершенную стадию возникновения адвокатуры, и, в свою очередь, «заступник» — для лица, осуществляющего такую помощь.

Кроме того, проанализировав приведенные судебные процессы, необходимо сделать вывод, что в полномочия заступников входило:

- 1) выступление с защитными речами в ходе судебного процесса;
- 2) подача ходатайств, в том числе, об отложении судебного разбирательства, а также опрос очевидцев.

Однако следует отметить, что никакой законодательной регламентации деятельности заступников не существовало, а их статус регулировался нормами обычного права.

При этом институты патроната и заступнической адвокатуры в Древнем Риме возникли в близкий период времени, существуя одновременно, не преобразовываясь друг в друга.

В заключение, следует сделать вывод, что ввиду непричастности заступников к юридическому знанию и несистематического осуществления деятельности (то есть непрофессионализма), институт заступнической адвокатуры может признаваться формой оказания юридической помощи лишь отчасти.

Вместе с тем, наряду с понтификами заступники восполняли отсутствие квалифицированной юридической помощи, оказываемой в будущем адвокатами. Поэтому заступническая адвокатура выступала одной из предпосылок возникновения института адвокатуры.

6. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. В 3 т. Т 1 / перевод с древнегреческого [под ред. И.Л. Маяк]. М.: Издательский дом «Рубежи» XXI, 2005. 272 с.
7. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. В 3 т.Т. 3 / перевод с древнегреческого [под ред. И.Л. Маяк]. М.: Издательский дом «Рубежи» XXI, 2005. 320 с.
8. Короткова П.Е. Об адвокатуре и адвокатской тайне в древних государствах // Адвокатская практика. 2009. № 5. [Электронный ресурс]: Режим доступа: «КонсультантПлюс».
9. Ливий Т. История Рима от основания Города / перевод с лат. [под ред. П. Адрианова]. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. 1632 с.
10. Носкова Е. По заветам древних римлян // Российский адвокат. 2004. № 2. С. 38–39.
11. Тай Ю.В. В защиту адвокатуры // Адвокат. 2005. № 1. С. 12–17.
12. Теренций. Братя // Теренций. Комедии / пер. с латин. А.В. Артюшкова. М.: Худож. лит., 1985. С. 423–498.
13. Теренций. Евнух // Теренций. Комедии / пер. с латин. А.В. Артюшкова. М.: Худож. лит., 1985. С. 191–278.
14. Теренций. Формион // Теренций. Комедии / пер. с латин. А.В. Артюшкова. М.: Худож. лит., 1985. С. 279–366.
15. Цицерон. Речи. В 2 т.Т. 1. 81–63 гг. до н.э. / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1993. 448 с.
16. Цицерон. Речи. В 2 т.Т. 2. 62–43 гг. до н.э. / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1993. 400 с.
17. Grellet-Dumazeau M. Th. Le Barreau Romain. 2nd ed. Paris, 1858. 475 p.
18. M. Tvlli Ciceronis Pro A. Clventio Oratio. 40.110. [Электронный ресурс] URL: <http://thelatinlibrary.com/cicero/cluentio.shtml#cforty> (дата обращения 05.01.2012).
19. M. Tvlli Ciceronis Pro M. Caelio Oratio. 10. [Электронный ресурс] URL: <http://thelatinlibrary.com/cicero/cael.shtml#10> (дата обращения 06.01.2012).
20. Pseudo-Asconius. In M. Tullii Ciceronis orationem in Q. Caecilium quae divinatio dicitur // M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt. vol. 5, ps. 2. Turici, 1833. 448 p.
21. Titus Livius. Titi Livii Patavini Historiarum ab urbe condita. t. 1. Edunburgi, 1751. 491 p.

Убийство по найму: значение корыстного мотива при квалификации преступления. Проблема соотношения убийства по найму с корыстными преступлениями

Тишкин Александр Владиславович, магистр

Тюменский государственный университет, Институт права, экономики и управления

Уголовным кодексом РФ убийство, совершаемое по найму, признается квалифицированным видом убийства и предусмотрено в одном пункте с убийствами из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). С позиции законодателя корысть — необходимый признак наемных убийств. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 указано, что под убийством по найму понимается убийство, обусловленное получением исполнителем материального или иного вознаграждения. В связи с этим возникает вопрос: является ли убийство, совершаемое по найму, корыстным преступлением?

В доктрине уголовного права на этот вопрос нет однозначного ответа, и споры об обязательных признаках субъективной стороны данного состава преступления продолжают продолжаться.

В период действия УК РСФСР 1960 г. убийство по найму квалифицировалось по п. «а» ч. 1 ст. 102 (убийство из корыстных побуждений).

Уголовному законодательству некоторых зарубежных стран также известно совершение убийства за плату. Так, в Ираке смертной казнью карается убийство за матери-

альную плату. Такая формулировка не оставляет сомнений в отнесении законодателем Ирана убийства по найму к корыстным преступлениям. Уголовный кодекс Испании установил ответственность за совершение убийства за плату или вознаграждение. Вероятно, убийством по найму в данной стране признается убийство с целью получить как материальную, так и нематериальную выгоду. [1]

Проанализировав постановление пленума по делам об убийстве, а также УК РФ, можно сделать вывод о том, что под корыстным мотивом, по отношению к убийству по найму понимается осознанное побуждение получить незаконную имущественную выгоду, обогащение, наживу, которым руководствовалось лицо при совершении рассматриваемого преступления. Очевидно, Пленум под иным вознаграждением понимает не материальную, а всякую другую выгоду (продвижение в должности, вступление в организованную преступную группировку и т.д.).

Некоторые ученые допускают, что убийство по найму может быть совершено без корыстного мотива, но все-таки отмечают, что в убийстве по найму присутствует корыстный мотив. Так, например С.Х. Нафиев считает, что

«действительно, в ряде случаев в данном составе убийства с помощью привлеченного лица может быть не связано с корыстью. Такие убийства могут совершаться и без ориентации на получение материальной выгоды (например, служащий частной охранной структуры выполняет «приказ» шефа об устранении несговорчивого конкурента, не получая за это материального вознаграждения, а руководствуясь только своеобразным пониманием «служебного долга» или мотивами солидарности). Вместе с тем представляется, что за указанными внешними проявлениями все равно скрывается корыстный интерес: сохранить место службы, добыть выгоду для организации, где работает убийца, и т.д. [2]

А вот организатор или подстрекатель наоборот руководствуется далеко не всегда корыстными мотивами, часто эти преступления совершаются организатором и подстрекателем из мести, ревности, личных неприязненных отношений, зависти, на почве бывших конфликтов. А исполнитель может стремиться к получению выгоды для других лиц, в судьбе которых он заинтересован. Корыстный мотив на совершение убийства должен возникнуть до осуществления преступного деяния, и при этом не требуется, чтобы цель убийства была непременно достигнута.

Вместе с тем возникает вопрос, как квалифицировать действия исполнителя, если помимо корыстных мотивов в его действиях будут присутствовать и иные побудительные причины? Например, если исполнитель получает «заказ» на убийство человека, к которому он испытывает острое чувство неприязни, а возможно даже желает ему отомстить за что-либо, или же которому он должен (разумеется, последний случай наиболее абстрактен) определенную сумму денег.

Представляется, что решающим фактором должен выступать факт найма убийцы и его согласие совершить преступление за определенное вознаграждение, услугу или по другим причинам (об этом будет сказано ниже). Исходя из этого, иные, возникшие после найма побудительные причины у исполнителя также не могут иметь существенного значения для квалификации содеянного по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, хотя и должны учитываться при назначении наказания.

Литература:

1. Бродневская Я.В. Соотношение убийств, совершаемых по найму, и иных посягательств на жизнь человека / Я.В. Бродневская // Журнал Российского права. — 2009. — № 11. — с. 25.
2. Нафиев С.Л. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Челябинск, 1999. С. 109—110.
3. Разгильдиев Б.Т. Убийство по заказу / Б.Т. Разгильдиев // Российская Юстиция. — 1995. — С. 41.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 — ФЗ: по сост. на 11.01.13 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Бродневская Я.В. Соотношение убийств, совершаемых по найму, и иных посягательств на жизнь человека / Я.В. Бродневская // Журнал Российского права. — 2009. — № 11. — с. 25.
6. Разгильдиев Б.Т. Убийство по заказу / Б.Т. Разгильдиев // Российская Юстиция. — 1995. — С. 41.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благоев, П.В. Головенков и др.; под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с.

По мнению Б.Т. Разгильдиева, между убийством из корыстных побуждений и убийством по найму деяния не идентичные. По его мнению, отличие этих преступлений заключается в том, что при убийстве из корыстных побуждений лицо, заказывающее убийство, является подстрекателем, поскольку исполнитель преступления еще не готов выступить в качестве убийцы. При убийстве по найму исполнитель — убийца уже готов к действию, поскольку, как правило, и субъективно, и объективно подготовлен к совершению убийств на профессиональной основе. Такое лицо нуждается лишь в соответствующей оплате за «услугу». Б.Т. Разгильдиев делает вывод, что убийство из корыстных побуждений и убийство по заказу (найму) — деяния не идентичные и, следовательно, требующие различной уголовно-правовой оценки. [3]

Следует признать доминирующим моментом не стремление исполнителя получить вознаграждение, в силу чего убийство по найму признается разновидностью корыстных убийств, а объективную сторону преступления, включающую в себя совершение убийства, и отношения между нанимателем и исполнителем (факт найма). Корысть как характеристика субъективной стороны обязательно присуща только исполнителю. Убийство по найму, имевшее в законе отправной точкой убийство из корыстных побуждений, в настоящее время не может являться разновидностью данного вида преступлений, так как это обстоятельство существенно сужает возможности квалификации действий преступников, особенно нанимателей.

Дискуссии о том, является ли убийство по найму корыстным, будут продолжаться до тех пор, пока Пленум Верховного Суда не разъяснит это точнее. На данный момент противоречие между нормой УК РФ, в соответствии с которой данный состав находится в одном пункте с иными корыстными убийствами, и Постановлением Пленума ВС РФ от 22 января 1999 г. N 1, допускающим получение исполнителем материального или иного вознаграждения, очевидно.

Исходя из вышесказанного, по нашему мнению необходимо выделить убийство по найму в отдельный пункт ч.2 ст.105 УК РФ, а Пленуму Верховного суда РФ дать более точное разъяснение по поводу убийства по найму.

8. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь / А.Н. Красиков. — Саратов, 1999. — 170 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В.Даль. — М., 1981. — 600 с.
10. Бородин А.И. Убийство по найму. Криминалистическая характеристика. Методика расследования / Под ред. Р.С. Белкина. — М., 1997. — 290 с.
11. Нафиев С.Л. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация (уголовно-правовые и криминологические аспекты) / С.Л. Нафиев. — Челябинск, 1999. — 200 с.
12. Антонян Ю.М. Психология убийства / Ю.М. Антонян. — М.: Юрист, 1997. — 250 с.
13. Слинко М.И. Заказное убийство. Криминологический аспект / с М.И. Слинко. — М., 1997. — 350 с.
14. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. — М.: Юрист, 1999. — 400 с.
15. О судебной практике по делам об убийстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 3. — 1999.

Судебные ошибки: проблемы, интерпретации, понятия

Устюгов Артем Александрович

Тюменский государственный университет, Институт права экономики и управления

Понятие «судебная ошибка» официально используется Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации и Конституционным Судом Российской Федерации. Это понятие употребляется как аксиома при характеристике цели такого компонента судебной защиты как пересмотр судебных актов. Целью последнего, как отмечается в постановлениях Конституционного Суда, Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, является устранение судебной ошибки.

Между тем в процессуальной литературе понятие «судебная ошибка» до сих пор не рассматривалось как аксиома. Следует признать, что вопрос о понятии, признаках и причинах судебной ошибки по-прежнему является дискуссионным.

В юридической литературе, однако, сложился взгляд на судебную ошибку как ошибочные действия в самом широком смысле слова, включающий любые — неправильности. Так, И.М. Зайцев в понятие судебной ошибки включал любые нарушения, которые допускают судьи на различных стадиях производства по делу. [1, с. 93–94]

Само определение, понятие судебной ошибки, по мнению ученых, должно быть кратким. Перегрузка определения качественными характеристиками создаёт сложность при восприятии, понимании главной сущностной характеристики: что судебная ошибка есть не достижение целей судопроизводства, подлежащая устранению. Вместе с тем, в неразрывном единстве с понятием судебной ошибки должны определяться и рассматриваться его признаки, иначе термин «судебная ошибка» рискует быть использованным для обозначения других явлений.

Итак, судебная ошибка — это результат судебной деятельности, свидетельствующий о недостижении целей судопроизводства. Ее необходимыми признаками являются 1) появление при вынесении итогового судебного акта; 2) предполагаемый характер; 3) констатация и устранение

специальным уполномоченным субъектом в специальном порядке; 4) специфический характер доказывания; 5) независимость от вины судьи, принявшей итоговый акт.

В качестве причин судебных ошибок в литературе обычно указываются следующие обстоятельства:

— чрезмерная нагрузка на судей [2, с. 6]; недоукомплектованность кадрового состава судей; недостаточно высокий уровень подготовки и образования судей; отсутствие в судах четко установленных норм рабочего времени судей, что приводит к поспешному и поверхностному рассмотрению дел, судебным ошибкам, «волоките»; неудовлетворительное финансирование и материально-техническое снабжение судов [3, с. 6]; несовершенство ныне существующего в нашей стране организационно-правового механизма отбора кандидатов в судьи по морально-этическим параметрам, психофизиологическим критериям и тщательной их проверки не предают наличия компрометирующих кандидата и его близких родственников фактов и обстоятельств, в связи с чем стало возможным наличие в сегодняшнем судейском корпусе судей, которым нельзя ни в коем случае быть судьями;

— нахождение судов в зависимости от высших должностных лиц вследствие недостаточного финансирования судов и оказания материальной поддержки со стороны органов власти не федерального уровня, высокая сложность административных дел, отсутствие необходимой специализация судей по административным делам; обновление судейского корпуса и отсутствие у молодых судей необходимой практики [4, с. 10];

— нестабильность и отсутствие единообразия судебной практики, постоянное обновление законодательства, отсутствие немедленной информации о практике применения нового законодательства, концептуальное устранение действующих процессуальных законов; несовершенство процессуального законодательства и противоречие многих его норм Конституции и норм меж-

дународного права, недооценка судьями требований процессуальных норм, устанавливающих сроки совершения судебных действий, а также неявка в суд свидетелей, представителей сторон по делу, длительные сроки проведения экспертиз [5, с. 41–42]; недостаточная информатизация судов;

– несовершенство отдельных процессуальных норм в части, например, пассивности суда первой инстанции при формировании доказательственной базы по делу и проблемности полномочий апелляционной инстанции при предоставлении новых доказательств [6, с. 124]; несовершенство правового статуса апелляционной инстанции, способствующего поверхностному рассмотрению сложного дела судом первой инстанции за счет полного его перерешения и невозможности направления его апелляцией на новое рассмотрение, неудовлетворительное качество работы почтовой связи и отсутствие достоверных данных о местонахождении многих частных фирм как причина нарушений сроков рассмотрения арбитражных дел, небрежность и безответственность судей вследствие действия принципов их несменяемости и невозможности привлечения к дисциплинарной ответственности; различный подход судебных инстанций к оценке имеющихся в деле доказательств, а также к квалификации правоотношений сторон, «местнический» принцип осуществления правосудия; разрешение судом дела на основании нормативного акта, впоследствии признанного неконституционным (когда суд либо не усмотрел при его применении противоречия с Конституцией, либо вообще не задавался этим вопросом в силу сложившегося стереотипа мышления судей, воспитывавшихся в духе подчинения только закону, когда Конституция не воспринималась как непосредственно действующее право) [7, с. 2]; привычка российских судей к ожиданию принятия конкретизирующих Конституцию законодательных актов, которые бы подробно расписали, когда и как ее применять [8, с. 4]; инерция старых взглядов и подходов судей при осуществлении ими судебной деятельности в условиях обновленного законодательства; приобретение судьей свойства «профессиональной беспристрастности»; пристрастность суда в формах предубежденности или связи суда с одной из сторон; влияние «эффекта психической установки» на принятие окончательных решений судьями [9, с. 472]; субъективные взгляды, симпатии и антипатии судьи, а также влияние господствующих в определенной местности воззрений и предрассудков [10, с. 33–34] и т.п.

Говоря о способах устранения судебных ошибок, И.М. Зайцев связывает их, с одной стороны, с исправлением неправильностей, допущенных судами, а с другой — с их предотвращением (предупреждением). Способы устранения судебных ошибок в форме их исправления указанный автор правомерно называет «правовыми средствами устранения судебных ошибок». Способы устранения судебных ошибок, связанные с их предупреждением, И.М. Зайцев квалифицирует как «неправовые средства» устранения судебных ошибок.

Точка зрения, согласно которой субъектом, способным устранить судебную ошибку, является суд (судья), полностью согласуется с мнением о том, что субъектом, судебной ошибки может быть лишь суд или судья и никто иной. Субъектом установления наличия судебной ошибки (в процессуальной форме) может быть уполномоченная законом судебная инстанция. До данного момента юридически судебная ошибка отсутствует в силу презумпции правильности (истинности) судебного акта. Поскольку официальное государственное признание (установление) в процессуальной форме наличия судебной ошибки и ее квалификации, как правило, связано с устранением выявленной судебной ошибки, то субъектом указанной деятельности может быть только уполномоченная инстанция. Иное, как представляется, противоречило бы принципу независимости судебной.

Способы устранения судебных ошибок, связанные с их предупреждением, И.М. Зайцев квалифицирует как «неправовые средства» устранения: судебных ошибок. При этом он поясняет, что «используемые неправовые средства (организационные, нравственные) нацелены не на устранение, а на предупреждение нарушений». [11, с. 78]

Тем самым ученый отчасти сам себе противоречит: с одной стороны, он говорит о том, что предупреждение судебных ошибок есть одно из средств их устранения, имеющее не правовой характер, с другой — он проводит мысль, что «все средства устранения судебных ошибок регламентированы гражданским процессуальным законом», [12, с. 78] то есть всегда являются правовыми; более того, он однозначно разделяет средства устранения и средства предупреждения судебных ошибок (нарушений процессуального закона). Точка зрения И.М. Зайцева о том, что предупреждение судебных ошибок есть одно из средств их устранения, имеющее не правовой характер, не представляется правильной.

Можно согласиться с выводом о том, что деятельность тех или иных лиц или органов, направленная на предупреждение судебных ошибок действительно является не правовой, то есть не регламентированной правом (в том числе процессуальным). Однако, по нашему мнению, предупреждение судебных ошибок не связано непосредственно с их устранением и не является одним из его средств.

Предупреждение судебной ошибки корреспондирует с причинами и условиями ее совершения, ее устранение связано с воздействием на следствие — саму судебную ошибку. Деятельность по предупреждению судебных ошибок может иметь место, как правило, тогда, когда таковые еще не совершены субъектом. Другими словами, невозможно предотвратить уже допущенную судом ошибку. Напротив, деятельность по устранению (ликвидации, исправлению) судебных ошибок теоретически возможна лишь после их фактического совершения и практически допустима только (и сразу) после их юридического (официального) признания в процессуальном порядке.

Другие выводы И.М. Зайцева, например, о том, что все средства устранения судебных ошибок регламентированы гражданским процессуальным законом и что не-

обходимо разделять средства устранения и средства предупреждения судебных ошибок, представляются вполне убедительными. Специальные процессуальные средства, ориентированные на устранение обнаруженных судебных ошибок, — это в первую очередь инстанционное устройство судов, осуществляющих арбитражное (гражданское) судопроизводство.

В настоящее время как в системе арбитражных, как и в системе судов общей юрисдикции (с известными особенностями) существуют апелляционная, кассационная и надзорная инстанции. Контрольными функциями, как средством устранения погрешностей и неправильностей в работе судов, наделены все инстанции, поскольку любая деятельность нуждается в установлении контроля или ревизии как способа достижения определенного совершенства в своей сфере. Надзорная инстанция как в гражданском, уголовном, так и в арбитражном судопроизводстве является специфичной функцией суда, направленной на проверку законности вступивших в силу постановлений нижестоящих судов, исправление их ошибок и осуществление на этой основе руководства судебной практикой с целью обеспечения строгой законности правосудия.

Однако для того, чтобы всеохватывающе, своевременно и действенно обеспечить достижение целевых установок гражданского судопроизводства, на наш взгляд,

помимо соответствующей деятельности отмеченных инстанций по устранению судебных ошибок, к ней должен быть максимально подключен суд первой инстанции. Поскольку последний, осуществляя контроль за результатами своей деятельности, обладает наибольшими возможностями для оперативного исправления собственных судебных ошибок, а своевременность (быстрота) обеспечения правильности разрешения судебного дела является одной из задач судопроизводства, подобная деятельность суда первой инстанции представляет особую социальную и юридическую ценность.

По всем анализируемым проблемам, связанным с судебными ошибками, можно сформулировать следующие выводы:

1. Судебная ошибка представляется как правовое последствие допущенного судом отступления от целей и задач судопроизводства в судах, установленное в процессуальном порядке уполномоченной судебной инстанцией.

2. Судебная ошибка может быть допущена как по вине судьи, так и при отсутствии таковой, поэтому было бы неправильно во всех случаях проводить знак равенства между судебной ошибкой и правонарушением.

3. Судебная ошибка как отступление от целевых установок судопроизводства может рассматриваться в двух основных плоскостях: фактической и юридической.

Литература:

1. Зайцев И.М. Судебные ошибки // Сб. Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Ярославль. 1989, с. 93–94.
2. О законодательных инициативах Верховного Суда РФ: Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» // Российская юстиция. 2000. № 11. с. 18; Жеребцов А. Отбор кандидатов в судьи — актуальная задача // Российская юстиция. 1999. № 6. С. 4; Жилин Г.А. Защита прав человека в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 7; Постановление Совета судей Российской Федерации от 30 октября 1998 г. // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 6.
3. Топильская Л. Как нам обустроить судебную власть // Российская юстиция. 1999. № 2. с. 6.
4. Лебедев В. Расширение доступа к правосудию — одна из целей судебной реформы // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 10
5. Амосов С.М. Обязанности по доказыванию в арбитражном процессе // Российский юридический журнал. 1998. № 1 (17). С. 41–42.
6. Завидов Б. О некоторых противоречиях арбитражного процессуального законодательства // Хозяйство и право. 1997. № 9. С. 124.
7. Анишина В.И. Применение постановлений Конституционного Суда РФ судами общей юрисдикции // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 2.
8. Грось Л. Акты Конституционного Суда РФ и право на судебную защиту // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 4.
9. Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. М., 2009. С. 472.
10. Васильковский Е.В. Учебник гражданского процесса. Изд. 2-е, перераб. М., 1917. С. 33–34.
11. Зайцев И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: Дисс. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 1986. С. 78.
12. Зайцев И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в гражданском процессе: Дисс. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 1986. С. 78.

Современное понимание экстремизма

Ходжалиев Салех Айсевич, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В силу сложности и противоречивости природы феномена экстремизма проблема его понимания чрезвычайно сложна для разрешения. Можно выделить следующие ее причины. Во-первых, все теории борьбы с экстремизмом крайне тенденциозны и идеологически зашорены, а потому постоянно прибегают к двойным стандартам. Во-вторых, даже с помощью этого метода они не могут предложить сколько-нибудь убедительной трактовки понятия «экстремизм», а главное — универсальной системы признаков экстремизма, позволяющих квалифицировать его как уголовное преступление и тем самым поставить в ряд других уголовно-наказуемых деяний. В-третьих — это относится уже не к идеологически ангажированным, а к добросовестным попыткам разгадать тайну экстремизма. Как только экстремизм начинают детально квалифицировать, он сразу же исчезает, превращаясь то в brutальное инакомыслие, то в собственно уголовное преступление — чаще всего либо в терроризм, либо в обычное насилие над личностью, или в такое неопределенное (хоть и содержащееся в Уголовном кодексе) деяние, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» [1, с. 286].

В правовом смысле вне конкретных запретов понятие экстремизма невозможно — он определен именно в них. Роль Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» заключается в обобщении некоторых правовых запретов, обусловленном необходимостью законодательного закрепления новой комплексной формы общественно опасного поведения, получившего название «экстремизм». Таким образом, экстремизм может проявляться в двух формах: в форме административного правонарушения и в форме преступления [2, с. 248].

Ведущая роль уголовно-правового обеспечения противодействия экстремизму среди иных правовых средств, обусловила придание особого значения выделению преступлений экстремистской направленности. Их общественная опасность характеризуется способностью причинить существенный вред таким важным объектам правовой охраны, как основы конституционного строя и конституционные основы межличностных отношений. При этом признак противоправности преступлений экстремистской направленности носит двойственный характер — их содержание предусмотрено нормами УК РФ и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ.

Изложенный до сих пор материал позволяет утверждать, что в основе сущности экстремизма лежит комплекс противоречий, возникающих между личностью, обществом и государством. Экстремизм как явление из-

вестен с древних времен, но попытки определить его понятие до сих пор не увенчались успехом. Несмотря на то, что действующее законодательство (в Федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») и ряд международных правовых актов содержат понятие экстремизма, в российской юридической науке не выработана единая позиция по поводу его содержания. Отсутствует также единый взгляд на виды и формы экстремизма, не выделены четкие критерии, разграничивающие смежные с ним явления. Данная ситуация сложилась из-за того, что экстремизм представляет собой сложное многогранное явление, способное проявляться в разных сферах жизнедеятельности человека, а в отечественной науке термин «экстремизм» раскрывается в разных аспектах, каждый из которых не способен учесть все грани экстремизма. Такой подход к определению понятия экстремизма затрудняет понимание его сущности и не дает возможности выработать единый методологический инструментальный исследования экстремизма [3, с. 53].

Единственный выход из сложившейся ситуации видится в необходимости развития междисциплинарного подхода к определению понятия экстремизма, который бы учитывал современные достижения не только юридических наук, но и социологии, политологии, психологии и других гуманитарных дисциплин.

Резюмируя содержание параграфа, можно сделать следующие выводы.: экстремизм как негативное социальное явление известен с древних времен и проявлялся в разных государствах при разных социальных условиях. Традиционно экстремизм понимается как приверженность к крайним радикальным взглядам, идеям и целям, достижение которых осуществляется нелегитимными, насильственными средствами и методами. В основе экстремизма лежит стремление уничтожить существующую систему государственно-правовых и общественных отношений, либо стремление их сохранить в неизменном виде; в отличие от явления «экстремизма» термин «экстремизм» многовековой истории не имеет. Активно использоваться данный термин стал в начале XX века для обозначения приверженцев крайних взглядов и мер в политике. Однако до настоящего времени попытки определить понятие экстремизма не увенчались успехом. Несмотря на то, что действующее отечественное законодательство и ряд международных правовых актов определяют понятие экстремизма, в российской юридической науке все-таки не выработана единая позиция по поводу его содержания. Отсутствует в науке также единый взгляд на виды и формы экстремизма, не выделены четкие критерии, разграничивающие смежные с ним явления [4, с. 14]. Такая ситуация сложилась из-за того, что экстремизм

представляет собой сложное многогранное явление, способное проявляться в разных сферах жизнедеятельности человека, а в отечественной науке термин «экстремизм» раскрывается в разных аспектах, каждый из которых не способен учесть все грани экстремизма. Данный подход к определению понятия экстремизма затрудняет понимание его сущности и не дает возможности выработать единый

методологический инструментарий исследования экстремизма; определение понятия экстремизма, учитывающего все возможные его проявления, может быть сформулировано только на основе междисциплинарного подхода и должно учитывать современные достижения не только юридических наук, но и социологии, политологии, психологии и других гуманитарных наук.

Литература:

1. Бидова Б.Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму // Молодой ученый. 2012. № 11. — С. 286.
2. Политология: Краткий энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Ю.С. Борцова. — М.: Изд-во коммерч. ун-та, 1997. — С. 248.
3. Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской республике: ислам и политика на Северном Кавказе. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. — С. 52.
4. Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис... канд. полит. наук. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2000. — С. 14.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Роль Европейского союза в ближневосточном конфликте

Альванус Али, аспирант

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (Украина)

Европейский союз давно включил Ближний Восток в перечень приоритетных направлений своей внешней политики. В связи с этим ЕС прилагает особые усилия для развития экономических и политических отношений с регионом. В последнее время, в связи с политическими переворотами в странах Северной Африки и Ближнего Востока, Европейский союз изменил свою ранее осмотрительную позицию на более активную. В данной статье идет речь о причинах изменений в развитии этих отношений и перспективы на будущее.

Ключевые слова: Европейский союз, Ближний Восток, Ливия, Сирия, нефть, революции, военная операция.

The European Union has long included the Middle East in the list of priorities of its foreign policy. In this regard, the EU has made special efforts to promote economic and political relations with the region. In recent years, due to political upheavals in North Africa and the Middle East, the European Union has changed its earlier cautious position on the more active. This article deals with the causes of changes in the development of these relations and the prospects for the future.

Keywords: European Union, the Middle East, Libya, Syria, oil, revolution, military operation

Ближневосточный регион всегда был зоной конкуренции больших государств. Притягательность Ближнего Востока определялась его геостратегической важностью и богатыми запасами природных ресурсов. И в свою очередь конфликты на Ближнем Востоке вынуждали конкурирующие государства прилагать особые усилия в поиске лучшего варианта решения той или иной кризисной ситуации, что давало определенные преимущества в регионе тому, кто мог его предложить. С окончанием «холодной войны», а также потому, что Россия уже не могла играть ту же роль, которую играл СССР, в регион возвращаются страны Европы, но уже не в качестве разрозненных колониальных государств, а как Европейский Союз — единая сила, способная конкурировать или, когда надо, сотрудничать с США. ЕС — самый близкий сосед арабского Ближнего Востока и естественный рынок для него. Спектр европейских интересов в регионе широк. Географическая близость повышает значимость таких вопросов, как экономическая нестабильность, торговля наркотиками, международная преступность и ухудшение экологии. Европейский Союз тесно связан с Ближним Востоком посредством государственных и частных инвестиций, международной торговли и европейско-средиземноморского партнерства. Наибольший интерес к региону сегодня проявляют Великобритания, Франция, Италия и Германия.

Конечно ЕС — не главный внешний партнер Ближнего Востока, их главным партнером были и остаются США. Поэтому естественно, что все усилия Евросоюза по стимулированию мирного процесса на Ближнем Востоке, по сути, подчинены американской политике в этом регионе. После смены власти в США началась корректировка внешнеполитических программ, это коснулось и ближневосточных стран. США заново представляют себя в регионе. И, естественно, это не может не влиять на политику ЕС на Ближнем Востоке, а в свою очередь политика Евросоюза влияет на планы Белого дома. Как отмечает Николай Нартов «Интегрированная Европа, а ядром её по сути является объединенная Германия, может отрицательно повлиять на планы американцев. Вполне логично, что на огромном евразийском пространстве интегрированная Европа будет реализовывать свои интересы. Поэтому здесь Вашингтон ведет сложную игру: он должен более тесно сотрудничать с Германией и Францией в создании такой Европы, которая была бы политически прочной, оставалась бы связанной с Соединенными Штатами и расширила бы рамки международной демократической системы». [2, с. 265]

Ранее европейская политика на Ближнем Востоке носила довольно осмотрительный характер. В документах о своей региональной стратегии Европейский Союз, явно критикуя политику американской администрации, за-

являет: «Реформы не могут быть навязаны извне. Они должны порождаться внутренними факторами». [5] По словам председателя Европейской комиссии Р. Проди, Политика Европейского Союза в отношении государств Восточной Европы, Средиземноморья и Ближнего Востока заключается в «создании окружающей ЕС зоны стабильности и процветания, состоящей из дружественных государств от Марокко до России». [6] Такая политика усилила популярность Европы на Востоке, который рассматривал её в качестве позитивной силы в решении глобальных проблем. «Сразу вслед за войной в Ираке жители Центральной Европы и Турции дали ЕС более высокие оценки, чем Соединенным Штатам, за его вклад в решение самых разных проблем — от борьбы с терроризмом до сокращения бедности и защиты окружающей среды. Несмотря на то, что правительства многих стран Центральной Европы поддержали военные действия, которыми руководили США, общественность этих стран считала роль ЕС во многих аспектах более позитивной». [1]

Однако двойные стандарты на практике неизбежны. Политика США в разрешении проблем безопасности часто была выгодна Европе. Белый дом был готов проявлять инициативу в разрешении конфликтов на Ближнем Востоке и, после проведения таких решительных мер, ЕС мог вступить в экономическое освоение территорий, подготовленных американцами. В свою очередь, решая собственные задачи, Соединенные Штаты опираются по мере необходимости на НАТО. Европейцы, получая собственную прибыль, могут поддерживать Вашингтон в достижении американских стратегических целей.

В последнее время ранее осмотрительная позиция Европейского Союза изменилась на более активную в связи с политическими переворотами в странах Северной Африки и Ближнего Востока в начале 2011 года, когда в мусульманском мире произошло стремительное развитие революционного движения, которое опрокинуло или же поколебало наиболее устойчивые и благополучные режимы в Тунисе, Египте, Ливии, Бахрейне. Теперь Европа выступила в качестве инициатора жестких мер борьбы с неугодными режимами. Париж и Лондон выдвигают крупные военно-политические проекты в Африке и на Ближнем Востоке. Ярким примером была инициатива в проведении под демократическими лозунгами военной операции в Ливии. Европе удалось сместить режим Каддафи в рамках операции НАТО. Последнее предполагало взаимодействие с США. После ливийской операции Европа выступила уже не критиком, а привилегированным союзником США.

Как отмечают многие аналитики, причиной такой активизации Европы стали богатые запасы ливийской нефти. Наш мир зависим от нефти и жестокая действительность, заключается в том, что с каждым годом получать необходимые энергоресурсы становится все труднее. Война в Ливии — это лишь одна составляющая всемирной гонки за будущими энергопоставками. Мировая добыча нефти

достигла своего пика, и теперь начинается спад. В Европе мало нефти, Месторождения в Северном море истощаются. Скоро почти вся нефть для Европы будет импортироваться. Дополнительная нефть для поставок на мировой рынок есть только у России и у стран ОПЕК. А поскольку у России есть ядерное оружие, то остается только ОПЕК. И если Европа не хочет все больше зависеть от России, то неизбежно устремится в сторону Африки и Ближнего Востока.

В январе 2009 г. М. Каддафи объявил, что Ливия может национализировать иностранные нефтяные компании в том случае, если цена нефти на мировом рынке не увеличится до 100 долл./бар. Он добавил, что такой порядок цен позволил бы Ливии контролировать свою нефтяную промышленность без иностранного участия и подчеркнул: «Национализация — это наше законное право». Затем Национальная нефтяная корпорация Ливии пересмотрела условия существующих контрактов с французской компанией Total SA на разработку месторождения аль-Джурф с объемом добычи 45 тыс.б/д и месторождения Мабрук — Ливия получила единовременный бонус в размере 500 млн. долл., а ее доля участия должна быть увеличена до 50%. Было объявлено, что пересмотру подлежат и контракты с другими иностранными компаниями, работающими в Ливии, при этом доля их участия в разработках должна поэтапно снизиться до 10–15%. Что касается российских «Газпрома» и «Татнефти», они изначально ограничивались 10,5%. [4] Такая перспектива существенного повышения цен на нефть и ограничения доступа к богатейшим её запасам Запад не привлекала. Потеря бы составляла сотни миллиардов долларов — не говоря уже об экономических перспективах Европы. Значительную часть нефтяной отрасли Ливии, к тому времени, заняли Китай и Россия. Целью военной интервенции Запада было также вытеснить эти страны с Ближнего Востока, отрезав доступ к ливийской нефти. Это, в свою очередь, затормозило бы стремительное экономическое развитие Китая, который может стать серьезным оппонентом Запада, особенно в союзе с Россией.

Важно отметить, что реакция Запада на однотипные события в разных ближневосточных странах была неоднозначной. В отношении Туниса и Египта ООН и западные властные структуры ограничились лишь предупреждением о недопустимости применения силы. Массовые демонстрации протеста и столкновения с армией и полицией в Бахрейне, Йемене, Кувейте, Ираке и некоторых других странах не вызвали особого интереса и никаких официальных заявлений. На Ливию же оказывалось мощное давление. ВВС западной коалиции начали наносить авиудары и ракетные удары по войскам Каддафи. Причиной таких жестких мер послужили действия правительства Ливии, которые якобы могут представлять собой преступления против человечества. В то же время весь мир понял, что Европа вполне серьезно относится к проблеме энергоресурсов.

После убийства Муамара Каддафи у мирового гуманистического сообщества на очереди борьба с новым врагом. Сирия, до недавних пор самая стабильная из стран арабского Востока, стала объектом политтехнологической атаки. Причинами давления является обеспечение свободной транспортировки нефти из стран Персидского залива через территорию Сирии в Европу, стремление перекрыть России доступ в Средиземное море и лишить Иран серьезного союзника. Все идет по тому же плану — организованные группы недовольных, мятежи, вынуждающие власти применять силу и описание всех ужасов действий диктатуры с целью поразить воображение простого жителя Европы.

«Вот смотрите, это кадры, что обошли весь мир. Якобы это сирийский город Хомс, где столкновения демонстрантов и полиции. Но у наших полицейских не такая форма. Это полиция Бахрейна, но кто же из зрителей это понимает?» — комментирует новостные кадры гендиректор телеканала «Сирия» Убада Бузу. Зато кадры с митинга в центре Дамаска в поддержку действующего президента вряд ли долго крутили спутниковые каналы. [3] Усилиями профессиональных диверсантов довольно мелкий конфликт, возникший весной этого года на юге Сирии, удалось разжечь до довольно крупных масштабов. Более того, с помощью мировых СМИ, обслуживающих интересы крупного капитала, телесюжеты из этой страны подаются как фильм о войне борцов за свободу с деспотичным и кровавым режимом. Хотя на самом деле нынешнего президента Сирии Башара Асада поддерживают большая часть населения страны. При этом за ежедневными новостями мировых СМИ о десятках

убитых «мирных демонстрантов» совершенно не видны сообщения о не уступающих по своим масштабам потерях армии в борьбе с боевиками, терроризирующими население и уничтожающими сторонников властей. У «мирных демонстрантов», есть и снайперские винтовки, и пулеметы, и гранатометы. Деньги идут из Саудовской Аравии, Катара через Ливан. Оружие закупается и привозится из Ирака, Ливии и из Ливана. «Свободная сирийская армия», которая воюет с государственной армией, состоит из наёмников из арабских стран — Ирака, Ливии и Иордании, есть и афганские пуштуны. Границу переходят в горной местности Курдистана. Счет идет на сотни желающих повоевать добровольцев.

Международное давление на Сирию усиливается. Евросоюз и США приняли решение о торговой блокаде. Потом, вслед за этими ведущими демократическими государствами мира, аналогичные санкции против Сирии принимает Лига арабских государств — структура, которая после свержения иракского лидера Саддама Хусейна превратилась в откровенно прозападную организацию, хотя она сама состоит из королей, эмиров и прочих диктаторов.

Из этого можно сделать вывод, что Запад пытается, и будет продолжать пытаться сохранить свое высокое положение и защищать свои интересы, называя их интересами «мирового сообщества». Это выражение призвано придать иллюзию правомочности в глазах всего мира действиям, отражающим интересы западных держав. Запад стремится интегрировать не-западные страны в глобальную экономическую систему, в которой он доминирует.

Литература:

1. Най-младший Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения, «Свободная мысль-XXI», № 10, 2004, <http://www.postindustrial.net>
2. Нартов Н. Геополитика: Учебник для вузов Единство, издательство политической литературы, Москва 2003, 440 стр.
3. Первый канал, Новости, Москва, 30 октября 2011, Президент Сирии Башар Асад дал эксклюзивное интервью Первому каналу, <http://www.1tv.ru/news/world/189649>
4. Шашков Сергей, Ситуация в Ливии: привнесенная контрреволюция, или авианосец «Твиттер», MEAST.RU: Санкт-Петербургский центр изучения современного Ближнего Востока, / <http://meast.ru/article/situatsiya-v-livii-privnesennaya-kontrevolyutsiya-ili-avianosets-laquotvitterraquo>
5. Interim Report on an EU Strategic Partnership with the Mediterranean and the Middle East. European Commission. March 23, 2004. P. 4. http://europa.eu.int/comm/external_relations/euromed/publication.htm
6. Prodi R. The European Union's role after enlargement. Speech at the High-Level Conference on the future of transatlantic relations. Brussels. March 3, 2004. <http://europa.eu.int/rapid/start/cgi/guesten.ksh>

Image of the Country and the City on the Example of the Republic of Kazakhstan and Astana

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук, доцент
Университет «Болашак» (г. Кызылорда, Казахстан)

Nassimov Murat Orlenbaevich, candidate of Political science,
University «Bolashak», (Kyzylorda, Kazakhstan)

Despite a long history of imagination, there is neither unified definition for image nor a one whole understanding of its subject. Three main subject areas such as view, reputation and communications should be studied other problems which have become another key component of media. In the framework of the systematic approach image and its subject and tools should be analyzed as a separate humanitarian science which refers to the human nature and the outworld. However there is still a strong requirement to construct the unique system of image research on the basis of existing theories.

The site «The Free Dictionary» writes: «A reproduction of the form of a person or an object, especially a sculptured likeness... The opinion or concept of something that is held by the public... The character projected to the public, as by a person or institution, especially as interpreted by the mass media.».. [1].

Image fulfils two differently directed tasks: to form the initially given image purposefully, and to emphasize natural properties of the person. So there is the dual understanding of the nature of image: either as creating of image, or as establishing of the communication. The dual understanding of the nature of image forms two different strategies in its occurrence and derives completely different practices of image [2].

Image is the perception people have of other view when they hear about the object. A country image is composed of an infinite variety of facts, events, histories, advertising and goals that work together to make an impression on the public. Image of the country is the problem urgent, priority, and should be among the first tasks in the government's agenda. The image is that the man himself is on a particular object or how he perceives it.

Kazakhstan is considered to be one of the successfully developing countries in the world. During these years Kazakhstan has demonstrated a willingness to be recognized worldwide through external policies and global amity.

Kazakhstan's organized the Congress of Leaders of World and Traditional Religions. In 2010, Kazakhstan obtained the chairmanship of the OSCE and in 2011, Kazakhstan was the chairman of the Organization of Islamic Conference, and was organizer the Asian Olympic Games. All these activities have helped to improve the national image.

The long-term Strategy «Kazakhstan-2030: Prosperity, security and ever growing welfare of all the Kazakhstanis» was built according to two major strategic goals. «First,

Kazakhstan became a sovereign independent state. Today many take the fact for granted but the Kazakhstanis must have remembered that it was a fairly rare occurrence in our history.

Second, we have embarked on the way of implementing broad-scale social, political and economic transformations. The said goals are not yet scored though some areas clearly manifest tangible results» [3].

Therefore, the President of the Republic of Kazakhstan defined the following seven priorities for further development, which clearly implement new vision of the Kazakhstan brand: 1) **NATIONAL SECURITY:** Ensure development of Kazakhstan as an independent sovereign state preserving its complete territorial integrity; 2) **DOMESTIC POLITICAL STABILITY AND CONSOLIDATION OF THE SOCIETY:** Safeguard and strengthen domestic political stability and national unity. It would enable Kazakhstan put the national strategy into practice in the course of the current and the upcoming decade; 3) **ECONOMIC GROWTH BASED ON AN OPEN MARKET ECONOMY WITH HIGH LEVEL OF FOREIGN INVESTMENTS AND INTERNAL SAVINGS.** Gain realistic, stable and steadily growing rates of economic growth; 4) **HEALTH, EDUCATION AND WELL-BEING OF KAZAKHSTAN CITIZENS:** Consistently improve standards of life, health, education and opportunities of the Kazakhstanis. Improve natural environment in the country; 5) **POWER RESOURCES:** Effectively utilize power resources of Kazakhstan through rapid increase in extracting and exporting oil and gas with the aim of gaining revenues which would enhance stable economic growth and improvement of living standards of the people; 6) **INFRASTRUCTURE, MORE PARTICULARLY TRANSPORT AND COMMUNICATION:** Develop these key sectors in such a way that they add to strengthening of national security, political stability and economic growth; 7) **PROFESSIONAL STATE:** Establish an effective and up-to-date corps of civil servants and state-owned formations of Kazakhstan loyal to the cause they serve to and capable of acting as representatives of the people in achieving our priorities. For each of these long-term priorities we must elaborate and consistently implement a special strategy concentrating our efforts on specific actions outlined in one-year, three-year and, finally, five-year plans. These long-term priorities must serve the purpose of focusing the efforts exerted by both the state and our citizens, they must make the basis of criteria in forming the budget of the country and personnel policy [3].

In Address by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N. Nazarbayev «Strategy Kazakhstan-2050»: new political course of the established state» considered: economic policy of the new course – all around economic pragmatism based on the principles of profitability, return on investment and competitiveness; comprehensive support of entrepreneurship – leading force in the national economy; new principles of social policy are social guarantees and personal responsibility; knowledge and professional skills are key landmarks of the modern education, training and retraining system; further strengthening of the statehood and development of the Kazakhstan democracy; consistent and predictable foreign policy is promotion of national interests and strengthening of regional and global security; new Kazakhstan patriotism is basis for success of our multiethnic and multi-confessional society [4].

Image of the city – a complex emotional and rational concepts arising from the comparison of all signs of the country’s own experience and rumors affecting the creation of a certain image.

American urban planner, full professor from Massachusetts Institute of Technology Kevin Andrew Lynch most famous work, «The Image of the City» published in 1960, is the result of a five-year study on how observers take in information of the city. Using three disparate cities as examples (Boston, Jersey City, and Los Angeles), Lynch reported that users understood their surroundings in consistent and predictable ways, forming mental maps with five elements: paths, the streets, sidewalks, trails, and other channels in which people travel; edges, perceived boundaries such as walls, buildings, and shorelines; districts, relatively large sections of the city distinguished by some identity or character; nodes, focal points, intersections or loci; landmarks, readily identifiable objects which serve as external reference points [5].

Special events (exhibitions, festivals, the international political, economic, cultural, sports events), publications in mass media, promotional and informational materials (souvenirs, cards, booklets and others), the Internet portal about the city (sight for tourists, investment opportunities for business, information on services for citizens), Personal communications of residents (friends, acquaintances, people in streets, the service personnel), communications of officials of known citizens can be instruments of formation the image of the city.

On representation of many Amsterdam is the culture city, Cologne the capital of information of EU, the center of transport transportations of EU, Manchester the center of technological innovations, Munich compact, urbanistic and the green city, Nuremberg the leading region of introduction of advanced technologies of communication, St. Petersburg integrated into the Russian and world economy the multipurpose city providing high quality of the environment of activity and production, Helsinki European the culture city.

Astana in 1995, was designated as the future capital of the newly-independent country, and the capital was officially

moved from Almaty on December 10, 1997. The new name, Astana, was bestowed in 1998. President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N. Nazarbayev said: «Astana is the perconification of a new, dynamically developing Kazakhstan, a symbol of renewal, a symbol of independence of our republic».

In 2012 Astana won the right to host the international EXPO 2017. For the candidate of our capital 103 countries from the 148 participating countries of International Bureau of exhibitions voted. Now Astana citizens are interested to learn much about what advantages to host so large-scale action will give to Astana and its inhabitants. For citizens of the capital there is huge plus in development of infrastructure of city, connected with EXPO 2017, and as a result, creation of new workplaces. And the objects erected within EXPO 2017, will allow to consider Astana in the future as a large international, exhibition and information and presentation platform. Also new serious impulse to development will be received by small and medium business of capital and adjacent regions – first of all, in a services sector of population, hotel business and internal tourism. Development of internal tourism, in turn, will lead to increase in inflow to the city of foreign tourists. It is expected that an exhibition will be visited by 5 million people (about 50 thousand daily) from 100 countries of the world. Therefore EXPO 2017 will serve also as good language practice for students and seniors of the capital. Cultural exchange and the state PR will allow to increase knowledge about our country in the world. The whole three months while the exhibition will last, there will be held cultural events, national days and other entertaining actions. Besides, economic, cultural, scientific development of city which is stimulated by EXPO 2017, bears in herself also big geopolitical value. After all for the first time EXPO will come to the Post-Soviet territory, and to the territory of Central Asia [6].

In 2008 in the monograph «Political advertizing: the theory and practice» told what brands have our republic: Symbol of freedom of Kazakhstan – **Altyn adam**; a Scythian philosopher – **Anacharsis**; a queen who reigned over the Saks – **Tomyris**; «The Second Teacher» – **Al-Farabi**; **Arystan Bab**, **Khoja Akhmet Yassawi**, **Aisha Bibi Mausoleums**; **Monument Khorkhyt ata**; Two Stars of the East – **Aliya Moldagulova** and **Manshuk Mametova**; «**Abai Zholy**» (The path of Abai); **Snow Leopard**; sign nomadic culture – **yurt**; Kazakh national clothes – **shapan**, **saukele**, **takiya**; national musical instruments – **domyra** and **kobyz**; song competition held between two aqyns – **aytys**; national sport – **kokpar**; **Astana** and Residence of the president **Akorda**; «**Baiterek**» – in Astana and **Independence Monument** in Almaty; **The Baikonur Cosmodrome**; historical epic film – «**Nomad**»; is an outdoor speed skating and bandy rink – sports complex «**Medeu**», etc [7].

Unfortunately, a framework of article does not allow to described all methods of this problem which are applying in the course of research to political science. Our republic are

developed a strong image of a stable and democratic nation in the political arena. Kazakhstan emphasizes its multiethnic and multicultural society composition. We trust that further

economical social policy will give Kazakhstan to enormous successes. Economic, political and cultural aspects of development of the country are ready to it.

References:

1. // [Electronic resource]. — URL: <http://www.thefreedictionary.com/image>
2. Некрасов С.И., Некрасова У.С. Основные модели создания имиджа // *Фундаментальные исследования*. — 2007. — № 10. — С. 32.
3. Address of the President of the Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, to the People of Kazakhstan, October 10, 1997. // [Electronic resource]. — URL: http://www.akorda.kz/en/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana-oktyabr-1997-g_1343986436
4. Address by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N. Nazarbayev «Strategy Kazakhstan-2050»: new political course of the established state» // *Egemen Qazaqstan*. — 2012. — 15 December.
5. Lynch Kevin. *The Image of the City*. — Cambridge, MIT Press, 1960. — 194 p.
6. To host International Exhibition is advantageous to Astana and its citizens // [Electronic resource]. — URL: <http://www.astana.kz/en/node/75061>
7. Ivatova L.M., Nassimova G.O, Nassimov M.O. *Political advertizing: the theory and practice*. — Almaty, 2008. — P.107–109.

Суицидный терроризм – субъект в структуре угроз национальной безопасности и нарушения политической стабильности на территории Российской Федерации

Спирина Елена Вадимовна, аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья раскрывает содержание понятия «терроризма смертников» («шахидов»), которое получило широкое распространение на территории нашей страны в начале XXI века. Анализируется история происхождения этого феномена. Дается общая характеристика террористов-смертников. Основное внимание автор акцентирует на социально-психологических особенностях лиц, совершающих теракты. Делает попытку систематизировать методы выявления и пресечения террористических акций с участием самоубийц.

Ключевые слова и фразы: *ассасин, терроризм смертников, шахиды, мученичество в исламе, вахабитский джамаат, террористическое подполье.*

Современный терроризм в его наиболее смертельной, непредсказуемой и неконтролируемой форме добровольных самоубийств смертников — «шахидов» является одной из самых опасных угроз безопасности и целостности российского государства. Поступки мусульманских камикадзе обоснованно вызывают отвращение и ненависть по всей стране.

Для российского общества, как и для всей западной цивилизации в целом, терроризм — это зло, подлежащее безусловному тотальному искоренению. Однако для многих правоверных мусульман шахид является героем-мучеником, который отдаёт жизнь ради великой цели и поэтому заслуживает самого глубокого социального и религиозного одобрения.

Согласно данным исследований, в последнее время для осуществления террористических акций все чаще используются шахиды-камикадзе.

То есть можно смело утверждать, что — терроризм религиозных фанатиков получает всё более широкое распространение среди радикальных последователей ислама.

Тринадцать лет назад, в 2000 году, в Чечне впервые прогремел взрыв, который осуществил «смертник» [22, с. 77]. С тех пор «живые бомбы» стали основной тактикой террористического подполья Северного Кавказа, которую террористы начали внедрять в городах России. Но откуда берутся смертники? Что толкает их на самоподрыв?

Люди, приводящие на себе в действие взрывное устройство, ещё называются «умными бомбами». Они способны мыслить, могут выбирать подходящий момент для осуществления теракта, чтобы добиться максимального ущерба и жертв. То есть смертник — это средство доставки взрывного механизма к цели.

Всю опасность данного явления хорошо иллюстрирует следующий факт. Согласно данным спецслужб, акции

«живых бомб» в конце 1990-х — начале 2000-х годов составили 3 % всех терактов, которые были совершены в мире, однако именно на эти 3 % пришлось 48 % жертв [22, с. 78].

Действия смертника технологически, как правило, примитивны. Компоненты, которые нужны для изготовления и приведения в действие взрывного механизма, малозатратны и достаточно легкодоступны. Более того, маловероятен шанс предотвратить атаку смертника и избежать самоподрыва. Причина этого в том, что шахид становится источником опасности тогда, когда он уже на пути к своей цели. Поэтому даже если удастся вычислить «живую бомбу», она может взорвать себя, не достигнув намеченной мишени, но среди людей [21 с. 215; 23, с. 13]. В результате этого предотвратить жертвы предполагается возможным только на стадии подготовки теракта.

История возникновения терроризма смертников. История добровольного самопожертвования «воинов ислама» во имя Аллаха ухлито своими корнями глубоко в истории. Этому явлению как минимум 800 лет. Первые упоминания об использовании фанатиков-самоубийц относятся к секте убийц — «ассасинов» (по-арабски — «хашшашидов»). Именно основатели этого течения шиитского толка начали использовать для своих целей новое смертельное оружие. Создателем секты является Хасан ас-Сабах. Хасан ас-Сабах — тот, кто считается основоположником террора самоубийц. Членами секты становились мусульмане-фанатики, являющиеся выходцами из бедных слоёв общества. Как правило, это были физически крепкие молодые юноши — федави, воспитывавшиеся в полном повиновении и поклонении «шейху горы». Члены секты считали его посланником Аллаха и были готовы, выполнить любой его приказ, даже расстаться ради него с жизнью. Хасан ас-Сабах утверждал, что акт самопожертвования должен быть не просто формальным актом исполнения религиозного долга, а стать страстно желаемой целью, смыслом жизни. Для этого федави подвергались жёсткой психологической обработке. Им внушалось, что смерть в результате борьбы с врагом — это наивысшая честь для любого «ассасина». Будущие самоубийцы свято верили, что станут героями и им уготовано место в раю [8, с. 5, 6].

Чаще всего террористические акции совершались в местах большого скопления людей. Тем самым организаторы стремились вызвать максимальный резонанс в обществе и оказать устрашающее воздействие на население, поселить среди мирных людей панику и ужас.

В новейшей истории идею «самоубийства во имя ислама» поставил на широкий поток имам Хомейни. После завершения исламской революции в 1979 году в Исламской Республике Иран именно он внедрил постулат о том, что для каждого правоверного самопожертвование во имя Аллаха не просто святое дело, но святой путь, ведущий прошедшего по нему в рай.

В исламе термин «шахид» означает верующего человека, который погиб в войне с неверными, приняв муче-

ническую смерть во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью [11, с. 157].

Лидеры и боевики радикальной шиитской организации «Хезболлах», которая активно действовала в Ливане, первыми восприняли слова Хомейни как руководство к действию. Именно инструкторы «Хезболлах» обучили палестинцев навыкам подготовки и организации террористических акций с участием «умных бомб». Так, уже в апреле 1983 года в Бейруте произошел первый теракт-самоубийство. Террорист-смертник въехал на грузовике, начинённом взрывчаткой, на территорию посольства США и взорвал себя. В результате погибло 60 человек [25, с. 44].

Использование смертников объясняется следующими причинами [10, 20, с. 22]:

растёт количество потенциальных кандидатов, подходящих на роль террориста-смертника (в связи с ухудшением уровня жизни граждан, увеличением числа вдов, сирот, одиноких, обездоленных, отверженных, обиженных, агрессивных людей, озлобившихся в результате того, что, по их мнению, они оказались в трудных, безвыходных ситуациях);

— новые способы доставки взрывных устройств к месту массового скопления людей (например, под видом личной клади, с размещением на теле под одеждой) уменьшают вероятность обнаружения взрывчатки и как следствие предотвращения теракта;

— подготовка террориста-смертника является относительно недорогой и доступной;

— у организаторов террористических акций возможность избежать ответственности и остаться безнаказанными практически стопроцентная, так как, при этом нет необходимости продумывать путь отхода для исполнителя теракта;

— осуществление подобного акта оказывает широкое резонансное воздействие на психологию общества.

В последние годы в роли «живых бомб» исламистское террористическое подполье стало использовать женщины.

Причины этого следующие [6, с. 55]:

— женщина внушаема, психологически неустойчива и легче соглашается на смерть, а мужчина дорожит своей жизнью и может дрогнуть;

— предсмертная воля мужа (брата) отомстить за его гибель;

— зачастую в традиционной мусульманской общине жизнь женщины ценится невысоко, именно поэтому её нетрудно отобрать;

— так сложилось, что она привлекает меньше подозрений;

— подобные действия женщины порождают панику и подавляющее психику чувство незащищённости;

— традиционно представительница слабого пола вызывает больше сочувствия, даже несмотря на то, что она безжалостно и хладнокровно лишает жизни ни в чём не повинных людей;

— «живая бомба» — не только боевое, но и идеологическое оружие [12, с. 25].

Трактовка терроризма смертников в исламе. Важно отметить, что ислам всегда негативно относился к акту самоубийства (чем бы он ни был мотивирован), резко осуждая его. Традиционная исламская концепция, отрицает тот факт, что террорист-смертник может считаться шахидом, то есть борцом, павшим за правое дело. Согласно одному из хадисов Мухаммеда «тот, кто намерено убьет себя, будет наказан вечным пребыванием в аду».

Но при этом в Коране немало строк, прямо призывающих от имени Аллаха к массовым убийствам: «Когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее» (сура 47, 4–5); «И сражайтесь с ними, пока не будет более искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху» (сура 2, 193) [11, с. 93].

О шахидах говорится во многих аятах Корана: «Никким образом не считай мёртвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у своего Господа...».

Мусульманскому вероучению гласит, что шахид достигнет после своей смерти самого высокого уровня Раю и будет пребывать там с пророками и праведниками.

Члены мусульманской общины почитают шахидов, считая их уважаемыми умершими людьми, которые отдали за Веру самым ценное и дорогое, что есть у человека, — свою жизнь, пожертвовав всем [11, с. 97].

Что до женского шахидизма, то в недавнем прошлом сам факт использования женщин в качестве смертниц считался несовместимым с нормами и принципами религиозного учения ислама. Женщина для большинства течений мусульманского вероучения считалась недостойной отдать свою жизнь во имя Аллаха. Подобная честь предоставлялась исключительно мужчинам.

Коран утверждает, что самоубийство для женщины — это не просто грех. Этот поступок для неё в десять раз страшнее, чем для мужчины. Самоубийство лишает её места в Раю, а также расположения Всевышнего для себя и для всех своих родственников по женской линии.

Ситуация, по мнению западных исследователей, резко претерпела изменения с началом первой чеченской кампании. В результате чего на Северном Кавказе, в первую очередь в Чечне, появились террористки-смертницы, которых ещё называют «чёрными вдовами» [23, с. 28].

Поэтому перед исламистскими фундаменталистами встала необходимость религиозно обосновать подобное явление, не взирая на тот факт, что Коран отрицает и категорически запрещает самоубийство. И такое объяснение быстро было найдено. Радикальные духовные лидеры заявили, что женщины-смертницы свершают не акт самоубийства, а акт самопожертвования, мученичества, а это Аллах благословляет. Кроме того, террористок-смертниц убеждали в том, что они попадут в рай как воины. Однако в исламе женщины не попадают в рай.

Общая характеристика террористов смертников и структурное начало при их подготовке. Следует отметить, что методика превращения фанатично верующих, радикально настроенных мусульман в будущих послушных

террористов-самоубийц базируется практически на тех же способах идейно-психологической обработки, что и многие сотни лет назад. Её широко используют как лидеры Хезболлах, проиранской фундаменталистской организации, так и руководители ХАМАС, мусульманского движения сопротивления, активно действующие на Среднем и Ближнем Востоке [3, с. 97].

Именно их методы обучения и подготовки смертников взяли на вооружение главари боевиков исламистского северокавказского подполья, используя смертников в качестве средства достижения политических целей.

Будущие потенциальные «камикадзе» по-прежнему отбираются среди бедной и по большому счёту малообразованной мусульманской молодежи посредством широкой пропаганды исламских догм. Лидеры бандподполья предоставляют материальную помощь нуждающимся, организуют и финансируют молодежные лагеря. В этих лагерях-базах воспитываются и проходят инструктаж так называемые будущие «святые мученики». Нищие родители с радостью готовы отдать своих детей на бесплатную учебу правоверным, «святым» людям, зачастую не подозревая об истинной подоплёке подобной благотворительности. Как правило, инструкторы обещают родственникам взять на себя заботу о содержании учеников и их дальнейшем трудоустройстве [3, с. 98].

Таким образом, молодые девушки и юноши с ещё не до конца сформировавшейся психикой становятся жертвами опытных психологов-исламистов. При помощи различных психологических приёмов, а зачастую и при использовании психотропных медикаментов, в подсознание неопитов «единственно правильной веры» настойчиво внедряется постулат о том, что главный смысл существования любого мусульманина — это безоговорочное служение аллаху. Отсюда логически вытекает, что принесение своей жизни на алтарь его величия — величайшее счастье и огромная честь.

При этом шахиду, отдавшему жизнь во имя аллаха, обещаны вечные радости в райских кущах.

Подобная интенсивная религиозно-психологическая обработка приводит к тому, что исламский фанатик начинает относиться к окружающей его действительности как к временному состоянию, а необходимость земного существования превращается для него в тягостное ожидание лучшей жизни в садах Эдема. Духовные наставники убеждают своих учеников, что самый верный способ перейти к вечной жизни — это совершить самоубийство во имя аллаха [24, с. 15]. И шахиды с радостью выполняют этот приказ.

Существуют критерии, при помощи которых отбирают потенциальных смертников. Во-первых, его смерть должна зажечь огонь джихада в сердцах других людей, и вызвать в них желание пожертвовать своей жизнью, во-вторых, он должен понимать всю важность своей миссии. Третьим критерием является религиозность потенциального смертника [24, с. 16].

Этапы подготовки террориста-смертника [16, с. 37]:

1. Подбор кандидата. Изучается его образ жизни, устанавливается наличие родственников, которые участвовали, погибли (пропали без вести) в боевых действиях с федеральными силами. Также выясняется степень религиозности кандидата и его готовность к самопожертвованию.

2. Вовлечение кандидата в религиозно-экстремистскую деятельность.

3. Религиозно-психологическая подготовка (обработка) либо принуждения кандидата. Вся специальная подготовка заключается в том, чтобы добиться от будущего смертника беспрекословного подчинения наставникам. Это выражается в полной готовности вербуемого к самопожертвованию.

В качестве дополнительного элемента идеологической подготовки молодых мужчин-смертников зачастую используется следующие события [15, с. 3]:

- исламисты пытаются распространить среди мусульманской молодежи идеологию пренебрежения к труду, физической работе, отрицание социальной справедливости;

- в сознание молодых людей внедряется чувство исключительности ваххабизма, а также превосходства над неверными и над людьми, исповедующими «неправильный» ислам, ислам другого толка;

- проводится широкомасштабная компания, целью которой скомпрометировать исконные исламские обычаи, исламские традиции и семейные устои, характерные для данной местности, а также внушить чувство неуважения и недовольства официальным мусульманским духовенством, особенно если оно призывает к лояльному отношению к федеральной власти;

- пропагандируется упрощенное исполнение мусульманских обрядов (совмещение нескольких молитв, отрицание требований традиционной школы ислама) среди членов ваххабитских общин и джамаатов;

- происходит навязывание (в том числе и с помощью физического давления) мыслей об уходе от национальных обычаев и приоритете позиции «чистого ислама»;

- внушается чувство безнаказанности за присвоение или уничтожение имущества «неверных» (движимое и недвижимое), жизнь и здоровье «кафиров»;

- раздаются лозунги к «джихаду» с использованием оружия, взрывчатки;

фундаменталисты призывают к изгнанию славян с территории Северного Кавказа, к захвату их собственности силовыми методами и созданию исламского халифата [15, с. 4].

Факторы, способствующие идеологической подготовке молодых девушек (так называемых «невест Аллаха») [14, с. 178; 1]:

- предстоящее замужество;

- сексуальное насилие и его фиксация на видео с целью последующего шантажа (жертву и её родителей предупреждают, что запись насилия может стать известна среди близких и друзей);

- сильное идеологическое, психологическое и психотропное давление, целью которого — довести жертву до мысли, что единственный выход из создавшейся ситуации — «смерть во имя Аллаха».

В качестве элементов идеологической подготовки женщин средних лет («черных вдов») может использоваться [14, с. 180; 28, с. 45]:

- изоляция женщины от семьи и максимальное подчинение её психики лидерам джамаата (ваххабитской общины);

- призыв к кровной мести за смерть мужа, отца, брата, сына, погибших в борьбе с «неверными»;

- мощная идеологическая обработка, зомбирование и приучение к психотропным препаратам;

В результате этого жертва начинает слепо следовать сценарию организаторов теракта.

Психологическое воздействие «религиозных» экстремистов на личностные качества объектов их интереса строится с учетом современных технологий влияния на массовое и индивидуальное сознание. При этом будущему «мученику за веру» внушаются чувства исключительности и превосходства над «неверными» и непосвященными. «Шахид» стремится подражать воинам Аллаха, следовать примеру тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с «неверными». Укореняется вера в то, что смертника ждёт блаженство в раю. Ещё одним важным элементом морального прессинга и психологической обработки «шахида» является разрыв с близкими людьми и утрата семейных ценностей. Семью заменяет джамаат [7, с. 17; 28, с. 47].

4. Закрепление принятого террористом-смертником решения об участии в теракте. В течение нескольких дней до теракта два «ассистента» находятся рядом с «шахидом». Они следят за его душевным состоянием, за малейшими изменениями в психике. Для этого «шахида» полностью изолируют от его ближайшего окружения, родных и близких. Их интересуют малейшие признаки сомнения или колебания со стороны будущего смертника. Об их обнаружении немедленно докладывается старшему инструктору. Если будущий смертник отказывается выполнить задание, то он может быть уничтожен [10].

5. Окончательную информацию о месте и времени проведения теракта «шахида» получают за день-два до совершения акта самоубийства. Обращению со взрывчатыми веществами его учат также непосредственно перед террористическим актом, чтобы не осталось времени передумать [10].

Перед совершением запланированного теракта, «шахид» составляет так называемое послание, которое записывается на видео. Группа восхваляет будущего террориста-самоубийцу, поёт песни о джихаде, призывает следовать примеру смертника. Сам же смертник на публику объясняет причины, толкнувшие его на такой шаг, заставившие его пожертвовать жизнью. Он также пишет письмо, адресованное своим родным. Это является той точкой невозврата, поставив которую практически невозможно по-

вернуть обратно, так как зачастую «шахид» боится утратить дружбу и уважение своих новоявленных друзей.

Необходимо отметить, что срок подготовки «шахида» от 10 дней и больше, в зависимости от степени внушаемости лица и его психологической готовности стать смертником [9].

Описанная методика легла в основу подготовки исламскими террористическим подпольем Северного Кавказа «людей-бомб» в течение последних десяти-пятнадцати лет. Сначала с помощью методов религиозной психотерапии идёт так называемая подготовка «человеческого материала», после этого остаётся продумать только технические моменты. Боевики изготавливают взрывное устройство с достаточно примитивным, но мощным механизмом и размещают его на теле будущего смертника. Этот механизм приводится в действие самим «шахидом». Взрывчатка помещается в обрезки металлических труб, которые затем пришиваются под верхнюю одежду, либо могут быть упакованы в пластиковый пакет, сумку или рюкзак под видом ручной клади. Контакты, идущие от самого взрывного механизма, посредством провода выводятся непосредственно к кисти руки смертника, в карман куртки или брюк, либо к ручке сумки. Обезвредить «святого мученика», начинённого таким механизмом, и предотвратить самовзрыв является практически невозможным. Попытка правоохранительных органов или органов безопасности задержать подозрительного «правоверного», либо просто проверить у него документы может спровоцировать «умную бомбу» на радикальные действия [23, с. 61].

Невозможно точно определить, когда и при каких обстоятельствах очередной «шахид» нажмёт на кнопку взрывного устройства. Непреложным является только тот факт, что предотвратить данный теракт крайне сложно. Угроза совершения таких акций будет существовать до тех пор, пока существуют религиозные фанатики и те, кто занимается их рекрутированием и обработкой. Руководителям бандподполья Северного Кавказа подобные взрывы весьма выгодны. Террористы-смертники — высокоэффективное и рентабельное оружие, ведь для их подготовки не требуются значительные материальные затраты, а исполнители должны быть фанатично преданными и безоговорочно выполнять приказы на смерть [13, с. 102].

Социальные и психологические особенности лиц, совершающих теракты. Для профилактики и пресечения терроризма смертников особую актуальность приобретает составление социального и психологического портрета террориста-смертника, анализ его особенностей.

Чаще всего на Северном Кавказе в поле зрения ваххабитов попадают юноши и девушки 15–17 лет из бедных семей, у которых нет богатых и влиятельных родственников, и сироты. Жертвами боевиков становятся и молодые вдовы, как правило, не старше 35 лет. Также объектами бандподполья являются «правоверные» мусульмане среднего возраста, приговорённые судом шариата к смертной казни за совершение религиозных или бытовых преступлений. Как правило, такие люди оди-

ноки, не имеют близких родственников, друзей и связи с семьёй [15, с. 5].

Зачастую террористы выглядят старше своих лет. Мужчины, как правило, безукоризненно выбриты (что является своеобразной подготовкой к обряду погребения), в идеально начищенной обуви. Иногда женщины-смертницы выдают себя за беременных, что является хорошим средством маскировки, ведь тем самым они вызывают меньше подозрений. На теле «шахида» под одеждой могут быть странные (неестественные) выпуклости в области пояса. Взрывное устройство может быть замаскировано под бытовой предмет, либо спрятано в рюкзаке, сумке, даже в детской коляске. К этим вещам террорист относится с крайней осторожностью. Он держит их ближе к себе, часто непроизвольно их оцупывая. Смертник одет, как правило, в соответствии с местными условиями, стилем и погодой. Однако предметы гардероба могут и противоречить вышеперечисленному для того, чтобы разместить и скрыть на теле взрывной механизм [26].

Специалисты считают, что ни один из потенциальных смертников не характеризуется ярко выраженным намерением к самоубийству.

Тем не менее, шахид по своим, известным только ему мотивам, счастлив пожертвовать своей жизнью во имя аллаха, попутно захватив с собой на «тот свет» как можно большее число врагов «истинной веры». Чтобы совершить подобное, необходимо для начала как минимум психологически переступить через страх собственный смерти.

Психологи утверждают, что террористы боятся не самой смерти, а связанных с ней обстоятельств: ранений, беспомощности, вероятности попадания в руки властей, пыток, издевательств и т.д. Вот почему они скорее готовы к самоубийству, чем к самосохранению [13, с. 301].

Заключение. Современный терроризм — это, прежде всего, психологическая война, и смертники, на практике доказав свою «полезность» для террористического подполья, стали одним из основных неотъемлемых элементов этой борьбы, который способствует обеспечению дополнительного эффекта. Ведь, как правило, самоподрыв «живой бомбы» привлекает самый пристальный интерес средств массовой информации, а у мирного населения создаёт ощущение уязвимости, зыбкости и незащищенности перед лицом угрозы, которая может настичь их практически везде.

Смертник — идеальное «одноразовое средство доставки» бомбы. Его можно подготовить быстро и дешево. Подготовка теракта, проводимого смертником, элементарна: для этого не требуется разработка сложных планов действий, организация взаимодействия, прикрытие и обеспечение отхода: смертник заведомо идет на смерть. Кроме того, смертник может привести в действие взрывное устройство в таком месте, в то время и при таких обстоятельствах, которые гарантируют максимальное поражающее и разрушительное действие.

Портрет современного террориста-смертника имеет только две яркие черты. С одной стороны, это люди, ко-

торые, как правило, лишены постоянных тесных социальных связей. А с другой стороны, это люди, сильно подверженные влиянию. Какого-то определенного психологического профиля личности террориста не существует.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что наиболее эффективная и результативная реализация задач в сфере борьбы с суицидальным терроризмом возможна только при наличии высококвалифицированных и

опытных специалистов. Именно поэтому особо серьезное и пристальное внимание должно уделяться вопросам их обучения приемам и методам борьбы с терроризмом. Немаловажно обучать и навыкам идентификации террористов-смертников по характерным для них психологическим признакам, а также методам ведения переговоров [18; 19]. Всё это поможет существенно сократить количество жертв среди мирного населения.

Литература:

1. Бетев А.З. Женское лицо террора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-5648.html>
2. Витюк В.В. Под чужими знамёнами: Лицемерие и самообман «левого» терроризма. М.: Мысль, 2001. 206 с.
3. Витюк В.В., Эфириков С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: Наука, 2001. 315 с.
4. Губарев О.И. Тайны воздушного терроризма. М.: Вече, 2010. — С. 20.
5. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб.: Из-во «Юридический центр Пресс», 2002. 291 с.
6. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты. М.: Аспект Пресс, 2009. 286 с.
7. Змеевский А. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. 2006. № 4. С. 14–22.
8. Игнатенко А. Правоверность, доказываемая ненавистью. Ваххабизм в изложении его сторонников // Независимая газета. 2010. 14 сентября. С. 5–11.
9. Игнатов В.В. Татарстане появилась индустрия подготовки смертников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosbalt.ru/federal/2012/10/25/1050694.html>
10. Карабааги О. Технологии вербовки террористов-смертников [Электронный ресурс]. URL: <http://mishmar.info/tehnologii-verbovki-terroristov-smertnikov.html>
11. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. Изд. 6-е. Ростов н/Дону: Феникс, 2005. 537 с.
12. Ляхов Е.Г. Политика терроризма — политика насилия и агрессии. М.: Междунар. отношения, 2007. 240 с.
13. Малая война. Организация и тактика боевых действий малых подразделений: хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас. Мн.: Харвест, 2012. 512 с.
14. Матвеева А. Кавказский нерв // Родина. 2013. № 1–2. С. 177–181.
15. Миронова Е.Ю. Террористы-смертники наступают // Независимое военное обозрение. 2005. 4 апреля. С. 4–6.
16. Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М.: Юрид. лит. 2008. 239 с.
17. Мусульманские страны у границ СНГ: современное состояние, история и перспективы / Под ред. Г.В. Мионовой. М.: Из-во «Крафт+». 336 с.
18. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/03/10/borba-terrorizm.html>
19. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html>
20. Раззаков Ф. Век террора. М.: Из-во Эксмо, 2003. 480 с.
21. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. Мн.: Харвест, 2003. 816 с.
22. Трошев Г. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2002. 384 с.
23. Трошев Г. Чеченский рецидив. Записки командующего. М.: Вагриус, 2003. 384 с.
24. Фатуллаев М. Российский Северный Кавказ — мощный плацдарм пантюркистского влияния // Независимая газета. 2005. 17 июля. с. 11–17.
25. Фочкин О. 11 сентября 2000 год: Первый день новой эры / О. Фочкин, А. Яшлавский. — М.: Тайдекс Ко, 2001. — 352 с.
26. Штейнберг М.С. Заряд для «пояса шахида» [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-bazaar.com/ru/content/30124.htm>
27. Юдина О.А. Ислам и политика. М.: Институт Востоковедения РАН, «Крафт+», 2010. 420 с.
28. Юзик Ю. Невесты Аллаха; лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России. М.: Ультра, Культура, 2003. 218 с.
29. Hoffman B. The Logic of Suicide Terrorism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2003/06/the-logic-of-suicide-terrorism/302739>

30. Schweitzer Y. About suicide terrorism and Al-Qaeda [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agentura.ru/english/experts/schweitzer>

Становление украинского направления во внешней политике США начала XX века

Шамраева Валентина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент

Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Данная публикация посвящена рассмотрению основных этапов формирования внешнеполитической концепции США в украинском вопросе в течение первых десятилетий двадцатого века. Проблематика рассматривается через призму внешних и внутренних факторов, которые влияли на выработку стратегии и принятия решений по украинскому вопросу после Первой мировой войны когда США постепенно превращались в ведущего игрока мировых международных отношений.

Ключевые слова: украинско-американские межгосударственные отношения, внешняя политика, внешнеполитическая доктрина.

Изучение основных тенденций современных украинско-американских отношений требует глубокого анализа их исторических истоков. Украинский вопрос во внешней политике США появился относительно недавно — в первые десятилетия XX в. Активно процесс отделения украинского направления от общероссийского начался в процессе работы Парижской мирной конференции, где США принимали активное участие в формировании версальской системы международных отношений, а дипломаты Директории УНР боролись за признание независимости украинской государственности.

Переходя к анализу первых этапов формирования внешнеполитической доктрины США и определения их интересов следует отметить, что на начальном этапе государственного строительства в Соединенных Штатах для защиты своей независимости и для определения зоны национальных внешнеполитических интересов была разработана так называемая доктрина изоляционизма. Эта внешнеполитическая доктрина была закреплена в резолюции конгресса в 1783 году. «Настоящий интерес... штатов требует, чтобы они как можно меньше втягивались в политику и противоречия европейских государств» провозглашалось в резолюции [1, с. 136.]. В то же время США провозглашали зоной своих доминирующих внешнеполитических интересов весь Американский континент.

В таком виде доктрина изоляционизма была утверждена как базовая официальная доктрина внешней политики США и на рубеже XIX и XX вв. Такая позиция способствовала быстрому росту внутреннего и внешнего потенциала государства, это возможно и обеспечило их дальнейшее быстрое продвижение к статусу сверхдержавы в XX в. С течением времени в середине американской политической элиты начала оформляться и утверждаться новая внешнеполитическая доктрина — интервенционализм, который был полным антиподом изоляционизма. Практическая плоскость этой доктрины заключалась в выходе США и на европейскую арену в качестве актив-

ного субъекта международных отношений, американским руководством обосновывалось участие страны в решении европейских международных проблем. Первым наиболее ярким шагом на пути внедрения интервенционализма можно считать позицию В. Вильсона на завершающем этапе Первой мировой войны и особенно его известные «14 пунктов», которые определяли основные подходы к американскому видению послевоенной системы мировых международных отношений, их базовых принципов и механизмов реализации межгосударственного сотрудничества. Но как известно во время заключительного периода Парижской мирной конференции США, в силу внутривнутриполитических факторов, снова вернулись к доктрине изоляционизма. Вообще первую половину XX века можно считать периодом борьбы этих двух подходов в американской политической элите при формировании внешней политики страны.

Следует отдельно подчеркнуть, что до начала Первой мировой войны во внешней политике США понятие «украинский вопрос» или «украинское направление внешней политики» не существовало. Официально Украина была признана terra incognita для американской элиты, а украинские проблемы рассматривались как составная часть русского вопроса. Но в конце Первой мировой войны при проведении Парижской мирной конференции США играли значительную роль в разработке и принятии решений по украинскому вопросу, поэтому изучение и принятие во внимание позиций американского руководства было важным для украинских делегатов от правительств УНР и ЗУНР.

США в тот период традиционно руководствовались приоритетностью федерализма в подходах к государственному устройству из-за чего перед украинским руководством стояла сложнейшая задача — добиться хотя бы декларативного признания права на существование украинской государственности от американских представителей на Парижской мирной конференции и их поддержки

в дискуссиях по украинскому вопросу, которые шли на этом международном форуме.

При проведении мирных переговоров на Парижской мирной конференции в США постепенно формировалось представление о проблемах украинской государственности и выработывалась определенная позиция при принятии решений по этой проблематике. Здесь сложилась двусмысленная ситуация, потому что с одной стороны в «14 пунктах» В. Вильсона было признано право наций на самоопределение, а с другой в своей политике США традиционно руководствовались отстаиванием федералистического подхода к государственному устройству, в том числе и будущего реформированного Российского государства. Исходя из этих обстоятельств понятной была сдержанность Вашингтона при определении своей позиции относительно стремления украинцев создать свое независимое государство.

После провозглашения независимости Украины универсалом Центральной Рады в 1917 году США объявили территорию УНР — зоной безразличия при определении национальных интересов США и признали там преимущество интересов западноевропейских государств — прежде всего Франции и Великобритании, которые в свою очередь полуофициально поделили сферы влияния в бывшей Российской империи.

Закономерной была настороженность Вашингтона к сообщениям о борьбе украинского народа за государственную самостоятельность в 1917. Она воспринималась как проявление гражданской войны в единой России. В 1919 г. американский дипломат Полк объяснял послу УНР в Лондоне А.Марголину «Украина является чем-то вроде нашего Юга, а Россия в украинско-российском конфликте выступает в роли нашего Севера. Вот почему вся украинско-русская борьба напоминает нам американскую гражданскую войну» [2, с. 5.]. Американские лидеры ставили на первое место не правовой, а политический аспект, основанный на таком правиле Верховного суда США: «Кто является сувереном де-юре или де-факто над территорией — это не правовой, а политический вопрос» [3, с. 15].

Даже будучи причастными к осложнениям вокруг «украинского узла» в 1917–1919 гг., США не осуществляли отдельного внешнеполитического курса по Украине. Вашингтон рассматривал его как составляющую своей российской политики. В определенной степени можно говорить только о политике Соединенных Штатов в «украинском вопросе». В глобальных интересах США продолжали причислять Украину к «зоне безразличия». Даже в программных заявлениях В. Вильсона, полных приверженности к национальному самоопределению народов, «украинскому вопросу» отдельного места не нашлось. В отношении В. Вильсона к УНР перевесило нежелание усложнять политический выбор для Америки. Существовали опасения, что неточно избранный приоритет приведет к нежелательному конфликту с Россией в будущем.

В «украинском случае» имеем дело со специфической

тормозной триадой: приоритет для американского бизнеса экономических отношений с Россией, на начало XX в. выходы из Украины (около 500 тыс. чел.) не могли кардинально влиять на позицию США, среди украинских эмигрантов преобладали сторонники социалистической идеи. Против украинской независимости был и госдепартамент во главе с Р. Ларсингом. Он основывал свои оценки на произвольных толкованиях политической ситуации в России разведывательными службами и дипломатами США. Имели место примитивизированные представления и поддержка распространяемых русской пропагандой определений украинской самостоятельности как «немецкой авантюры».

Со своей стороны руководители УЦР не выработали четкой позиции относительно Соединенных Штатов. Мимо их внимания прошла принятая весной 1917 Конгрессом и подписанная В. Вильсоном резолюция 52 об украинском дне в США. «Речь в себе» остались выступления в Конгрессе авторов резолюции которые называли украинцев «образцом нового народа», «забытой расой», нацией, настолько уже определенной, как и поляки, русские или болгары [4, с. 11]. Но через полтора года, когда обсуждался далеко идущий проект резолюции по украинскому вопросу, его текст не вышел за пределы соответствующего комитета. Полный текст известных «14 пунктов» Вильсона на Парижской мирной конференции в руки украинских политических лидеров так и не попал [5, с. 59.]. И когда летом 1918 г. в Капитолии обсуждали идею «русского легиона», конгрессмены были почти единодушны в том, что он должен служить делу США и единой России.

Во время проведения Парижской мирной конференции США все же вынуждены были как-то определиться в украинском вопросе так как активно участвовали в разработке и принятии решений которые непосредственно касались украинской проблематики.

После многочисленных запросов и демаршей украинской делегации США вынуждены были окончательно определить свою позицию относительно Украины. Война за независимость украинского народа в то время воспринималась американским руководством как проявление гражданской войны в единой России.

Переходя к общей характеристике внешнеполитической стратегии США в украинском вопросе в период борьбы украинского народа 1917–1920 лет следует отметить, что даже будучи непосредственно причастными к осложнениям вокруг «украинского узла» в центре Европы в то время, США не проводили отдельного курса по Украине. Обычно проблемы касающиеся Украины Вашингтон рассматривал в контексте российской политики, как ее составляющую и неотъемлемую часть. Лишь в отдельных случаях можно говорить о политике США в «украинском вопросе», например, во время проведения Парижской мирной конференции. При определении своих глобальных внешнеполитических интересов США относили Украину к так называемой «зоны безразличия». По-

казательны в этом вопросе стали программные заявления американского руководства и «14 пунктов» В. Вильсона, которые были определением американского видения послевоенного устройства мира и преданности принципу «самоопределения наций». Через этот принцип сторонники американской концепции интервенционализма рассчитывали облегчить США выполнение глобальной задачи по открытию и завоеванию новых рынков сбыта для американского бизнеса, который в то время проходил стадию быстрого развития, получив значительные субсидии от военных заказов во время Первой мировой войны.

В этих внешнеполитических документах украинскому вопросу не нашлось места потому существовали достаточно обоснованные опасения что неточно избранный приоритет во внешнеполитической ориентации приведет к конфликту с Россией. В то время В. Вильсон не желал из-за поддержки УНР осложнить политический выбор для Америки и именно отсюда исходит осторожное отношение к направленности и сущности «русской политики».

На формирование такой стратегической линии влияли и два главных фактора. Во-первых, это отношение США к украинскому вопросу, которое формировалось в целом комплексе внутренних американских факторов, и во-вторых это работа украинского руководства по популяризации украинской национальной идеи и идеи самостоятельности украинского государства среди мирового сообщества.

Решающая попытка построить отношений с Соединенными Штатами была осуществлена только представителями Директории на Парижской мирной конференции, где делегаты УНР вынуждены были действовать в кулуарах. К сказанному следует добавить и недостаток, даже на начало 1919 г., четкой внешнеполитической программы у лидеров УНР. О причинах этого ясно высказался Винниченко: «Да и Антанты, стоявшей в Одессе, было боязно, да и немцев страшно, да и опасно большевиков» [6, с. 46].

В условиях внешней агрессии и фактически тотальной войны Директория включила в свою Декларацию от 26 декабря 1918 аморфное положение: «В сфере международных отношений Директория стоит на почве полного нейтралитета» [7, с. 52 об.] Попытка занять позицию стороннего наблюдателя, когда решался статус-кво в Европе, означала самоустранение с политической арены, где в то время происходило формирование послевоенной системы международных отношений.

Шанс на налаживание связей с США был. Американские аналитики предупреждали свое правительство о недопустимости абсолютизации русских антибольшевистских сил. Аналитическая группа «Инквайери», созданная В. Вильсоном, утверждала безальтернативность независимости «нерусских национальностей», поддержку суверенитета Украины, присоединение Восточной Галиции к УНР и даже проведения там плебисцита. Также группа «Инквайери» в 1919 рассматривала Крым как часть Украины. Но руководители США, в немалой степени учитывая нерешительность руководства УНР, выбрали

другой путь — поддержки Польши.

В межвоенный период на пути окончательного снятия информационной блокады вокруг украинского вопроса стало и отсутствие действительно признанного международным сообществом представительства Украины. Официальная позиция Вашингтона в то время базировалась на верховенстве американских национальных интересов. Их защита связывалась с сохранением единого и неделимого Российского государства. Эта концепция была столь признанной среди американского руководства, что даже была недооценена угроза большевизма. Получить реальную и эффективную поддержку со стороны США, рассчитывать на равноправные и стабильные отношения с их государственными деятелями могли лишь те руководители национально-освободительных движений, которые это четко понимали и руководствовались данными принципами в своей практической деятельности.

В деятельности Лиги наций в межвоенные годы украинский вопрос сводился к декларации «минимальных гарантий» прав национальных меньшинств автохтонным украинцам проживавшим в Польше, Румынии и Чехословакии, а США окончательно вернулись к доктрине изоляционизма. Примерно на два десятилетия Украина почти полностью исчезает с повестки дня американской внешней политики.

Ситуация изменилась в середине 30-х годов, Когда из-за кризисных явлений в европейских международных отношениях среди отдельных американских чиновников постепенно появлялся интерес к украинским проблемам. И все же в американской дипломатии отдельного курса по украинскому вопросу в межвоенные годы не выделилось. В тех случаях, когда украинский вопрос попадал в круг интересов, рассматривался он как вторичная составляющая советской политики в целом.

После начала Второй мировой войны у украинских националистов не было оснований рассчитывать на реальную поддержку со стороны США и их союзников не только по причинам вхождения последних в антигитлеровскую коалицию вместе с СССР, но и потому, что они не воспринимались как существенная политическая сила, а когда Западные государства контактировали с ОУН, речь шла лишь о том, чтобы воспользоваться ее возможностями в борьбе с Германией, а затем, возможно, и с СССР. Позиция США в этом вопросе была основана на опасении, что содействие развалу СССР может нанести ущерб национальным интересам Соединенных Штатов потому что его распад неизбежно приводил к созданию новых государств, а затем возникли бы дополнительные проблемы для Государственного департамента. Как и в 1917–1920 гг. сдержанная позиция США в украинском вопросе происходила и от раскола украинского населения и отсутствия единства политических сил, которые боролись бы за украинскую государственность.

В Конгрессе США украинский вопрос с началом Второй мировой войны поднимался основном из соображений привлечения голосов избирателей украинского

происхождения (в то время в стране проживало более 800 тыс. выходцев из Украины и их потомков). Закономерно, что дальнейшее появление украинского вопроса в дискуссиях американского политикума периода Второй мировой войны преимущественным образом было связано с деятельностью ОУН-УПА и ситуацией в эмигрантской среде. В основном это были тайные аналитические материалы для внутреннего пользования сотрудников Госдепартамента и других правительственных структур, в которых рассматривались причины и истоки украинского нацио-

нально-освободительного движения, отдельные аспекты истории Украины и т.п.

В окончательном варианте на первый план в политике США вышло стремление не переступать определенных границ в отношениях с Советским Союзом. В последующие годы роль США в украинском вопросе была сведена в основном к идеологическому влиянию на украинский народ и принятие решений на разных уровнях государственной власти, согласно которым Украина признавалась поработанной.

Литература:

1. Україна доби Директорії УНР. — Мюнхен, 1966. — т.т.1–7. — Т. 7.
2. ЦДАВОВУ. — Ф. 1429. — Оп.1. — Спр.21.
3. ЦДАВОВУ. — Ф.1429. — Оп.1. — Спр.34.
4. Україна в міжнародній політиці. — Кам'янець, 1919.
5. Павлюк О.В. Боротьба України за незалежність і політика США (1917–1923). — К., 1996.
6. Винниченко В. Відродження нації. — Київ-Відень, 1920. — Ч.3.
7. ЦДАВОВУ. — Ф.1429. — Оп.1. — Спр.4.

ИСТОРИЯ

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы в городе Славянске-на-Кубани: историко-архитектурный аспект изучения

Береговина Надежда Борисовна, аспирант
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

На берегу реки Протоки в дельте Кубани раскинулся один из городов Краснодарского края, известный как Славянск-на-Кубани. Истокам возникновения населенного пункта, способствовали генуэзские купцы, обосновавшиеся на этой территории еще в XII в.

В период Российской Империи, на месте бывшей турецкой крепости Копыл, образовалось казачье поселение, получившее в 1856 г. статус станицы и наименование Славянская, присвоенное в честь Славянского гусарского полка, проходившего здесь пограничную службу в 1774—1778 гг. Весной 1958 г. станицу, изменив ее название, преобразовали в город Славянск-на-Кубани, который динамично развивается вплоть до настоящего времени.

Согласно сложившейся традиции в Кубанской области, глубоко чтимой русскими казаками, на момент основания поселения, при возможности, сразу строилось здание православного храма, изначально часто сооружавшееся небольшим и деревянным. Тем не менее, уже дореволюционные авторы связывали возведение величественных храмов в кубанских станицах с особой казачьей религиозностью. [1, с. 283] О строительстве старых церквей на Кубани, протоиерей Отец Никита (Гаврильчик), построивший два храма в городе Славянск-на-Кубани и возводящий третий в поселке Совхозный, сказал: «Раньше всю работу делали с особой молитвой, каждый кирпич при строительстве церкви клали с верой в душе, потому и место, где воздвигалось храмовое здание и сам храм, были необыкновенными, намоленными, невероятной силой обладали».

С обветшанием прежних церковных построек и увеличением роста населения в поселениях Кубанской области на конец XIX — начало XX вв. пришелся пик строительства каменных храмовых зданий, по сути, определивших самобытную стилистику культовых сооружений Краснодарского края.

За время существования станицей, в городе Славянске-на-Кубани возвели три храма, первый из них, разобранный в 1936 г., был деревянный, освященный в честь Святого великомученика Пантелеймона Целителя

и возвышался в центре станицы. В начале XX в. началось строительство двух каменных церквей, посвященных Святому Николаю Чудотворцу и православному празднику Успения Пресвятой Богородицы. В годы Великой Отечественной Войны каменное здание храма Святого Николая Чудотворца, находившиеся в центральной части станицы, сильно пострадало, в результате чего, было принято решение его снести. По сведениям протоиерея Отца Никиты (Гаврильчика), на северо-восточной окраине станицы, при сельском погосте, в 1907 г. произвели закладку храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Место под строительство храмового здания, выбиралось старейшинами поселения, как особое, расположенное на естественном возвышении рельефа. Сообразно с древним обычаем совершать на кладбищах богослужения, и в настоящее время при кладбищах устраиваются церкви и часовни, — писал выдающийся архитектор Н.В. Покровский. [2, с. 577] Великолепный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы воздвигли в 1912 г. согласно проекту городского архитектора А.П. Косякина. Александр Петрович много строил не только в Екатеринодаре, но и в кубанских станицах. [3, с. 50] Тот же проект был положен в основу строительства храма во имя Святой Троицы, расположенный в станице Казанской, так как архитектор получил заказы на сооружение церквей одновременно.

С 1930 г. храмовое здание Успения Пресвятой Богородицы, отданное под зернохранилище, было недоступно прихожанам, но его значение для православных верующих восстановили, открыв храм в 1943 г. во время Великой Отечественной войны. Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, в полуразрушенном состоянии, принял Отец Никита (Гаврильчик), став его неизменным настоятелем с 1970 г., под его руководством начались работы по восстановлению здания храма. В течение длительного времени, понадобившегося для воссоздания утраченного облика храма в честь Успения Пресвятой Богородицы, все практические решения, необходимые при проведении архитектурно-строительных мероприятий, принимались протоиереем Отцом Никитой (Гавриль-

чиком) самостоятельно. Благодаря усилиям настоятеля, сейчас воздвигнут храмовый комплекс в составе четырех зданий — собственно храма, здания православной библиотеки (трапезной), крестильного храма в честь Святого праведного Иоанна Кронштадтского, построенного первым¹ на Кубани, и воскресной школы. Занимая одну из наиболее выгодных точек городского рельефа, общая высота центрального четверика (включая барабан с куполом и крестом) храма в честь Успения Пресвятой Богородицы равна 32 м., определив своей четкой вертикалью средоточие комплекса, расположенного на благоустроенной территории, вымощенной тротуарной плиткой, среди пешеходных зон которой, высажены сосны и фруктовые деревья.

Стилистический образ храма в честь Успения Пресвятой Богородицы представлен версией русского стиля, основанной на мотивах византийского зодчества и русской архитектуры XVII в., без акцентирования византийского влияния, в большей мере присущего внешнему облику храма во имя Святой Троицы станицы Казанской. Несмотря на визуальную оценку сложности, архитектурно-художественной композиции экстерьера храмового здания Успения Пресвятой Богородицы, которая впечатляет торжественно оригинальным декором входов, оконных наличников и самих стен, основой является предельно лаконичная объемно-пространственная структура.

Общий объем церковного здания Успения Пресвятой Богородицы, вытянутого вдоль своей продольной оси, составляет в длину около 34 м., отмечая разницу длины 6 м. в сторону увеличения, по сравнению с однотипным храмом во имя Святой Троицы в станице Казанской. В поперечном направлении ширина храмового здания Успения Пресвятой Богородицы ограничена пределами размера 20,7 м, опередив на 3,4 м. тождественный храм. Оба церковных здания имеют существенный проектный недостаток, в них не предусмотрены хоры для певчих.

Из кирпича выполнены стены храма в честь Успения Пресвятой Богородицы, которые опираются на ленточный фундамент толщиной около 2 м. Цоколь стен церковного здания облицован натуральным необработанным (диким) камнем.

Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, имея несоответствие в размерах с храмовым зданием во имя Святой Троицы в станице Казанской, сохраняет черты идентичности общих проектных приемов, использованных в объемно-планировочном и архитектурно-художественном облике церквей. Композиции храмов выстроены пирамидально.

Основная кубическая масса храма в честь Успения Пресвятой Богородицы покрыта двухъярусной кровлей, первый уровень которой венчают четыре граненых позолоченных шатра с крестами, стоящих на невысоких восьмигранных барабанах декорированных полукру-

глыми кокошниками, расположенных по краям диагоналей куба. Второй ярус представляет параллелепипед меньшего размера, в углах которого находятся сложно декорированные глухие шеи, увенчанные главками луковичной формы с крестами. Возвышающийся над ними центральный цилиндрический световой барабан, поддерживает купол луковичной формы, завершенный крестом, в подножии которого устроен полумесяц. На позолоченных покрытиях шатров и куполов имитирована черепица. Изящный высокий барабан, поддерживающий центральную главу, декорирован полуколонками в интерпретации с византийскими кубоватыми капителями, оканчивающимися полукруглыми завершениями, представляя замкнутую ленту своеобразных арок, внутри которых находятся полуциркульного очертания оконные проемы. Для глухих шей, несущих малые главки, декор продублирован, но в облегченном варианте. В отличие от очевидной восьмигранной формы главного барабана церкви во имя Святой Троицы в станице Казанской, цилиндрическим по внешнему виду барабанам храма Успения Пресвятой Богородицы, способствует оптический эффект, выраженный в сильном нивелировании углов этих объемов. У основания, сохраняя многогранник, граненые формы, набирая высоту, к своему завершению полностью теряют интенсивность, поглощаясь чистым объемом цилиндров, в которые они интегрируются. Белые оштукатуренные стены храма Успения Пресвятой Богородицы, с мягким выделением на них декоративных деталей с помощью охристых и коричневых оттенков цветового колорита, смягчают грани чередующихся форм, создавая монолитный силуэт целостного здания, выглядящего легким и вытянутым ввысь. Фасады церковного здания декорированы выступающими элементами фигурного кирпича, который использовался в наличниках окон, обрамлении входов, устройстве карнизов и декоративном убранстве подкарнизных пространств. Среди примененных орнаментальных мотивов сухарики, арочные и с ширинками пояски, кресты греческой и латинской конфигурации, широкий пояс из греческих борозд.

В центральной части северного и южного фасадов использованы угловые лопатки, декорированные ширинками, которые подчеркивает оригинальная центральная композиция надоконного карниза с трехчастным окном, обрамленным полуколонками с кубоватыми капителями, выдержанными в общем стиле церковного здания Успения Пресвятой Богородицы, завершает целостность образа большой кокошник, по краю которого проходит бороздчатый пояс.

Из восточной стены храма в честь Успения Пресвятой Богородицы выступает граненая апсида, поддерживаемая параллелепипедами угловых ячеек, очевидно выраженных в планировочной структуре здания, в отличие

¹ Речь идет о первом храме, сооруженном как крестильный, тогда как статус первого казачьего храма на Кубани относят к возведенному в Тамани.

от храма во имя Святой Троицы в станице Казанской. В боковых гранях алтарного выступа прорезаны оконные проемы полукруглой формы. Декоративная ниша полукруглого очертания занимает центральную часть стены, завершённую полукруглым кокошником.

Звонницу трехъярусной колокольни, надстроенной над западным притвором, составляют двенадцать колоколов. Расстояние, отодвинутой от главного четверика храма Успения Пресвятой Богородицы почти на 6,5 м. колокольни, компенсировано рукавом, соединяющим два объема в целостную объемно-планировочную структуру здания. В отделке наружных стен, как западного притвора, так и восточных угловых ячеек, использованы лопатки, копирующие выступы центрального четверика, декорированные ширинками по всей высоте. Венчает колокольню купол луковичной формы с крестом.

С каждой из четырех сторон к храму в честь Успения Пресвятой Богородицы примыкает крыльцо с парапетом. Парадная западная лестница, шириной почти 4,5 м, ведет на вместительную площадку седьмой ступени, к входу, выполненному с полукруглой вырезкой для двери, представляющей тип веерного окна. Стилистика, в которой выполнен перспективный портал, декорированный сдвоенными колонками со стилизованными византийскими кубоватыми капителями, выполненными в антитетической композиции и, имеющий круглый медальон, с живописной фреской на христианскую тему Успения Пресвятой Богородицы над старинной входной дверью, как и колокольня церковного здания гармонично соответствует центральному объему храма, повторяя основные элементы декоративного убранства.

По характеру организации внутреннего пространства храмовое здание Успения Пресвятой Богородицы относится к типу четырехстолпного крестово-купольного храма, но с особенностью образования второй пары вертикальных опор, путем выступов, при пересечении продольной и поперечной стен. Они поддерживают световой барабан с куполом, переходы к которому заполнены парусами, поддерживающими выполненное по типу усеченного купола нижнее опорное кольцо барабана, набранного из восьми трапециевидных сегментов, что соответствует объемно-планировочному решению, примененному в церкви во имя Святой Троицы в станице Казанской. Разновеликие рукава четырех прямоугольных параллелепипедов, перекрытых цилиндрическими сводами и ориентированных по сторонам света, примыкают к центральному кубическому объему храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. При присоединении западного крыла к южному и северному рукавам, посредством «ступенчатого» пересечения продольной и поперечной стен образуются дополнительные угловые выступы экстерьера, объемы которых внутри храма в честь Успения Пресвятой Богородицы имеют плоский потолок, образуя параллелепипеды, что выявляет несовпадение с планировочной структурой храма во имя Святой Троицы в станице Казанской. В храмовом сооружении Успения Пресвятой Богородицы, за-

падный притвор перекрыт плоской плитой, за дверью одного из его вспомогательных помещений, расположенных в антитетической композиции, скрыта лестница, ведущая в звонницу колокольни.

Интерьер храма в честь Успения Пресвятой Богородицы почти ничего не имеет от первоначального убранства, за исключением частично сохранившегося деревянного пола идентичного дощатому покрытию в храме во имя Святой Троицы станицы Казанской и входных дверей западного притвора. Изящное позолоченное паникадило доставлено из Софрино в 2007 г. Для храма в честь Успения Пресвятой Богородицы в 2007 г. из твердых пород дерева: бука, липы, платана и дуба был выполнен трехъярусный резной иконостас, толщиной 50 мм алтарная преграда с обратной стороны защита деревянными планками и расписана живописными панно на евангелистские сюжеты. Искусный белорусский мастер, работавший над иконостасом, изящно декорировав его витыми позолоченными колонками с капителями и богатым орнаментом, продолжил традицию украинских и белорусских резчиков, услугами которых пользовался еще патриарх Никон. В Россию искусство ажурной барочной резьбы попало вместе с мастерами из Украины и Белоруссии виртуозно овладевшими новыми приемами техники работы по дереву (флемской резьбой), пришедшей из Голландии и Фландрии. С левой и правой стороны от алтарной преграды расположены деревянные резные клиросы, выполненные по типу иконостасов.

Рис. 1. Иконостас в интерьере храма в честь Успения Пресвятой Богородицы

Навсегда утрачены живописные композиции прежней росписи, существовавшей в интерьере до разорения храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Двое современных московских художников расписали вновь оштукатуренные поверхности стен храмового здания согласно канонам русского православного искусства.

В парусах выполнено традиционное изображение четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки, Иоанна, тогда как в нижней части барабана, в восьми наклонных сегментах, образующих опорное кольцо, расположены круглые медальоны со святыми ликами. Роспись в куполе напоминает о небесном мире и улыбающихся оттуда ангелах. На столпах крестчатой формы представлены фигуры святых, написанные в полный рост. В живописном декоре интерьера храма Успения Пресвятой Богородицы использован пышный растительный орнамент и скромный геометрический узор. Стенная роспись ограничена сплошной панелью нижней части стен, созданной с помощью светло-коричневой краски и декорированной, в тон основного цвета, «полотенцами» с орнаментом и растительными завитками. Круглые окна северного и южного фасадов (рукавов) главного четверика являются витражными, выполненными с изображением греческого креста.

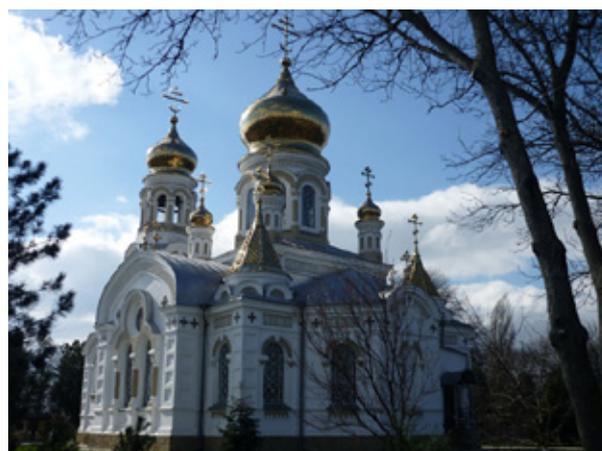

**Рис. 2. Подвижник храмового строительства.
Протоиерей Отец Никита (Гаврильчик)**

В западном крыле храма Успения Пресвятой Богородицы над полуциркульными арками, по замыслу Отца Никиты (Гаврильчика), были сделаны декоративные полукруглые выемки визуальное облегчающее стену и красиво обрамляющие арочные проемы, симметрично образованные простенком и крестчатым столпом по обе стороны западного входа в интерьере храма.

Литература:

1. Дело мира: очерки истории культуры и православия Кубани/ науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009.
2. Покровский Н.В. Иллюстрированная энциклопедия христианского искусства. Москва, 2009.
3. Бардадым В.П. Зодчие Екатеринодара. Краснодар, 1995.

**Рис. 3. Храм в честь Успения Пресвятой Богородицы
в городе Славянск-на-Кубани**

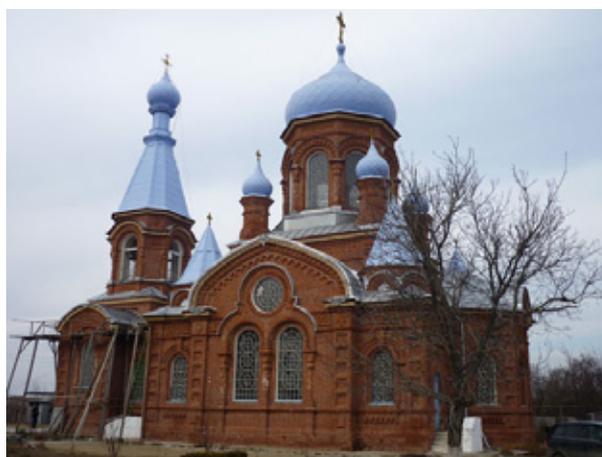

Рис. 4. Храм во имя Святой Троицы в станице Казанской

Являющиеся однотипными храм в честь Успения Пресвятой Богородицы в городе Славянск — на — Кубани и храм во имя Святой Троицы станицы Казанской, сохранив черты общего решения объемно-планировочной структуры и характерные особенности единого архитектурно-художественного образа выбранного для зданий, отличаются несовпадением размеров по длине, ширине и высоте сооружений. Имеют существенную разницу в стилистическом облике колоколен и выразительности вспомогательных объемов, отображенных во внешнем образе церковных построек. В использовании декоративных форм и деталей, как в экстерьере, так и интерьере храмовых зданий, их наружная и внутренняя отделка наиболее проявляют индивидуальные особенности каждого из храмов.

Троллейбус как вид пассажирского транспорта: к истории возникновения и развития

Горшенин Александр Владимирович, студент
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)

Развитие одного из популярных видов городского пассажирского транспорта — троллейбуса, имеет интересную и продолжительную историю. Идея устройства «безрельсового трамвая» практически была осуществлена впервые фирмой Сименс-Гальске, построившей в 1882 г. троллейбусную линию в пригороде Берлина — Шпандау (см. рис. 1). Имеются сведения, что в том же 1882 г. американцем Финни из Питтсбурга был предложен тип электрического омнибуса, работа которого основывалась на принципе получения энергии от контактных проводов. В 1891 г. была открыта троллейбусная линия в Билятеле у Кенигштейна-на-Эльбе (см. рис. 2), организатором и инициатором этой линии и целого ряда последующих был немецкий инженер Шиман [1, с. 7].

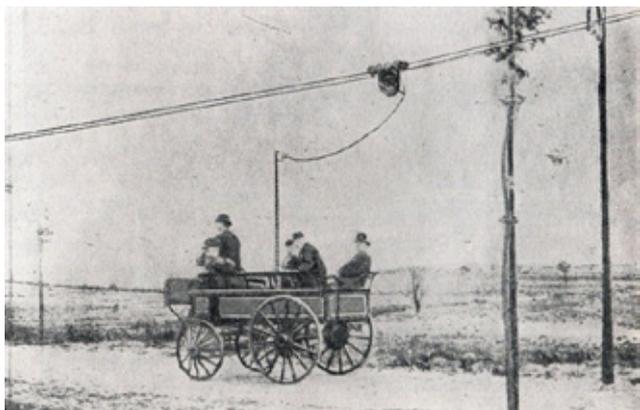

Рис. 1. Первый троллейбус Сименс-Гальске

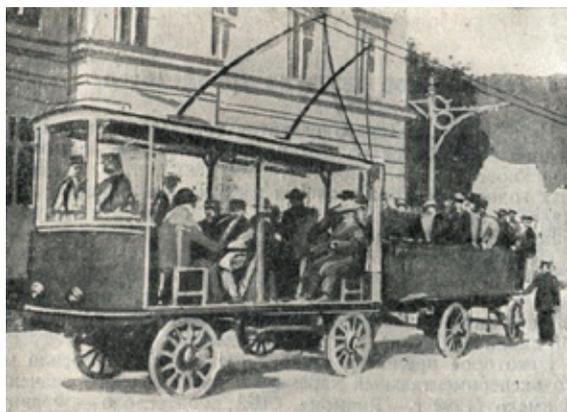

Рис. 2. Троллейбус в Билятеле (1901 г.)

Таким образом, родиной этого вида транспорта можно считать Германию. Естественно, что изначально именно здесь троллейбусное сообщение получило наибольшее распространение. За период 1882–1914 гг. в Германии возникло до 20 троллейбусных предприятий, но позже они прекратили своё существование.

Несколько позднее чем в Германии, но всё же до начала Первой мировой войны, использование троллейбусов началось в Англии, Франции и Италии [1, с. 12].

В начале XX в. вопрос организации троллейбусного сообщения начинает интересовать и США. В 1902 г. в Америке была сделана установка, отличающаяся от немецкой тем, что имела два лучевых токоприемника с роликовым контактом, причем ролики были расположены в горизонтальной плоскости. Давление роликов на провода осуществлялось через штанги токоприемников при помощи пружин, помещённых на основании токоприёмников. Пружины, создающие давление роликов на провод, работали в горизонтальной плоскости. Это устройство можно увидеть на экспериментальном американском троллейбусе (см. рис. 3), который был пущен в эксплуатацию 2 ноября 1902 г. в г. Скрантоне (штат Пенсильвания) на пути протяжённостью 250 м. [2, с. 20]

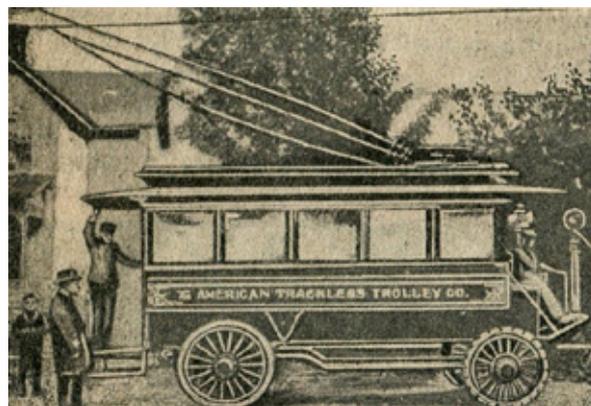

Рис. 3. Экспериментальный троллейбус в США

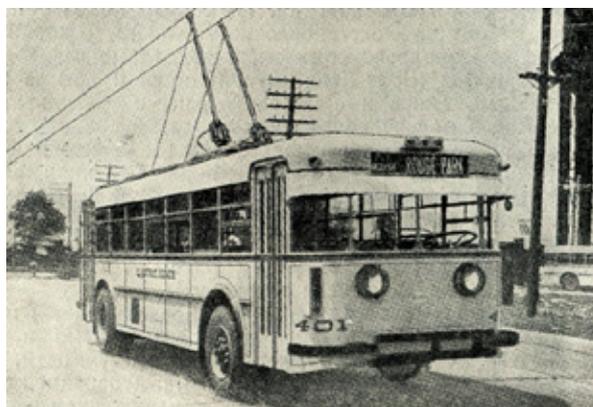

Рис. 4. Американский троллейбус «Туин Коч»

Наиболее широкое распространение и развитие троллейбусы получили уже после Первой мировой войны. Это объясняется целым рядом причин технического и экономического порядка. К их числу следует отнести успехи в

области автостроения, в области производства тяжелых машин, достижения которых могли быть перенесены в конструкцию троллейбусов. Были осуществлены удачные конструкции токоприемника и воздушной проводки, наряду с применением пневматики и улучшения качества дорог, эти обстоятельства резко изменили структуру троллейбуса, как средства сообщения, сделали его экономическим видом транспорта и обеспечили начало его широко распространения.

Какими же преимуществами обладал троллейбус?

Троллейбус не загрязнял воздух отработанными газами, как автобус, работал бесшумно и обладал большей маневренностью, чем трамвай: троллейбус мог свободно объезжать остановившийся автомобиль. Троллейбус способен быстро набирать скорость и останавливаться как автобус, у тротуара. Строительство троллейбусных линий обходилось дешевле, чем трамвайных путей [3, с. 164].

К 1931 г. в Англии троллейбусное сообщение имелось в 36 городах с длиной линий в 400 км и количеством машин более 600 единиц; в США троллейбусы эксплуатировались в 20 городах, общая длина сети насчитывала 420 км при имевшихся 266 троллейбусов (см. рис. 4). В других же странах к этому времени троллейбусное сообщение имелось лишь в виде отдельных линий с небольшим числом троллейбусов [4, с. 3].

В России до революции царский режим не беспокоился о нуждах населения, поэтому ни о каком развитии троллейбуса говорить не приходится. Только трамвай сумел пробить себе дорогу, да и то, не во многих городах. Лишь советское правительство задумалось о широком развитии общественного транспорта. Преодолев последствия первой мировой и гражданской войн — разруху, голод и техническую отсталость, в начале 1930-х гг. в Советском Союзе также решили организовать троллейбусное сообщение. Пионером в этом выступила, конечно же, столица. Первая линия, протяженностью 7 км была пущена в Москве 7 ноября 1933, как опытная линия. В постройке самих троллейбусов и линии приняли участие свыше десятка предприятий и заводов: НАТИ, Динамо, завод им. Сталина, Ярославский автомобильный завод, СВАРЗ, АРЕМАЗ, тормозной завод, завод «Изолятор», мастерские электрохозяйства Московского трамвая.

Первый советский троллейбус получил название «ЛК» в честь видного партийного и государственного деятеля, инициатора открытия троллейбусного сообщения в Москве — Лазаря Кагановича (см. рис. 5).

Организация троллейбусного сообщения в Москве была весьма затруднительной в связи с узостью и искривленностью улиц, при всё более увеличивающемся движении автомобилей и городского транспорта. Непосредственные трудности при организации троллейбусной линии вызывали частые пересечения с трамвайными путями и контактной сетью, подвеска поворотных колес, приспособление арматуры, да к тому же отсутствие такого опыта у советских техников. Первую опытную линию об-

служивали только два троллейбуса, которые успели построить к тому времени [5, с. 20].

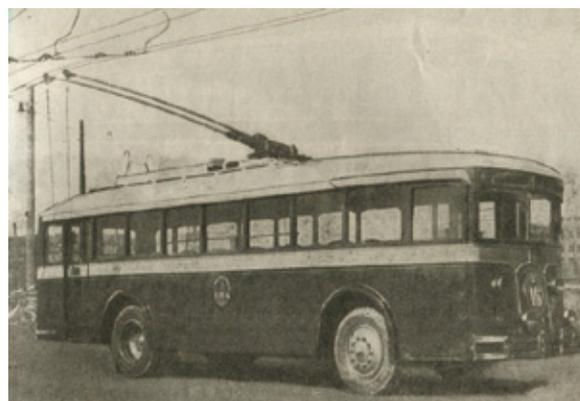

Рис. 5. Первый советский троллейбус «ЛК»

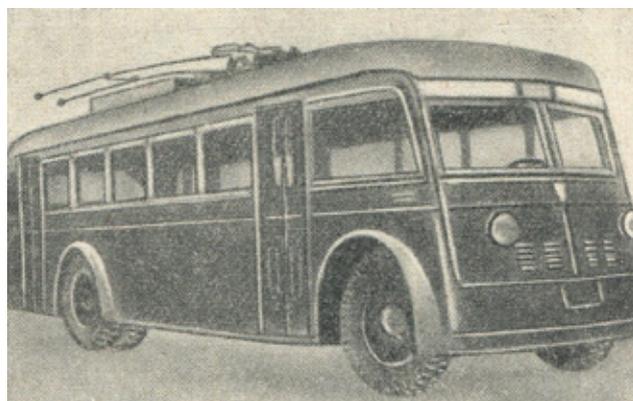

Рис. 6. Советский троллейбус «ЯТБ-1»

К концу 1934 г. Москва располагала уже 50 троллейбусами марки «ЛК», а в 1936 г. троллейбусное сообщение было открыто в следующих городах: Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону и Тбилиси [6, с. 10].

С началом эксплуатации первых троллейбусов в СССР было выявлено, что советские троллейбусы «ЛК» имели ряд существенных недостатков: кузов был громоздким, не имел обтекаемой формы, расположение электроаппаратуры было крайне неудачным, так как при атмосферных осадках, вода вызывала ухудшение электрической изоляции, а это приводило к утечке тока, что было очень опасным для жизни пассажиров. Также существовали проблемы с тормозным механизмом, вследствие чего он часто выходил из строя, а размеры пневматических шин не соответствовали нагрузке, поэтому шины быстро изнашивались.

По мере эксплуатации данных троллейбусов, советские инженеры пытались проработать возникавшие недостатки, в результате чего, в августе 1936 г. Ярославский автомобильный завод начал выпуск новых троллейбусов, получивших название «ЯТБ-1». Тяговое оборудование к ним изготовлял завод «Динамо». Троллейбус «ЯТБ-1» был более совершенным, в отличие от троллейбусов «ЛК», а именно: имел полуобтекаемую форму, тормозной механизм был очень надёжным, предусматривалось механическое открывание и закрывание дверей при

помощи сжатого воздуха, электрические стеклообогреватели, пневматический привод стеклоочистителя, улучшенное освещение пассажирского помещения и т.д. Но в тоже время у водителя не было отдельной кабины, место водителя отделялось лишь занавеской (см. рис. 7).

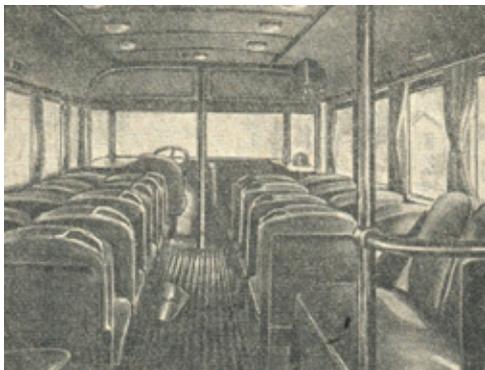

Рис. 7. Внутренний вид «ЯТБ-1»

Рис. 8. Троллейбус «ЯТБ-3»

Уже вскоре были обнаружены недостатки и на троллейбусе «ЯТБ-1», в связи с чем, в 1937 г. начался выпуск усовершенствованного троллейбуса — «ЯТБ-2». По внешнему виду он мало чем отличался от своего предшественника, но в конструкцию был внесён ряд изменений. В пассажирском помещении была устроена изолированная кабина водителя по всей ширине кузова с отдельным входом с левой стороны, что значительно улучшило работу водителя и позволило разместить в кабине высоковольтную аппаратуру, защитив её от влаги. В троллейбусе был усовершенствован кузов, в результате чего, значи-

тельно уменьшился вес троллейбуса [6, с. 17].

Между тем, троллейбус завоёвывал в Москве всё большую популярность, в связи с чем, в некоторых районах города трамвай заменялся троллейбусом. Об этом становится известно из постановления «О генеральном плане реконструкции Москвы», принятом в июле 1935 г., в котором были определены пути дальнейшего развития городского транспорта. Наряду с увеличением строительства метрополитена увеличивался парк троллейбусов и автобусов, в связи с этим, трамвайное движение в центре столицы прекращалось и переносилось в периферийные районы города [7, с. 6].

Следующей ступенью развития и технического усовершенствования троллейбуса явилось создание Ярославским автозаводом в 1938 г. двухэтажного троллейбуса «ЯТБ-3» (см. рис. 8). Первые двухэтажные троллейбусы имели четырехстворчатую дверь для входа и выхода пассажиров, напротив которой располагалась винтовая лестница, ведущая на второй этаж. При модернизации троллейбуса была сооружена вторая дверь [6, с. 18].

В 1939 г. Ярославский завод выпустил троллейбус «ЯТБ-4», который обладал более мощным тяговым электродвигателем, чем его предшественники. Накопленный опыт эксплуатации позволил в 1940 г. выпустить модернизированную серию троллейбусов «ЯТБ-4А», а затем опытную машину «ЯТБ-5», в конструкции которых был введен ряд новых усовершенствований, хотя по внешнему виду они имели незначительное отличие от предыдущих типов одноэтажных троллейбусов «ЯТБ». Эти модели стали последними, которые были разработаны до начала войны. Последующее развитие и разработка новых моделей троллейбусов производилось после окончания Великой Отечественной войны.

Таким образом, можно сказать, что троллейбус, появившись в конце XIX — начале XX вв., уже через несколько десятков лет прочно занял одно из основных мест в системе городского пассажирского транспорта, наряду с трамваем и автобусом. Рассмотрев историю возникновения данного вида транспорта и его преимущества, можно сделать вывод, что троллейбус и в дальнейшем будет сохранять свои позиции и иметь перспективу для широкого распространения.

Литература:

1. Троллейбусы. Труды сектора городского транспорта. Вып. IV. — М.: Академия Коммунального Хозяйства, 1936.
2. Горский Е.В. Троллейбусы. — М.-Л.: Государственное транспортное издательство, 1935.
3. Фишельсон М.С. Город, в котором мы живем. — М.: Министерство Коммунального хозяйства РСФСР, 1957.
4. Александров А., Поляков А. Троллейбусы // Транспорт и дороги города. 1933. № 2—3.
5. Иванов В. Московский троллейбус // Транспорт и дороги города. 1935. № 1.
6. Ефремов И.С. Троллейбусы. — М.: Министерство Коммунального хозяйства РСФСР, 1954.
7. Островский А.Х. Автобус, троллейбус, трамвай, такси. — М.: Московский рабочий, 1962.

Становление и развитие органов государственной власти и управления в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг.

Жукова Наталья Евгеньевна, аспирант
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

В представленной статье рассматривается процесс формирования исполнительных органов государственной власти в БМАССР в 1920-е гг. Автором показано, что процесс формирования государственных структур в республике отличался динамичным поиском оптимальных решений и оказал существенное влияние на изменение в социальной сфере жизни общества.

Ключевые слова: государственное управление, Совет, трансформация.

Начало 1920-х гг. XX в. стало переломным этапом в развитии отечественной государственности, которая претерпела кардинальные изменения. В результате значительной трансформации государственного устройства, нормативно-правовой и идеологической основы в ходе революции и гражданской войны, российская политическая действительность стала объектом постоянного реформистского воздействия.

Одним из несомненных политических завоеваний нового советского государства стало право народов на самоопределение, которое проявилось, в том числе и в форме автономной государственности. Развитие идей и принципов национальной государственности и реализация их на практике проходило у многих коренных народов Сибири, в том числе и у бурят.

Образование в 1923 г., путем объединения двух автономных областей РСФСР и ДВР, единой Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики стало вехой в политическом и историческом развитии бурятского народа. Появление нового национально-государственного образования стало возможным благодаря активной позиции представителей бурятской национальной интеллигенции, которая являлась выразительницей идеи национальной автономии.

Правовой основой формирования системы органов государственной власти являлась Конституция РСФСР 1918 г. и Положение о государственном устройстве БМАССР 1923 г. В Положении были регламентированы основные права и функции республики, разграничивались компетенции республиканских и центральных органов власти, аппарат государственной власти строился на основе Конституции РСФСР из местных Советов, их съездов исполнительных комитетов, СНК и ЦИК [9, с.25].

В том же году начался процесс формирования органов государственной власти. Так на основании постановления ВЦИК'а от 8 октября и 13 июня была передана Бурят Монгольскому Революционному Комитету в составе: тт. Ербанова, Амагаева, Трубачеева, Бермана, Барадина, а по последующему постановлению состав Ревкома был дополнен тт. Ивановым и Цыренжаповым [2, с.53].

В декабре 1923 г. были сформирован ЦИК республики и его персональный состав, назначены главы наркоматов

и определены их функции, созданы комиссии и комитеты при Совнаркоме и Наркоматах [3, с. 2–3].

Необходимо отметить, что руководство республики искало оптимальную структуру государственного аппарата, регулярно проводив реорганизацию центральных ведомств. Одним из первых наркоматов, подвергшихся подобному «преобразованию» стал НКВД, как указывалось в постановлении от 1 декабря 1923 г. ЦИК республики, «... в целях упрощения Центрального государственного аппарата управления республики, сокращения расходов по содержанию такового...» [3, с. 5].

Кроме Наркомата Внутренних Дел упразднились Организационный отдел БурЦИК и Архивное управление. Их функции передавались Управлению делами ЦИК и Совнаркома республики. Также упразднялась центральная коллегия по социальному обеспечению, а ее функции передавались в Наркомат труда. Наркоматы промышленности и торговли объединялись в один Наркомат промышленности и торговли республики. Структурной реорганизации подверглись также аппараты наркоматов РКИ, финансов, просвещения, здравоохранения, юстиции, земледелия и статистического управления [9, с. 167].

Реорганизация и оптимизация некоторые звеньев государственного аппарата имело немало положительных сторон, таких как обновление и совершенствование структуры госаппарата, сокращение расходов на его содержание. Однако в ряде случаев реформирование госструктуры было непоследовательным, отрицательно сказывалось на служащих аппарата, нарушало стройность управленческой структуры и т.д. Примером непоследовательности и отсутствия обоснованности управленческих решений может служить восстановление НКВД БМАССР вскоре после его ликвидации.

Давая подробную характеристику развитию республики в первые годы ее существования, сотрудники НКВД описывали и сам аппарат наркомата. Так, согласно сведениям, приводимым в отчете НКВД, в штате этого ведомства состояло 46 сотрудников, из них членов и кандидатов РКП (б) – 6, беспартийных – 40-, мужчин – 37, женщин – 9. Бурят – 3, русских – 41, других национальностей – 2. Аппарат комплектовался представите-

лями их разных слоев населения, а именно: рабочих — 5, крестьян — 24, служащих — 17. Имели высшее образование — 2, среднее — 20, начальное — 19 [7, Л.4 (об)].

Схожий партийный и социальный состав других органов аппарата управления наблюдался и на местном уровне власти. Например, из 127 сотрудников аймисполкомов 19 были членами и кандидатами РКП (б), 108 — беспартийными, бурят — 25, русских — и других 108; рабочих — 6, крестьян — 27, служащих — 94 [5, ЛЛ. 16–17]. Приводимые данные показывают, что социальную основу аппарата составляли вчерашние крестьяне, преимущественно русские, являющиеся беспартийными.

Преобладающей организационной формой органов местного самоуправления стал Совет — городской и сельский, который комплектовался путем выборов делегатов населением. Совет занимался решением всех хозяйственно-административных проблем территории, от вопросов касающихся коммунальной сферы до производства выборов. В отчетах о выборах в Советы разных уровней отслеживалась избирательная активность населения, например, в 1924 г. участвовало в выборах 19,7 % населения, в 1925 г. — 38,8 %, т.е. рост составил 19,1 %, что признавалось удовлетворительным с учетом неграмотности, низким уровнем культурного развития, патриархальным жизненным укладом населения. Среди основных проблем, с которыми столкнулась власть при организации Советов необходимо назвать отсутствие квалифицированных кадров служащих, незнание и невыполнение работниками местных органов власти своих должностных обязанностей, что естественно негативно отражалось на организационной, хозяйственной и политической работе Советов.

Наряду с сельскими и городскими Советами действовала система исполнительных комитетов районного (аймачного) уровня, которые занимались решением хозяйственно-экономических вопросов. Характеризуя работу айкомов, правительство республики отмечало, что они столкнулись с рядом трудностей, такими как: сложная техническая постановка делопроизводства и отсутствие опытных канцелярских работников, отсутствие в сомсоветах секретарей, низкая оплата труда, разбросанность населенных пунктов, вредное влияние кулацких элементов на средняцкое и бедняцкое население, крайняя закоренелость устаревшего бытового уклада и темнота бурятского населения, экономическая разруха бурятских скотоводческих хозяйств, получившаяся за время прошедших империалистической и гражданской войн, бедность и пассивность населения в участие в советском строительстве. Однако с учетом названных объективных условий, работа местных органов власти признавалась удовлетворительной [6, Л.20].

Безусловно, важным фактором в процессе национально-государственного строительства стала политика «коренизации», ставившая своей целью адаптацию органов управления к местным условиям. Главными формами ее осуществления стали перевод делопроизводства

на бурятский язык и привлечение в аппарат власти представителей коренной бурятской национальности.

Реализуя на практике политику коренизации аппарата управления, правительство БМАССР принимает ряд конкретизирующих положений, как например, решение от 18 апреля 1924 г. об учреждении комиссии по национализации аппарата. 3 февраля 1924 г. СНК БМАССР издает циркуляр о необходимости пользоваться русским и бурятским языками как равноправными на территории Бурят-Монгольской республики. 26 апреля 1924 г. — постановление, обязывающее всех ответственных работников незнающих бурят-монгольского языка, изучить в бмесячный срок [7, Л.4 (об)] и ряд иных постановлений и распоряжений.

Согласно плановым показателям представительство бурят в учреждениях власти намечалось довести до 37,7 %, однако в них к 1927 г. фактически работало всего 27,5 % [8, с. 184]. Причины невыполнения плановых заданий кроются в форсировании темпов проведения коренизации аппарата управления, а также в низком образовательном и культурном уровне населения республики. Несмотря на очевидные недостатки, в целом политика коренизации стала громадным шагом в развитии органов власти и управления в Бурят-Монгольской АССР, за счет привлечения определенной части населения к управленческой практике.

К концу исследуемого периода в Бурят-Монгольской АССР, как и в целом по стране, наблюдается процесс усиления партийного влияния на органы государственной власти, что вело к их бюрократизации и неуклонному снижению их роли. Представители ВКП (б) все чаще занимали руководящие позиции в наркоматах, ЦИКе и Советах республики. Так заметно увеличилось количество председателей советов, членов и кандидатов ВКП (б) в 1927 г. — 29,3 %, в 1929 г. — 54 % [1, с. 19]. Так называемый процесс сращивания партийного и государственного аппаратов в республике привел в дальнейшем к усилению административных методов управления, формальному участию населения в решении государственных задач, вопросов местного значения.

Подводя итоги политико-административному развитию Бурят-Монгольской АССР, можно утверждать, что в 1920-е гг. в республике активно шел процесс организационного оформления и становления новых управленческих структур советского типа. Данный процесс характеризовался динамичностью, поиском новых путей для решения задач, стоящих перед республикой, а также расширением участия разных слоев населения в процессах управления. С одной стороны, недостаток квалифицированных специалистов, комплектование аппарата преимущественно бывшими малограмотными крестьянами, бюрократия и формализм стали существенными недостатками сферы государственного управления, с другой вовлечение большого количества населения в управленческий процесс привело к повышению культурного уровня жителей республики, положило начало эффективным процессам социальной мобильности.

Литература:

1. Басаев Г.Д. Становление бурятской организации КПСС. — Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство — 176 с.
2. БМАССР: очерки и отчеты 1923—1925. — Верхнеудинск, 1925 г. — стр. 53.
3. Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР, № 1, 31 декабря 1923 г. — 2—3 с.
4. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-475. оп. 1, д. 65, л. 15
5. ГАРБ. Ф. Р-475, оп. 1, д. 65, л.16—17.
6. ГАРБ. Ф. Р-475. оп. 1, д. 67, л. 20
7. ГАРБ. Ф. Р-475. оп. 1, д. 164, л. 4 (об)
8. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. — М.: 2000. 350 с.
9. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в XX — XXI вв./ Е.Н. Палхаева. — Улан-Удэ. 2012. — 167 с.

Материальная культура Хорезма в античное время

Махмудов Умрбек Бахтиярович, студент
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Каждое государство развивается на основе материального и духовного наследия своего общества. Такая основа выводит народ на новый этап развития, являясь своеобразным фактором процветания.

В частности, Древний Хорезм со своей высокой культурой, развитым искусством, передовой наукой, мог стоять наряду с такими государствами, как древний Иран, Индия, Греция и Рим [1, с. 5].

Если взглянуть на материальную культуру любого периода Хорезма, то можно увидеть в ней некие своеобразные черты. В частности, античный период условно разделяется на четыре этапа:

1. Период укрепленных городов;
2. Кангюйский период;
3. Кушанский период (II—III в.н. э.);
4. Афригидский период (III—IV в.н. э.).

1. Период укрепленных городов

В это время культура Хорезма находилась в зависимости от культуры династии Ахеменидов Ирана. Этот период датируется VI—IV вв. до н.э. В данный период в культуре происходит несколько положительных изменений.

В частности, развивалось земледелие, вместе с которым развивались система поливных каналов, ремесленничество и торговля. В этот период, в архитектуре Хорезма мы можем наблюдать города, окруженные стенами, в которых зафиксированы жилища. Находки, относящиеся к этому периоду нашлись в Кюзеликыре и Базар-кале.

Памятник Кюзеликыр относится к VI—IV в. до н.э., он расположен на левом берегу Амударьи, на территории древнего Хорезма. Памятник был найден экспедиций под руководством С.П. Толстова в 1938 г. Общая площадь памятника составляет 25 га. Памятник окружен стенами, имеющими бойницы. Центр крепости представ-

ляет собой ровную поверхность, культурные следы на которой не найдены. Поэтому С.П. Толстов так описывает крепость: «Крепость, в которой люди живут в стенах». В результате археологических исследований 70—80 годов XX века, на восточной стороне крепости были найдены останки кузнечной мастерской, а в центре крепости были найдены остатки дворца. Площадь дворца составляет 1 га. Во дворце найдено более 20 комнат. На северной стороне крепости было найдено здание, имеющее 3 своеобразных минарета. Кроме этого, здесь была найдена гончарная посуда и культовые сооружения. Археологи эту крепость считают первым городом хорезмийцев [5, с. 99].

2. Кангюйский период

Этот период включает в себя IV—III вв. до н.э. В период культуры Кангюй, в Хорезме стало развиваться ремесленничество.

Начиная с этого периода, в регионе основывались кишлаки с планировкой в виде треугольника, состоящие, в основном, из двух кварталов. Планировка городов повторяла планировку кишлаков. Для этого периода характерны цветные рисунки на посуде, особые разновидности зданий и артефактов. В частности, к культуре этого периода относится посуда больших размеров, с узорами по краям и монеты, сохранившиеся до наших дней.

К периоду Кангюй относятся такие памятники как Жанбас-кала, Топрак-кала, Кой-Крылган-кала, Кичик (Малая) Киз-кала, Кунарли-Кала и Ок-Тепе.

Памятник Топрак-кала был изучен экспедицией под руководством С.П. Толстова в 40—50 годах XX века. Общая площадь крепости — 17,5 га (500 x 350). Из центра города проходит большая улица и разделяет город на 2 части. На центральной площади расположены храмы и дворец. Эти памятники украшены разными рисунками и скульптурами.

В ходе исследований найдено 138 памятников, рисунков бойцов, оленей и певцов. Также найдено более 60 кушанских монет, относящихся ко времени правления Кадфиза II, Канишки, Хувишки, Васудевы. На передней стороне монет изображён правитель, на другой стороне — «хорезмийский всадник». Найденная в 1940 г. в Топрак-кале монета с изображением «неизвестного царя» показывает, что техника чеканки монеты и изобразительное искусство были на высоком уровне. Кроме этого были найдены браслеты, сережки и кольца, сделанные из серебра, золота и меди [4, с. 32].

3. Кушанский период (II-III в.н. э.).

Бесперывные бои на международной арене, междоусобные войны привели государство Кангюй к разорению. В результате, в конце I — начале II веков, Хорезм был завоеван Кушанским государством. В этот период в культуре Хорезма мы можем наблюдать переход от общественных домов в стенах, к кишлакам, не окруженным стенами и домам, предназначенным для больших семей. Классовое разделение в обществе стало сильнее. В городах существовали дворцы аристократов и вместе с ними дома для представителей низших сословий. Можно засвидетельствовать тот факт, что искусство того времени было на высоком уровне. Яркими образцами ремесленничества это периода являются керамическая посуда с различными узорами, бронзовые наконечники стрел, кольца и бусы сделанные из стекла. Находки относящиеся к этому периоду были найдены на памятниках Аяз-кала и Топрак-кала II.

Аяз-кала была построена в горной системе Султан Увайс в Элликалининском районе, на высоте 60 м. Размеры памятника — 182 x 152 м, планировка подквадратная. Памятник с 3 сторон защищён обрывами. Объект окружен двурядными стенами, сохранённая высота которых варьируется от 5 до 10 м. Толщина внешней стены — 2–4 м, внутренней стены — 2,1 м. Между внешней и внутренней стенами была 2,5-метровая лестница.

Ворота находятся на южной стороне, укреплены «предвратным лабиринтом», высота — 5–8 м, выход из внешних стен на боковую сторону — 37 м, поворот на восточную сторону — 27 м. Вход в лабиринт на восточной стороне, шириной 4 м. По внешним стенам построены полукруглые бойницы. Их число 35. В лабиринте для защиты ворот также построены 3 бойницы.

Расстояние между башнями на стенах различно. Между башнями на восточной и западной стороне стены

оно составляет 13,8 м, на северной стороне — 11,5, на южной — 9–15 м. Башни в виде «хвоста ласточки» расположены на четырёх углах стены, расстояние, на которое башни выходят из стен в бок, составляет 1,50 м, выхода и последней части — 3,5 м, длина общего выхода башен из стен — 6–8 м, выход башен в бок из стен 8–10 м, ширина 6–8 м. Для башен использованы квадратные кирпичи. На кирпичных стенах в шахматном порядке расположены бойницы, шириной 13–20 см, высота части входа 0,48 м, выхода — 2,9–3,5 м, расстояние между бойницами — 1,5 м. Здесь были найдены кувшины, браслеты, статуэтки античного периода, бронзовые наконечники стрел скифского типа, пиалообразные сосуды красного цвета и др. Украшения и хозяйственные предметы доказывают, что цветная и черная металлургия была в то время на высоком уровне [3, с. 174].

4. Афригидский период (III-IV в.н. э.).

В этот период культура античного Хорезма пришла в упадок. Хорезм устал от непрерывных междоусобных войн и от боев за независимость с иностранными завоевателями. Пришли в упадок народное хозяйство, ремесленничество и торговля. Города в этот период сохранили свой прежний вид, но они были пустыми. Причиной этого является вышеуказанный глубокий экономический кризис. Начиная с этого периода, аристократы начали строить дворцы, окружённые стенами. В изготовлении керамической посуды отражается влияние афригидов. Место изящных сосудов заняли грубые изделия, причиной чего послужил вышеуказанный ремесленнический кризис. Начиная с этого периода, по информации археологов, античный период постепенно угасает. Памятники, относящиеся к этому периоду — это Якке-парсан и Кичик (Малая) Кават-кала.

Якке-парсан расположен в земледельческой долине Бургуткалы, имеет в плане подквадратные очертания, его размеры — 74 x 34 м. Ворота с двух сторон защищены башнями. Высота оборонительной стены и бойницы 5–8 м, стена имеет фундамент. В центре памятника исследованы дома, состоящие из 5–6 комнат. В истории объекта выделяется 2 строительных периода. Во время первого, были построены стены из пахсы. Во время второго, пропиточная стена была наполнена пахсой, в результате чего вновь появляется открытая стена. Грандиозный донжон в центре состоит из 8 комнат, его стена построена из пахсы [2, с. 5].

Литература:

1. Машарипов О. Хорезмнома (Древний Хорезм) I том, Ургенч, 2005, — 272 с.
2. Неразик Е.Е. Раскопки Якке-Парсана. М., «Наука», 1963.
3. Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме. М., «Наука», 1940.
4. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., «Наука» 1948, — 352 с.
5. Эгамбердиева Н. Археология. Ташкент, 2011, — 172 с.

Роль биев в общественно-политической жизни Казахского ханства (на примере бия Среднего жуза Казыбек би)

Нурлигенова Зауреш Нуркеновна, преподаватель;

Нигматзянова Нажия Ренатовна

Карагандинский государственный технический университет (Казахстан)

Немало великих людей взрастила наша казахская степь, и пусть вечно хранит она имена тех, в чьих сердцах никогда не угасала надежда. Чьи пытливые умы вела вперед великая вера, вера в будущее нашей страны, нашего народа. На земле что мы ныне вступаем, когда-то сражались батыры, при помощи книг, мы путешествуем в различных эпохах, от каменного века до наших дней. История рассказывает нам о наших предках, известных исторических личностях: вождях племен, биях, сказителях, общественных и государственных деятелях, которые внесли огромный вклад в развитие казахского народа и повлияли на исход будущего истории. Они веками стремились к единству, целостности и не уставали к этому призывать. Сплоченность, духовность, нравственность, процветание народа являются основой своеобразного кодекса духа степи. Так, бии выступали как объединители народа в государство, хан олицетворял собой государство. Гонения против биев считались гонениями против народа. Поэтому ханы всегда прислушивались к мнению биев. Если народ будет силен единством, братской солидарностью, то он станет образцом для последующих поколений. И дух батыров будет вдохновлять к победе. Со сложным историческим периодом борьбы казахского ханства против джунгарского нашествия в конце XVII — начале XVIII веков связана деятельность выдающихся биев, которые сыграли огромную роль в общественной жизни казахского народа.

«Легенды века», с именами которых связана целая эпоха истории Казахского ханства. Именно так академик С. Зиманов называл трех великих мудрецов казахской степи: Толе би, Казыбек би, Айтеке би. Три великих наших предка в тяжелую пору истории казахского народа сумели внушить народу великую истину: «Тот, кто на крутом перевале истории лишился единства, тот лишается и жизни». Этим выдающимся личностям суждено было стать первыми, кто заговорил о единении казахов. «Впредь жить в согласии и мире» — призывал великий бий Среднего жуза Казыбек Би Калдибекулы, обладавший невероятным ораторским даром, который во многом предрепределил его судьбу. Известный академик, исследователь С. Зиманов писал: «Казыбек би рос и воспитывался в традиционной степной культурной среде, где к нему относились как к одаренному ребенку. Его готовили в общественные деятели, учили освоению устного духовного богатства народа, основам и технике красноречия, овладению мудростью» [1, с. 256]. Выдающийся деятель национальной культуры Казахстана С. Сейфуллин, воспитанный в традициях Степного края на рубеже XIX и

XX веков, наиболее полно описал натуру и особенности судьбы — бия, формировавшегося на менталитете земли казахов. Он утверждал: «Биями становились те, которые были предельно преданы завещаниям и наследию мудрых предков, освоили прошедшие историческую селекцию древних правил и норм обычаев и традиций, законов — ереже и прецедентные судебные решения, высказывания и суждения мудрецов, знали их наизусть и обладали даром красноречия» [2, с. 8]. Известный казахский мыслитель и писатель Ч. Валиханов в своем труде «Записки о судебной реформе» пишет: «Возведение в звание бия не обуславливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание. Чтобы приобрести имя бия нужно было киргизу не раз показать перед народом свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всем и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем звания своих отцов. Впрочем, из этого всего не следует думать, что звание биев было у киргиз когда-либо наследственным. Мы знаем много киргиз, отцы которых, были известными биями, но которые сами не носят этого звания» [3, с. 56—57]. В устном народном творчестве сохранилось немало ораторских изречений, о которых можно прямо сказать: «Это сказано звонкоголосым Казыбеком».

Казыбек би — великий казахский бий, известный в народе как Қаз дауысты Казыбек (Казыбек с непревзойденным голосом). Как говорит легенда, так прозвал его заклятый враг казахов, Контайчи Галдан Церен, пораженный и загипнотизированный его красноречием. На берегах Сыр-Дарьи, в начале 1667 года в заснеженной Каркаралинской степи у бия Келдибека из рода аргын родился сын, которому дали имя Казыбек. Счастливая мать Токмеил тогда предрекла:

Я вырашу тебя с лаской, любовью,
Не обделю тебя ни молоком, ни кровом.
Ты будешь преклоняться только чести,
Твоим признаньем станет Слово [4, с. 12].

Слово, вот что наиболее ярко выделяло его от других биев. Во все времена искусство слова несло с собой ог-

ромную власть, а людей, обладающих особым даром убеждения очень почитали и даже побаивались. Благодаря своей прекрасной родословной он с рождения получил ораторский дар. Как известно его дед Шанкар был известен своей начитанностью и мудростью, отец был бием. Но могли ли предположить родители, что из этого неумемного мальчишки вырастет не только знаменитый судья, но и большой политик, к советам которого будут прислушиваться единовластные ханы и влиятельные султаны.

Высокоэрудированный, с феноменальной памятью (некоторых, с кем судьба сводила лишь на мгновение, он узнавал через много лет), вспыльчивый и гневный, дисциплинированный и порой азартный, готовый для собственного народа в буквальном смысле «костями лечь», и вместе с тем, для других эгоистичный, — таков был Казыбек би — непревзойденный оратор, вожак и фактически многолетний блюститель государственности и закона в Среднем Жузе.

Известность бию Среднего Жуза в казахской степи принесла не только его судейская деятельность. Меткое слово и умение дать отпор в словесном поединке — качества, которыми отличался Казыбек би будучи судьей — посредником. Но они оказались востребованными и для дипломатической службы. Не уступая по храбрости прославленным батырам, бии — дипломаты нередко определяли и ход политики государства. Не случайно мир между казахским и калмыцким народами был установлен в первую очередь благодаря усилиям Казыбек би. Так, первая посольская миссия к джунгарскому правителю, в составе которой был и девятнадцатилетний Казыбек, принесла удачу: из плена были освобождены соплеменники и возвращен угнанный джунгарами скот. Предание сохранило его речь, обращенную к джунгарскому правителю: «Мы — казахи, в степи пасем скот. Никому не угрожаем, мы — мирный народ. Чтоб счастье и удача не покинули нас, чтобы враг невзначай не ринулся на нас, мы держим копье наготове и знаем цену доброго слова. Мы — народ, верный в дружбе, мы гостеприимны и щедры, а в грозный час, когда это нужно, ханские юрты обрушим мы! Сын, рожденный от достойного отца, никогда рабом не станет. Дочь, рожденная честной матерью, рабыней не станет. Мы вольные люди, дети степи, сыновей и дочерей своих в неволе содержать не станем. Вы, калмыки, отчаянный народ, но в честном бою мы вам не уступим. Если вы железо, мы расплавим вас. Мы за мир, не за вражду, коль надо — схлестнемся в открытом бою. И клинком, и мечом отстоим свою честь. И храбрых джигитов в степях не счесть. Ты — леопард-кабан, я — лев-арыстан. Ты — скакун-тулпар, я — горный сокол-сункар. И спуска вам не дадим. С добром пришли — добром ответь! Не хочешь мира — получишь войну!» [5, с. 102].

Затем последовало еще несколько посольских миссий, результатом которых стало соглашение с джунгарами «впредь жить в согласии и мире». В одну из таких поездок Казыбек бию удалось вызволить из джунгарской не-

воли Абылая, ставшего впоследствии ханом Сары-Арки. Видя в Абылае большую будущность, ценя крепость его характера, преданность идее единства казахского народа, Казыбек би проявил большую настойчивость и добился возвращения Абылая на родину. Два условия выставил ему Галдан Цэрен за его освобождение: во-первых, известные люди казахской степи должны дать джунгарскому предводителю по одному сыну в аманаты-заложники; во-вторых, казахам следует порвать всякие связи с Россией и перейти в подданство Джунгарии. Казыбек би собрал всех представителей казахских родов. Хорошенько подумав, они решили пойти на уступки джунгарскому хонтайчи: послать к нему заложников и воздержаться пока от подданства — и российского, и джунгарского. И еще предупредили: если Галдан Цэрен не согласится с таким решением, то казахи, объединившись с русскими, пойдут войной на джунгар. Это была хитрая уловка. Казыбек би решил таким образом припугнуть джунгарского хана. Батыра Абылая вызволили из плена. Вернули славный город Туркестан и еще тридцать два поселения, вернули народу мир и благоденствие.

О роли Казыбек би в судьбах казахского народа можно сказать, что он являлся одним из инициаторов образования и укрепления единого централизованного казахского государства, отстаивания его суверенитета и территориальной целостности. При хане Тауке в 1680 году он был признан главным бием Среднего жуза. Вместе с Толе бием и Айтеке бием Казыбек би вошел в историю как инициатор объединения трех жузов, в числе 7-ми главных биев Ханского совета в Туркестане принял участие в составлении «Уложения хана Тауке» — свода законов «Жеті-Жаргы»:

1. Земельный Закон.
2. Семейно-брачный Закон.
3. Военный Закон.
4. Положение о судебном процессе.
5. Уголовный Закон.
6. Закон о куне.
7. Закон о вдовах.

В данном своде законов нашли свое конституционное закрепление подходы к проблемам, связанным с землей, имущественными отношениями, семьей, определением наказаний за преступления, международными отношениями, сватовством, разводом, положением вдов. Верно оценивая историческую обстановку, Казыбек би неустанно призывал к единству казахского народа, к прекращению межродовых распри, к добрососедским отношениям с джунгарами, узбеками и русскими. «Достойны ли мы быть народом? — спрашивал Казыбек би. — Народ славит ханов, когда они справедливы и сильны, и проклинает их, когда коварны и трусливы. Народ славит своих батыров, когда они бескорыстны, смелы! Он проклинает батыров, ведущих своих джигитов на бой меж родными племенами. Ничто не вечно под небом аллаха. Лишь сохранив свою честь и достоинство, человек может считать себя человеком, а народ остаться народом...» [1, с. 8].

В 60-х годах XVIII века империя Цинь с целью переманить на свою сторону Казыбека би, посылает ему много ценных подарков через послов. Но Казыбек би, будучи человеком чести и слова, а также великим патриотом и дипломатом, защищавшим интересы своего ханства, был против китайской стороны. Он призывал Абылая не строить никаких отношений с империей Цинь, т.к. обладал хорошей интуицией и даром предвидения, помогавшим ему в самые сложные и кропотливые моменты. Всю жизнь Казыбек би желал честности, порядочности и мира. Его судебные решения, отличающиеся справедливостью и афористичностью, превращались в поучительные и по сей день пословицы и поговорки. Не случайно в народе Каз Дауысты Казыбек был справедливо прозван «правдиво рассуждающим».

Прожив долгие, просто замечательные и полные событий 96 лет жизни, Казыбек би умер в декабре 1763 года у подножья горы Семизбуга у источника Теректи. Как прекрасный общественный деятель, искусный дипломат, чья мудрость не знала границ, а красноречие не знало врагов, был похоронен в Туркестане, в прекраснейшем мавзолее Ходжа Ахмеда Ясауи.

И пусть старейшины слагают легенды о великом бие Среднего Жуза, чьи фразы так крылаты и независимы, как беркуты, пронзают они горизонты и разносятся по великой степи казахского народа.

Следовательно, немало великих людей взрастила казахская степь, мудрый бий Среднего Жуза Каз Дауысты Казыбек тому подтверждение. Его великие заслуги в формировании мировоззрения казахского народа безграничны. Ему принадлежат слова, являющиеся основными канонами внешней политики Казахского общества. Он — один из организаторов освободительной борьбы против

джунгарских завоевателей, совместно с батырами Кибанбаем из рода каракерей и Богенбаем из рода канжыгали создал народное ополчение, активно участвовал в управлении государством во времена ханов Тауке, Самеке, Абилмамбета и Абылая, Казыбек Би также оказывал влияние на внешнюю и внутреннюю политику Казахского ханства, тем самым только доказывая свой статус мудрого дипломата и прекрасного манипулятора. Он проводил весьма своеобразные переговоры и умел сразить даже своим острым умом и точным словом любого собеседника, пусть это даже его заклятый враг.

Казыбек би обладал очень яркой идеалистической натурой, в своих решениях он был тверд и решителен, в своих высказываниях резок и прямолинеен. Всех, кому довелось повстречаться с ним он мог расположить к себе не только своими красноречивыми фразами, но и благими поступками. И здесь следует вспомнить слова нашего Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева, произнесенные им на заре демократических преобразований 28 мая 1993 года: «Мы знаем имена трех великих сынов народа, трех славных мудрецов: Толе би, Казыбек би и Айтеке би. Они стали для казахов непреходящим символом единства. Их страстные речи овладели умами потомков, как изречения из Священных книг. Их историческое значение для казахского народа, их значимость в нашей истории невозможно переоценить. И в том, что мы сохранились как народ, что дали имя суверенному государству, что водрузили ныне знамя независимости, в том, что на священной земле предков, проживаем в благополучии, мире и согласии, мы, нынешнее поколение казахов, всецело обязаны им. И низко склоняем головы перед их бессмертной, благословенной памятью» [6, с. 203].

Литература:

1. Зиманов С.З. Древний мир права. — Алматы: Деректер мен зерттерлер, 2003. — 460 с.
2. Сейфуллин С. Қазақ әдебиеті. — Қызылорда: Литература, 1932. — 34 с.
3. Судебная власть Казахстана. — Астана: Дидар, 2004. — 200 с.
4. Нуркеева С. Токмеил и ее знаменитый сын Казыбек би // Аружан. № 10. — Алматы: 2008. — 36 с.
5. Бельгер Г.К. Рассказы о биях. — Астана: Аударма, 2004. — 189 с.
6. Назарбаев Н.А. В потоке истории. — Алматы: Жеты Жарғы, 1999. — 244 с.

Система профессиональной партийной подготовки политической элиты Оренбургской области в 1964–1991 гг.

Пахомов Андрей Викторович, аспирант
Оренбургский государственный педагогический университет

Одним из основных требований к руководящим кадрам в советский период истории было наличие партийно-политического образования. В связи с этим в стране была создана мощная сеть учебных заведений для профессиональной подготовки управленческих кадров. В данной статье автор в контексте развития сети партийно-политического образования страны детально описал систему учебных заведений для подготовки политической элиты Оренбургской области в 1964–1991 гг.

Ключевые слова: политическая элита, партийные кадры, номенклатура, высшая партийная школа, советско-партийная школа.

Анализ биографий представителей региональной политической элиты показывает, что перед назначением на руководящую должность или сразу после назначения работник либо получал высшее партийно-политическое образование, либо проходил курсы подготовки руководящих партийных и советских кадров. Статистические данные так же показывают относительно высокий процент представителей региональной политической элиты с высшим партийно-политическим образованием. Так, среди секретарей горкомов, райкомов партии, работавших в Оренбургской области в 1964–1991 гг., партийно-политическое образование имел практически каждый второй. Среди секретарей обкома и председателей облисполкома этого же периода высшее партийно-политическое образование имели более трети (31,6 %) [5].

Данная особенность была обусловлена тем обстоятельством, что в советском обществе господствовала единая марксистско-ленинская идеология, и увеличение количества руководящих кадров с партийно-политическим образованием было необходимым условием ее сохранения. В связи с этим в стране уделялось большое внимание созданию сети профессиональной партийно-политической подготовки. В исследуемый период система учебных заведений дающих партийно-политическое образование была представлена Академией общественных наук при ЦК КПСС (далее АОН при ЦК КПСС), Высшей партийной школой при ЦК КПСС (ВПШ при ЦК КПСС), республиканскими и межобластными высшими партийными школами, а также советско-партийными школами для управленцев среднего и низового звена.

Академия общественных наук при ЦК КПСС была создана в 1978 г. и выполняла роль ведущего учебного и научно-методического центра всей системы подготовки партийных, советских и идеологических кадров в стране. В академии был сформирован учебный отдел и отдел аспирантуры, учебно-методический отдел республиканских и межобластных высших партийных школ, Институт повышения квалификации руководящих кадров, курсы повышения квалификации руководящих кадров социалистических стран [11, Л. 6].

Обучение производилось как на очном, так и заочном отделениях. Срок обучения для основного отделения составлял два года, для аспирантуры и заочного отделения — три года. Состав слушателей и аспирантов рассматривал и утверждал Секретариат ЦК КПСС. В Академию принимались секретари, заведующие отделами ЦК КП союзных республик, крайкомов и обкомов партии, первые секретари горкомов и райкомов партии крупных городов, председатели, заместители председателей Советов Министров республик и облисполкомов, руководители министерств и ведомств, центральных идеологических организаций. Обучение производилось по четырем направлениям: организационно-партийная работа, руководство хозяйственным строительством, идеологическая работа, внешняя политика и связи с коммунистическими партиями [11, Л. 20]. На учебно-методический отдел АОН при ЦК КПСС было возложено научно-методическое руководство республиканскими и межобластными высшими партийными школами, подготовка и издание научных трудов, учебников и учебных пособий, повышение квалификации преподавателей и научных работников высших партийных школ [11, Л. 59].

Межобластные и республиканские высшие партийные школы были созданы в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 26 июня 1956 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки руководящих партийных и советских кадров». Первоначально было создано 30 таких школ [3, с. 30]. На 1980 г. их насчитывалось 15: Высшая партийная школа при ЦК КП Украины, Московская, Ленинградская, Алма-Атинская, Бакинская, Вильнюсская, Горьковская, Минская, Новосибирская, Одесская, Ростовская, Саратовская, Свердловская, Ташкентская и Хабаровская. В них имелись 2-годичные (на базе высшего образования) и 4-годичные (на базе среднего образования) отделения. Помимо этого работали заочные отделения с 3-годичным (на базе высшего образования) и 5-годичным (на базе среднего образования) отделениями. В этих школах проходили подготовку руководящие партийные и советские кадры городского и районного звена, а также ответственные работники республиканских, краевых, областных партийных, советских органов и идеологических учреждений [3, с. 162].

Для успешного обучения слушателей в Заочной высшей партийной школе при ЦК КПСС и заочных отделениях республиканских и межобластных высших партийных школ в городах создавались консультационные пункты данных школ. Оренбургский учебно-консультационный пункт совместно с отделами организационно-партийной работы обкома, горкомов, райкомов партии отбирал абитуриентов для поступления, организовывал прием вступительных экзаменов, проводил установочную сессию слушателей нового набора, зимнюю и летнюю учебно-экзаменационную сессию. Кроме того в течение учебного года практиковались выезды преподавателей консультационного пункта в города и районы области для оказания помощи слушателям путем проведения дополнительных консультаций [17, Лл. 1–3].

В течение 1958–1970 гг. в масштабах всей страны республиканские и межобластные высшие партийные школы, Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС окончили 30 тыс. человек, а в 1971–1975 гг. – еще 8,5 тыс. человек [1, с. 231]. По данным на 1980 г., около 50 % секретарей ЦК КП союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов партии имели высшее партийно-политическое образование [3, с. 166].

Главную роль в подготовке политической элиты Оренбургской области сыграли Свердловская межобластная высшая партийная школа, несмотря на то, что определенное количество представителей политической элиты области направлялись на обучение и в другие школы. Так, с 1966 по 1971 гг. Оренбургским обкомом КПСС в Московскую высшую партийную школу было направлено 13 человек, в Горьковскую – 22, Ростовскую – 4, Свердловскую (2-х годичную) школу – 12, Свердловскую (4-х годичную) школу – 24. В тот же период в Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС (на 5-летнее отделение) поступил 171 человек; 3 человека успешно окончили Заочную высшую партийную школу г. Свердловска с 3-го-дичным сроком обучения [15, Лл. 13–14, 54–55.].

За период 1977–1987 гг. Оренбургским обкомом КПСС были отобраны и рекомендованы для обучения в высших партийных школах более 400 человек. За это время 11 человек получили высшее партийно-политическое образование в Академии общественных наук при ЦК КПСС, 85 – окончили Московскую и 306 – Свердловскую высшие партийные школы [16, Лл. 43–44].

В последующие годы для Оренбургской области Свердловская высшая партийная школа ежегодно готовила порядка 50 работников с высшим партийно-политическим образованием, переподготовку на факультете повышения квалификации прошли около 110 человек из числа секретарей горкомов, райкомов КПСС, работников аппарата обкома партии, советских работников. Ежегодно по 2–3 человека направлялись на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, столько же поступали в ее аспирантуру.

Отметим, что не все желающие могли поступить в высшую партийную школу. Работа по отбору кандидатов

для направления на учебу в межобластные школы проводилась партийными комитетами на основе перспективных планов подготовки и переподготовки партийных и советских работников, составлявшихся отделами кадров райкомов, горкомов и обкомов партии. Предельное количество учащихся из конкретной области устанавливалось ЦК КПСС. Вместе с тем для зачисления в ту или иную школу поступающим нужно было соответствовать необходимым критериям (занимаемая должность, стаж работы, возраст). Так, в 1969 г. для обучения в высших партийных школах из Оренбургской области необходимо было отобрать 52 человека. С этой целью горкомы и райкомы области рекомендовали 109 человек, из которых обкомом было отобрано 68 человек, из них в процессе собеседований и сдачи экзаменов осталось 57 человек [14, Л. 123].

Советско-партийные школы были созданы для подготовки управленческих кадров среднего и низового звена. С 1956 г. по 1958 г. было создано 52 таких школы. В 1975 г. осталось 12 школ, а в 1976 г. набор в советско-партийные школы был прекращен [3, с. 30]. По сути, данные школы готовили руководящих работников, находившихся в ближайшем резерве на элитные должности. В советско-партийных школах обучались ответственные работники сельских РК партии, райисполкомов, секретари парторганизаций колхозов, совхозов, председатели сельских Советов. Школы давали среднее партийно-политическое и сельскохозяйственное образование.

Из Башкирской АССР, Удмурдской АССР, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Курганской и Челябинской областей набор производился в Челябинскую советско-партийную школу. Состав кандидатов в школу рассматривался мандатными комиссиями и утверждался на заседаниях бюро и секретариатах обкомов КПСС. Лица с 8-летним образованием поступали на первый курс зоотехнического или агрономического отделения, лица со средним образованием – сразу на второй курс агрономического или экономического отделения [8, Л. 4–5]. Большинство окончивших школу поступали на руководящую партийную или советскую работу. Так, из 98 человек, окончивших школу в 1965 г., 85 % были направлены на партийную и советскую работу [7, Л. 4–5]. Всего с 1965 по 1975 гг. в школе обучалось 184 представителя Оренбургской области [4].

Важным звеном в системе партийно-политического образования стала сложившаяся в исследуемый период трехуровневая система курсовой подготовки партийных и советских работников. В феврале 1967 г. согласно постановлению ЦК КПСС были организованы постоянно действующие курсы по переподготовке руководящих партийных и советских кадров на базе ВПШ при ЦК КПСС, республиканских и межобластных высших партийных школах, а так же при обкомах крайкомах партии. Срок обучения на курсах составлял один месяц. В целом по стране за 1967–1969 гг. на курсах прошли переподготовку более 140 тыс. партийных, советских и газетных работников. В ВПШ при ЦК КПСС за это время прошли обучение 2/3 состава секретарей и практически все заведующие отде-

лами ЦК КП союзных республик, крайкомов, обкомов партии, первые секретари горкомов партии крупных городов, редакторы республиканских и областных газет, часть руководителей советских органов (всего более 3 тыс. человек). На межобластных и республиканских курсах к этому времени была практически закончена переподготовка секретарей горкомов и райкомов партии, председателей горрайисполкомов, редакторов городских и районных газет. Также прошли обучение более половины состава руководящих работников республиканского и областного уровня. На курсах, созданных при обкомах, крайкомах партии в течение двух лет прошли переподготовку около 70 % освобожденных секретарей первичных парторганизаций, ответственных работников городского и районного уровней, председателей сельских и поселковых Советов (всего более 108 тыс. человек) [6, Л. 2].

Занятия первого потока областных курсов повышения квалификации партийных и советских кадров при Оренбургском обкоме состоялись в январе 1967 г. На данном потоке прошли переподготовку 65 секретарей партийных организаций совхозов [12, Л. 7]. За три года на 25 потоках прошли обучение 1479 работников, из которых 907 партийных, 72 газетных и 500 советских работников. В их числе заведующие отделами, инструкторы, горкомов, райкомов партии, секретари парторганизаций промышленных предприятий, заместители редакторов городских и районных газет, редакторы многотиражных газет, заместители председателей, секретари, инструкторы горрайисполкомов, председатели сельских и поселковых Советов. Слушатели изучали вопросы истории и политики КПСС, проблемы научного коммунизма, партийного строительства и советское государственное строительство. Перед слушателями каждого потока выступали 40–45 лекторов и докладчиков. Всего за три года выступило 108 человек (среди них – секретари Оренбургского обкома А.М. Воронов, В.В. Киселев, Н.И. Востриков, М.С. Хромова) [13, Лл. 68–69].

Руководящие работники областного уровня проходили переподготовку на межобластных курсах при Свердловской высшей партийной школе. Так, за I-ое полугодие 1969 г. при Свердловской высшей партийной школе прошли переподготовку 52 партийных, советских и других работников Оренбургской области, в их числе ответственные работники обкома, секретари горкомов, райкомов партии, председатели гор-, райисполкомов и др. [14, Л. 123].

Согласно постановлению ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы идейно-теоретического уровня и деловой квалификации руководящих партийных и советских кадров» 1976 г. постоянно действующие курсы в ВПШ при ЦК КПСС были преобразованы в Институт повышения квалификации руководящих партийных и советских кадров АОН при ЦК КПСС. Курсы других высших партийных школах преобразованы в межобластные, республиканские курсы повышения квалификации партийных и советских работников. Республикан-

ские, краевые и областные курсы были преобразованы в курсы повышения квалификации партийных и советских работников [3, с. 166–167].

Было установлено, что руководящие партийные и советские работники должны повышать свои знания в Институте и на курсах один раз в 5 лет (в период между съездами КПСС). Координация всей учебно-методической работы в курсовой системе была возложена на АОН при ЦК КПСС и Институт повышения квалификации руководящих партийных и советских работников.

За период между XXV и XXVI съездами КПСС курсовую подготовку в стране прошли более 240 тыс. партийных, советских и идеологических работников [3, с. 176]. В 1977–1978 гг. на курсах повышения квалификации Свердловской высшей партийной школы прошли обучение 769 человек, в числе которых 433 партийных и 324 советских работника. Из Оренбургской области обучение прошли 97 человек, в числе которых 47 партийных и 49 советских работника [10, Л. 20].

Представители областного уровня периодически посылались в Институт повышения квалификации. Так, в январе 1980 г. проходил поток, на котором занимались председатели Советов Министров союзных и автономных республик, исполкомов краевых, областных Советов депутатов трудящихся, куда было направлено 7 человек от Уральской зоны, в их числе заместитель председателя Оренбургского облисполкома В.Н. Большаков. В мае этого же года обучение в Институте прошел заведующий общим отделом Оренбургский обкома партии Н.Ф. Кириллов [9, Лл. 47–48, 169].

На курсах кроме лекций и семинаров использовались такие формы учебы как научные конференции, теоретические собеседования, выступления слушателей с докладами, посвященными своей области. Помощь преподавателям межобластных и областных курсов оказывали материалы, высылаемые учебно-методическим кабинетом Института повышения квалификации АОН при ЦК КПСС. В 1977–1978 гг. из Москвы было получено 8 текстов лекций и материалов к лекциям, 10 сборников учебных материалов и 18 других учебно-методических материалов [10, Л. 27]. Кроме того в 1976 г. для совершенствования работы межобластных курсов при Свердловской высшей партийной школе был создан Учебно-методический кабинет курсов. Учебно-методический кабинет периодически подготавливал и проводил семинары с преподавателями курсов Уральской зоны, совместно с кафедрами партийной школы разрабатывал планы семинарских занятий и методические пособия для преподавателей. Консультанты кабинета периодически выезжали на курсы при областных комитетах партии зоны Урала для изучения и обобщения опыта работы курсов [10, Л. 16].

В очередной раз система курсовой подготовки претерпела изменения в связи с требованиями XXVII съезда партии и январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Курсы при высших партийных школах были преобразованы в факультеты повышения квалификации. Было признано не-

обходимым, проводить массовую переподготовку работников дважды за 5-летие сроком до двух, трех недель [2, с. 140]. Уже в 1987 г. переподготовку на факультете повышения квалификации при Свердловской высшей партийной школе прошли порядка 110 человек из числа секретарей ГК, РК КПСС, работников аппарата ОК партии, советских работников.

Таким образом, в СССР была создана мощная, многоуровневая систему профессиональной подготовки управленческих кадров. Ключевыми звеньями данной системы

стали АОН при ЦК КПСС, высшие партийные школы, советско-партийные школы. Также сложилась система курсовой подготовки руководящих кадров. Представители Оренбургской области в зависимости от должности проходили обучение на разных звеньях сложившейся системы. Ключевую роль для профессиональной партийной подготовки политической элиты Оренбургской области в исследуемый период сыграла АОН при ЦК КПСС, Свердловская межобластная высшая партийная школа, Челябинская советско-партийная школа.

Литература:

1. Вопросы работы КПСС с кадрами на современном этапе. М., 1976.
2. Горбул А.Д. Научные основы кадровой политики КПСС. Киев, 1989.
3. Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание. М., 1981.
4. Подсчитано по Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 39. Д. 416. Л. 3., Д. 417. Л. 3., Д. 418. Л. 33., Д. 419. Л. 23., Д. 420. Л. 19., Д. 629. Л. 5., Д. 630. Л. 25, Д. 631. Л. 120., Д. 632. Л. 5., Д. 633. Л. 5., Д. 634. Л. 4.
5. Подсчитано по: Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДННАО) Ф. 8046. Оп. 1. Д. 11. Лл. 12–12 (об.), Ф. 371. Оп. 43. Д. 70. Лл. 16–17., Д. 99. Лл. 4–68., Оп. 68. Д. 255. Лл. 1–63., Оп. 69. Д. 14. Лл. 8–60., Д. 82. Лл. 4–57., Оп. 74. Д. 35. Лл. 4–70., Оп. 95. Д. 80 Лл. 80–82., Д. 118. Лл. 45–46., Д. 242. Л. 81., Д. 352. Лл. 41–51., Д. 783. Л. 81., Д. 1296. Л. 87., Д. 1359. Л. 70., Д. 1449. Л. 69., Д. 1481. Л. 47, Д. 1516. Л. 82.
6. РГАСПИ Ф. 5. Оп. 62. Д. 34.
7. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 39. Д. 416.
8. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 39. Д. 632.
9. РГАСПИ Ф. 606. Оп. 1. Д. 1964.
10. РГАСПИ Ф. 606. Оп. 1. Д. 2005.
11. РГАСПИ Ф. 606. Оп. 1. Д. 2431.
12. ЦДННАО Ф. 371. Оп. 37. Д. 116.
13. ЦДННАО Ф. 371. Оп. 40. Д. 19.
14. ЦДННАО Ф. 371. Оп. 42. Д. 91.
15. ЦДННАО Ф. 371. Оп. 42. Д. 118.
16. ЦДННАО Ф. 371. Оп. 97. Д. 113.
17. ЦДННАО Ф. 371. Оп. 97. Д. 1068.

К вопросу о проблематике происхождения и этнической идентификации горских евреев на территории Восточного Кавказа

Раджабова Мадина Махмудовна, студент;

Пирмагомедов Заурбек Камилевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)

Появление носителей татского языка (татов и горских евреев) на Восточном Кавказе традиционно связывают с переселенческой, колонизационной политикой Сасанидов, особенно Хосрова I Ануширвана (531–579), и развернувшимся здесь грандиозным фортификационным и градостроительством, требовавшим огромных людских масс. И сохранение в татском древнеиранского начального, в отличие от всех других юго-западных иранских языков, в котором переход осуществился, как счи-

тают исследователи, в период между средне и новоперсидскими языками (т. е. в VII–IX вв.), также может свидетельствовать о том, что время расселения горских евреев и татов на Восточном Кавказе относится к поздне-сасанидской эпохе. При этом нельзя не учитывать и возможного сохранения начального под влиянием северо-западных языков.

Соотношение социумов горских евреев и татов основывается, главным образом, на их языковой близости. В

этнографической же науке существовало и существует различие названных народов, объединенных языковым родством, территорией расселения, определенной общностью исторических судеб, но и имеющих существенные этнодифференцирующие показатели.

Таты — малочисленный народ, проживающий на территории Азербайджана и Дагестана. Небольшая их часть живет в городах Кабардино-Балкарии, в Чечне и Ингушетии, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

Имея единый язык и социально-экономический уклад жизни, таты впоследствии приняли и стали исповедовать три различные религии: ислам, иудаизм, христианство монофизитского толка.

По данным переписи 1989 года татов насчитывается 31 тысяча человек. Однако эти данные не отражают истинного положения с численностью татоязычных групп населения. Дело в том, что таты мусульманского вероисповедания еще в 40-х годах записали себя азербайджанцами, а таты-христиане — армянами; произошла своеобразная их ассимиляция. В состав татов следует включать и так называемых горских евреев.

На Кавказе бок о бок с такими народами, как грузины, азербайджанцы, армяне и народами Северного Кавказа, кавказско-иберийской языковой группы, издавна проживают ираноязычные народы: осетины, курды, таты и талыши. Самыми малочисленными из ираноязычной группы индоевропейской семьи языков являются таты.

История появления на Кавказе и в Иране ираноязычных племен уходит вглубь веков. Они формировались в III—II тыс. до н.э. на бескрайних просторах Евразии. Со второй половины I тыс. до н.э. ираноязычные племена начали проникать на Кавказ, в Среднюю Азию, Афганистан и Персию. В Персии они заняли обширные районы. [1. С. 355] В результате смещения иранских племен с местным населением на Иранском плато образовался ряд новых племенных союзов. [2. С. 42] Одним из таких племенных союзов — таты Ирана, что находит подтверждение в современном употреблении этого названия в Иране: «таты» — самоназвание ираноязычного народа, персы считают татов отличными от себя. [3. С. 27—28]

Мнение, будто таты и талыши подвергались персизации, [4. С.92] то есть ассимилировались персами, не согласуются с данными по этнографии и лингвистике татов Ирана: таты сохранили свою самобытную культуру и язык предков — древних ираноязычных племен. [5. С. 27] Татское население Ирана (300 тыс.чел.) [6. С.358] проживает в районах, входивших в древнюю Мидию: в селах между городами Тегеран и Казвин, в горном районе Таликан и равнинном — Зохра. [7. С.192—194]

В начале III в.н. э. в Иране воцарилась династия Сасанидов. Большое значение Сасаниды придавали Кавказу, как региону важному в стратегическом отношении. Прежде всего, они хотели надежно закрыть так называемые Албанские ворота (Дербентский проход) [8. С.28] и тем самым обезопасить свои владения с севера, откуда постоянно грозила опасность нашествия кочевников. [9. С. 44]

По договору между Ираном и Византией от 387 г. н. э. Иран обязался держать на Кавказе крепости и гарнизоны, за что Византия выплачивала Ирану соответствующую субсидию. [10. С.112] К этому периоду и относится время поселения в качестве колонистов одного из татоязычных иранских племен из Мидии. Большое количество их было поселено в Дербенте и в окрестностях. Это объяснялось ключевым положением города в системе обороны Сасанидов. Именно здесь были созданы мощные по тому времени оборонительные укрепления и воздвигнуты южная и северная стены протяженностью 3,5 км. каждая. Их строительство завершилось в конце VI в.н. э. [11. С. 79]

Древние таты были язычниками: поклонялись огню, верили в существование злых и добрых духов. Необыкновенные божества, по их представлению, властвуют над природой и человеком; они могут явиться в образе животного, чтобы наказать или наградить землянина за плохие или добрые поступки и дела. Языческие верования проявлялись особенно наглядно в своеобразии обряда похорон, в исполнении ряда ритуалов и т.д. [12. С.39]

В VIII—IX вв.н. э. после вторжения арабов [13. С. 126] на Кавказ одна часть татского населения принимает ислам, другая, проживающая в районах населенных армянами — христианство (монофизитского толка). Таты, проживавшие на территории Хазарского каганата, приняли иудаизм.

Несмотря на исповедание татами различных религиозных направлений, дружественные связи между ними продолжались заключаться браки. [14. С. 228] Тесным связям между татами различных вероисповеданий способствовало сохранение единства их духовной и материальной культуры, традиций и быта и, естественно, наличие общего языка, а также многих обрядов языческого характера. В связи с этим следовало бы остановиться на одном ошибочном мнении о том, что между диалектами татов-иудеев татов-мусульман существуют значительные различия, исключающие полное взаимопонимание между их носителями. [15. С. 1] Между тем, как таты всех групп, независимо от некоторого диалектического различия, хорошо друг друга понимают.

Знаком татского языка, единственный до революции татский ученый И.Ш. Анисимов еще в 1888 г. констатировал, что многие местности Табасаранского и Кюринского округов Дагестанской области и кубинского уезда Бакинской области населены татами-иудеями и татами-мусульманами, которые «имеют общий тип и говорят общим языком». Далее он пишет: «Часто мне приходилось ошибаться во время путешествия по этим местностям и принимать тата-мусульманина за моих единоверцев (т. е. иудея) — до того мало отличия было между ними». [16. С. 11]

Слово «тат» тюркского происхождения и на протяжении веков оно имело различное значение. В раннем средневековье татами именовали все ираноязычное население Среднего Востока и Средней Азии. В Иране слово «тат» применялось в начале как общее название оседлых ираноязычных племен, не считавшихся себя персами, затем стало названием одной из народностей этой страны. В нашей стране татами называются все этниче-

ские группы, говорящие на татском языке (с некоторыми диалектическими различиями), независимо от их религиозной в прошлом принадлежности. [17. С. 54]

Таты Кавказа, как и таты Ирана, занимались в основном земледелием. Большое количество татов жило приблизительно в 30 окрестных аулах и селах, занимаясь сельским хозяйством: Карачог, Рукел, Хамайды, Мугарти, Дарваг, Дашлагар, Эрпели, Мамрач, Маджалис, Дургели и т.д., где трудились бок о бок с табасаранцами, лезгинами, азербайджанцами, даргинцами, кумыками. Были также аулы и селения целиком населенные татами: Нюгди, Хошмемзил, Жараг, Аглаби, Ханжел, Мамрач, Джалган, Сабуново.

Один из первых еврейских путешественников из России И. Черный, посетивший Дагестан сразу после присоединения его к России, писал о том, что таты-иудеи совершенно «оттатарились, приняли мусульманский характер», настолько он был удивлен их традициями и бытом, которые не укладывались в понятие «еврей», в том числе и исполнении иудейских религиозных ритуалов. [18. С. 9]

Установившиеся добрососедские, во многих случаях дружественные отношения между татами и соседними народностями являются, прежде всего следствием одинаковых социально-экономических условий и общего уклада жизни и быта горцев, сложившихся в течение веков в суровой борьбе с природой и внешними завоевателями. «Ираноязычная группа под названием «тат», — отмечает профессор Р.М. Магомедов, автор многих работ по истории Дагестана, — веками живет на территории Дагестана, разделяя исторические судьбы его народов, восприняв большинство признаков его духовной и материальной культуры, получив право считаться одной из народностей Дагестана. [19. С.13] Это положение о татах, как о коренной народности Кавказа, в полной мере относится и к тем татам, которые проживают в Азербайджане. Оно нашло конкретное воплощение в том, что, например, на гербе Дагестанской АССР золотыми буквами на татском языке, наряду с языками других народностей республики, написано наименование «Дагестанская АССР», соответственно надпись на татском языке имеется на флаге и на гербе республики. [20. С. 157–158]

Уклад жизни татов до революции был полупатриархальным, с родовыми пережитками, особенно у татов Дагестана. Они характеризовались наличием родовых семейно-брачных отношений и полунатуральным хозяйством. После присоединения Дагестана к России — представители царского правительства оттеснили татов к покоренным горским народностям и на них начали распространяться все положения, которые были установлены для всех горцев. [21. С.13,14]

В основе морально-этического поведения татов, как и других горцев, лежали адаты (неписанные законы) [22. С. 58]. По своей одежде таты всех вероисповеданий не отличались от других горцев, они также носили холодное оружие-кинжал. Таты, как и большинство горских народностей, были почти сплошь неграмотны и не имели своей письменности. Таты-иудеи, как отмечали ученые, были

неграмотны и в знании иудейской религии, оно и понятно: не имели даже письменного древнееврейского алфавита. [23. С. 14] Дети в 10–11 лет бросали религиозную школу и шли помогать родителям в сельском хозяйстве, поскольку семьи были многодетными и каждая рабочая рука ценилась. Кроме того, язык иврит, на котором обучали религиозной грамоте, был чуждым для татов языком и потому, выходя из стен школы, дети забывали то, что зубрили. До советской власти таты не имели своей письменности, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо изданий на татском языке. Создание нового алфавита для татов было завершено в 1929 году. [24]

Сплоченность наций и народностей наиболее ярко проявилась в тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вместе со всеми народами на фронтах Отечественной войны мужественно сражались горцы Кавказа, а среди них и таты.

Добровольно ушел на фронт выпускник Махачкалинской средней школы комсомолец Шатиель Абрамов, тат по национальности. Он прошел боями путь от Сталинграда до самого Берлина. Получил многочисленные награды, ему было присвоено звание Героя Советского союза.

Исай Иллазаров тат из Кавказа участвовал на Курской дуге и был награжден солдатским боевым орденом Славы III степени. И ему было присвоено звание Героя Советского Союза. [25. С. 144]

В составе частей легендарных «Катюш», Александр Семендуев, сын татского ашуга Шаула Симанду прошел свой боевой путь от Москвы до Праги. Пятью боевыми орденами и многими медалями отмечен ратный подвиг советского офицера А.Ш. Семендуева.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались татские деятели культуры: драматург Юно Семенов, писатели Михаил Бахшиев и Хизгил Авшалумов, поэты Борис Гаврилов, Манувах Дадашев, Даниил Атилов и многие другие.

Татка Вера Ханукаева одна из первых девушек Дагестана стала в 1936 г. парашютисткой. Она участвовала в освобождении Украины, Молдавии, Румынии и Венгрии. За боевые заслуги награждена орденом отечественной войны и многими боевыми медалями. Ей было присвоено звание «Ветеран войск связи и радиообеспечения». [26]

Татский мальчик Борис Рахамимов, уроженец г. куба, Азербайджанской ССР, воспитанник детдома г. Баку. Сбежав из детдома, он становится сыном полка 4-го батальона 62 (8-й гвардейской армии). В 14-летнем возрасте он участвует в боях за взятие Ростова. Со своей частью Б. Рахамимов дошел до Берлина, здесь 10 мая ему исполнилось 15 лет. [27]

Значительный вклад в победу над фашистскими полчищами внесли труженики тыла. В качестве примера хотелось бы привести героическую борьбу Бакинских нефтяников в годы Отечественной войны за создание «Второго Баку», вклад в это дело представителей татской народности, в частности Я.М. Агарунова, одного из ветеранов татской культуры.

Говоря о тружениках тыла из среди татов нельзя не рассказать о Герое Социологического труда Гюльбоор Давыдовой, женщине-горянке необычайной судьбы. Гюльбоор, что в переводе с татского языка означает «весенний цветок», родилась в селе Нюгди. Рано лишилась отца, затем в 1918 году мужа. Когда разразилась война она работала на колхозе «Путь коммунизма». На фронте погибли оба ее сына. Герой Социалистического Труда Гюльбоор Давыдова неоднократно избиралась депутатом Верховного Совета ДАССР, в честь нее названа одна из улиц Дербента, где она жила и трудилась последние десятилетия своей жизни. [28] О Гюльбоор сложена песня на татском языке, которая и по сей день часто передается по радиовещанию республики, исполняется ансамблями.

В 1958 г. Танхо Израйлов создает Государственный ансамбль народного танца Дагестана «Лезгинка» и становится его художественным руководителем. [29] Первый концерт состоялся 11 мая 1959 г. в Махачкале. Успешно выступил тат Борис Чирагаев, и солистка Догмара Бектемирова в татском танце «Харс». Первым художественным руководителем танцевального ансамбля «Кабардинка» был тат Семен Шабаев, талантливый хореограф танцор. Большой вклад в развитии музыкальной культуры Кабардино-Балкарии внесли таты: заслуженный артист РСФСР, народный артист КБАССР Танахум Ашуров и заслуженный деятель искусств данной республики Хацерон Алхасов, автор сборника «Татские песни», изданного еще в 1940 г. В Нальчике. [30. С. 100]

Государственной премией СССР отмечена работа коллектива мастерской Моспроекта и его руководителя Ю.Р. Рабаева за построенный по их проекту к Олимпиаде-80 уникальный гостиничный комплекс на 10 тыс. мест в Измайлово. Под руководством лауреата Ленинской премии академика архитектуры Д.И. Бурдина он участвовал в создании проекта святыни советского народа — памятника Неизвестному солдату у Кремлевской стены. Коллектив, возглавляемый Юрием Рабаевым, татом из Дагестана, является автором многих проектов комплексной застройки г. Москва, в частности, Октябрьской площади столицы. По проекту Ю.Р. Рабаева построен ряд зданий представительств СССР за рубежом, в том числе в ФРГ и Японии. [31]

В дореволюционной исторической литературе в отношении татов иудейского вероисповедания применялось название «дагджууд» от тюркских слов «даг» — гора и «джууд» — иудей, то есть горец-иудей, что означало религиозную, а не национальную принадлежность. Начиная с тридцатых годов XX в. наименование «таты» вместо «горские евреи» стало применяться и к татам иудейского вероисповедания. Это положение нашло свое законодательное закрепление в Конституции Дагестанской АССР, принятой в 1937 г. [32. С. 112] Между отдельными группами горских

евреев нет каких-либо существенных различий ни в физико-антропологическом, ни в языковом, ни в культурном плане. Несмотря на свою разбросанность на значительной территории — при небольшой численности (в начале XX века их число едва ли превышало 30 тысяч), они представляют собой довольно монолитную этнографическую группу, которая, в то же время, не имеет никаких признаков родства с кавказскими татами (персами). Однако это не стало препятствием на пути тех, кто в силу политических причин развернул кампанию по навязыванию горским евреям название «тат». Навязывание шло через прессу, через литературу, которую издавали специально для горских евреев.

В связи со сказанным небезынтересен вопрос о названиях и самоназваниях горских евреев. В XIX веке, после завоевания Кавказа Россией, официальные власти стали применять в отношении восточнокавказских евреев эпитет «горские». [33. С. 14] С тех пор сочетание «горские евреи» вошло и в русскую исследовательскую литературу. Существует, впрочем, мнение, согласно которому восточно-кавказские евреи и сами называли себя «горскими», но это не более чем домысел очень позднего происхождения.

Однако к началу XX века процесс тюркизации татов Азербайджана зашел так далеко, что в очень многих местах татский язык стал выходить из употребления, и в настоящее время лишь в очень редких случаях еще продолжается сохраняться азербайджано-татское двуязычие. Кроме того, под влиянием тюрков-азербайджанцев, у которых термин «тат» означает название покоренного населения, кавказские таты вовсе перестали применять этот древний этноним в отношении себя, предпочитая термин «азербайджанец».

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: тот народ, для которого термин «тат» всегда был самоназванием, перестал называть себя этим именем, а горские евреи, которые татами себя никогда в прошлом не называли, под влиянием пропаганды стали применять этот термин в отношении себя. Более того, наименование горских евреев «татами» вошло в исследовательскую литературу и прилипло к этому народу как второе или даже первое название. В результате весь тот слой культуры, который при советской власти создавался горскими евреями, именовался «татским». Собственно же таты (персы) писали по-азербайджански и ту культуру, которая называлась «татской», своей не признавали.

В настоящее время большинство горских евреев живет уже за пределами Восточного Кавказа, края, где они сформировались как особая этнографическая группа еврейского народа, но и по сей день еще сохраняют связи с родиной своих недавних предков и в новых местах своего проживания нередко группируются в более или менее значительные по размерам общины.

Литература:

1. Грантовский Э.Я. Ранняя история иранских племен в Передней Азии. М., 1970. с. 355.

2. Дьяконов И.М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961. с. 42.
3. Люшкевич Ф.Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // Советская этнография. 1971. №3. с. 27–28.
4. Дьяконов И.М. История Мидии. М., 1956. с. 92.
5. Люшкевич Ф.Д. Указ. раб. с. 27.
6. Брук С.И. Население мира. М., 1986. с. 358.
7. Люшкевич Ф.Д. Некоторые этнографические данные о татах Ирана // Этническая история народов Передней Азии. М., 1972. с. 192–194.
8. Люшкевич Ф.Д. Термин «тат» как этноним... с. 28.
9. Народы Кавказа. Т.2. М., 1962. с. 44;
10. История Ирана. с. 112.
11. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968. с. 79
12. Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы. М., 1888. с. 39.
13. История Ирана. с. 126.
14. Ховен. Из прошлого и настоящего азиатских евреев. Спб., б/г. с. 228.
15. Грюнберг А.д. Татский язык // Языки народов СССР. 1966, с. 1.
16. Анисимов И.Ш. Указ. раб. с. 11.
17. Магомедов Р.М. Указ. раб. с. 54.
18. Черный И. Горские евреи // Сведения о кавказских горцах. Вып. №3. Тифлис, 1870. с. 9.
19. Магомедов Р.М. К вопросу о татах... с. 13.
20. Конституция ДАССР. 1978. с. 157–158.
21. Анисимов И.Ш. Указ. раб. С. 13, 14.
22. Там же. с. 58.
23. Черный И.Я. Указ. раб. с. 14.
24. Газета «Захметкеш». Учитесь грамоте. Дербент. 1929, ноябрь.
25. Шаббаев Д. На земле Белоруссии // Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 144–145;
26. Ханукаева-Романова В.А. Воспоминания. 1987, декабрь.
27. Матвеева А. Встреча с сыном полка // Знамя коммунизма. Дербент, 1988. 23 апреля.
28. Авшалумов Х. Красная батрачка // Дагестанская правда. 1976. 3 июля.
29. Государственный ансамбль народного танца Дагестана. Махачкала, 1960; С днем рождения «Лезгинка» // Дагестанская правда. 12 мая.
30. Шаббаев Д.В. Плечи братьев // Точка отсчета. Нальчик, 1987. с. 100.
31. Фараджев в. Зодчий // Дагестанская правда. 1987. 9 октября.
32. Конституция Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Махачкала, 1975. с. 78, 112.
33. Мураханов Ю.И. Очерк истории этнографического изучения горских евреев (XVIII — нач. XX в.). М. 1994. с. 14.

Истоки социальных функций государства

Саженова Екатерина Юрьевна, магистрант
Одинцовский гуманитарный институт (Московская обл.)

В данной работе выявлены истоки и предпосылки социального государства в виде первичных социальных функций управления, присущих обществу и государству на ранних этапах развития. Рассмотрена первая концепция социального государства немецкого ученого Л. фон Штейна, которая содержит принципиальные положения понимания социального государства.

Ключевые слова: Государство, общество, личность, теория социального государства, социальные функции государства, первая теоретическая концепция социального государства.

Социальные функции свойственны государству с глубокой древности, с той поры, когда еще не было дифференциации государственного, общественного и частного. Государству все было подвластно. Общее благо, которое рассматривалось как цель государства,

оправдывало вторжение власти в любую сферу жизни.

Исторические условия, необходимые для формирования концепции социального государства сложились к середине XIX века. Это позволило немецкому ученому — Лоренцу фон Штейну — выработать концепцию социального госу-

дарства, содержащую в себе возможности дальнейшей эволюции этой теории в связи с изменяющимися социальными и политическими условиями. Как заметил сам немецкий философ: «Ни одно сколько-нибудь важное воззрение не рождается во всеоружии, <...> каждое из них есть органический продукт преемственности ряда развития, и приобретает внешнее могущество лишь благодаря внешним условиям» [10]. К близкому выводу приходит известный отечественный социальный философ В.С. Барулин, он считал, будто бы новое государство сразу и целиком берет на себя функции быть выразителем воли всех людей. Реальная защита различных интересов всех граждан — продукт длительного и сложного развития всего общества, его истории. Да и вряд ли этот процесс когда-либо может быть вообще доведен до какого-либо завершения [2].

Принято выделять социальные функции государства в широком и узком смысле. Под социальными функциями в широком смысле понимается деятельность государства по регулированию общественных отношений и общественных процессов, объединяющих сообщество людей в определенную целостность. С этой точки зрения социальные функции включают в себя всю деятельность государства по отношению к обществу: экономическую, политическую, духовную, культурную. **Любое государство выполняет социальные функции, т.к. основой любого государства является общество.**

Социальные функции государства в узком смысле — это деятельность государства в рамках особой области общественной жизни — социальной сфере. Под социальной сферой понимается «целостное социальное бытие, где взаимодействуют социальные группы, индивиды, институты власти, общественные организации по поводу и в связи с социальным статусом человека, его ролью в общественной жизни, условиями жизнедеятельности людей, материальным благосостоянием и образом жизни» [3]. Социальные функции государства, не остаются в неизменном виде, они развиваются, расширяются, наполняются новым содержанием в зависимости от «конкретно-исторических условий человеческой жизнедеятельности и ... порождают в конкретном обществе конкретный вид социальных отношений...» [4].

На ранних этапах исторического развития социальные функции государства, как в широком, так и в узком смысле, существуют в неразрывном единстве, и только на определенном этапе развития общества и государства происходит их постепенная дифференциация, которая в итоге привела к появлению социального государства. Многие ученые связывают появление термина «социальная политика», в котором отражается деятельность государства в социальной сфере, с возникновением именно социального государства на рубеже XIX — XX вв.

Социальные функции государства берут свое начало от первичных социальных функций управления, присущих обществу на самых ранних этапах развития. Российский ученый Г.В. Атаманчук пишет, что управление является социальным институтом и имеет целеполагающее, орга-

низирующее и регулирующее воздействие на собственную, групповую и общественную жизнедеятельность, которое осуществляется как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, корпорации, партии и т.п.) [5]. **Функции управления — налаживать в обществе отношения стабильности, солидарности, сотрудничества, а это в свою очередь невозможно без заботы о благополучии каждого человека и общества в целом.**

Понятие социального государства сложилось в XIX веке в трудах немецких ученых таких как Л.фон Штейн, Ю.Оффнер, Ф.Науманн и др. Среди теоретиков социального государства особое место занимает Лоренц фон Штейн (1815—1890 гг). Именно Л.фон Штейну принадлежит научный приоритет в разработке первой теоретической концепции социального государства. В ней отражены новаторские идеи о возможностях целенаправленной и планомерной государственной политики, направленной на преодоление углубляющейся пропасти между богатством и бедностью.

Наиболее последовательно изложено учение о социальном государстве представлено в двух трудах Л.фон Штейна: «История социального движения Франции с 1789 года до наших дней» и «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии».

Определяя сущность социального государства Л. фон Штейн в работе «Настоящее и будущее правовой и научно-государственной Германии», писал, что «государство обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [6].

Выше указанное определение государства по Л. фон Штейну считается классическим. Исследователь А.Э. Евстратов считает, что «... развития концепции социального государства, с момента введения самого термина, фактически не происходило, т.к. обращалось внимание лишь на отдельные аспекты деятельности государства в социальной сфере (в области страхования, здравоохранения, бедности), а не на все проявления социальной государственности» [7]. Конечно же, это не так. Ведь концепция социального государства с момента ее первоначального оформления в трудах Л. фон Штейна проделала огромный этап развития. Без учета определения социального государства, предложенного Л. фон Штейном, не может быть построена ни одна современная теория социального государства.

Будучи единственным гарантом равенства и социальной справедливости, государство в понимании Л.фон Штейна, тем самым возвышается над всеми остальными институтами и интересами. П.Козловский на этом основании считает Л.фон Штейна апологетом государства и защитником

идеи полной независимости государственной власти от общества [8]. С такой обобщающей трактовкой трудно согласиться, поскольку Л.фон Штейн при разработке своей концепции осознавал ситуации, когда государственная власть отрывается от народа и становится живущим для себя государственным порядком. Во избежание этой опасности, необходимо, как считает Л.фон Штейн, обеспечить органическое участие народа в образовании государственной воли. Такое «участие» народа означает, в трактовке Л.фон Штейна, не просто народное представительство, а максимальный учет интересов, пожеланий, самого духа народа при выработке и проведении государственной политики. Только такое участие народа не будет подрывать самостоятельной государственной власти [9].

Целью всей концепции социального государства Л.фон Штейна являлось разрешение так называемого «социального вопроса», который на том этапе развития был вопросом о том, «как с помощью государственной власти неимущие классы (рабочий класс) могут изменить свое независимое положение, обусловленное природой труда, в положение независимое, материально-свободное?» [10].

Литература:

1. Штейн Л. История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. — СПб, 1872, с. 134
2. Барулин В.С. Социальная философия. Изд.2-е. — М.:ФАИР-ПРЕСС, 2000
3. Осадная Г.А. Социальная сфера общества: теория и методология социального анализа. — М.:Союз, 1996, с. 17
4. Никитин В.А.,Отюцкий Г.П. Теоретико-методологические вопросы социальной работы. — М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006, с. 7.]
5. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. — М.; Норма, 1997, с. 17.
6. Миленский В.П. Политические процессы в России в сравнительном измерении. — СПб.: Изд-во СПб. Унта,1997, с. 82.]
7. Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства (Историко-теоретические проблемы). Дис.канд.юрид. наук. — Омск, 2005, с. 11–12.]
8. Козловский П. Общество и государство: неизбежный дуализм. — М.:Республика,1998, с. 284.
9. Кочеткова Л.Н. Теория и практика социального государства. Дис. 2010, с 72.
10. Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года до наших дней. — С.ХХVI.

О сохранении памятников деревянной архитектуры

Яргина Зоя Николаевна, доктор архитектуры, профессор
Московский архитектурный институт

Яргин Сергей Вадимович, кандидат технических наук, доцент
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Известно, что в советское время были утрачены некоторые памятники культовой архитектуры. В отношении деревянных построек применялась сомнительная практика их перевозки в музеи под открытым небом: «В сложившихся условиях сама действительность подсказала особую, вполне реальную и гибкую форму сохранения народного зодчества. Эта форма — музеи под открытым небом, где собирают, хранят и экспонируют

Л.фон Штейн выделяет два условия осуществления государственного принципа. **Первое условие** — это всеобщность государственного устройства и свобода для каждой отдельной личности. **Второе условие** — это деятельность государства, совершаемая через посредство государственных органов и образующая внешнюю жизнь государства, которая проявляется в форме государственного управления.

Своей «чистейшей формы» государственное управление достигнет лишь тогда, когда единственной задачей своей деятельности будет жизнь всех граждан. Оно «тем хуже, чем больше число и нужда тех, которых оно оставляет в пренебрежении, и тем совершеннее, чем полнее оно может доставлять всем средства к высшему личному развитию». Когда государственное устройство и государственное управление идут наперекор человеческой личности и ее назначению, когда государство живет только для себя и своей собственной личности, государство гибнет. Но пока существует хотя бы один пункт, «на котором государство держится своего высшего назначения, до тех пор возможна жизнь и есть надежда на улучшение» [10].

наиболее ценные и типичные памятники архитектуры» [1]. Подлинность при этом в значительной степени утрачивается и возникает постройка с использованием нового и старого материала. А.В. Ополовников в книге «Музеи деревянного зодчества» [1] отмечал, что при разборке памятников деревянной архитектуры нередко ломаются концы бревен, так называемые остатки, в результате чего бревно становится малопригодным для реконструкции.

Скалывание остатков, забоины наружных поверхностей бревен и другие повреждения возникают также при транспортировке и перекидке ослабленного гнилью строительного материала. При разборке повреждаются многие подлежащие охране элементы памятника. Более того, церкви изымали из естественного окружения и забирали у местных жителей вместе с перспективами трудоустройства в деле охраны памятника и в туристической отрасли, не говоря уже о значении подобной утраты для местного жителя, который с рождения видел свою церковь. Очевидно, правильнее было бы консервировать памятники деревянного зодчества на местах, а в музеях строить копии или научно обоснованные исторические реконструкции. Это имело бы преимущества для историков архитектуры, а также для строителей, в связи с очевидным конструктивным преимуществом постройки из нового материала.

Для сохранения культурного наследия необходим единый подход к памятникам деревянного зодчества: консервировать на местах с сохранением всех поздних изменений. В соответствии с преобладавшей концепцией реставрации памятников, «древнее сооружение освобождает от чуждых и уродующих наслоений, приводят в порядок подлинные элементы и достоверно воспроизводят то, что было утрачено». [2] Концепция реставрации обсуждалась в литературе, однако наиболее важные ее принципы оставались за пределами внимания: минимум вмешательства и сохранение подлинности (*minimum intervention, conservation of authenticity*) [3]. В то же время признавалось, что привнесенные в разное время изменения имеют научную значимость [2]. Поновления и постройки XIX — начала XX века, которые в литературе нередко называли искажениями, приобретают со временем все большую историческую ценность. Имитация обедняет эстетические качества наследия, фальсифицирует историко-мемориальную ценность. «Подлинным нельзя жертвовать, поскольку эта потеря необратима». [4] В частности, на деревянных постройках желательнее сохранять обшивку из досок, которая защищает сруб от атмосферных воздействий (допустимо временное снятие обшивки в ходе работ по консервации сруба). Удаление обшивки и штукатурки в советское время было связано со стремлением придать памятникам деревянного зодчества «избяной» [5], неевропейский облик. По соображениям такого рода, очевидно, в советской литературе не упоминалось о сходстве шатровых церквей русского Севера с деревянными церквями Скандинавии, на которых обшивку сохраняют (*stavkirker*, изображения имеются в интернете). Замены железной кровли лемехом также нежелательно: старинные крыши из кровельного железа обладают ностальгической привлекательностью (рис. 1); покрывать лемехом можно реконструкции в музеях под открытым небом. Удаление кровельного железа сопровождается повреждениями куполов и других подлежащих охране элементов памятника. За деревянной кровлей надо следить, иначе она будет протекать. По мнению авторов,

в некоторых случаях можно сохранять даже деревянные леса, оставшиеся после незаконченных реставраций советского времени (рис. 1,2): за многие десятилетия они как бы срослись с памятником и приобрели историческую ценность. По поводу двух деревянных церквей из тройника (колокольня разрушена) около села Шелехово близ Каргополя (в книге [5] обозначены как Михайловская и Сретенская церкви в селе Архангелы, 1715 и 1803 гг.) Ополовников пишет следующее: «Ее крытое металлом и покрашенное зеленой краской кубоватого типа покрытие, грузные, снаружи побеленные шеи под главками, похожи на какие-то трубчатости или нарезки коллекторов, невольно отчуждают от памятника, вызывая к нему нерасположение... Рядом с Михайловским храмом стоит менее выразительная в архитектурном отношении Сретенская церковь... Частично отремонтированы в конце 1980-х годов, но ремонт не был закончен» [5]. Эстетические оценки индивидуальны, наша оценка отличается от изложенной выше (см. рис. 1). Удаление кровельного железа и обшивки в данном случае противопоказаны, так как это привело бы к повреждениям куполов и других подлежащих охране элементов, снижению историко-мемориальной ценности памятников. Небо из первой церкви представлено на рисунке в книге [5], но не указано, где оно находится в настоящее время (рис. 3).

Разрушение памятников деревянного зодчества сегодня продолжается. Согласно информации, полученной в Онежском историко-мемориальном музее (рис. 4), многие деревянные церкви по течению реки Онега и в ее окрестностях на сегодняшний день разрушились или сгорели. Слов местных жителей и сотрудников музеев, иконы и детали убранства церквей расхищались, охрана отсутствовала, замки взламывались и т.п. Иконами торговали фарцовщики. Следует отметить, что граница между фарцовщиками, некоторыми коллекционерами и ценителями была расплывчатой: они ценили, присваивали, а кое-что продавали, в том числе, иностранцам. Во многих церквях было удалено небо — расписной потолок (рис. 3). Важно отметить, что, помимо художественной ценности, небо выполняет механическую функцию, укрепляя шатер; а при худой кровле защищает внутреннее помещение от дождя и снега. На вопросы о причинах пожаров можно услышать ответы: «Дети играли с огнем» или «Местные жители хотели освободить южный склон холма под картофельное поле» (в селе Усть-Кожя Архангельской области, где в девятые годы сгорел тройник — две церкви и колокольня). Однако, на правду это не похоже: известны случаи, когда местные жители своими силами тушили горящие церкви. Кроме того, распространяются слухи, лишь отчасти основанные на фактах, и направленные, очевидно, против профессиональной реставрации памятников: «Реставраторы воруют иконы» или «Студенты больше поломали, чем отреставрировали» и т.п. Очевидно, что таким образом общественное мнение готовится к реконструкции памятников строительными фирмами без участия реставраторов, без заботы о подлинности, с целью создания достоприме-

чательностей для нетребовательных туристов. В этой связи необходимо отметить, что «бутафория может придавать постройкам законченность, но обманывает науку и зрителя» [2]. Другим механизмом, ведущим к строительству псевдотрадиционных построек, является создание новых действующих храмов (рис. 5). Строительство псевдотрадиционных зданий рядом с памятниками архитектуры нарушает эстетический принцип, соблюдаемый в музеях живописи: в одном зале не экспонируют оригинал и более поздние аналоги, например, прерафаэлитов, Васнецова, Нестерова и Глазунова. Подобная выставка поставила бы посетителя перед трудными вопросами: где старое, где новое? Что лучше, что красивее? Техника изобразительных искусств и архитектурного дизайна совершенствуется. С помощью компьютера можно получать изображения замечательной красоты, а также «совершенствовать» классические картины. Именно поэтому старые мастера и памятники архитектуры нуждаются в защите [5]. Не случайно местные жители опасаются, что реставрация может изменить облик одного из самых замечательных памятников деревянного зодчества — Успенского собора в городе Кемь (Рис. 2), который реставрировали начиная с 1950-х годов с заменой некоторых элементов. Глядя на этот памятник, становится понятным, что его лучше не красить, а только обрабатывать консервантами. Помимо антисептиков и мономерных консервантов нужно шире использовать полимерные композиции для пропитки, заполнения дефектов и щелей, что придавало бы механическую прочность даже наполовину сгнившим, расщепленным деталям, не уменьшая при этом подлинности. Древесина, модифицированная полимерами, приобретает огне- и водозащищенность, улучшаются ее механические характеристики. Помимо кремнийорганических соединений [6] можно использовать эпоксидные смолы.

Использование эпоксидных смол может приводить к появлению ореолов на поверхности древесины [6], однако, сохранение памятника важнее, нежели цветовые эффекты. Обработка полимером может представлять собой, по сути дела, покрытие сруба и других элементов лаком снаружи и изнутри с заполнением дефектов и щелей, а также инъекцией полимера в полости. Кроме того, можно разрабатывать технологии одномоментной пропитки консервантом всей постройки или ее частей с использованием изолирующих пластиковых мешков. Накрытую водонепроницаемой пленкой постройку можно во влажное время года обрабатывать водорастворимыми антисептиками, жидкими и газообразными (фумигация, окуливание изнутри) [7] средствами против вредителей, которые немало повредили архитектурному наследию, а в сухое время — обрабатывать полимерными консервантами. Консервация памятников деревянной архитектуры представляет собой перспективную тему для научных исследований и изучения зарубежного опыта.

Псевдотрадиционные деревянные церкви строятся из нового или старого материала, например, около пристани в Кемь, откуда отправляется туристический водный транспорт на Соловки; причем даже специалисту иногда бывает трудно понять, где реставрированный памятник, а где новодел или псевдотрадиционная имитация [8,9]. Новый материал тонируют. Международные туристические путеводители не оставляют эти явления без соответствующих комментариев. В заключение необходимо отметить, что для сохранения памятников деревянной архитектуры, наряду с возможно более широким привлечением отечественных специалистов, желательно приглашать экспертов из-за рубежа: в странах Европы накоплен немалый опыт консервации и реставрации памятников деревянной архитектуры.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

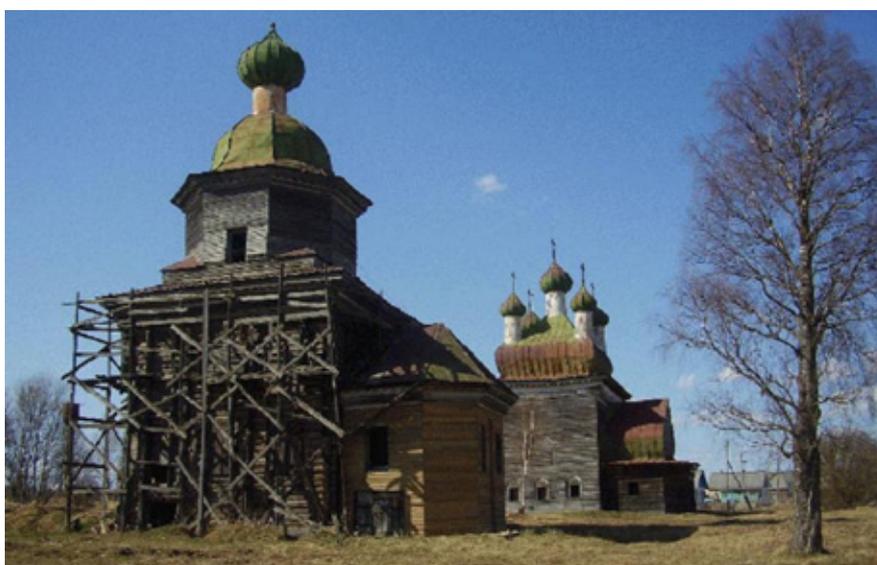

Рис. 1. Две церкви из тройника около села Шелехово близ Каргополя, со следами незаконченной реставрации. В книге [5] обозначены как Михайловская и Сретенская церкви в селе Архангелы, 1715 и 1803 гг.

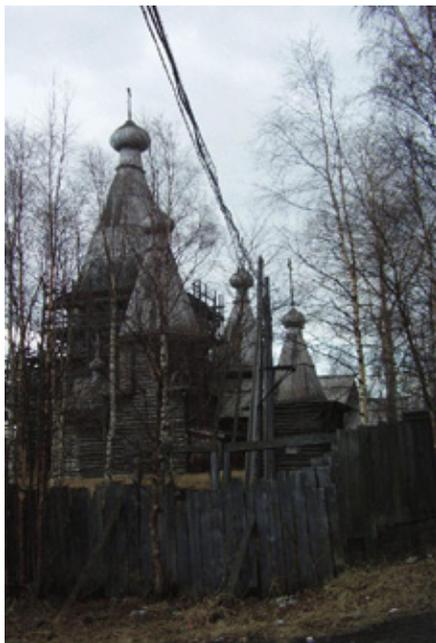

Рис. 2. Успенский собор в городе Кемь (построен в 1711–1717 годы); реставрация была начата в 1950-е годы.

Рис. 3. Интерьер церкви, стоящей слева на рис. 1, со следами незаконченной реставрации. Небо удалено.

Рис. 4. Карта из экспозиции Онежского историко-мемориального музея, согласно которой большинство деревянных церквей, часовен и колоколен в бассейне реки Онега были утрачены.

Рис. 5. Новая часовня на берегу Белого моря в г. Кемь

Рис. 6. Реставрированная с участием местных жителей церковь Николая Чудотворца (XVII век) в селе Ворзогоры на берегу Белого моря.

Литература:

1. Ополовников А.В. Музеи деревянного зодчества. Москва: Издательство литературы по строительству, 1968. — 117 с.
2. Косточкин В.В. Проблемы воссоздания в архитектурном наследии. Москва: «Знание», 1984. — 64 с.
3. Boer N.S., Snethlage R., editors. Saving our architectural heritage: the conservation of historic stone structures. Reports of the Dahlem Workshop held in Berlin, March 1996. Chichester: Wiley, 1997.
4. Щенков А.С. Теоретические основания анализа культурной ценности архитектурного наследия. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора архитектуры. Москва: НИИ теории архитектуры и градостроительства, 1995. — 49 с.
5. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Избяная литургия. Часть 2. Москва: ОПОЛО, 2011. — 566 с.
6. Никитин М.К. Реставрация и консервация древесины памятников истории и культуры с использованием кремнийорганических соединений. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора технических наук. Санкт-Петербург: Гос. Русский музей, 1998. — 48 с.
7. Преображенская Г.А., Ивлев Ю.П. Консервация деревянной пластики. Санкт-Петербург: Акционер, 2001. — 215 с.
8. Jargin S. Domus news report of 10 Sep 2009 <http://www.domusweb.it/en/news/old-and-new-wooden-architecture-of-northern-russia/>
9. Яргина З.Н., Яргин С.В. Эстетическая оценка реконструкции Москвы. Архитектура и строительство Москвы 2010, № 6 (554), стр. 22–29.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Изучение религиозности молодежи г. Петропавловска

Жукова Екатерина Владимировна, студент

Северо-Казахстанский государственный университет имени М.Козыбаева (г. Петропавловск)

Работа посвящена изучению особенностей религиозного мировоззрения петропавловских подростков, их отношения к учению традиционных и нетрадиционных религий, к нравственным ценностям, проповедуемым традиционными религиями.

Цель работы:

Выяснить особенности проявления религиозности у молодежи города Петропавловска и оценить их соответствие реальному вероучению тех религий, представителями которых считают себя респонденты.

Гипотеза:

Современные подростки с интересом относятся к учениям традиционных и нетрадиционных религий, однако не обладают знаниями, необходимыми для того, чтобы своевременно обнаружить искажения традиционных вероучений, допускаемых лидерами тоталитарных сект, псевдорелигиозных и экстремистских группировок.

Научная новизна работы:

Впервые в г. Петропавловске было проведено изучение религиозных установок и ценностей старших школьников. Установлено, что подавляющее большинство учащихся проявляет интерес к сверхъестественным, мистическим явлениям, однако не обладает достаточными знаниями для того, чтобы видеть принципиальные отличия между вероучениями традиционных религий и всевозможными оккультными практиками или откровенным шарлатанством. Выявлен ряд тревожных особенностей, касающихся нравственных убеждений и ценностей учащихся.

Практическая значимость:

Полученные результаты позволят родителям и педагогам организовывать обсуждение религиозных вопросов, основываясь на реальных проблемах, интересах и потребностях подростков, а не на собственном представлении об этих проблемах, интересах и потребностях.

Религия — это неотъемлемая часть человеческой культуры. Британский историк Арнольд Тойнби полагал, что религиозность — это одна из основных характеристик человеческой цивилизации, один из признаков, позволяющий отличить человека от животного.

К большому сожалению, на протяжении почти всего 20 века граждане нашей страны не имели возможности получать достоверную информацию о вероучении традиционных мировых религий.

Основным вопросом для каждого человека всегда был и остаётся вопрос о смысле жизни. Не все могут найти для себя окончательный ответ, не все способны достаточно обосновать его. Но в каждом думающем человеке неистребима потребность найти этот смысл и его разумное оправдание. Очень многие люди, среди которых немало деятелей науки, культуры, просвещения находят обоснование своего существования в религии.

Существует множество определений понятиям «религия» и «вера». Выдающийся русский философ С.Н. Трубецкой дает такое определение религии в словаре Брокгауза и Ефрона: «Религия может быть определена как организованное поклонение высшим силам... Религия не только определяет собой веру в существование высших сил, но и устанавливает особые отношения к этим силам — она есть, следовательно, известная деятельность воли, направленная к этим силам» [1].

Рассуждая об особенностях религиозного мировоззрения, А.В. Кураев пишет: «Мировоззрение отвечает на запросы человека и формирует эти запросы. Наука отвечает лишь на вопрос «как» и в редких случаях на вопрос «почему». Этика, философия, миф, религия говорят о «зачем». Расписание поездов можно составить на научной основе. Но из расписания я не узнаю, куда надо ехать мне самому. Вот это и есть пример соотношения этики, религии и науки. Религия дает ценности: ради чего человек живет, каких целей добивается, куда идет, а наука говорит, какими путями можно добраться до намеченной станции» [2].

К большому сожалению, на протяжении почти всего 20 века граждане нашей страны не имели возможности получать достоверную информацию о вероучении традиционных мировых религий. Причиной этому являются всевозможные религиозные гонения и насаждение религиозного атеизма. В результате многие наши современники принимают за религиозность обычные суеверия или «магические» обряды, а молодые представители ислама даже встают на путь терроризма, искренне веря в то, что их деятельность угодна Всевышнему.

Говоря о нынешней религиозной ситуации в Республике Казахстан, можно сказать, что Казахстан — не только многонациональная, но и многорелигиозная страна. В Казахстане насчитывается более 600 этнокультурных и более 4000 религиозных объединений. Оценивая современное состояние государственно-конфессиональных отношений в стране, есть все основания утверждать, что за годы независимости в Казахстане созданы правовые, идеологические и общественные условия для деятельности религиозных объединений. Права на свободу вероисповедания граждан не только декларируются, как в прежние времена, но и реально существуют.

В настоящее время динамично развивается партнерство религиозных объединений и светского государства. Казахстан имеет собственную модель взаимоотношений государства и религиозных объединений, основанную на демократических принципах уважения прав и свобод человека, балансе общественных и религиозных интересов.

Государственную политику в сфере религии реализует целый ряд органов, в пределах своих полномочий. С 2006 года действует уполномоченный орган — Комитет по делам религий Министерства юстиции. Также с 2000 года действует консультативно-совещательный орган при Правительстве — Совет по связям с религиозными объединениями [3].

Но недавно в Казахстане произошло событие, о котором было широко распространено в СМИ. Речь идет о задержании экстремисткой группировки в городе Атырау. «Операция по задержанию участников незаконного банда формирования проводилась 29 августа 2011 г. в одном из микрорайонов г. Атырау. В ходе задержания один из экстремистов оказал ожесточенное вооруженное сопротивление сотрудникам силовых органов и был уничтожен ответным огнем. Остальные были задержаны» [4].

Событие произошло 29 августа 2011 года. А уже 22 сентября в Клубе ИПР анализировали готовность государства и общества к вызовам экстремизма [5].

Стало быть, вспышка религиозного экстремизма имеет место быть не только в странах с неустойчивой политикой, но и в стране, где казалось, все мирно.

Для ограждения казахстанского общества, особенно молодежи, от разрушительного воздействия экстремистских сил, нужны профилактические меры, в частности просвещение в религиозном образовании. Необходимо проводить регулярные встречи, семинары, конференции с представителями различных конфессий, беседы с учени-

ками их родителями. Нужно уделять большее внимание на духовное развитие ученика, воспитывать в них любовь к окружающим [6].

Для борьбы с экстремизмом необходимы слаженные действия общества и государства. Только так мы сможем предотвратить экстремизм на ранних и поздних стадиях. Религиозное образование — необходимая нынче потребность людей. Человек без духовно-нравственных ценностей не может быть разносторонним, что, безусловно будет отражаться на благополучии государства и общества.

В качестве основного метода исследования мной было выбрано анкетирование, так как оно позволяет сохранить анонимность респондента и собрать большой объем информации за сравнительно небольшой промежуток времени.

Было опрошено 126 человек в возрасте 15–18 лет. Анкетируемые — учащиеся 10–11 классов Городской классической гимназии, школы №7, Первой гимназии, школы-лицея «ЛОРД». Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся их вероисповедания, мнения о нравственных нормах поведения, о вере в те или иные мистические явления и религиозные догматы.

Целью опроса было изучение религиозности современной молодежи и ее ценностных ориентаций, анализ ответов молодежи, выявление потенциально уязвимых для сект, сбор фактических данных о религиозной ситуации среди молодежи, проживающей в городе Петропавловск.

В первом блоке анкеты (4 вопроса) изучалось отношение респондентов к вере и принадлежность к определенной конфессии, во втором — знание религиозных догматов (27 вопросов), в третьем — представление о том, какие явления современной жизни являются греховными, а какие — нет (33 вопроса).

Некоторые вопросы являлись синонимами (верите ли вы в загробную жизнь, жизнь после смерти), некоторые — антонимами (верите ли вы в существование ада, рая), вопросы о наиболее распространенных слухах и явлениях «популярной духовности» (конец света, сила медитации, потусторонние миры). Один из вопросов, ответ на который анкетируемый должен был подчеркнуть, был о том, доверяют ли испытуемые гороскопам, нумерологии и фэн-шую. Подчеркнутый ответ рассматривался как «да». Соответственно, не подчеркнутый ответ означал отрицательный ответ.

Полный вариант анкеты, использовавшейся в исследовании, представлен в Приложении А.

Результаты анкеты были занесены в базу данных MSAccess 2010 и обработаны с помощью серии запросов (рис. 1).

Для удобства анализа часть информация была представлена в виде диаграмм и графиков, которые были построены с помощью табличного процессора MS Excel 2010.

По результатам анкетирования были сделаны выводы об уровне религиозности молодежи, о наиболее распро-

Тема	Ответ	Тема	Ответ
загробная жизнь	да	существование ада	нет
жизнь после смерти	да	чудотворные иконы	нет
лечение заговорами	да	удачные и неудачные дни	да
ангел-хранитель	нет	число 13	нет
переселение душ	нет	привороты, отвороты	да
конец света	нет	число 7	нет
Троица	нет	призраки, домовые	нет
экстрасенсы	да	вещие сны	нет
существование рая	нет	нумерология	нет
медитация	нет	гороскопы	да
крестное знамение	нет	фэн-шуй	нет
распятие Христа на кресте	да	пробовали ли гадать	нет
аура, карма	нет	сбылись ли предсказания	нет

Рис. 1. Форма СУБД MS Access для внесения результатов анкетирования в базу данных

страненных заблуждениях относительно вероучения той или иной религии, об отношении современной молодежи к нормам морали и нравственности.

Как показали результаты анкетирования, из 126 респондентов только 16 открыто заявили о своем отрицании религии (рис. 2). Но даже их атеизм, как будет показано ниже, вызвал у меня большие сомнения.

73 человека отнесли себя к людям верующим, но не все определились, во что они верят. 13 человек из 126 указали, что верят в высшие силы, что свидетельствует о том, что в своих жизненных позициях участник опроса не определился, либо верит в существование чего-то, но чего именно — не знает.

43 анкетлируемых отнесли себя к людям верующим, но невоцерковленным (не посещающих храмов, мечетей), некоторые писали в анкете о том, что посещают храм/ме-

четь нерегулярно, либо по праздникам, то есть духовную жизнь не считают неотъемлемой частью своей собственной жизни.

Верующим респондентам было предложено ответить о конфессии, к которой они себя относят. К сожалению, на это вопрос смогли дать четкий ответ только 55 человек. Из них к исламу себя отнесли 20 человек, к православию — также 20, к католицизму — 1 человек, и еще 14 респондентов в качестве конфессии указали просто «христианство» без упоминания о конкретной деноминации. Вероятно, эти ученики считают все направления христианства одинаковыми. Как показывает практика, такие люди часто становятся жертвами сект, лидеры которых, прикрываясь неверно истолкованными библейскими цитатами, выманивают у своих «прихожан» деньги, время, душевные и духовные силы.

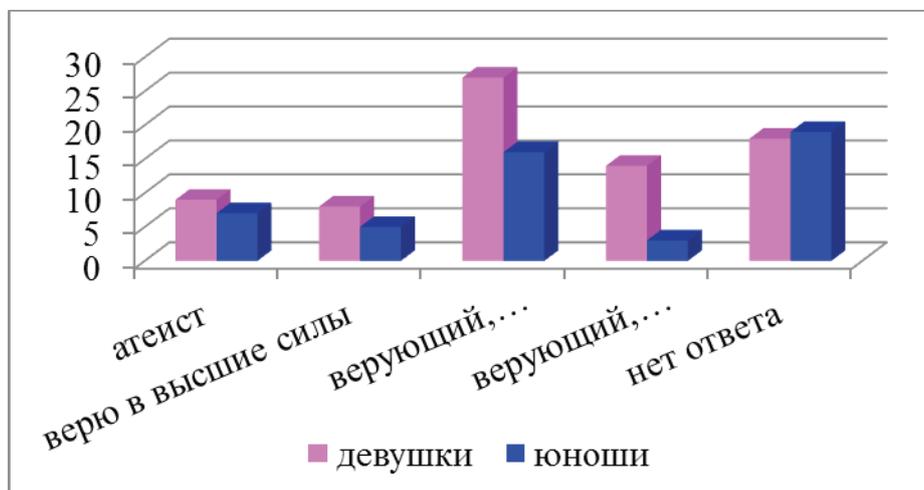

Рис. 2. Отношение респондентов к религии

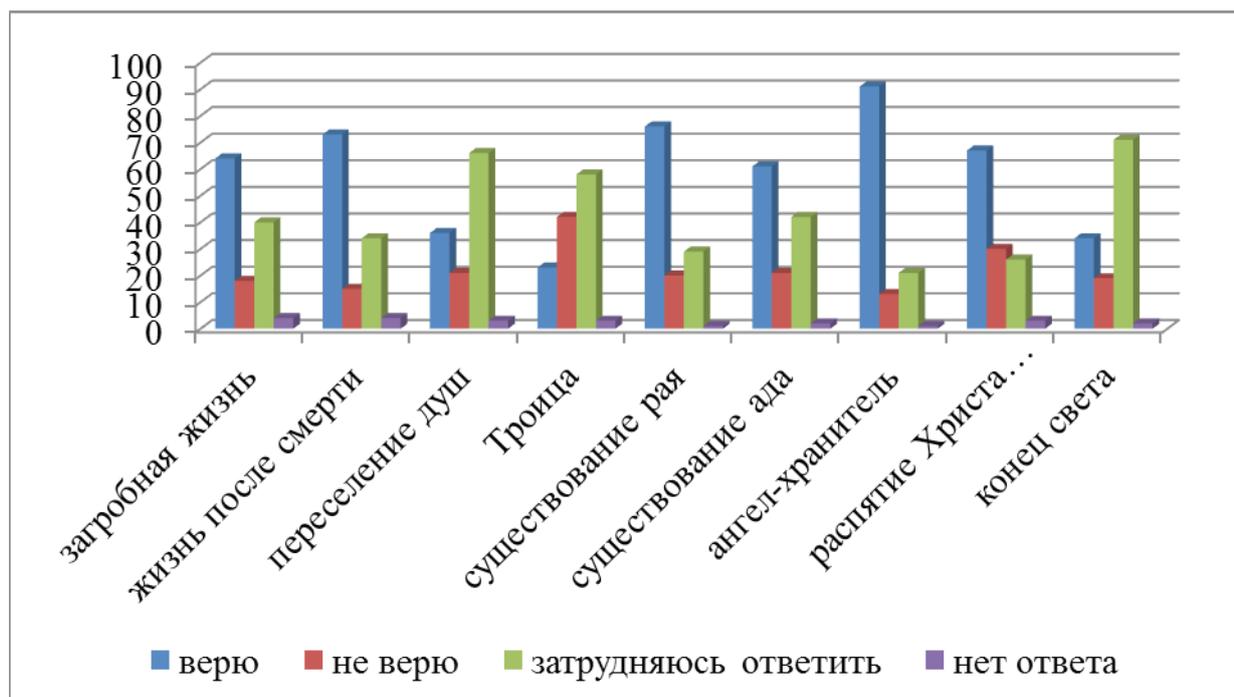

Рис. 3. Отношение испытуемых к догматам традиционных религий

Ответы некоторых можно списать на то, что православие или ислам воспринимаются не только как собственно религиозная система, а как естественная культурная среда, национальный образ жизни («русский — поэтому православный», «казах — поэтому мусульманин»).

Интересными были ответы и комментарии к вопросам. Например, в ходе анкетирования были замечены ученики, которые не знали о том, что такое конфессия. Одна из участниц написала о том, что она принадлежит к конфессии «крестьянка», видимо, это одно из новых направлений в христианстве. Один из респондентов в начале написал о том, что относит себя к православным, но подумав, все же написал, что он атеист.

3.2. Отношение респондентов к вероучению традиционных религий

Анкетлируемым было предложено ответить на серию вопросов о том, в какие религиозные учения и догматы они верят, а в каких сомневаются. В анкете было предоставлено 26 различных примеров, на которые респонденты могли ответить «да», «нет» и «затрудняюсь». Эта часть была одной из главных, так как в ней определялось то, какую роль играет религиозность в восприятии испытуемыми окружающего мира во всей его сложности и многообразии. Первая часть результатов этого опроса представлена на рисунке 3.

Как показано на следующей диаграмме, вера респондентов далеко не всегда соответствует учению тех конфессий, к которым они себя причислили. Так, несмотря на то, что в анкетировании не принял участие ни один буддист, 36 опрошенных верит в переселение душ, и еще 66 человек испытывают сомнения по этому поводу.

Интересно, что в существование рая верит на 7 человек больше, чем в существование ада.

На практически идентичные вопросы «верите ли вы в загробную жизнь» и «в жизнь после смерти» были абсолютно разные ответы: 64 человека верят в загробную жизнь, а 73-в жизнь после смерти.

Так же в исторический факт — распятие Христа не верят 30 человек, а сомневаются в реальности этого события 26 респондентов. Как следует из результатов опроса, респонденты не знакомы с историей своей религии, поскольку современной светской науке известно множество документов (в том числе датированных первым веком нашей эры), свидетельствующих о подлинности этого события.

В так разрекламированный «конец света» верит всего 36 человек. Можно сказать о том, что человек должен во что-то верить, без веры он угаснет. А значит легче верить в то, чего может не произойти, пока он живёт, например в конец света.

Самым признаваемым среди опрошенных является учение об ангеле-хранителе, в существование которого верит 91 респондент. Действительно, в подростковом возрасте каждому хочется иметь могущественного покровителя, и наши респонденты не стали исключением.

Особенно интересно отметить, что из 16 атеистов 7 человек верит в ангела-хранителя, 6 — в жизнь после смерти, а один даже признает троическую сущность Бога.

К сожалению, для многих из наших респондентов стремление к сверхъестественному вылилась в увлечение явлениями так называемой «популярной духовности», которые имеют мало общего с серьезным богословием (рисунок 4).

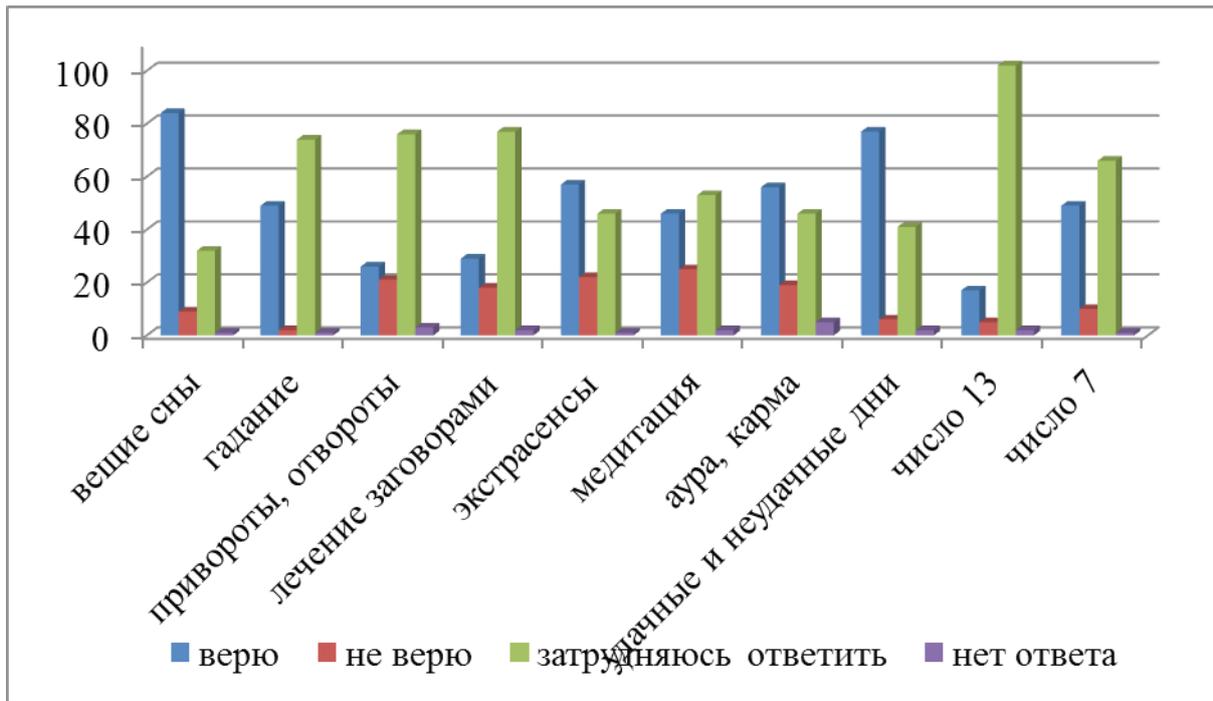

Рис. 4. Отношение респондентов к явлениям «популярной духовности»

Самым популярным среди таких явлений стала вера в вещие сны, а также в удачные и неудачные дни. Немного менее популярна среди учащихся вера в возможности экстрасенсов, а также в разнообразные восточные учения об ауре, карме, медитации.

29 человек полностью доверяет лечению заговорами, и еще 77 относятся к подобной практике с сомнением, но не отрицают ее полностью. Подобные увлечения создают немало проблем медикам, имеющим дело с тяжелыми больными. Известно немало случаев, когда люди, страдающие серьезными заболеваниями, годами безуспешно «лечились» у экстрасенсов и «целителей», а к профессиональным врачам обращались лишь тогда, когда бороться с болезнью было уже поздно.

В то же время, практику «целительства» осуждает не только традиционная медицина, но и традиционные религии. Так, Православная Церковь исходит из того, что лечение должно быть внутренним процессом. Это процесс, который должен затрагивать и душу, и тело человека. Очень часто лечение от физической болезни должно быть сопряжено с духовным перерождением человека. А это, как правило, процесс не одного часа, и даже не одного дня, и он не может произойти просто каким-то магическим образом в несколько сеансов.

Увлечение «приворотами» — еще одна проблема, связанная с незрелостью взаимоотношений среди молодежи, говорящая об искажении семейных ценностей, о неготовности молодых людей к настоящей любви.

Интересно, что в число 7 верят 49 человек, а вот в 13 — всего лишь 17. Следовательно, наши анкетированные верят только в «светлое будущее», не вникая в историю о воз-

никновении суеверии насчет чисел, вне зависимости от своих религиозных мировоззрений.

Еще одним подтверждением того, что молодежь стремится познать сверхъестественное, с точки зрения традиционных религий неправильным способом — гадание. Из 126 человек 49 гадали, но у 30 предсказания не сбылись. По сути дела, в человеке изначально заложено стремление к сверхъестественному, но многие предпочитают довериться и узнать свое будущее по «кофейной гуще», картам, и т.д. Можно предположить, что «сбывшиеся гадания» есть стечение обстоятельств, либо люди гадали на «явно очевидные вещи».

И снова отмечу, что вера в подобные явления не обошла стороной и атеистов. По итогам анализа анкет, только двое из них совершенно не верят в мистику и отвергают любые религиозные догматы.

Отношение респондентов к религиозным нравственным нормам

Известно, что религиозность предполагает не только веру в сверхъестественное, но и принятие и соблюдение определенных моральных норм и типов поведения. И для меня очень важно было выяснить, как соотносятся религиозные представления респондентов с их отношением к явлениям повседневной жизни, которые связаны с моралью и нравственностью.

Для этого опрошенным было предложено отметить, какие из явлений повседневной действительности они считают грехом. Результаты ответов показаны в таблице 1.

Как видно в таблице, наибольшее количество анкетированных считают детоубийство грехом, но к сожалению, 36 человек относятся к абортам вполне лояльно.

Таблица 1. Представление респондентов о нравственных нормах

Вопрос анкеты	Считают грехом
Аборт	71 %
Вызывание духов	49 %
Грубые слова	44 %
Гадания	30 %
Занятие целительством	23 %
Лечение у целителей	21 %
Пластические операции	17 %
Переядание	17 %
Ссоры с друзьями	17 %
Подражание звездам	17 %
Татуировки	16 %
Пирсинг	15 %
Сожительство без регистрации брака	13 %
Членство в фан-клубах	10 %
Стремление к богатству	9 %
Посещение ночных клубов	7 %
Стремление быть лидером	7 %
Частое обновление гардероба	5 %
Дискотеки	5 %
Голодание	4 %
Употребление в пищу деликатесов	3 %
Увлечение сериалами	3 %
Долгие телефонные разговоры	3 %
Стремление к успеху	3 %
Следование моде	3 %
Использование косметики	2 %
Сладости	2 %
Дорогие вещи	2 %

Не только религиозные учения твердят о том, что аборт — абсолютное зло. Аборты не одобряются и на государственном уровне, так как это влияет не только на демографическую ситуацию в Казахстане, но и на здоровье нации в целом.

Как говорил Омар Хайям «зло излученное тобой, к тебе вернется непременно». Употребление грубых слов негативно влияет на психику человека, а также на межличностные отношения человека с его близкими, друзьями, одноклассниками. 56 наших респондентов считают употребление грубых слов грехом.

21 человек отметил то, что ссоры с друзьями — грех. Об этом может свидетельствовать не только Библия, Коран, но и врачи утверждают, что ссоры губят нервные клетки, создают нагрузки на сердечно-сосудистую систему.

В целом следует отметить, что только около 10% респондентов понимают духовную опасность неблагоприятных поступков, которые нередко подаются средствами массовой информации как норма жизни современного человека.

По итогам проведенной работы можно сделать следующие выводы:

1. Более 50% опрошенных открыто заявили о своей религиозности, около 30% отказались отвечать на данный вопрос.

2. Атеистами себя считают 16 человек, однако только двое из них абсолютно не верят в реальность мистических явлений.

3. Ни у одного из респондентов представление о мистических явлениях не соответствует на 100% вероучению той религии, к которой он (она) себя относит.

4. Только около 10% респондентов понимают духовную опасность неблагоприятных и легкомысленных поступков.

Подводя итоги, я считаю необходимым отметить, что религиозность — это неотъемлемая черта подавляющего большинства современных молодых людей. Даже те из них, кто называет себя атеистами, верят в сверхъестественные явления и соглашаются с некоторыми религиозными догматами. Родителям и педагогам стоит задуматься о том, что люди в юном возрасте подвержены влиянию со стороны, и это часто приводит к тому, что дети и подростки попадают под влияние сект. Не уверенные даже в принадлежности себя к определенной конфессии, но стремящиеся к чему-то мистическому, сверхъестественному, подростки —

настоящая нажива для сектантов, экстремистов, влияющих на неокрепшую психику молодого человека.

Именно поэтому я считаю необходимым рекомендовать в формальном и неформальном общении со школьниками

не обходить стороной религиозные вопросы, предоставлять возможность интересующимся ученикам получать полноценную, качественную информацию о вероучении традиционных религий.

Литература:

1. Трубецкой С.Н. Религия. / Трубецкой С.Н.// Энциклопедический словарь: в 82 т. /Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — СПб., 1899. — Т.26-а. — 540 С.
2. Диакон Андрей Кураев. Диспут с атеистом. — М.: Сретенский монастырь, 2007. — 160 с.
3. Психологический центр «Созидание»// Социологическое исследование по определению религиозной грамотности населения Костанайской области. — Костанай, 2009. — (<http://www.antisekta.kz/node/106>).
4. В Атырау стреляют... В Казахстане обезврежена группа экстремистов, готовивших теракты.// Сайт русскоязычной диаспоры Республики Казахстан. — (<http://www.russianskz.info/society/2145-v-atyrau-strelyayut-v-kazahstane-obezvrezhena-gruppa-ekstremistov-gotovivshih-terakty.html>).
5. Мадина Нургалиева [и др.] Готовность государства и общества к вызовам экстремизма // Репортаж с заседания клуба ИПР, посвященного готовности государства и общества к вызовам экстремизма — (<http://www.ipr.kz/kipr/3/1/54>).
6. По информации Международного центра культур и религий//Смагулов Е.М., Жумкенов А.К //Роль профилактических мероприятий по противодействию влияния религиозного радикализма на молодежь — (<http://www.astana.kz/ru/node/35490>).

Эсхатологические представления жителей Месоамерики и роль человеческих и кровавых жертвоприношений в религии индейцев

Петев Николай Иванович, аспирант

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

В данной статье рассматривается феномен кровавых и человеческих жертвоприношений как часть эсхатологических представлений (т. е. о конце света) народов Месоамерики. Кровавые ритуалы имели особое сакральное значение в жизни общества индейцев. Они были не простым культовым действием, а способом оттянуть наступающий конец света. Для рассмотрения этого вопроса необходимо обратить на этический аспект этого феномена. Также необходимо рассмотреть некоторые психологические установки сознания индейцев Месоамерики. Оба этих фактора очень важны для исследования, так как именно они раскрывают роль жертвоприношений в эсхатологических представлениях индейцев.

Ключевые слова: жертвоприношения, каннибализм, боги, жертва, император, баланс сил, гармония, конец света.

В наше время наиболее известным учением о конце света являются эсхатологические представления индейцев майя. Существует множество теорий по поводу того, когда наступит конец времён, и будет ли это гибелью всего человечества. Индейцы верили в то, что вся история бытия делится на пять периодов, или эпоха пяти Солнц. Существование каждого Солнца представляет собой период, во время которого боги пытались сотворить человека [см. 4, с. 75]. Пятое Солнце — это время существования современного человечества.

Итак, жертвоприношения в древнем обществе индейцев являлись ритуалами, подпитывающими богов:

«Жизнь человечества полностью зависела от воли богов, которых необходимо было постоянно подпитывать

человеческой кровью. В противном случае боги бы погибли, что привело бы мир к катастрофе». [6, с. 45]

Боги подобно людям были смертны. Единственное что могло сохранять их вечную жизнь и силу это кровавые жертвоприношения, а так же ритуальные поклонения. В основе религиозных и эсхатологических верований лежит принцип борьбы двух антагонистических начал [см. 6, с. 45]. Индейцы придерживались принципа «что на небе то и на земле». События сакрального характера имели отражение и в материальном мире. Две эти сферы (духовная и материальная) не разделялись, они были единым целым для народов Месоамерики:

«В этом постоянно меняющемся индейском мире каждое слово, каждый жест может привести в движение бес-

конечную череду последствий в любой плоскости, видимой или невидимой. Индивидуальное и общественное, материальное и духовное тесно переплетены. Болезнь считается как нарушением здоровья, так и платой за грехи». [2, с. 61]

Цель богов сохранять баланс во вселенной, а человек обязан помогать им в этом, так как имеет долг перед ними за своё существование. Для искупления этого долга человек может пожертвовать своим телом, кровью и плотью, а так же принести в жертву пленника [см. 2, с. 148]. Человек обязан был следовать этому долгу всю свою жизнь, ибо цель создания богами всех людей является «кормить и поддерживать» [9, с. 15].

Для сохранения баланса почитались не только боги света, но и тьмы [см. 2, с. 150]. Равно как и жизнь, смерть также имела особое место в сознании людей, поэтому существовали храмы и культы подобного характера (например, храм Уантар в Чавине). Жертвоприношения можно охарактеризовать как определённый метод для сохранения баланса и отсрочки конца света:

«Люди помогают сохранять космическое равновесие, приобретая и применяя знание, которое они используют в своих ритуалах и магии. Символы и церемонии являются механизмами действия космической силы. Эффективное участие требует самопожертвования и взаимной поддержки. Жертвы приносятся в надежде на то, что они принесут пользу». [1, с. 75]

Можно сделать вывод, что жертвоприношения имели не только сакральное значение, но также были конкретными систематическими действиями в повседневной жизни индейцев Месоамерики. Было бы неверным считать, что в жертву приносились только люди или животные. Существовали и бескровные жертвоприношения в виде продуктов и напитков из маиса и кукурузы. Так же практиковались подношения золотых и серебряных украшений, драгоценных камней, керамики и т.д. Однако они не имели такого эффекта как кровавые жертвоприношения, так как кровь, по верованию индейцев — это любимая пища богов [см. 1, с. 184].

Отметим, что в жертву приносили не только пленников. Иногда жертвами становились добровольно. Своей смертью среди людей они становились благородными и мужественными героями, а в религиозном плане это расценивалось как возвращение долга богам. Особо прославленным в делах общественных давалось право уйти из жизни раньше положенного срока, отведённого богами, через ритуальное убийство [см. 6, с. 33]. Естественно, что после смерти этот человек попадал на небеса в чертоги богов [см. 4, с. 90].

Индейцы Месоамерики, в частности майя, использовали ритуал кровопускания в своём культе поклонения богам и отсрочке конца света:

«Майя были уверены, что только человеческая кровь делает богов молодыми и сильными. Не только пленные ложились на жертвенный камень, майя и себя не жалели: пускали себе кровь, для чего протыкали язык, мочки ушей, конечности и даже половые органы». [4, с. 91]

Это было частым явлением в обществе индейцев майя. Жрецы занимались этим каждый день по два раза. Так же необходимо отметить, что ритуалы человеческих жертвоприношений иногда сопровождались каннибализмом. После того как жрецы вырезали сердце, тело сбрасывали вниз по ступеням с пирамиды. Пленивший жертву забирал тело, разделявал, готовил особую ритуальную пищу, а затем делил трапезу с родственниками и друзьями. По верованиям майя, такой ужин приобщал всех членов трапезы к богу [см. 4, с. 91].

Жертвоприношения часто использовались и для гадания. В обыденной жизни для ритуалов использовались животные. Однако если эти гадания были приурочены к празднику, войне или к желанию заглянуть в будущее, то использовались человеческие жертвоприношения. Так инки считали, что по состоянию сердца и лёгкого можно узнать, довольны боги просящими или нет. Если боги были не довольны, то приносились новые жертвы, если и они не помогали, то это говорило о том, что будущее находится под угрозой [см. 2, с. 156]. В этом случае вся ответственность за такое положение вещей ложилась на плечи императора, так как его значение в обществе было очень высоким:

«Социальная система майской цивилизации была иерархичной. Во главе её стоял правитель, приравниваемый к божеству. Кроме светских, он исполнял также некоторые религиозные функции. Правитель обладал огромной властью при жизни и продолжал почитаться народом после смерти». [6, с. 43]

Император олицетворял власть и силу как светскую, так и божественную, поэтому и в любых бедах в государстве в первую очередь вину винули его (см. комментарий 1). Правитель в таких случаях должен был приложить все усилия, чтобы договориться с богами и исправить сложившуюся ситуацию. Для этого использовались ритуалы, молитвы и посты, которые император должен был соблюдать, как и жрецы. Глава империи являлся олицетворением бога, поэтому требования к нему и его обязанности перед подданными были, намного выше, чем у остальной элиты индейского общества. Например, у инков наиболее распространённым был солярный культ Инти, а император, как его потомок, являлся главным хранителем солнца [см. 5, с. 222]. У индейцев майя император олицетворял двух мифологических близнецов (Луну и Солнце).

Ритуалы правителей имели огромное значение для религиозного сознания индейцев:

«Приурочивая ритуальные кровопускания к определённым календарным датам или небесным явлениям, правители майя пытались как-то повлиять на грядущие события, твёрдо веря, что от их действий зависит судьба мироздания». [3, с. 63]

Особенно важным такого рода культовым обрядом является «путешествие в подземный мир». Император символически повторяет путешествие двух близнецов (Луны и Солнца) в индейский аналог ада, а затем возносится на небеса к богам. С одной стороны, это было ещё одним

культовым действием, которое указывало на божественное происхождение императора. С другой, — это ритуал почтения и подпитки богов, во время которого правитель находится в непосредственном контакте с ними. Подобно человеческим жертвоприношениям, этот ритуал так же направлен на поддержание космического ритма вселенского бытия.

Одним из страшнейших событий в жизни индейцев было затмение солнца. Этот природный феномен воспринимался как один из символов гибели богов [см. 3, с. 62]. Майя считали, что после исчезновения солнца настанет конец времён. Инки верили, что затмение или падение звёзд являются очень плохими знаменами. Отметим, что подобных хороших и плохих знамений у индейцев было множество (см. комментарий 2). Для того чтобы избежать разрушения мироздания, необходимо было провести ритуал кровавых жертвоприношений.

Отметим, что жертвоприношения совершались в связи с событиями, не имеющими отношения к процессу сохранения порядка мироздания. Майя использовали человеческие жертвоприношения при строительстве храмов и пирамид, при восхождении на трон нового императора, в гадании и ритуалах оракулов. При коронации нового императора, инки приносили в жертву двести детей [см. 5, с. 229]. Так же они приносили в жертву двух младенцев раз в год на праздник Каппакоча (человеческая жертва). Иногда количество принесённых в жертву младенцев было намного больше, но это зависело от благополучия государства и отсутствия природных катаклизмов.

Несмотря на сложившуюся кровавую картину, индейцы старались использовать и иные способы умилостивить богов (см. комментарий 3). Легенды народов Месоамерики рассказывают, что и сами боги часто жертвовали своими жизнями (см. комментарий 4) для сохранения мирового порядка:

«Ради установления мирового порядка и общего блага потребовалась жертва, на которую решились два бога — Нанауацин и Теккистекатль. Они оба бросились в огонь. Первый — Нанауацин — быстро сгорел в центре жертвенного костра. Другой оказался у края костра и поэтому медленно поджарился на углях». [1, с. 194]

Такова одна из легенд ацтеков о происхождение нашего Солнца. Отметим, что согласно преданиям боги посещали мир людей, путешествовали и обучали их. Так народы Месоамерики верили, что город Тетиуакан создали боги, и именно там прошли первые годы существования людей и там же человечеству были даны знания богами. Это ещё раз объясняет концепцию того, что человек является должником перед богами, и он должен приносить жертвы, чтобы выплатить этот долг.

Одним из величайших богов и одновременно учителем людей был Кукулькан (инки — Виракоча, ацтеки — Кетцалькоатль). Он запрещал человеческие жертвоприношения во время своего пребывания на земле. Этот период продолжался, пока Пернатый Змей не вернулся на небеса, и об этом помнили все народы Месоамерики:

«После его ухода кровавые ритуалы возобновились с новой силой, тем не менее, даже ацтеки, самые твёрдые сторонники человеческих жертвоприношений Центральной Америки, вспоминали о «времени Кецалькоатля» с определённой ностальгией». [1, с. 190]

Человеческие жертвоприношения стали практиковаться вследствие того, что в схватке между добром и злом в лице Кетцалькоатля и Тескатлипока (Дымящееся Зеркало), силы добра проиграли. Пернатый Змей впал в грех и вынужден был уйти в странствия, дабы искупить его. Так власть над миром получили силы зла, однако это не окончательная победа, а лишь зерно зла, посеянное в мире людей. Культ Тескатлипока требовал человеческих жертвоприношений [см. 1, с. 190].

Этим объясняется не только практика человеческих и кровавых жертвоприношений, но и почитание индейцами как светлых, так и тёмных божеств (см. комментарий 5).

Отметим, что мировой порядок держался не только на ритуалах жертвоприношения. Существовали правила морали, которые зачастую были выше, чем юридические. Нарушение правил и норм морали каралось так же строго, как и предательство против государства и власти. Есть упоминание об учителе Массо из народа хопи, который не только говорил, о том, что конец света произойдёт, но и утверждал, что необходимо соблюдать заповеди, чтобы облегчить участь:

«На основании учения Массо хопи считают, что грядущих катаклизмов можно до известных пределов избежать или, во всяком случае, смягчить их последствия, если следовать основным моральным заповедям, оставленным Верховным Божеством». [7, с. 39]

Все легенды, сказки, сказания индейцев основаны на возвышение моральных ценностей и обличение низших пороков и грехов [см. 2, с. 182]. С самого раннего возраста детей приобщали к нравственным устоям индейского общества, а затем, взрослея, человек продолжал приобщаться к этому через ритуалы.

В основе идеи о конце времён лежит идея о противостоянии духовного и материального [см. 10, с. 124]. Для индейцев мира материальный и духовный сплетены и являются единым целым, поэтому борьба этих двух сфер ужасна и катастрофична. Эта борьба изменит мироздание и приведёт к краху всё человечество.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что ритуалы человеческих и кровавых жертвоприношений имели глубокий религиозный и эсхатологический смысл. Они являлись механизмом поддержания порядка и вселенского ритма, и способом отсрочить конец света. Между человеком и богами существовала тесная связь. Так как боги являлись творцами человека, за это человек был обязан питать и почитать их. Эта связь была настолько тесной, что боги и люди были зависимы друг от друга. Человек являлся соратником богов в процессе поддержания мира как материального, так и духовного. Через кровавые ритуалы люди помогали богам быть сильнее, те в свою очередь помогали людям в земном мире.

Комментарий

1. Так как правитель являлся олицетворением божества, то все беды в государстве ставили под вопрос божественность его власти. От такого императора старались избавиться. Унаследовать власть мог только представитель династии, однако эта принадлежность определялась не родством, а личностными качествами человека [см. 3, с. 92].

2. Это объясняется тем, что индейцы были очень суеверными. Они опасались сверхъестественного, того что выходило за рамки естественного хода событий. Естественно, что события, которые выходят за рамки обыденного сознания воспринимались как нечто угрожающее и фатальное.

3. Человеческие жертвоприношения, по верованию индейцев, хоть и являлись самыми эффективными, од-

нако они старались найти и другие способы жертвоприношения. В частности пронисили в жертву лам или иных животных, еду, кукурузу, маис, напитки, драгоценности и т.д. У инков в последние годы существования практиковались символические жертвоприношение в виде фигурок из еды, керамики и т.д. [см. 2, с. 192]

4. Боги были смертны подобно людям. Человек был создан по их образу, однако в последствие был лишён сверхъестественных сил, так как человек практически был равен богу.

5. Народы Месоамерики обращались к светлым и тёмным божествам в зависимости от того какую проблему необходимо решить. Что касается вопроса о конце мира или каких-либо глобальных катаклизмов, то здесь обращались непосредственно к Кукулькану (Виракоча, Кетцалкоатль).

Литература:

1. Белов Н.В. 2012. Апокалиптические пророчества майя. Минск: Харвест, 2009. 256 с.
2. Боден Л. Инки. Быт. Культура. Религия. М.: Центрполиграф, 2004. 255 с.
3. Затерянный мир майя // пер. с англ. Усовой Н.М.: Terra, 1997. 168 с.
4. Земун Ю. Апокалипсис-2012, или пророчества майя. СПб.: Афина, 2009. 192 с.
5. Кенделл Э. Инки. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 250 с.
6. Красичкова А.Г. 2012: конец света. М.: Книговек, 2010. 416 с.
7. Марианис А. Апокалипсис от А до Я. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
8. Попов А. Пророчества майя: 2012. М.: АСТ, 2010. 284 с.
9. Пополь-Вух. Мифы индейцев Центральной Америки // пер. с языка кичи Кинжалов Р.В. Екатеринбург: У-Фактор, 2006. 240 с.
10. Симонов В.А. 2012 и далее. Пророки о будущем мира. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Развитие внимания средствами компьютерных симуляторов у школьников младшего возраста

Алборова Ксения Альбертовна, студентка;

Штуккерт Алиса Львовна, преподаватель кафедры психологии

Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу психолого-педагогической природы активного процесса внимания, как центрального познавательного процесса детей младшего школьного возраста. Авторы анализируют различные научные позиции, раскрывает отношение детей к компьютерным играм жанра симуляторы, с помощью которых формируется основной познавательный процесс внимание и уровень компьютерной зависимости.

Ключевые слова: компьютерные игры, спортивные симуляторы, познавательный процесс, развитие внимания, компьютерная зависимость.

Младший школьный возраст — один из благоприятных периодов для развития психических процессов. Основным познавательным процессом является внимание. В настоящее время дети с раннего возраста начинают осваивать компьютер, в основном они предпочитают играть в компьютерные игры. Мощный поток новой информации, распространение компьютерных игр оказывает большое влияние на воспитательное пространство детей.

Актуальность работы заключается в том, что на сегодняшний день растет число детей, у которых снизился их интеллектуальный уровень, рассеянное внимание, отсутствие интереса к учебе. Все это обуславливает необходимость разработки практических средств по увеличению потенциальных возможностей учащихся. Значимыми в этом плане являются труды многих ученых Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.М. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, К.Д. Ушинский, Б.В. Эльконин и другие. Однако, несмотря на имеющиеся исследовательский вклад в изучение данной проблемы, крайне мало работ по изучению развития внимания младших школьников. Это и определило цель нашего исследования.

Проблема изучения развития внимания в настоящее время стоит остро. И прежде всего, связана с высокой динамикой жизни современного социума. К тому же, обращает на себя внимание забота об охране здоровья обучающихся в школе, создании для них благоприятных условий для учебы и занятий спортом.

Цель исследования: Изучить особенности влияния компьютерных симуляторов на развитие внимания у детей младшего школьного возраста.

Компьютерные симуляторы — вид компьютерных игр, имитирующих управление каким-либо процессом, аппаратом или средством передвижения. Существуют разные виды симуляторов, но в данной исследовательской работе мы используем отдельный вид симуляторов — спортивный. В спортивных симуляторах используются имитация соревнований и тренировок по легкой атлетике, выступление спортсмена на соревнованиях по прыжкам с шестом, в прыжках в высоту, бег с препятствиями, многоборье, метания ядра и другие виды легкой атлетике. В начале эксперимента была проведена батарея тестов по развитию внимания, в котором принимали участие школьники возрасте 9—10 лет (выборка — 40 респондентов).

В первой группе, 20 респондентов играли в компьютерные симуляторы, в течение месяца 3 раза в неделю по 30 минут (работа проводилась дистанционно, а с помощью скайпа, контролировалось времянахождение за игрой), контрольная группа не участвовала в формирующем эксперименте (20 респондентов). Испытуемым была предложена методика Шульте-Горбова ($p \leq 0,05$), в ходе обработки данных были получены следующие результаты, которые наглядно изображены в диаграмме (рис. 1).

Рассматривая и анализируя уровень переключаемости внимания на двух этапах исследования, мы можем утверждать, что на втором этапе, после эксперимента, повысился уровень переключаемости внимания у 78,5% исследуемых детей, таким образом увеличился на 33,5% по сравнению с 1 этапом. Затем была проведена диагностика уровня концентрации внимания среди экспериментальной и контрольной группы детей на двух этапах исследования. Для этих целей нами была использована методика кор-

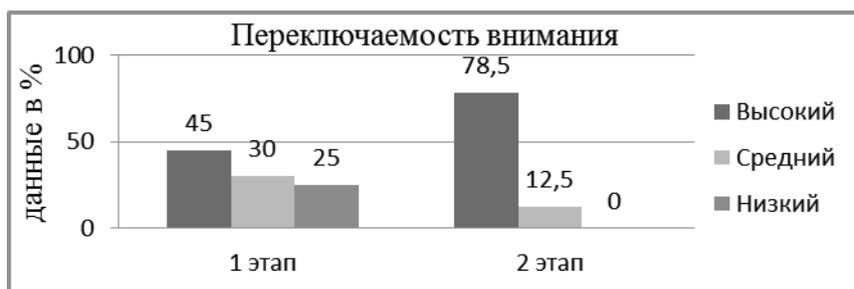

Рис. 1. Количественные показатели уровня переключаемости внимания среди всех испытуемых (в процентах)

Рис. 2. Показатели уровня концентрации внимания среди испытуемых на первом этапе эксперимента (в процентах)

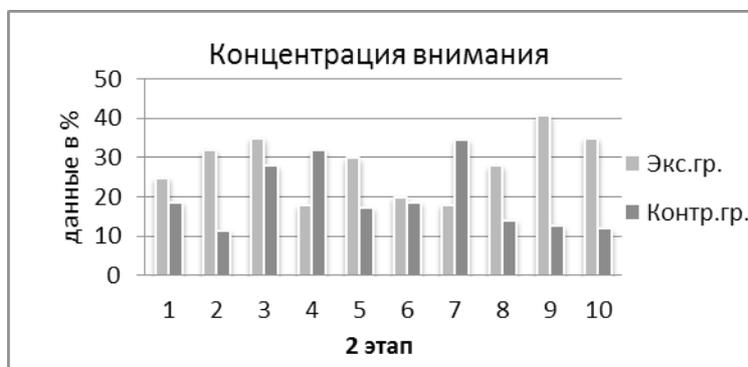

Рис. 3. Показатели уровня концентрации внимания среди испытуемых на втором этапе эксперимента (в процентах)

ректурной пробы Бурдона ($p \leq 0,05$). Нами были получены данные, которые представлены в диаграмме (рисунки 2 и 3).

Анализ данных уровня концентрации внимания на двух этапах показывает, уровень концентрации внимания на 1 этапе исследования составляет в среднем 22%, а на 2 этапе уровень концентрации внимания повысился и в среднем составляет 24%. Кроме диагностики концентрации внимания, методика корректурной пробы Бурдона позволила определить также и устойчивость внимания среди экспериментальной и контрольной группы детей на двух этапах исследования ($p \leq 0,05$), которые представлены в диаграмме (рисунки 4 и 5).

На 1 этапе исследования были получены данные об устойчивости внимания, что в среднем составило 60%, а на 2 этапе — уровень устойчивости внимания повысился и в среднем составляет 68%, что указывает на эффективность применения комплекса компьютерных симуляторов на развитие внимания.

По заключению тестирования уровень компьютерной зависимости, оказалось что только 30% опрошенных имеют высокий уровень зависимости, 30% опрошенных имеют средний уровень зависимости и 40% имеют низкий уровень зависимости, следовательно по сравнению с первым этапом исследования уровень компьютерной зависимости почти не изменился. Следовательно можно

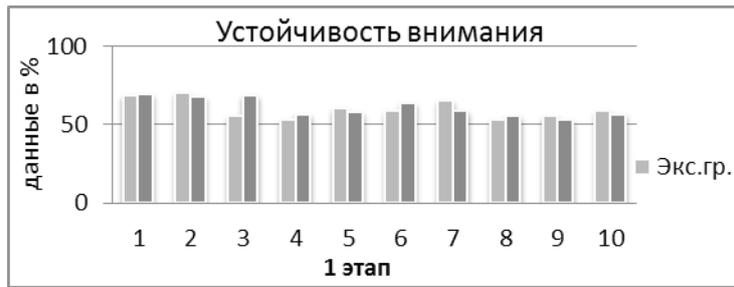

Рис. 4. Показатели уровня устойчивости внимания среди испытуемых на первом этапе исследования (в процентах)

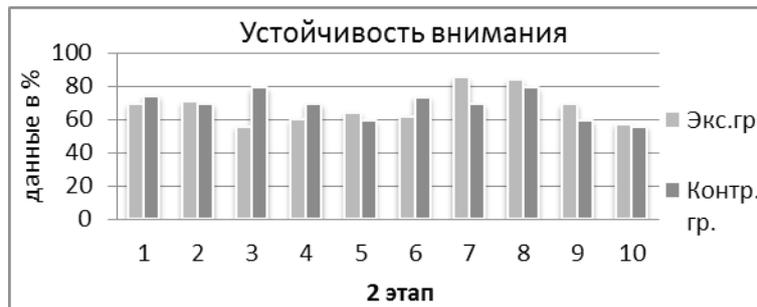

Рис. 5. Показатели уровня устойчивости внимания среди испытуемых на втором этапе исследования (в процентах)

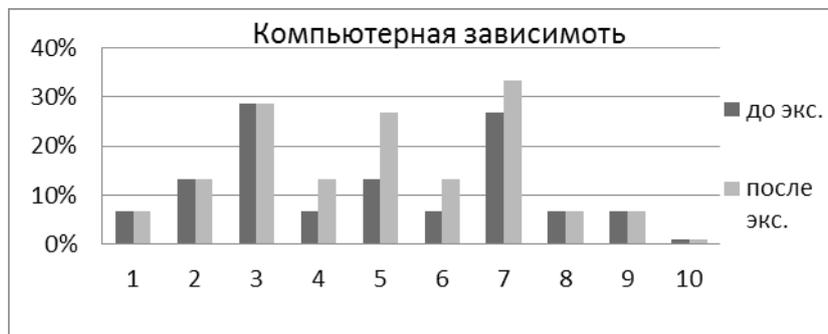

Рис. 6. Данные, по определению компьютерной зависимости у школьников до и после формирующего эксперимента

сделать вывод, что формирующий эксперимент не влияет на повышение уровня компьютерной зависимости.

По результатам констатирующего и формирующего экспериментов заключению эксперимента, мы можем сделать выводы:

В нашем исследовании было выявлено, что в категории игры – спортивные симуляторы, задача игрока – акцентировать свое внимание на результате, при этом нужно правильно выполнить техническое действие и набрать определенную скорость, чтобы успешно перейти в следующий тур.

В ходе формирующего эксперимента получены данные о том, что изменения в развитии внимания произошли под влиянием спортивных симуляторов у школьников младшего возраста. Анализ данных показал, что в экспериментальной группе 2 этапа исследования переключаемость внимания возросла в 1,5 раза. Уровень концентрации вни-

мания после второго этапа у экспериментальной группы повысился в среднем на 2%. Уровень устойчивости внимания также повысился в среднем на 8%.

Рекомендации учителям физкультуры, тренерам и родителям:

Рекомендуется использовать в образовательном процессе спортивные симуляторы для развития внимания. Для младших школьников установлено ограничение по времени в пол часа 3 раза в неделю. Целесообразнее включать спортивные симуляторы в тренировочный процесс к своему виду спорта, чтобы мысленно прорабатывать технику движений. Контроль за выполнением заданий контролировать через интернет. Как только достигается определенный уровень развития внимания, можно прекращать играть в спортивные симуляторы, или перейти на другой вид компьютерных симуляторов (к примеру – автосимуляторы).

Литература:

1. Гальперин П.Я. Экспериментальное формирование внимания / П.Я. Гальперин, С.Л. Кабыльницкая. — Москва: Изд-во Московского Университета, 1984. — 101 с.
2. Добрынин Н.Ф. О новых исследованиях внимания // Вопросы психологии / Н.Ф. Добрынин. — Москва: Издательство Московского университета, 1973. — №3 — С. 121–128.
3. Фомичева Ю.В. Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми / Ю.В. Фомичева, А.Г. Шмелев, И.В. Бурмистров — Москва: Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1991. — №3. — С. 27–39.
4. Шапкин С.А. Компьютерная игра: новая область психологических исследований / С.А. Шапкин. — Москва: Психологический журнал, 1999, том 20, №1, С. 86–102.
5. Шмелев А.Г. Психодиагностика и новые информационные технологии // Компьютеры и познание / А.Г. Шмелев. — Москва: Наука, 1990. С. 95.

Гендерный аспект в изучении эмоционального интеллекта у подростков

Александрова Алла Алексеевна, магистрант;

Гудкова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент
Новосибирский государственный педагогический университет

В статье описывается исследование по выявлению особенностей эмоционального интеллекта у подростков 12–13 лет с учетом гендерных различий. Выявлено, что у девочек-подростков и мальчиков-подростков преобладают разные уровни эмоционального интеллекта. У 12–13-летних мальчиков с возрастанием эмоциональной осведомленности и способности управлять своими эмоциями снижается уровень алекситимии, а у девочек с возрастанием состояния эмоциональной осведомленности и эмпатии возрастает способность к эмоциональному отклику.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная сфера, подростки, гендер, эмпатия, алекситимия.

Подростковый возраст — период, когда на первый план выступает межличностное общение, которое является ведущим видом деятельности [5]. Многие исследователи результатом эффективного общения считают эмоциональный интеллект (ЭИ), понимая под ним способности человека осознавать, адекватно выражать свои эмоции и воспринимать эмоции партнера по общению [1]. Высокий уровень эмоционального интеллекта является условием оптимальности и точности функционирования эффективного общения (Горскова Г.Г., Либина Е.В., Юсупова Г.В. и др.). Исследователи состояния эмпатии отмечают ее зависимость от умения понять точку зрения другого человека, точно идентифицировать эмоции других, испытывать те или иные соответствующие эмоции в ответ на эмоции других, общаться или действовать на основе этого внутреннего опыта [5]. Многие авторы связывают способности различения эмоций с уровнем развития эмпатии. Однако, как отмечает Д.И. Фельдштейн, в настоящее время происходит «обеднение и ограничение общения детей, в том числе и подросткового возраста, со сверстниками, рост явлений одиночества, отвержения, низкий уровень коммуникативной компетентности» [9, с. 15]. Современные условия жизни детей и подростков в условиях компьютеризации, виртуального общения, приводят к тому, что у них при наличии достаточного коли-

чества контактов часто отсутствует возможность и способность проявлять эмпатию, осознавать собственные чувства, регулировать эмоциональную составляющую общения [2; 5]. Все это приводит к слабому уровню эмоциональной вовлеченности, важности происходящего, ведет к минимизации рефлексивных способностей, неадекватной осознанности своего внутреннего мира, способствует склонности к алекситимии [8]. Под алекситимией понимается пониженная способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний (Бойко В.В., Былкина Н.Д., Терещук Е.И.). Алекситимия проявляется: в трудности идентификации и описания собственных переживаний; сложности проведения различий между эмоциями и телесными ощущениями; снижении способности к символизации, о чем свидетельствует бедность воображения, фантазии; фокусированности в большей мере на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях. Лица с алекситимией могут хорошо адаптироваться, демонстрировать высокий уровень межличностной конформности, но испытывают ограничения в способности к саморегуляции, при этом отсутствует активное субъектное отношение к собственной жизни [8]. Понимание эмоций основывается на способности переживания эмоции и ее названия. Распознавание эмоций представляет особые трудности для людей с выраженной алекситимией. Так,

Н. Айзенберг с коллегами (1987), изучая эмпатию у детей 10–12 лет, пришли к выводу, что большая эмпатийность девочек этого возраста проявляется потому, что они морально созревают раньше, чем мальчики. Большую же эмпатийность женщин по сравнению с мужчинами объясняют (Tavris, 1992) их гендерными ролями (заботливость первых и властность, независимость, соперничество вторых), а также соответствующим этим ролям воспитанием детей (Block, 1973). У девочек поощряется выражение эмоций, а у мальчиков формируется установка на подавление их выражения. Игра девочек с куклами развивает эмпатийную экспрессию, и напротив, игрушки мальчиков не развивают ее. Возможно, как считает Д. Блок, у мужчин вследствие этого имеется менее богатый опыт в сфере эмпатийной отзывчивости, и в результате они просто не знают как реагировать на эмоциональный дискомфорт другого человека [6]. В.А. Лабунская (1999) выявила, что эмоции лучше опознают люди эмоционально подвижные, больше направленные на окружающее, чем на самих себя и установила, что люди необщительные, эмоционально неустойчивые, с развитым образным мышлением, более старшие по возрасту успешнее опознают отрицательные эмоциональные состояния [7]. Т.П. Гаврилова (1977) отмечает, что такие формы эмпатийного поведения как сопереживание и сочувствие по-разному проявляются у детей разного пола. Так, сопереживание взрослым и животным чаще наблюдалось у мальчиков, а сочувствие — у девочек. По отношению же к сверстникам все оказалось наоборот: сопереживание чаще выражалось девочками, а сочувствие — мальчиками. В целом же и те и другие чаще сочувствовали, чем сопереживали [3]. Под гендером понимается социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии [10].

Целью настоящего исследования явилось выявление особенностей эмоционального интеллекта у подростков 12–13 лет с учетом гендерных различий. В ходе исследования использовались следующие методики: методика исследования эмоционального интеллекта (Н. Холл); шкала эмоционального отклика (BEES) (А. Меграбян, в модификации Н. Эпштейна); Торонтская алекситимическая шкала (TAS) (G. Taylor и соавт.), методы математической

статистики (корреляционный анализ по критерию Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, критерий Н-Крускала-Уоллиса) с использованием компьютерного статистического пакета «SPSS 13».

Эмпирической базой исследования явилось МБОУ «Гимназия №4» г. Новосибирска. Общее количество испытуемых составило 45 человек, среди них 27 девочек и 18 мальчиков в возрасте 12–13 лет.

В результате исследования парциального эмоционального интеллекта у подростков по методике Н. Холла были получены следующие результаты (таблица 1).

В результате применения критерия Н-Крускала-Уоллиса были обнаружены статистически достоверные различия по всем шкалам между низким, средним и высоким уровнями ЭИ: «эмоциональная осведомленность» ($H_{эмп} = 37,007$); «управление своими эмоциями» ($H_{эмп} = 33,343$); «самотивация» ($H_{эмп} = 36,808$); «эмпатия» ($H_{эмп} = 37,348$); «распознавание эмоций других людей» ($H_{эмп} = 37,991$).

С целью выявления различий между уровнями эмоционального интеллекта с учетом гендерного аспекта, испытуемые были разделены по половому и возрастному признакам. Данные распределения по уровням парциального и интегративного эмоционального интеллекта представлены в таблице 2.

Полученные данные о распределении подростков по уровням парциального эмоционального интеллекта свидетельствуют, что среди 12-летних мальчиков-подростков чаще встречаются мальчики с низким уровнем парциального эмоционального интеллекта. Примечательно, что в 2 раза больше подростков с высоким уровнем парциального эмоционального интеллекта, обладающих эмоциональной осведомленностью, чем с низким.

Среди 13-летних мальчиков-подростков чаще встречаются мальчики с выраженным низким и средним уровнем ЭИ по шкалам «эмоциональная осведомленность», «управление своими эмоциями» и со средним уровнем по шкале «распознавание эмоций других людей». Однако среди мальчиков 13 лет нет ни одного с высоким уровнем эмпатии. Для мальчиков-подростков 12–13 лет характерен низкий уровень парциального эмоционального интеллекта.

Среди 12-летних девочек-подростков чаще встреча-

Таблица 1. Распределение подростков по уровням парциального эмоционального интеллекта (%)

Уровни парциального ЭИ	Шкалы				
	Эмоциональная осведомленность	Управление своими эмоциями	Самотивация	Эмпатия	Распознавание эмоций других людей
Высокий	13	9	13	20	21
Средний	42	31	40	31	35
Низкий	45***	60***	47***	49***	44***

Примечание: *** – 0,001 уровень значимости.

Таблица 2. Распределение подростков по уровням парциального эмоционального интеллекта (%)

Уровни парциального ЭИ	Шкалы												
	Возраст, лет	Эмоциональная осведомленность		Управление своими эмоциями		Самотивация		Эмпатия		Распознавание эмоций других		Уровни интегративного ЭИ	
		М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д	М	Д
В	12	50	19	25	0	25	6	12	25	12	25	12	6
С		28	31	13	38	12	50	25	31	37	25	37	32
Н		22	50	62	62	63	44	63	44	51	50	50	62
В	13	0	10	20*	0*	20	10	0	36	10	27	0	0
С		50	45	40*	27*	30	54	40	28	50	46	50	55
Н		50	45	40*	73*	50	36	60	36	40	27	50	45
В	12–13	11	15	22*	0*	22	7	5	30	11	26	6	4
С		50	37	28*	36*	22	52	34	30	39	33	39	41
Н		39	48	50*	64*	56	41	61	40	50	41	55	55

Примечание: М – мальчики, Д – девочки;

В – высокий уровень, С – средний уровень, Н – низкий уровень;

♦ – различия между мальчиками и девочками 13 лет при уровне значимости 0,01; * – различия между мальчиками и девочками 12–13 лет при уровне значимости 0,01.

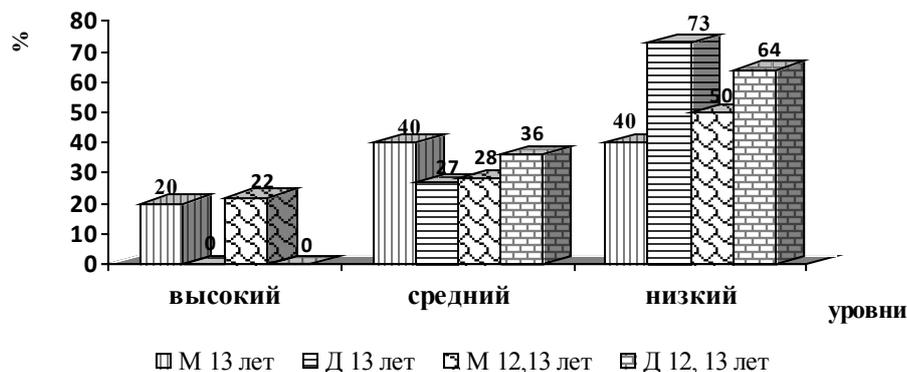
ются девочки с низким уровнем парциального эмоционального интеллекта, а среди 13-летних – со средним уровнем показателей по шкалам «эмоциональная осведомленность», «самотивация», «распознавание эмоций других людей», однако реже – управляющие своими эмоциями. Состояние эмпатии чаще проявляется у 13-летних девочек-подростков, имеющих высокий уровень ЭИ, чем у 12-летних, напротив эмоциональная осведомленность – реже. Среди 12 и 13-летних девочек-подростков, имеющих низкий уровень ЭИ, чаще встречаются девочки, управляющие своими эмоциями. Однако среди подростков, имеющих высокий уровень ЭИ нет ни одного, обладающего этим качеством.

Полученные данные о распределении подростков по уровням интегративного эмоционального интеллекта показывают, что для мальчиков-подростков 12 лет харак-

терен низкий уровень интегративного ЭИ; для 13-летних – низкий и средний уровни интегративного ЭИ; в целом же для мальчиков-подростков 12–13 лет характерен низкий уровень интегративного ЭИ. Для девочек-подростков 12 лет характерен низкий уровень интегративного ЭИ; для 13-летних – средний уровень; в целом для девочек-подростков 12–13 лет характерен низкий уровень интегративного ЭИ (см. рис. 1).

Достоверные различия были обнаружены между мальчиками-подростками и девочками-подростками 13 лет ($U_{эмп} = 10,0$ при $p \leq 0,05$) по показателям парциального ЭИ по шкале «управление своими эмоциями» и между мальчиками-подростками и девочками-подростками 12–13 лет ($U_{эмп} = 156,0$ при $p \leq 0,05$).

Согласно исследованиям Ю.В. Давыдовой, в подростковом возрасте существуют поло-ролевые различия в

Примечание: М – мальчики, Д – девочки.

Рис. 1. Распределение подростков по шкале «управление своими эмоциями»

Таблица 3. Распределение подростков 12–13 лет по уровням алекситимии (%)

Пол \ Уровень	Алекситимический тип личности	Группа риска	Неалекситимический тип личности
Мальчики	18	23	59
Девочки	37	37	26

Таблица 4. Распределение подростков по уровням выраженности способности к эмоциональному отклику (%)

Пол \ Уровень	Очень высокий	Высокий	Нормальный
Мальчики	4	54	42
Девочки	15,5	69	15,5

эмоциональном интеллекте: общий показатель эмоционального интеллекта выше у девочек, и это различие сохраняется в течение подросткового периода [8].

Далее нами были проанализированы результаты, полученные при выявлении уровней алекситимии у подростков 12–13 лет (см. таб. 3). Для диагностики использовался опросник «Торонтская алекситимическая шкала».

Полученные данные свидетельствуют, что к «алекситимическому» типу личности относится больше девочек (37%), чем мальчиков (18%). Напротив, к неалекситимическому типу личности – больше мальчиков (59%), чем девочек (26%). Группу риска составляют больше девочки (37%).

Далее по методике «Шкала эмоционального отклика» производилась диагностика уровня выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого и степень соответствия/несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии. Результаты представлены в таблице 4.

Согласно полученным данным, мальчики и девочки имеют очень высокий, высокий и нормальный уровень выраженности способности к эмоциональному отклику, отсутствуют подростки с низким и очень низким уровнем. Как видно из рисунка, доминирующим является высокий уровень способности к эмоциональному отклику, как среди мальчиков, так и девочек, причем у девочек он выше (69%) по сравнению с мальчиками (54%). Более чем в 3 раза чаще встречаются девочки с очень высоким уровнем способности к эмоциональному отклику, чем мальчики. Напротив, почти в 3 раза реже встречаются девочки, чем мальчики с нормальным уровнем способности к эмоциональному отклику. Одинаково обладают и мальчики, и девочки очень высоким и нормальным уровнем способности к эмоциональному отклику.

В результате оценки достоверности различий между подростками (мальчиками и девочками) с использованием критерия U-Манна-Уитни были обнаружены достоверные различия между двумя группами испытуемых по

показателям «эмоциональный отклик» ($U_{эмп} = 125$ при $p \leq 0,01$) и «алекситимия» ($U_{эмп} = 104,5$ при $p \leq 0,001$). Уровень алекситимии и эмоционального отклика у девочек-подростков статистически достоверно выше, чем у мальчиков-подростков.

При выявлении взаимосвязей эмоционального интеллекта подростков с алекситимией и эмпатическим откликом с использованием корреляционного анализа по методу ранговой корреляции Спирмена в группе мальчиков-подростков были получены следующие взаимосвязи – между шкалой «эмоциональная осведомленность» и алекситимией выявлена обратно пропорциональная зависимость переменных ($r_s = -0,486$, при $p \leq 0,05$), это свидетельствует о том, что чем выше уровень эмоциональной осведомленности, тем ниже уровень алекситимии. Между шкалой «управление своими эмоциями» и алекситимией ($r_s = -0,486$, при $p \leq 0,05$) выявлено, что чем выше уровень управления своими эмоциями, тем ниже уровень алекситимии.

В группе девочек-подростков были получены взаимосвязи между шкалами «эмоциональная осведомленность» и «способность к эмоциональному отклику» ($r_s = 0,596$, при $p \leq 0,01$), которые свидетельствуют, что чем выше уровень эмоциональной осведомленности, тем выше способность к эмоциональному отклику у девочек-подростков. Между шкалами «эмпатия» и «способность к эмоциональному отклику» ($r_s = 0,463$, при $p \leq 0,05$) выявлена прямо пропорциональная зависимость переменных, т.е. чем выше уровень эмпатии, тем выше способность к эмоциональному отклику. Между шкалами «интегративный уровень эмоционального интеллекта» и «способность к эмоциональному отклику» ($r_s = 0,464$, при $p \leq 0,05$) выявлено, что чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем выше способность к эмоциональному отклику.

Полученные данные свидетельствуют, что в целом для подростков 12–13 лет более характерен высокий уровень способности к эмоциональному отклику на пережи-

вания другого, причем, у девочек он выражен в большей степени, чем у мальчиков. Это может свидетельствовать о женской уступчивости, готовности прощать, способности поддерживать и укреплять дружеские отношения [6].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о низком уровне эмоционального интеллекта и высоких уровнях эмпатического отклика, алекситимии у подростков 12–13 лет. Это может говорить о неспособности большинства подростков 12–13 лет выражать переживаемые чувства, связывать вербальные или жестовые символы с чувствами. Причем, у девочек более выражена способность сопереживать другому человеку, чувствовать то, что чувствует другой, переживать те же эмоциональные состояния, идентифицировать себя с ним [2; 6; 10]. Большее разнообразие способов выражения эмоций у девочек, возможно, объясняется тем, что у них способность к вербализации эмоций формируется раньше и развивается быстрее, чем у мальчиков [2]. Понимание эмоций преобладает у лиц женского пола. Женщины по сравнению с мужчинами проявляют большие способности в прочтении изменяющейся социальной информации по лицевой экспрессии и другим невербальным признакам. Возможно, это связано с тем, что у женщин область мозга, обслуживающая процессы, связанные с обработкой эмоциональной информации, больше, чем у мужчин [6]. В литературе имеются сведения о различиях в интенсивности выражения эмоций у мужчин и женщин, и это может быть связано с тем, что они различными способами выражают свои эмоции. Так, у женщин лицевая активность в целом выше, чем у мужчин. Следует учитывать и тот факт, что мужчины в рамках своей традиционной половой роли склонны к «ограничительной эмоциональности» — минимизации эмоциональной экспрессии [1; 6]. Е.П. Ильин отмечает, что семейные условия также создают определенные способы эмоционального взаимодействия.

В результате проведения исследования можно сделать вывод о том, что у мальчиков с возрастанием эмоциональной осведомленности и способности управлять своими эмоциями снижается уровень алекситимии. У де-

вочек при возрастании интегративного уровня эмоционального интеллекта (в частности, эмоциональной осведомленности и эмпатии) возрастает способность к эмоциональному отклику.

На наш взгляд, полученные данные могут быть обусловлены и особенностями взаимоотношений подростков со сверстниками (насколько подросток способен распознать эмоции, чувства другого в общении и это может влиять на характер взаимоотношений между подростками), современной социокультурной ситуацией (преобладание напряженности, тревожности из-за постоянного чувства незащищенности, отсутствия опоры в близком окружении и вследствие этого их ранимости, повышенной сензитивности по отношению к ним окружающих).

Таким образом, в результате исследования было выявлено:

1. Девочки-подростки обнаруживают более высокий уровень эмоционального интеллекта по состоянию эмпатии, способности распознавать эмоции других людей, осознавать свои эмоции и чувства и наблюдать их изменения). У мальчиков-подростков преобладают способности к управлению своими эмоциями и самомотивации, способность быть спокойными и сосредоточенными, чтобы действовать в соответствии с запросами жизни. Для подростков 12–13 лет в целом более характерен низкий уровень интегративного эмоционального интеллекта.

2. Изучение связи эмоционального интеллекта подростков 12–13 лет с алекситимией и эмпатическим откликом выявило, что у мальчиков с возрастанием эмоциональной осведомленности и способности управлять своими эмоциями снижается уровень алекситимии. У девочек с возрастанием интегративного уровня эмоционального интеллекта (в частности, таких состояний, как эмоциональная осведомленность и эмпатия) возрастает способность к эмоциональному отклику.

3. Полученные данные уточняют имеющиеся сведения о различиях в эмоциональной сфере мальчиков и девочек, взаимосвязи алекситимии и эмоционального отклика с показателями эмоционального интеллекта.

Литература:

1. Андреева И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я междунар. науч.-практ. конф. Смоленск: СПГУ, 2004. Ч. 1. С. 22–26.
2. Возрастная и педагогическая психология / сост. И.В. Дубровина. М.: Академия, 1999. — 314 с.
3. Гаврилова Т.П. Анализ эмпатийных переживаний младших школьников и младших подростков // Психология межличностного познания. — М., 1981.
4. Давыдова Ю.В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте: автореф. дис.... канд. психол. наук. Рос. ун-т дружбы народов, Моск. гос. обл. соц.-гуманитар. ин-т. — Москва, 2011.
5. Иванова Е.С. Особенности эмоционального интеллекта в подростковом возрасте / Е.С. Иванова, О.В. Пашкевич // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 6. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. — С. 264–267.
6. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003 — 544 с.
7. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. — Ростов/н/Д, 1999.

8. Терещук Е.И. Алекситимия: понятие, диагностика, особенности психотерапевтической работы с алекситимичными пациентами: учеб.-метод. пособие / Е.И. Терещук, И.А. Байкова. — Минск, 2008. — 39 с.
9. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования / Д.И. Фельдштейн. — М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. — 16 с.
10. Черкалина А.А. Гендерная психология: Учебное пособие. — М.: «Ось-89», 2006. — 256 с.

Компенсаторные возможности коррекционной ритмики для развития психомоторной сферы детей с задержкой психического развития

Андреева Анна Александровна, преподаватель, главный специалист отдела контроля и организационно-методической работы в учреждениях дошкольного образования управления общего и дошкольного образования администрации города Норильска;

Лирнык Алла Александровна, студент, музыкальный руководитель первой квалификационной категории МБДОУ «Детский сад №97 «Светлица» (г. Норильск)

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (филиал в г. Норильск)

В последние годы в нашей стране стало более заметным стремление к тому, чтобы изменить сложившуюся ситуацию с обучением и воспитанием детей с задержкой психического развития в лучшую сторону. Приняты на государственном уровне соответствующие законодательные акты (ФЗ «Об образовании» в РФ от 21.12.2012 г.) [9].

Важно отметить, что на фоне повышения рождаемости — увеличивается число детей с нарушениями психического развития, поэтому проблема роста числа детей с задержкой психического развития в последние десятилетия обозначилась особенно остро.

Ситуация в городе Норильске также вызывает опасение. Так на 1 января 2013 года, по данным Управления общего и дошкольного образования Администрации города Норильска, дошкольные образовательные учреждения посещают 4308 детей в возрасте от 5 до 7 лет. Из них 143 ребенка по результатам территориальной психолого-медико-педагогической комиссии имеют задержку психического развития. Из них только 87 детей посещают группы компенсирующей направленности для детей с ЗПР в ДОУ, остальные 56 детей посещают группы общеразвивающей направленности в связи с отсутствием необходимого количества групп в ДОУ города Норильска для детей с ЗПР.

Создание групп компенсирующей направленности для детей с ЗПР в дошкольных образовательных учреждениях как организационной формы свидетельствует о поисках условий, адекватных психическим и физическим возможностям и потребностям дошкольников. Одним из направлений деятельности группы компенсирующей направленности для детей с ЗПР является разработка системы коррекционно-педагогической деятельности, направленной на преодоление недостатков психомоторной сферы детей с ЗПР. Составной частью этой системы является занятия по коррекционной ритмике.

Можно со всей определенностью утверждать, что для работы с детьми с задержкой психического развития не-

обходимо проектировать особую технологию — такую, как коррекционная ритмика.

Все вышесказанное позволило нам сформулировать тему исследования: «Компенсаторные возможности коррекционной ритмики для развития психомоторной сферы детей с задержкой психического развития».

Объект исследования — психомоторная сфера детей с задержкой психического развития.

Предметом исследования — компенсаторные возможности коррекционной ритмики для развития психомоторной сферы детей с задержкой психического развития.

Целью настоящей работы является реализация возможностей для развития психомоторной сферы детей с задержкой психического развития.

Гипотеза исследования основывается на том, что коррекционная ритмика является эффективным средством преодоления нарушений психомоторной сферы.

Для достижения цели и проверки гипотезы нами были сформулированы следующие **задачи** исследования:

- 1) раскрыть теоретические аспекты психофизиологического развития детей с задержкой психического развития;
- 2) изучить особенности развития психомоторной сферы детей с задержкой психического развития;
- 3) выявить основы организации и проведения занятий коррекционной ритмики;
- 4) определить уровень сформированности психомоторной сферы детей с задержкой психического развития.

Методологическую основу исследования составляют работы педагогов-психологов: Т.А. Власовой, Т.В. Егоровой, М.С. Певзнер, П.Б. Шошина; дефектологов: К.С. Лебединской, И.Ф. Марковской, И.И. Мамайчук.

Для решения поставленных задач был использован комплекс методов:

- теоретический анализ педагогической и психологической литературы,
- обобщение психолого-педагогического опыта;

— организация психолого-педагогического исследования с использованием эмпирических методов: проведение диагностики;

— интерпретационный метод — количественный и качественный анализ.

Опытно-экспериментальная база исследования: Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад комбинированного вида №97 «Светлица» города Норильска. В исследовании приняли участие дети группы компенсирующей направленности для детей с ЗПР в количестве 10 человек.

Понятие «задержка психического развития» употребляется по отношению к детям со слабо выраженной органической недостаточностью центральной нервной системы или с признаками ее функциональной незрелости. Причины, обуславливающие задержку психического развития, многообразны. С одной стороны — это инфекции, интоксикации, травмы, воздействующие на мозг ребенка преимущественно на ранних стадиях внутриутробного и постнатального развития. С другой стороны — это неблагоприятные микросоциальные условия, которые выступают как дополнительный фактор, усугубляющий состояние ребенка [1, с. 17].

Комплексное изучение задержки психического развития как специфической аномалии детского развития развернулось в отечественной дефектологии в 60-гг. XX века. Острейшая необходимость разработки теоретических аспектов психического развития детей с ЗПР в сравнении с другими аномалиями развития, а также в сравнении с полноценно развивающимися детьми, по мнению М.С. Певзнер, была обусловлена главным образом нуждами образования и педагогической практики. Так в 1982 году сотрудником научно-исследовательского института дефектологии К.С. Лебединской и ее коллегами была разработана классификация типов задержки психического развития. Все четыре типа имеют свои особенности. Отличительная черта данных типов состоит в их эмоциональной незрелости и нарушении познавательной деятельности: задержка психического развития конституционального происхождения, задержка психического развития соматогенного происхождения, задержка психического развития психогенного происхождения, задержка психического развития церебрально-органического происхождения [4, с. 37].

Психомоторное развитие представляет собой сложный процесс, который характеризуется определенной последовательностью и неравномерностью созревания отдельных функций, качественным их преобразованием на новом возрастном этапе. При этом каждая последующая стадия развития неразрывно связана с предыдущей. В основе психомоторного развития лежит генетическая программа, которая реализуется под влиянием различных факторов окружающей среды, а также наследственных факторов [2, с. 35].

По мнению Г.А. Волковой, моторные нарушения находятся в прямой зависимости от таких процессов как не-

устойчивость внимания, недостаточная гибкость переключения, повышенная возбудимость ребенка или его заторможенность. Наличие особенностей в психомоторике большинства детей свидетельствует о взаимосвязи и взаимообусловленности психического развития и двигательной сфер, о тесном функциональном единстве между нервной системой и двигательной системой организма в процессе их становления в онтогенезе ребенка [8].

Формирование познавательной, речевой, двигательной, эмоциональной сфер детей с ЗПР идет параллельно с формированием чувства ритма. Существует взаимосвязь между ритмической способностью человека, психической деятельностью и поведением. Ритмические способности формируются при взаимодействии зрения, слуха, движения. Поэтому, чтобы добиться эффективности в работе с детьми с ЗПР, нужно включать в согласованную работу все анализаторы: речедвигательный, речеслуховой, зрительный, кинестетический. Возникает необходимость в комплексном развитии мышления, памяти, моторики ребенка. Проблемы двигательной сферы у детей с ЗПР часто связаны с недоразвитием высших психических функций: формированием межанализаторных связей, сниженным вниманием, памятью, восприятием, мыслительным и речевым развитием.

Таким образом, на первый план выходит необходимость первоначальной коррекции двигательной сферы детей с ЗПР. Педагогический опыт многих исследователей показывает, что этому в значительной мере способствует ритмика [5, с. 7].

Коррекционная ритмика — одно из самых эффективных средств воздействия на двигательную сферу. Во время движений под музыку регулируются процессы возбуждения и торможения в центральной нервной системе, активизируется память и внимание, нормализуются эмоционально-волевые процессы [7].

Основными целями коррекционной ритмики являются профилактика и коррекция имеющихся отклонений в развитии ребенка средствами движений, музыки и слова. Конкретные задачи ритмики определяются вариантом нарушений в развитии ребенка.

Также осуществляется несколько блоков коррекционно-развивающих задач, реализуемых на занятиях по коррекционной ритмике:

— Развитие и коррекция основных видов движений, серии движений, музыкально-ритмических движений;

— Развитие и коррекция высших психических функций и компонентов деятельности, совершенствование психомоторики;

— Развитие способности ориентироваться в пространстве;

— Развитие эмоционально-волевой сферы и личностных качеств [5, с. 11].

Занятия коррекционной ритмикой строятся по следующей структуре:

I. Вводная часть — двигательная разминка (4–5 минут) включает в себя разминку в виде различных видов

ходьбы, перестроений и бега в различных направлениях под музыку.

II. Основная часть (20–22 минуты) состоит из упражнений на развитие и коррекцию основных видов движений, серии движений, музыкально-ритмических движений, развитие психических функций и компонентов деятельности, совершенствование психомоторики, развитие способности ориентироваться в пространстве. Кроме того, в основную часть включены упражнения, способствующие оптимизации функции дыхания.

III. Заключительная часть включает в себя подвижную или речевую игру и обязательную релаксационную фазу 6–8 минут. Проводятся комплексные игры различной подвижности и разной направленности, релаксационные упражнения, формирующие способности к снятию мышечного и эмоционального напряжения в конце занятия [24, с. 14].

Не менее важны при реализации занятий коррекционной ритмики и музыкальные игры. Такие игры снимают психоэмоциональное напряжение, воспитывают навыки группового поведения, то есть социализируют ребенка. Соревновательный характер подвижной игры активизирует личностные и познавательные качества ребёнка, вызывает стремление осознать правила игры, даёт возможность почувствовать свое место в команде, свою роль в общей игре. Чтобы быть ребёнку быть успешным в игре среди детей, ему необходимо вовремя включиться в деятельность, правильно выполнять движения и действия. Таким образом, предъявление на занятиях коррекционной ритмики заданий в игровой форме и проведение игр позволяет повысить эффективность коррекционно-развивающего воздействия, а при работе с детьми с ЗПР, иногда это и единственный способ решить все поставленные задачи. Следует также отметить, что игры создают благоприятные условия для развития творческого воображения у детей.

Педагог, дефектолог М.А. Касицына выделяет четыре основных направления работы с детьми, реализуемые на занятиях коррекционной ритмики: оздоровительное, образовательное, воспитательное, коррекционно-развивающее.

В ходе теоретического анализа мы определили, что коррекционная ритмика является одной из своеобразных форм активной терапии средствами специально подобранных методов и методик, направленных на преодоление недостатков психомоторной, двигательной, познавательной и эмоционально-волевой сферы детей с ЗПР средствами музыкально-ритмической деятельности и психоразвивающих упражнений, построенных на сочетании движений, музыки и слова.

В практической части данного исследования мы предположили, что коррекционная ритмика является эффективным средством преодоления нарушений психомоторной сферы у детей с ЗПР.

План работы с группой компенсирующей направленности для детей с ЗПР предполагал реализацию сле-

дующих этапов: подготовительного, формирующего и контрольного. Осуществлялся данный план работы в период с сентября по апрель 2011–2012 учебного года.

Для проведения исследования и решения поставленных задач на подготовительном этапе нами были использована диагностика психомоторного развития ребёнка по методике А.И. Бурениной. По результатам диагностики заполнена карта обследования уровня развития психомоторных функций воспитанников А.И. Бурениной [6, с. 40].

К основным критериям определения уровня сформированности психомоторного развития ребёнка нами были отнесены следующие показатели:

- Эмоциональная комфортность (отзывчивость) – хорошее самочувствие, уравновешенное поведение, удовольствие от движений и самого участия ребенка в игре.

- Внимание – способность ребенка, не отвлекаясь от музыки и процесса движения правильно выполнить ритмическую композицию от начала до конца самостоятельно.

- Память – запоминание композиции из шести повторений.

- Произвольность (способность управлять своими действиями, контролировать их) – умение подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме в соответствии с музыкой.

- Координация, ловкость движений – ребенок исполняет точно показанные движения, правильно сочетает движения рук и ног при ходьбе, в упражнениях, играх, танцах. Движения пластичные, свободные, хорошо координированные [3, с. 24].

На первом этапе работы обследовали детей с помощью методики А.И. Бурениной «Диагностика психомоторного развития ребёнка»

Результаты диагностики психомоторного развития ребёнка по методике А.И. Бурениной на 15.09.2011 года: девять детей имеют низкий уровень развития психомоторных функций, что составляет 90 % детей; один ребенок имеет средний уровень, что составляет 10 %; с высоким уровнем детей не выявлено (Таблица 1).

При анализе результатов мы выявили качественные и количественные показатели развития психомоторных функций воспитанников (Таблица 2).

При анализе результатов мы сделали следующие выводы:

- эмоциональная комфортность (отзывчивость) – пять детей имеют низкий уровень, что составляет 50 %. Движения выполняют замедленно, с опозданием, либо слишком торопливо. Пять детей имеют средний уровень, что составляет 50 % – движения выполняют старательно, но с заметным напряжением. Не попадают в движения на сильную долю;

- внимание – шесть детей имеют низкий уровень, что составляет 60 % – испытывают большие затруднения при выполнении ритмической композиции. Четыре ребенка имеют средний уровень – 40 % – правильно выполняют ритмическую композицию, но с некоторыми подсказками;

Таблица 1. Карта обследования уровня развития психомоторных функций воспитанников группы компенсирующей направленности для детей с ЗПР за 2011–2012 учебный год (сентябрь 2011 года)

Показатели	Имя ребенка, возраст										Общий уровень сформированности у группы
	5,7	6,8	6,5	6,0	6,4	6,9	7,1	6,3	7,9	5,7	
	К. Артем	В. Дима	К. Лейла	С. Илья	Р. Никита	М. Руслан	С. Олег	Т. Андрей	Ю. Эмма	В. Женя	
Эмоциональная комфортность	Н	С	С	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С
Внимание	Н	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С	Н	Н
Память	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Произвольность	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	С	Н	Н
Координация, ловкость движений	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	С	Н	Н
Общий уровень ребенка:	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	С	Н	Н

Таблица 2. Качественные и количественные показатели развития психомоторных функций воспитанников на 15.09.2011 года

Показатели	Количественный показатель (чел.)			Качественный показатель (%)			Общий уровень сформированности у группы
	Н	С	В	Н	С	В	
Эмоциональная комфортность	5	5	0	50	50	0	С
Внимание	6	4	0	60	40	0	Н
Память	10	0	0	100	0	0	Н
Произвольность	9	1	0	90	10	0	Н
Координация, ловкость движений	9	1	0	90	10	0	Н

— произвольность — умение подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме в соответствии с музыкой — девять детей имеют низкий уровень, что составляет 90% — дети не умеют подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме, имеют повышенную возбудимость, ускоряют движения, перескакивают, торопятся. Один ребенок имеет средний уровень — 10% — умеет подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме. Однако наблюдается запаздывание, задержка и медлительность в движении;

— координация, ловкость движений — девять детей имеют низкий уровень, что составляет 90% — движения детей скованные, плохо координированные, неритмичные. Один ребенок имеет средний уровень — 10% — не всегда правильно сочетает движения рук и ног при ходьбе, в упражнениях, играх, танцах. Движения угловатые, нет точной координации.

Таким образом, в результате диагностики мы получили достаточно полную картину уровня развития психомоторных функций детей с ЗПР на начало 2011–2012 учебного года.

13.04.2012 года осуществлялось контрольное диагностическое обследование, показывающее динамику в развитии психомоторной сферы ребенка (Таблица 3).

При анализе результатов на 13.04.2012 год мы также выявили качественные и количественные показатели развития психомоторных функций воспитанников (Таблица 4).

После проведенной работы мы сделали следующие выводы:

— эмоциональная комфортность (отзывчивость) — пять детей имеют средний уровень, что составляет 50% — движения выполняют старательно, но с заметным напряжением. Не всегда попадают в движения на сильную долю.

Таблица 3. Карта обследования уровня развития психомоторных функций воспитанников группы компенсирующей направленности для детей с ЗПР за 2011–2012 учебный год (апрель 2012 года)

Показатели	Имя ребенка, возраст										Общий уровень сформированности у группы
	6,2	7,3	7,0	6,7	6,11	7,4	7,8	6,10	8,4	6,2	
	К. Артем	В. Дима	К. Лейла	С. Илья	Р. Никита	М. Руслан	С. Олег	Т. Андрей	Ю. Эмма	В. Женя	
Эмоциональная комфортность	С	В	В	С	В	С	В	С	В	С	В
Внимание	С	С	С	С	С	С	С	С	В	С	С
Память	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С
Произвольность	С	С	С	С	С	С	С	С	В	С	С
Координация, ловкость движений	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С
Общий уровень ребенка:	С	С	С	С	С	С	С	С	В	С	С

Таблица 4. Качественные и количественные показатели развития психомоторных функций воспитанников на 13.04.2012 года

Показатели	Количественный показатель (чел.)			Качественный показатель (%)			Общий уровень сформированности у группы
	Н	С	В	Н	С	В	
Эмоциональная комфортность	0	5	5	0	50	50	В
Внимание	0	9	1	0	90	10	С
Память	0	10	0	0	100	0	С
Произвольность	0	9	1	0	90	10	С
Координация, ловкость движений	0	10	0	0	100	0	С

Пять детей имеют высокий уровень, что составляет 50%. Дети выполняют двигательные упражнения с полноценным мышечным напряжением. Точно воплощают музыкальный метроритм в движении. Преобладает хорошее самочувствие, уравновешенное поведение. Получают удовольствие от движений и самого участия в игре. С низким показателем детей не выявлено;

– внимание – девять детей имеют средний уровень – 90% – правильно выполняют ритмическую композицию с некоторыми подсказками. Один ребенок имеет высокий уровень, что составляет 10% – ребенок способный, не отвлекаясь от музыки и процесса движения правильно выполнять ритмическую композицию от начала до конца самостоятельно. С низким показателем детей не выявлено;

– произвольность – умение подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме в соответствии с му-

зыккой – девять детей имеют средний уровень, что составляет 90% – дети умеют подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме. Однако наблюдается запаздывание, задержка и медлительность в движении. Один ребенок имеет высокий уровень, что составляет 10% – умеет подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме в соответствии с музыкой. С низким показателем детей не выявлено;

– координация, ловкость движений – 10 детей имеют средний уровень – 100% – дети не всегда правильно сочетают движения рук и ног при ходьбе, в упражнениях, играх, танцах. Движения угловатые, нет точной координации. С низким и высоким показателем детей не выявлено.

Итак, планомерная систематическая работа на занятиях коррекционной ритмикой в 2011–2012 учебном году

позволила получить положительную динамику в развитии психомоторной сферы детей с ЗПР. Результаты представлены в сводной карте обследования уровня развития психомоторных функций воспитанников (Приложение 3).

Таким образом, девять детей с низкого уровня перешли на средний уровень и один ребенок со среднего уровня перешел на высокий уровень психомоторного развития. Дети стали участвовать в играх с желанием, однако в процессе игры бывают перепады настроения, движения выполняют старательно, но с заметным напряжением. Не отвлекаются от музыки и процесса движения, правильно выполняют ритмическую композицию с некоторыми под-

сказками. Для запоминания композиции требуется не более шести повторений, что свидетельствует о среднем показателе. Дети умеют подчинять свои движения темпу, ритму, динамике, форме, однако отмечается некая медлительность, что характерно для детей с ЗПР.

Таким образом, коррекционная ритмика способствует развитию психомоторных функций дошкольников с задержкой психического развития, позволяет проследить положительную динамику в развитии психомоторной сферы детей с ЗПР и является целесообразным применением в системе коррекционно-развивающих методик в ДОУ комбинированного вида.

Литература:

1. Акимовой М.К. Психологическая диагностика: Учебное пособие / Под ред. М.К. Акимовой. — СПб.: Питер, 2005. — 304 с.
2. Астапов В.М. Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии. — М.: Международная педагогическая академия, 1994. — 216 с.
3. Буренина А., Сауко Т. Программа по музыкально-ритмическому воспитанию, 2007. — 37 с.
4. Дробинская А.О. Ребенок с задержкой психического развития: понять, чтобы помочь. Москва, Школьная Пресса 2005. — 96 с.
5. Касицына М.А., Бородина И.Г. Коррекционная ритмика. Комплекс практических материалов и технология работы с детьми старшего дошкольного возраста с ЗПР. — М.: Издательство ГНОМ и Д, 2007. — 216 с.
6. Обруч (Образование: ребенок, ученик), журнал: — 1999. — №4. — С. 40—41
7. Коррекционная ритмика как средство гармонизации личности ребенка с ЗПР: <http://festival.1september.ru/articles/600159/>
8. Цикл развивающих занятий для детей с особенностями в развитии: <http://festival.1september.ru/articles/418856/>
9. Федеральный закон «Об образовании» от 29.12.2012: graph-kremlin.consultant.ru

Сравнительный анализ стратегий поведения в конфликте школьников подросткового и юношеского возраста

Басова Александра Георгиевна, студент
Белорусский государственный университет (г. Минск)

Одной из актуальных проблем современного общества является рост агрессивных тенденций в подростковой и юношеской среде. Подростковый возраст — это возраст серьезного кризиса, затрагивающего и физиологическое, и психическое здоровье ребенка. Важно вовремя направить их конфликтное поведение в сторону конструктивного начала, поиска взаимоприемлемых решений в конфликте, тем самым научить их правильному выходу из конфликтных ситуаций и социальному становлению в обществе. В связи с этим представляется актуальным изучение стратегий поведения в конфликте в этом возрасте.

В качестве инструментария использовалась методика изучения стратегий поведения школьников в конфликте К. Бьерквиста и К.Остермана, которая направлена на выявление следующих возможных стратегий поведения в кон-

фликтной ситуации: проявления физической, вербальной и косвенной агрессии, конструктивное разрешение противоречий, оказание помощи другим, избегание и виктимизация (преследование).

В исследовании приняли участие 227 учеников (109 девочек и 118 мальчиков) 5-х (79 школьников), 7-х (66 школьников) и 9-х (82 школьника) классов в возрасте от 10 до 16 лет. Исследование проводилось в СШ № 119, СШ № 132 г. Минска.

Для сравнительного анализа использовался непарный t-критерий Стьюдента.

Возрастные различия стратегий поведения школьников в конфликте. В подгруппе мальчиков использование агрессивных стратегий оказалось несколько ниже у школьников 7-х и 9-х классов. Анализ не выявил значимой возрастной динамики таких способов поведения в кон-

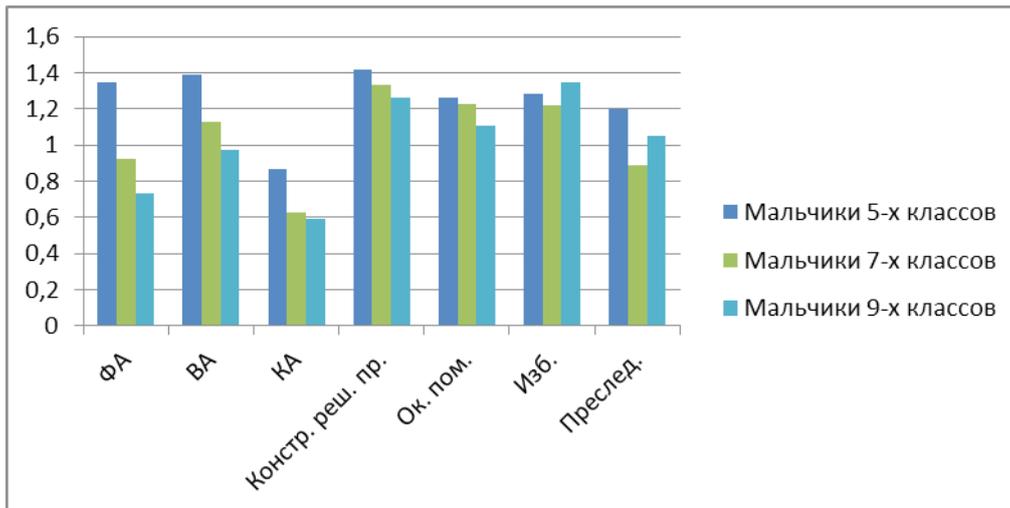

Рис. 1. Возрастные различия стратегий поведения в конфликте мальчиков 5-, 7- и 9-х классов

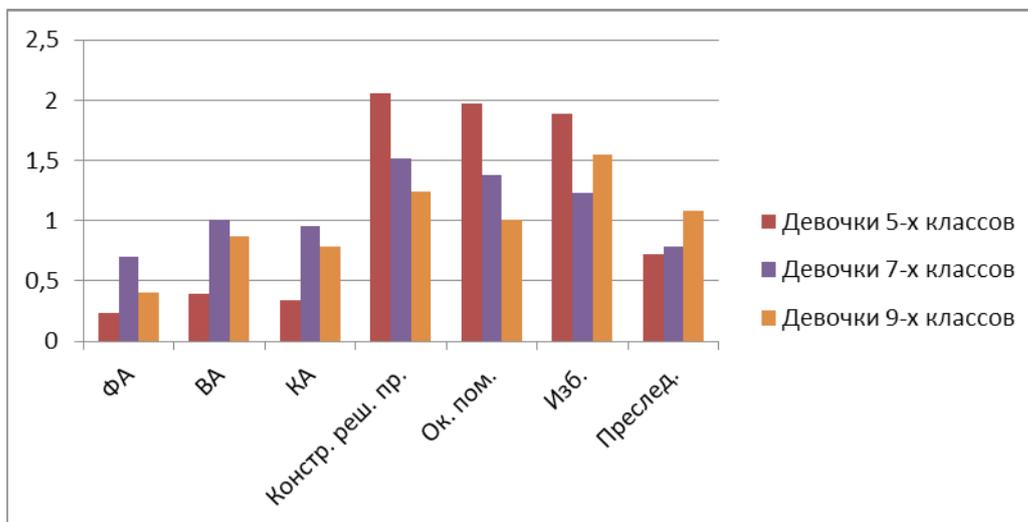

Рис. 2. Возрастные различия стратегий поведения в конфликте девочек 5-, 7- и 9-х классов

фликте, как конструктивное разрешение противоречий, оказание помощи, избегание и преследование (рисунок 1). Следовательно, снижение агрессивности не связано с тем, что агрессивные стратегии поведения становятся, менее предпочтительными, чем мирные стратегии. С возрастом у мальчиков не произошло и расширения репертуара конструктивных стратегий поведения, что могло бы быть следствием накопления опыта, когнитивного развития, роста самосознания и волевого контроля. Можно предположить, что снижение использования агрессивных стратегий с возрастом, связано либо с возрастными особенностями, либо с некими иными переменными, выявление которых требует дополнительных исследований.

В подгруппе девочек агрессивные стратегии поведения в конфликте несколько чаще используют девочки 7-х классов, по сравнению с остальными возрастными подгруппами. Девочки же 5-х классов чаще других воз-

растных групп используют мирные стратегии поведения в конфликте — оказание помощи, конструктивное разрешение противоречий, избегание, что одновременно оказалось сопряжено с более редким использованием стратегий физической, вербальной и косвенной агрессии. Несмотря на то, что девочки 9-х классов имеют средние показатели использования агрессивных стратегий, они более редко, чем школьницы других классов используют конструктивные стратегии поведения в конфликте (рисунок 2). Таким образом, у девочек наблюдается большая возрастная вариабельность в использовании стратегий поведения в конфликте, чем у мальчиков.

Результаты не соответствуют ожидаемым, так как предполагалось, что с возрастом девочки будут реже использовать агрессию в конфликте и будут больше склоняться к использованию мирных способов межличностного взаимодействия в конфликте, что являлось бы

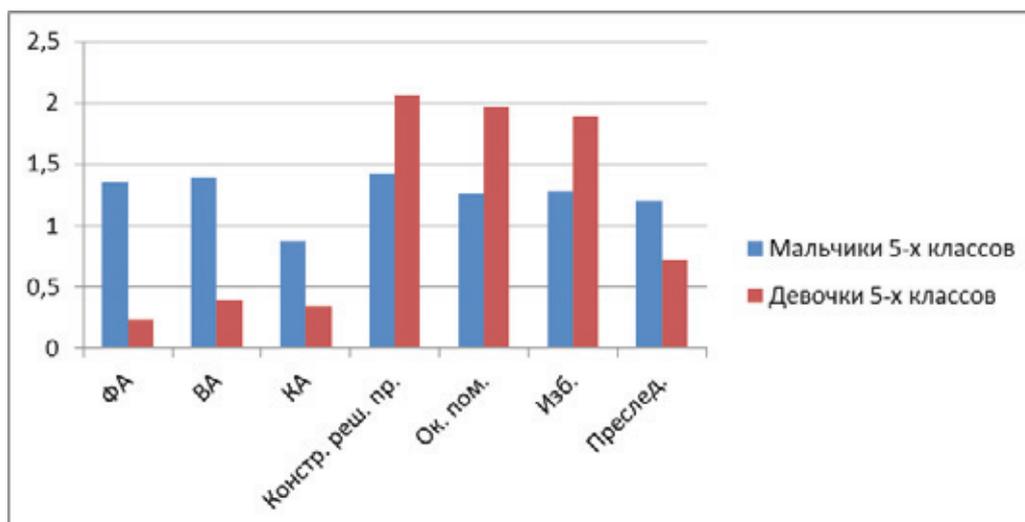

Рис. 3. Различия стратегий поведения в конфликте школьников 5-х классов в зависимости от пола

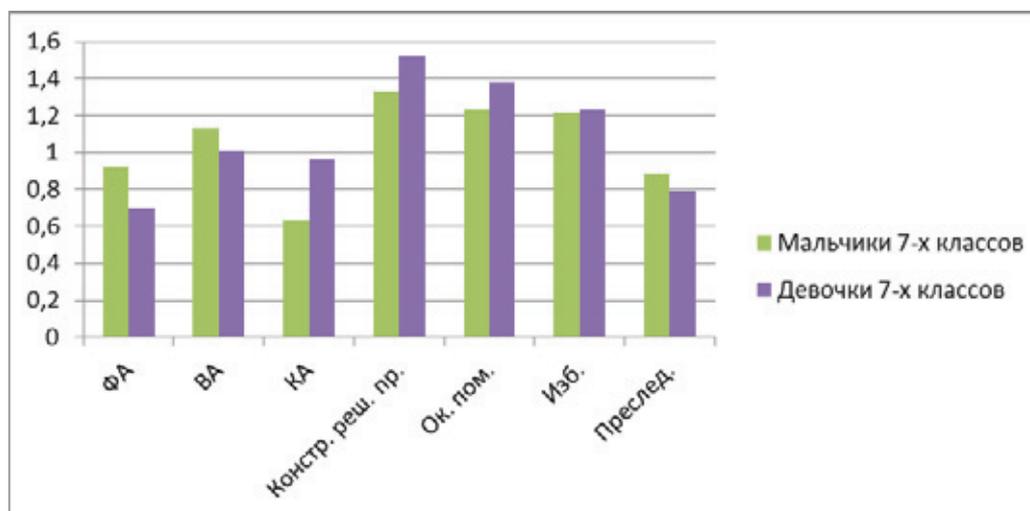

Рис. 4. Различия стратегий поведения в конфликте школьников 7-х классов в зависимости от пола

следствием когнитивного развития, роста самосознания, самоконтроля, а также роста соответствия женского поведения ожидаемым в обществе образцам. Однако, более часто, по сравнению с другими возрастными группами, использование агрессивных стратегий девочками 7-х классов может объясняться пиком переходного возраста, который как раз приходится на 12–13 лет. В этот период у подростков наблюдается повышенная эмоциональная реактивность, недостаточный рациональный контроль над внешним выражением эмоций, колебания самооценки, ранимость, неадекватность реакции, что может препятствовать адекватной оценке ситуации, возникновению желания проанализировать ситуацию, ее причины и последствия, найти конструктивное решение и способствует совершению импульсивных, агрессивных действий.

Половозрастные различия стратегий поведения в конфликте школьников различных возрастов. В 5-х

классах наблюдаются ярко выраженные, статистически значимые различия в стратегиях поведения в конфликте между мальчиками и девочками. Такие стратегии, как физическая, вербальная, косвенная агрессия, а также стратегия преследования оказались более типичными для мужской выборки. Девочки же чаще используют стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи и избегания (рисунок 3).

Однако в 7-х и 9-х классах нет значимых различий между мальчиками и девочками в стратегиях поведения в конфликте, за исключением косвенной агрессии в 7-х классах (у девочек выше) и стратегий физической агрессии (у мальчиков выше) и избегания (у девочек выше) в 9-х классах (рисунок 4, 5).

В целом, полученные результаты свидетельствуют о том, что мальчики чаще девочек склонны прибегать к стратегии, связанной с применением агрессии. В то время,

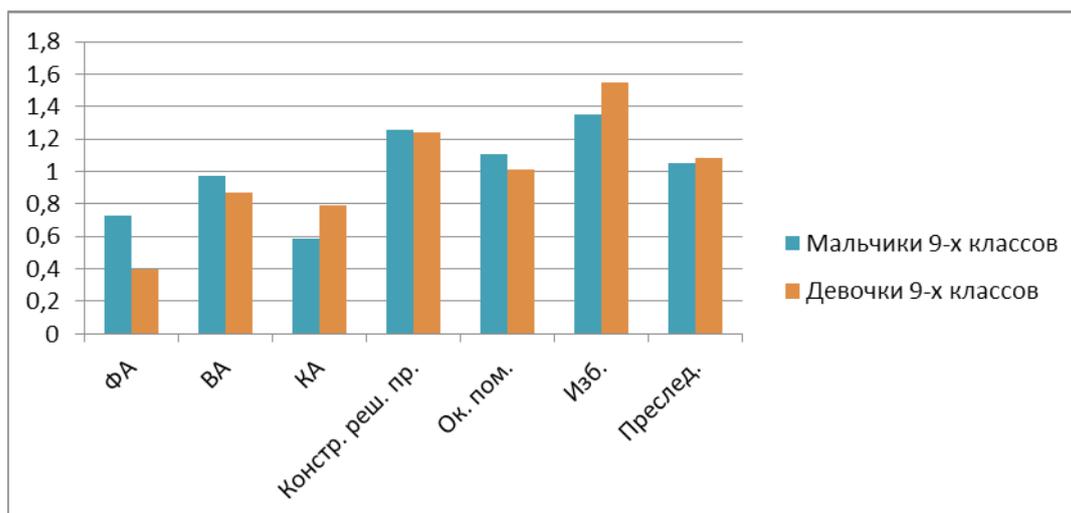

Рис. 5. Различия стратегий поведения в конфликте школьников 9-х классов в зависимости от пола

как девочки стремятся либо использовать не прямые формы агрессии, пассивные стратегии, либо конструктивные стратегии выхода из конфликта. Тем не менее, нельзя не отметить некоторую противоречивость полученных результатов.

Близкие результаты были получены многими другими исследователями, что повлекло за собой многочисленные попытки объяснить эмпирически найденные половые различия в агрессивности, агрессивном поведении с точки зрения различных теорий и подходов, наиболее распространенными из которых являются биологические и социокультурные теории.

По данным О.С. Баранник, уже с дошкольного возраста наблюдаются половые различия в агрессивности. У мальчиков больше выражены враждебность и конфликтность. У девочек же этого возраста больше выражены тревожность и незащищенность [1].

П.А. Ковалев выявил, что склонность к агрессии (агрессивность, конфликтность) во всех возрастных группах школьников и студентов (кроме 7-го класса) выше у лиц мужского пола по сравнению с лицами женского пола. Наблюдается два пика повышения агрессивности: у мальчиков в 12 лет и 14–15 лет, у девочек — в 11 лет и 13 лет. Не стоит, однако, делать вывод, что мальчики в целом агрессивнее девочек [2].

Тот факт, что агрессивность у мужчин выше, чем у женщин, установлен во многих исследованиях, однако некоторые авторы это положение оспаривают. Так, К. Бьерквист называет причиной подобных выводов узкое определение и операционализацию агрессии в этих исследованиях. Мальчики, желающие кому-то навредить, чаще прибегают к физической агрессии, стараются ударить, причинить боль, а девочки — к агрессии реляционной, пытаясь испортить своим врагам отношения с другими детьми, что соответствует известной теории, утверждающей, что у женщин, в отличие от открытой мужской агрессии, проявлением которой является гнев, чаще

наблюдается скрытая враждебность. Стоит заметить, что в процессе развития и девочки, и мальчики научаются контролировать свои агрессивные побуждения, однако мальчики чаще используют агрессивные стратегии, так как имеют больше возможностей для свободного проявления агрессивности [4].

Т. Тигер на основе обстоятельного анализа данных заключает, что до 6 лет различий в агрессивности между мальчиками и девочками нет, и что появляющиеся в дальнейшем различия обусловлены полоролевым воспитанием [6]. А. Фроди и Дж. Маколэй тоже считают мнение о большей агрессивности мужчин неверным. Они пишут, что женщины, обладая более выраженной эмпатией, тревожностью и чувством вины, подавляют у себя открытое проявление агрессивности там, где мужчины ее проявляют. На самом деле женщины не менее склонны к агрессии, если расценивают свои действия как справедливые или чувствуют себя свободными от ответственности [5].

Более высокая агрессивность мальчиков может объясняться не только свойствами их эмоциональной реактивности, но и тем, что они отстают от девочек по способности выражать свои чувства и по умению улаживать конфликты путем переговоров. При сравнении агрессивных и неагрессивных 9- и 11-летних школьников выяснилось, что девочки знают больше конструктивных способов разрешения конфликтов, чем мальчики, причем разница между агрессивными и неагрессивными девочками в этом отношении была больше, чем между мальчиками. Наиболее важные различия между агрессивными и неагрессивными детьми, независимо от их пола, может состоять не столько в силе агрессивной мотивации, сколько в умении находить конструктивные решения, что не противоречит полученным результатам анализа. Тем не менее, нужно отметить, что в 7-х и 9-х классах нет разницы между мальчиками и девочками в частоте использования конструктивных стратегий поведения в конфликте [3].

Таким образом, в проведенном исследовании наблюдается некоторое стирание различий в стратегиях поведения в конфликте между мальчиками и девочками с возрастом,

то есть и девочки, и мальчики начинают использовать различные стратегии поведения в конфликте почти с одинаковой частотой.

Литература:

1. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2003. — 544 с.
2. Ковалев П.А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения: Автореф. дис.... канд. наук. — СПб, 1996. — 20 с.
3. Реан, А.А. Психология человека от рождения до смерти / А.А. Реан. — М.: Олма-пресс, 2002. — 652 с.
4. Björkqvist, K. Social intelligence — empathy = aggression? / K. Björkqvist [et.al.] // Aggressive Violent Behavior. — 2000. — Vol. 5. — P. 191–200.
5. Frodi A. Are women always less aggressive than men? / A. Frodi, J. Macaulay // Psychol. Bull. — 1977. — V. 84. — P. 634–660.
6. Tieger T. On the biological basis of sex differences in aggression / T. Tieger // Child Development. — 1980. — V. 51. — P. 943–963.

Формирование эмпатии

Басова Александра Георгиевна, студент
Белорусский государственный университет (г. Минск)

В отношении процесса развития эмпатии психологи не в состоянии определенно сказать в каком возрасте эта способность приобретается. Частично это происходит из-за недостатка эмпирических исследований. Но даже при отсутствии однозначных ответов большинство исследователей придерживаются мнения о том, что дети с малых лет способны к эмпатии и что их эмпатийные навыки развиваются с возрастом [4; 8; 11; 12;]

Наиболее широко известная теория развития эмпатии опирается на исследования, проведенные М. Нoffsman, по мнению которого, в процессе развития дети переходят от стадии неосознания различий между «я» и «не я», реагируя на чужие переживания как на свои, к стадии более высокой: в ребенке развивается познавательный смысл «я», позволяющий разграничивать как переживания, связанные с собственной личностью, так и переживания по отношению к другим людям [2].

М. Нoffsman выделил четыре стадии в формировании эмпатии. В течение этих четырех стадий дети становятся способными понимать и реагировать соответственно переживаниям других.

Первая стадия — «глобальная эмпатия» («global empathy»). Эта стадия начинается в младенчестве, когда ребенок еще не может дифференцировать себя от других. Младенец реагирует «реактивным или заразительным криком» в ответ на крик другого ребенка [11; 12]. Из этого следует, что ребенок способен испытывать эмпатический дистресс еще до того как у него появляется способность дифференцировать себя от других [7; 8]. Хотя детский крик не является результатом понимания другого

ребенка — он является реакцией на эмоцию неудовольствия [7].

Вторая стадия, «эгоцентрическая эмпатия», охватывает период второго года жизни, когда ребенок начинает демонстрировать общее понимание эмоций других людей. Но хотя он может испытывать сочувствие и может пытаться успокоить человека, он сделает это тем способом, который успокоил бы его в схожих обстоятельствах [7; 8; 11; 12].

Третий период — «сочувствие к переживаниям других» («empathy for another’s feelings») — это период 2–3 года жизни. У ребенка появляется глубокое понимание своих собственных чувств, также как и чувств других. Они более склонны к проявлению способности к принятию роли и действиям, которые согласуются с нуждами других и могут контрастировать с их собственными. Наряду с более развитой способностью к принятию роли, они способны провести более тонкие различия между эмоциями, которые они наблюдают [7]. Они также имеют больший словарный запас и начинают выражать сочувствие вербально [7; 8; 12].

Четвертая стадия «сочувствие к общему состоянию другого человека» («empathy for another’s general condition»). Начинается период в позднем детстве или в ранней юности, когда у детей полностью разовьется способность видеть себя как самостоятельную личность, независимую от других. К 9 годам «ребенок начинает фокусироваться на своих внутренних процессах. И внутренние состояния других людей могут опосредованно переживаться ребенком как свои собственные» [11].

Как отмечают А. Bohart и L. Greenberg, хотя приобретение такого качества, как эмпатия может казаться само собой разумеющимся, оно является продуктом научения, социализации и социального взаимодействия [4]. Из этого можно заключить, что важную роль в формировании эмпатии играют взаимоотношения в семье.

М. Shaffer провела исследование, целью которого было определение связи между эмпатией, стилем родительского воспитания и развитием антисоциального поведения. Отсутствие теплых детско-родительских отношений, противоречия, авторитарный, карательный стиль воспитания и либеральный, свободный стиль воспитания являются благоприятными факторами для развития антисоциального поведения у детей и подростков, вследствие низкого уровня эмпатии.

М. Shaffer выделяет три типа родительских стилей воспитания: разрешающий (permissive), авторитарный (authoritarian) и авторитетный (authoritative). При разрешающем стиле родители устанавливают слабый контроль за детьми и редко их наказывают. При авторитарном стиле родители строги и часто наказывают своих детей. При авторитетном же стиле родители устанавливают теплые взаимоотношения с детьми и разумную дисциплину.

В этом исследовании была обнаружена значимая связь между антисоциальным поведением и низким уровнем когнитивной и эмоциональной эмпатии. Более того, именно модель разрешающего стиля воспитания, а не авторитарного, способствует низкому уровню эмпатии и высокому уровню антисоциального поведения. Следовательно, именно недостаток воспитания при разрешающем стиле влияет прямо на антисоциальное поведение или косвенно через препятствие развития эмпатийных способностей.

Все найденные связи между разрешающим стилем воспитания, эмпатией, как когнитивной, так и эмоциональной, и антисоциальным поведением были значимы [13].

Е. Stotland с сотрудниками изучал зависимость протекания эмпатии от усвоенных социальных схем. Согласно его гипотезе порядок рождаемости определяет положение ребенка в структуре семьи, его социальные ориентации, усвоенные нормы и в будущем — восприятие им жизненных ситуаций и поведение в этих ситуациях.

Первенцы и единственные дети более склонны к переживанию эмпатии, если люди как объекты эмпатии отличаются от них, если они зависят от них, не соревнуются с ними, обладают более высоким или более низким статусом. Кроме того, у этих детей в семье возникают негативные отношения между эмпатией и мотивом личного успеха.

В отличие от первенцев и единственных детей позднерожденные переживают за людей, если они с ними похожи, обладают равным статусом, если отношения с объектом эмпатии у них взаимны и равнозависимы. В ситуации соревнования позднерожденные выказывают больше эмпатии [1].

Одним из самых исследуемых вопросов является связь эмпатии с полом и возрастом субъекта.

Женщины чаще оцениваются как более эмпатийные, однако S. Shimanoff обнаружил, что и мужчины, и женщины (взрослая выборка) выражают свои эмоции с одинаковой частотой, но разным способом [5].

Корреляция между возрастом и эмпатией неоднозначна. Когда измерение эмпатии включает понимающий компонент, проявляется постоянная и значимая зависимость от возраста, что, вероятно, отражает изменения, происходящие в развитии когнитивных навыков. Также эффект возраста может отражать накопление эмоционального опыта.

G. Adams и коллеги, тем не менее, используя опросник А. Mehrabian and N. Epstein, не обнаружили влияния возраста на эмпатийное реагирование при исследовании детей седьмого, восьмого и девятого классов [3].

К. Bryant обнаружила, что у детей первого и четвертого класса наблюдается сходный уровень эмпатии, в то время как у семиклассников отмечен более высокий ее уровень [5].

Исследование Е. Freeman установило, что детям легче выразить когнитивную эмпатию, чем аффективную. Хотя возможно, что дети были способны переживать аффективную эмпатию, но у них не доставало вербальных навыков, чтобы ясно выразить свои переживания.

Позже Е. Freeman высказала идею, что когнитивный компонент является решающим в структуре эмпатии и развивается до аффективной эмпатии [10].

Также исследователи проявляют интерес к тому отличается ли уровень эмпатии к человеку того же пола по сравнению с эмпатией к человеку противоположного пола. Так, N. Feshbach и К. Roe выявили, что среди 6—7 летних девочек и мальчиков одинаковость пола способствует эмпатическому переживанию [9].

В исследовании К. Bryant четвероклассники проявляли меньше эмпатии к сверстнику противоположного пола [5]. Это согласуется с результатами исследований S. Damico и К. Watson, которые утверждают, что только в одном случае наблюдается помощь человеку противоположного пола в этом возрасте: когда такое поведение требуется учителем [12]. Возможно, это объясняется тенденциями поведения в дошкольные годы (мальчики больше играют с мальчиками, а девочки с девочками) и эти нормы становятся сильнее в среднем детстве [5].

С возрастом у женщин сопереживание к лицам того же пола возрастает, тогда как у мужчин эмпатический отклик к субъектам того же пола снижается. В исследовании К. Bryant было замечено, что девушки в 7 классе выражают больше сочувствия к парням, чем юноши седьмого класса. Чего не было при сравнении первоклассников и четвероклассников. В каждом из трех седьмых классов, которые принимали участие в исследовании и где результаты были оглашены, многие юноши отмечали, что их сопереживание к лицам того же пола свидетельствует о гомосексуализме. Следовательно, парни в раннем подростковом возрасте имеют тенденцию отрицать правомерность сопереживания к субъекту того же

пола. Более того, признание этого факта происходит на сознательном уровне.

В других исследованиях были обнаружены связи между эмпатией и различными личностными переменными [6; 7].

R. Dymond с L. Cottrel сравнивали результаты измерения эмпатии с биографиями взрослых респондентов. Оказалось, что лица, обладающие высоким уровнем эмпатии, эмоциональны, оптимистичны, заинтересованы в других, пластичны, легко устанавливают отношения с людьми. Лица, обладающие низким уровнем эмпатии, ригидны, интровертны, сдержанны, эгоцентричны, с трудом устанавливают отношения с людьми, требуют от людей привязанности, но сами не способны к эмоциональным связям («одинокое волки»)[6].

Результаты исследования К. Вруант свидетельствуют о том, что высокий уровень эмпатии имеет обратную зависимость с психологической дистанцией между индивидами в возрастных группах первоклассников, четвероклассников и семиклассников [5].

Таким образом, можно выделить следующие факторы, способные оказать влияние на формирование эмпатии и ее проявление:

– Социально-психологические факторы: пол субъектов (женщины чаще оцениваются как более эмпатийные), возраст, взаимоотношения в семье.

– Психологические факторы: психологическая дистанция между индивидами, симпатия, физическая привлекательность, степень сходства.

Литература:

1. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии / Т.П. Гаврилова // Вопросы психологии. – 1975. – №2. – С. 147–157.
2. Пономарева М.А. Эмпатия: теория, диагностика, развитие: монография / М.А. Пономарева. – Минск: Бестпринт, 2006. – 76 с.
3. Adams G. Sex, age, and perceived competency as correlates of empathic ability in adolescence / G. Adams [et. al.] // Adolescence. – 1979. – Vol. 14, №56. – P. 811–818.
4. Bohart A. Empathy reconsidered: new direction in psychotherapy / A. Bohart, L. Greenberg. – Washington: American Psychological Association, 1997. – 215 p.
5. Bryant K. An index of empathy for children and adolescents / K. Bryant // Child Development. – 1982. – Vol. 53. – P. 413–425.
6. Cottrel L. The empathic responses: a neglected field for research / L. Cottrel, R. Dymond // Psychiatry. – 1949. – Vol. 12. – P. 215–228.
7. Davis M. Empathy: a social psychological approach / M. Davis. – Boulder: Westview Press, 1996. – 44 p.
8. Eisenberg N. The roots of prosocial behavior in children / N. Eisenberg, P. Mussen. – Cambridge University Press, 1989. – 120 p.
9. Feshbach N. Empathy in six- and seven year-olds / N. Feshbach, K. Roe // Child Development. – 1968. – Vol. 39. – P. 133–145.
10. Freeman E. The development of empathy in young children: in search of a definition / E. Freeman // Child Study Journal. – 1984. – Vol. 13, №4. – P. 235–245.
11. Hoffman M. Empathy and moral development / M. Hoffman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 26 p.
12. Killen M. Handbook of moral development / M. Killen, J. Smetana. – London: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – p. 519.
13. Schaffer M. The role of empathy and parenting style in the development of antisocial behaviors / M. Schaffer [et al.] // Crime & Delinquency. – 2008. – Vol. 20. – P. 1–14.

Исследование ригидности-гибкости познавательного контроля и импульсивности-рефлексивности у студентов-авиадиспетчеров

Гордыня Наталия Дмитриевна, слушатель

Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (г. Киев)

Статья посвящена теоретическому анализу когнитивно-стилевых характеристик: ригидность-гибкость познавательного контроля, импульсивность-рефлексивность. Проанализированы теоретические подходы к пониманию природы указанных параметров когнитивных стилей. В проведенном эмпирическом исследовании определено влияние стилиевых характеристик на успешность решения задач тренажерной подготовки будущих специалистов управления воздушным движением (УВД).

Ключевые слова: когнитивные стили (КС), когнитивно-стилевые характеристики, ригидность-гибкость познавательного контроля, импульсивность-рефлексивность, специалисты управления воздушным движением (УВД), тренажерная подготовка.

This article is devoted to theoretical analysis of the cognitive-style characteristics: rigidity, flexibility of cognitive control, impulsiveness-reflectiveness.

The theoretical approaches to understanding the nature of the parameters of cognitive styles in an empirical Research determined the effect of stylistic characteristics to successfully meeting the challenges of the future experts simulator training for air traffic control (ATC).

Keywords: cognitive styles, cognitive-style characteristics, impulsiveness-reflectiveness, rigidity, flexibility of cognitive control, air traffic controller, simulator preparation.

Актуальность. Проблема проявлений когнитивных стилей (КС) авиационных диспетчеров остается практически не изученной. Актуальными для инженерной психологии являются вопросы, связанные с определением особенностей влияния когнитивного стиля на профессиональную подготовку и профессиональную деятельность специалиста. В связи с тем, что важным аспектом в профессиональной подготовке будущих специалистов УВД является тренажерная подготовка, среди актуальных и не изученных вопросов можно выделить: влияния индивидуальных когнитивно-стилевых характеристик на решение сложных профессиональных задач тренажерной подготовки, которые требуют быстрого и своевременного принятия альтернативных решений, гибкости мыслительной деятельности и способностей анализировать большой объем информации, системности анализа информации, высокого уровня автоматизации познавательных функций.

Анализ научной литературы за последние годы позволил констатировать тот факт, что в психологической литературе практически отсутствуют научные труды, посвященные изучению влияния когнитивно-стилевых характеристик на профессиональную подготовку специалистов УВД. Существенный вклад в исследование проблемы когнитивных стилей и их влияния на успешность учебной деятельности и профессиональное становление специалистов был внесен многими психологами (Б.Г. Ананьев, Р. Гарднер, М.С. Егорова, Л.Л. Жердецкая, Т.П. Зинченко, Е.П. Ильин, Дж. Каган, Г. Клаус, Г. Клейн, В. Колга, А.В. Либин, А.П. Лобанов, О.Б. Напрасная, А.И. Палей, Г.В. Парамей, А.П. Писоцкий, Л.И. Рома-

новская, В.В. Селиванов, О.В. Скорынина, Е.Т. Соколова, В.А. Толочек, Ю.Л. Трофимов, Г. Уиткин, Р. Фарби, М.А. Холодная, И.П. Шкуратова и др.)

Изложение основного материала исследования.

По мнению многих психологов, высокую эффективность профессиональной деятельности обеспечивает не одна когнитивно-стилевая характеристика, а система параметров КС таких как: полнезависимость, гибкость познавательного контроля и доминирование вербального способа переработки информации [4, 5, 7, 8]

В связи с тем, что точность и скорость считывания приборной информации непосредственно влияют на качество выполнения профессиональных задач человеком-оператором, актуальной для инженерной психологии является разработка новых эмпирических исследований, направленных на изучение особенностей профессиональной деятельности авиационных диспетчеров с учетом их когнитивно-стилевых особенностей.

Исследование параметров когнитивного стиля «ригидность-гибкость» позволяет обнаружить индивидуальные различия в степени субъективной сложности при изменении способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта.

По мнению В.А. Либина (1999), М.А. Холодной (2002), когнитивно-стилевая характеристика «ригидность-гибкость познавательного контроля» характеризует степень субъективных трудностей при обработке информации в ситуации когнитивного конфликта. Ригидный контроль свидетельствует о наличии трудностей в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в связи с низким уровнем их автоматизированности, а гибкий по-

знавательный контроль свидетельствует об относительной легкости перехода к сенсорно-перцептивным функциям, в связи с высоким уровнем их автоматизированности [1, 3, 8].

М.В. Прохоровой было отмечено, что «ригидность-гибкость» определяет условия формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности, а именно детерминирует успешность профессиональных действий [6].

Приоритетным заданием во время работы диспетчера является способность эффективно различать информацию и принимать быстрые и правильные решения. Стилевая характеристика импульсивность-рефлексивность, как отмечает В. Колга, определяется двумя параметрами: точностью (содержательный аспект) и скоростью (динамический аспект) [2]. Импульсивность-рефлексивность проявляется в условиях неопределенности, когда единственное правильное решение выбирается из множества альтернатив. Импульсивные респонденты быстрее реагируют на проблемную ситуацию, но решения принимаются без анализа альтернатив. Рефлексивные респонденты характеризуются более замедленным темпом реагирования в аналогичных ситуациях, выдвинутые ими гипотезы детально уточняются и проверяются при принятии окончательного решения.

Склонность к риску и нерациональность действий в условиях принятия решения свойственны импульсивным респондентам, а аналитический понятийный стиль мышления; системность анализа информации; полнезависимость и успешность переноса стратегий в новые условия является психологическими характеристиками рефлексивных респондентов.

Скорость и точность принятия правильного решения являются также профессионально важными качествами специалиста. Результаты эмпирических исследований влияния когнитивно-стилевых характеристик на успешность тренажерной подготовки, с нашей точки зрения, могут быть использованы с целью повышения эффективности профессионального отбора, для разработки индивидуальных программ подготовки специалистов УВД. Успешность профессиональной подготовки и деятельности специалистов УВД зависит от: умения точно воспринимать информацию, скорости принятия альтернативных решений в обычных и экстремальных условиях деятельности

Целью нашего эмпирического исследования было определение влияния когнитивно-стилевых характеристик: ригидность-гибкость познавательного контроля и импульсивности-рефлексивности на успешность выполнения задач тренажерной подготовки у специалистов УВД.

Общая выборка состояла из 103 будущих специалистов УВД. Исследование проводилось на базе института аэронавигации Национального авиационного университета (Украина). В эмпирическом исследовании принимали участие 8 групп (3 группы 3 курса, 3 группы 4 курса, 2 группы 5 курса). Возраст респондентов — 18–22 года.

Для изучения успешности тренажерной подготовки студентов-авиадиспетчеров мы использовали метод экспертной оценки. Также нами была разработана и использована анкета, направленная на определение:

- основных трудностей, связанных с ведением радиосообщения специалистами УВД во время прохождения тренажерной подготовки;
- наиболее интересных и сложных задач, которые выполняются на разных диспетчерских пунктах (диспетчерского круга, подхода, районного центра);
- трудностей, связанных с изучением нового материала тренажерной подготовки;
- особенностей принятия решения специалистом УВД в условиях риска;
- способностей специалиста УВД быстрее принимать решения, по сравнению с другими специалистами;
- эффективности взаимодействия студентов-авиадиспетчеров, работающих в одной группе;
- особенностей отработки стандартных профессиональных задач на тренажере с максимальной интенсивностью или отработки одной аварийной ситуации.

В результате проведенного опроса студентов-авиадиспетчеров были выделены основные трудности, связанные с выполнением профессиональных задач тренажерной подготовкой. Среди них студенты-авиадиспетчеры выделили: необходимость принятия быстрых решений при УВД (34,4%); высокая интенсивность воздушного движения (13,7%); неисправность технического оборудования, необходимого для ведения радиосообщения во время тренажерной подготовки (8%); использование нестандартной фразеологии во время экстремальной ситуации (6,9%); неточное восприятие студентом-пилотом соответствующих расчетов, указанных студентом-авиадиспетчером (4%); запоминание новой английской фразеологии (3,1%).

Экспертами было проведено оценивание выполнения профессиональных задач на тренажерах будущих специалистов УВД. Оценка 5 выставлялась при решении профессиональных задач без замечаний или с 1–2 замечаниями. Оценка 4 — при наличии 3 замечаний, оценка 3 — при наличии 4 замечаний. Прежде всего, оценивались выполнение таких профессиональных задач на тренажерах, как:

- соблюдение правил ведения радиосообщения и фразеологии радиосообщения;
- взаимодействие со смежными диспетчерскими пунктами и службами аэропорта;
- ведение процедурного (планового) контроля;
- ведения радиолокационного контроля;
- оперативность и правильность принятия решения при УВД;
- обеспечения безопасности полетов при УВД;
- действия при УВД в особых условиях полета;
- действия при УВД в аварийных ситуациях;
- выполнение пультных операций.

В результате проведенного оценивания успешности выполнения задач тренажерной подготовки специали-

стами УВД нами были выделены группы студентов, которые имеют высокий уровень, выше среднего и средний уровни успешности выполнения профессиональных задач на тренажере.

Анализ полученных результатов показал, что 60% будущих специалистов УВД имеют высокий уровень успешности выполнения профессиональных задач на тренажерах и 40% студентов имеют выше среднего и средний уровень успеваемости. В группу студентов-авиадиспетчеров, которые получили наивысшую оценку за выполнение профессиональных задач на тренажере, вошли 62 специалиста УВД (группа 1). Ко второй группе студентов-авиадиспетчеров, имеющих средний и выше среднего уровни успеваемости за выполнение профессиональных задач, вошли 41 будущий авиадиспетчер (группа 2).

Для исследования когнитивно-стилевых характеристик студентов-авиадиспетчеров мы использовали методику «ТОРЗ» Г.В. Залевского, направленную на изучения ригидности — гибкости познавательного контроля и методику Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков», направленную на изучение импульсивности-рефлексивности.

Методика «ТОРЗ» Г.В. Залевского [4] позволяет определить низкий, средней, высокий, очень высокий уровни проявления ригидности респондента по шкалам: «симптомокомплекс ригидности» (СКР); «актуальная личностная ригидность» (АР); «сенситивная ригидность» (СР); «установочная ригидность» (УР); «ригидность как состояние» (РС); «преморбидная ригидность» (ПМР).

Анализ полученных данных показал, что, практически, по всем шкалам, которые характеризуют проявление ригидности у студентов-авиадиспетчеров 3–5 курсов, доминируют средний и низкий уровни ригидности познавательного контроля. Следовательно, большинство опрошенных студентов-авиадиспетчеров имеют низкие показатели ригидности и высокие показатели гибкости. Высокий уровень проявления ригидности, по сравнению с другими шкалами, наблюдается по шкалам «ригидность как состояние» (30,4%), «симптомокомплекс ригидности» (24,3%), «сенситивная ригидность» (22,3%).

Мы выделили две группы студентов с разным уровнем успешности выполнения профессиональных задач на тренажерах. Первая группа — студенты-авиадиспетчеры, которые получили за выполнение заданий на тренажере средний балл 5 (62 специалиста УВД); вторая группа — студенты-авиадиспетчеры, которые получили за выполнение заданий на тренажере средние баллы 3 и 4 (41 специалист УВД). Полученные данные по двум группам с разным уровнем успешности тренажерной подготовки по 6 шкалам ригидности мы изобразили в виде гистограммы (рис. 1)

Таким образом, видно, что студенты-авиадиспетчеры с высокими показателями успешности тренажерной подготовки (группа 1) имеют низкие показатели по всем шкалам ригидности и более высокие показатели гибкости познавательного контроля, а студенты со средним и низким уровнем успешности тренажерной подготовки

(группа 2) имеют более высокие показатели ригидности познавательного контроля.

Показатели проявления ригидности по шкале «симптомокомплекс ригидности» (СКР), которая отображает склонности к широкому спектру фиксированных форм поведения (навязчивости, педантизма, упрямства респондентов), у студентов 2-й группы выше на 13,76% по сравнению с показателями 1-й группы.

Шкала «актуальная личностная ригидность» (АР) определяет неспособность респондентов при объективной необходимости менять мнение, отношение, установки, мотивы. Уровень проявления данного показателя у студентов 1-й группы ниже на 7,62% по сравнению с представителями 2-й группы.

«Сенситивная ригидность» (СР) отражает эмоциональную реакцию респондентов на определенные профессиональные ситуации, требующие каких-либо изменений, возможно, страх перед новым. По шкале «Сенситивная ригидность» показатели у представителей 2-й группы выше на 8,22%, по сравнению с представителями 1-й группы.

Шкала «установочная ригидность» (УР) также отражает личностный уровень проявления ригидности, выраженный в отношении или установке на принятие — неприятие нового, необходимости изменений самого себя — самооценки, системы ценностей, привычек. По этой шкале показатели проявления ригидности у представителей 2–1 группы выше на 12,71%, по сравнению с представителями 1-й группы.

С помощью данных, полученных по шкале «ригидность как состояние» (РСО), можно выявить, что в состоянии стрессовых ситуаций, повышенной усталости или болезненном состоянии высокие показатели ригидности у респондентов могут проявляться чаще, нежели в обычных условиях деятельности. По этой шкале показатели проявления ригидности у представителей 2-й группы выше на 14,59%, по сравнению с представителями 1-й группы.

Нами был проведен корреляционный анализ, направленный на установления взаимосвязи между видами ригидности у будущих специалистов УВД. В результате проведенного исследования с помощью *nonparametric correlations* (разрозненные статистические данные, корреляции взаимного спектра) были установлены корреляционные связи между: шкалой «симптомокомплекс ригидности» и шкалой «актуальная личностная ригидность» ($\rho=0,855^{**}$) на уровне значимости ($\text{sig}=0,000$); шкалой «симптомокомплекс ригидности» и шкалой «сенситивная ригидность» ($\rho=0,695^{**}$) на уровне значимости ($\text{sig}=0,000$); шкалой «симптомокомплекс ригидности» и шкалой «установочная ригидность» ($\rho=0,672^{**}$) на уровне значимости ($\text{sig}=0,000$); шкалой «симптомокомплекс ригидности» и шкалой «ригидность как состояние» ($\rho=0,695^{**}$) на уровне значимости ($\text{sig}=0,000$); шкалой «симптомокомплекс ригидности» и шкалой «преморбидная ригидность» ($\rho=0,698^{**}$) на уровне значимости ($\text{sig}=0,000$).

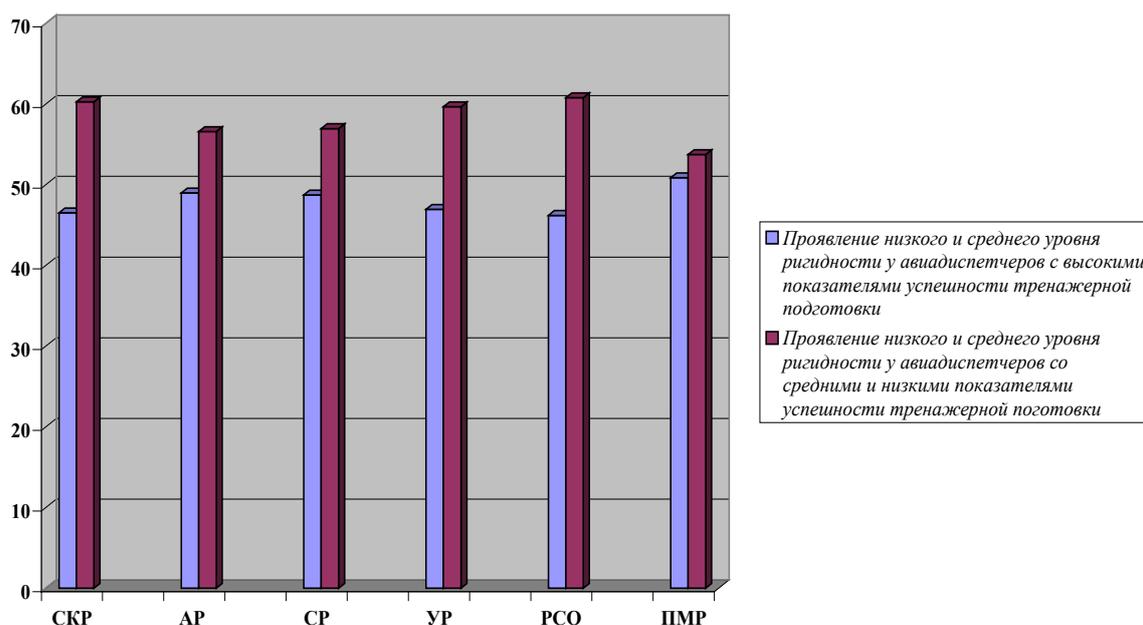

Рис. 1. Анализ показателей проявления ригидности у будущих специалистов УВД с разным уровнем успешности тренажерной подготовки

Также мы обнаружили: чем выше показатели успешности тренажерной подготовки, тем ниже проявление ригидности. Были обнаружены обратные корреляционные связи между успешностью выполнения задач на тренажерах студентами-авиадиспетчерами и показателями ригидности по шкале «симптомокомплекс ригидности» (-0,235*) на уровне значимости (sig=0,017); между успешностью выполнения задач на тренажерах и показателем «установочная ригидность» (-0,225*) на уровне значимости (sig=0,22); а также между успешностью выполнения задач на тренажерах и показателем «ригидность как состояние» (-0,251*) на уровне значимости (sig=0,11). Эти данные свидетельствуют о том, что, чем выше показатели успешности тренажерной подготовки будущих специалистов УВД, тем ниже проявления ригидности.

Были обнаружены обратные корреляционные связи между успешностью выполнения задач тренажерной подготовки и показателями скорости выполнения задач по методике Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» ($\rho = -0,227^*$) на уровне значимости (sig=0,021). Между скоростью и точностью выполнения заданий по методике Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» также выявлена обратная корреляционная связь ($\rho = -0,240^*$) на уровне значимости (sig=0,014).

Выводы

1. В результате проведенного анализа научных работ и эмпирического исследования нами было выявлено влияние гибкости познавательного контроля и рефлексивности на успешность тренажерной подготовки. Будущие специалисты УВД с высокими показателями

успешности тренажерной подготовки имеют более высокие показатели скорости и точности выполнения задач, характеризуются гибкостью мышления, способностью анализировать большой объем информации. А студенты-авиадиспетчеры со средним и низким уровнем успешности тренажерной подготовки имеют более высокие показатели склонности к риску. Проявление низкого уровня познавательного контроля у студентов-авиадиспетчеров свидетельствует о неспособности специалистов УВД приспосабливаться к новым условиям; изменять свои взгляды и убеждения в профессиональной деятельности; неумении самостоятельно и быстро принимать эффективные решения в условиях интенсивного движения воздушных судов, при решении проблемных задач в условиях дефицита времени, разнообразных конфликтных ситуациях, в экстремальных условиях деятельности.

2. Эмпирическое исследование, направленное на изучение взаимосвязи между успешностью выполнения профессиональных задач тренажерной подготовки будущими специалистами УВД и когнитивно-стилевыми характеристиками: ригидность — гибкость познавательного контроля и импульсивность — рефлексивность, позволило выявить, что студенты-авиадиспетчеры с высокими показателями успешности тренажерной подготовки (группа 1) имеют низкие показатели по всем шкалам ригидности и более высокие показатели гибкости познавательного контроля, а студенты со средним и низким уровнем успешности тренажерной подготовки (группа 2) имеют более высокие показатели ригидности познавательного контроля.

3. Выявлена отрицательная корреляция: между успешностью выполнения задач на тренажерах студен-

тами-авиадиспетчерами и средними показателями ригидности по шкалам «симптомокомплекс ригидности», «установочная ригидность», «ригидность как состояние». Также была обнаружена отрицательная корреляция между успешностью выполнения задач тренажерной под-

готовки и показателями скорости выполнения задач по методике Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков»; между скоростью и точностью выполнения заданий по методике Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» также выявлена обратная корреляционная связь.

Литература:

1. Зинченко Т.П. Когнитивная и прикладная психология / Т.П. Зинченко. — М.: МОДЕК, 2000 г. — 608 с.
2. Колга В. Возможные миры стилей // Когнитивные стили / В. Колга. — Таллин: ЭННЛ, 1986. — С. 32–37.
3. Корнилова Т.В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя / Т.В. Корнилова, Г.В. Парамей // Вопросы психологии, 1989. — №6. — С. 140–147.
4. Лобанов А.П. Психология интеллекта и когнитивных стилей / А.П. Лобанов. — Минск: Агентство Владимира Гревцова, 2008. — 296 с.
5. Максименко С.Д. Роль когнітивно-стильових особливостей особистості в процесі навчальної діяльності / С. Д. Максименко, І.Д. Пасічник // Наукові записки. Серія «Психологія і педагогіка» Тематичний випуск «Актуальні проблеми когнітивної психології». — Острого: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2010. — Вип. 14. — С. 3–10.
6. Прохорова М.В. Індивідуальний стиль діяльності з домінуванням когнітивних компонентів: Автореф. дис...канд. психол. наук / М.В. Прохорова. — Київський університет імені Тараса Шевченка. — К., 1995. — 22 с.
7. Толочек В.А. Стили деятельности: Модель стилей с изменчивыми условиями деятельности / В.А. Толочек. — М., 1992. — 316 с.
8. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М.А. Холодная [2-ое изд., перераб. и доп.]. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.

Организация работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья, в условиях ДДИ «Южное Бутово»

Ермолаева Елена Владимировна, педагог-психолог;
Федосеева Ольга Александровна, педагог-психолог
ГКУ ДДИ «Южное Бутово» (г. Москва)

Семья — общественный институт, исторически призванный решать воспитательные задачи. На протяжении тысячелетий семья была основной формой социализации подрастающего поколения. Именно в семье в сознании ребенка формируются представления о жизненных целях, нравственных ценностях, добре и зле, вырабатываются образцы поведения. В этой связи проблема семьи и ребенка с отклонениями в развитии и особыми образовательными потребностями становится все более актуальной и востребованной обществом. [1]

Многие педагоги, психологи и психиатры отмечают важность вовлечения родителей в процесс работы с ребенком. Эффективное взаимодействие с родителями помогает закрепить новые формы поведения ребенка, повышает чувство родительской компетенции, улучшает семейное функционирование. Вовлечение родителей определяется как широкий круг взаимодействий между родителями и учителями-дефектологами, педагогами дополнительного образования, логопедами, психологами.

В связи с этим, в прошлом и этом учебном году, работа с родителями выделена в приоритетное направление. На

первом этапе этой работы был организован мониторинг «Социально-психологический портрет семьи» с целью изучения социально-психологического статуса семьи, воспитывающего ребенка инвалида. Полученные данные позволили выделить особенности взаимоотношений, некоторые внутренние и внешние ожидания семьи.

Анализ результатов позволил сформировать основные направления программы. Так при выборе желаемых мероприятий родители чаще отмечали праздники, развлечения, досуговые мероприятия (32,7%), наиболее приемлемыми формами работы с психологом и другими специалистами для них были индивидуальные консультации (47%).

В ДДИ «Южное Бутово» для родителей проводятся психологические занятия «Общаться с ребенком. Как?» На встречах мы говорим об особенностях родительства; взаимоотношениях с ребенком; о возможных трудностях, с которыми сталкиваемся...об удачных находках.

Вот некоторые темы: «Знаете ли вы своего ребенка?», «Капризы и упрямство», «Можно ли обойтись без наказания?», «Какие игрушки нужны детям?» Родители получают не только информационную и психологическую

поддержку, но и знакомятся с упражнениями психологическими технологиями работы с ребенком

Основная задача помочь родителям принять себя и своих детей такими, какие они есть. Изменить взгляд на свою проблему — воспринимать ее не как «крест», а как «особое предназначение».

Вооружить родителей различными способами коммуникации:

- научить помогать и поддерживать друг друга;
- помочь избавиться от чувства обособленности и брошенности в своем горе;
- снять тревогу и страх быть отвергнутым;
- помочь в формировании адекватной оценки психологического состояния своего ребенка;

Такие встречи обеспечивают эмоционально-комфортный, безопасный подход к каждому родителю, позволяют решать наиболее важные сокровенные вопросы.

Залог успеха работы с родителями на наш взгляд заключается в том, чтобы показать пусть минимальную, но очень близкую во времени, но возможную перспективу развития ребенка, укрепления его самостоятельности.

Еще одним из направлений работы с родителями является «Школа родителя особого ребенка», в ее рамках проводятся практические занятия по знакомству родителей с разделами программы обучения детей с особыми возможностями.

«Коррекционные возможности рисования», «Сенсорное развитие — это важно», «Предпосылки развития речи», «Живая глина» и т.д. Вот далеко не все темы наших встреч, на которых родители знакомились с содержанием учебного процесса в нашем Детском доме.

Родители имеют возможность попрактиковаться в выполнении заданий, которые педагоги дают их детям, освоить педагогические приемы обучения и воспитания ребенка. Раскрыть собственные творческие возможности. При этом учителя-дефектологи, логопеды, учителя доп. образования очень деликатно доносят до сведения родителей те порою незначительные, нескорые достижения ребенка.

Совместная с ребенком деятельность ценна для развития и укрепления отношений между родителями и детьми. Участниками клубных встреч являются не только мамы и папы, но и другие члены семьи.

Критериями эффективности являются возрастание активности родителей, интерес к дидактическим мероприятиям, увеличения числа конкретных запросов к специалистам.

В этом году психологическая служба открыла **Кофейню «В гостях у психолога»**, где каждый родитель на-

ходит для себя приятных собеседников, единомышленников. За чашкой кофе с пирожками наши посетители обсуждают важные вопросы, обмениваются опытом. Каждая встреча имеет свою тематику: «Справиться с агрессией. Как?» «Супружеские конфликты», «Мужчина и Женщина» и другие интересные темы. Наши гости не только узнают самые последние мнения ученых и практиков по данным вопросам, но и имеют возможность продегустировать различные практические техники по решению сложных вопросов воспитания, взаимоотношений и др. На каждой встрече все посетители кофейни получают полезные подарки-сюрпризы.

Вся работа нашей психологической службы направлена на то, чтобы создать положительный настрой, привлечь членов семьи, способствовать зарождению оптимизма у родителей, сделать так, чтобы родители поверили в себя. В наших тренингах родители приобретают умения находить выход из сложных ситуаций, осознавать собственные эмоции и чувства других людей. В процессе занятий участники:

- получают эмоциональную поддержку со стороны психологов и членов группы;
- переживают те чувства, которые часто испытывают в реальной жизни;
- воспроизводят те эмоциональные ситуации, которые случались с ними в реальной жизни и с которыми они не могли справиться;
- учатся быть более чуткими как к себе, так и к другим людям, учатся ценить себя, учатся позитивному мышлению;
- обретают способность выражать более свободно собственные отрицательные и положительные эмоции;
- учатся вербализовывать и понимать собственные чувства;
- производят эмоциональную коррекцию своих отношений.

Залог успеха работы с родителями в тренингах, на наш взгляд, заключается в том, чтобы выработать у родителей позитивное отношение к собственной жизни, получить радость и зарядиться оптимизмом.

По итогам проведенной работы проводится опрос родителей об их отношении к организации и содержанию данных мероприятий. Семьи высказывают удовлетворенность организацией и содержанием мероприятий, выражают желание участвовать и в их подготовке. Определяют примерную тематику заседаний кофейни. Эти данные позволяют вносить коррективы в запланированную работу с целью увеличения степени участия родителей в жизни Детского Дома Интерната «Южное Бутово».

Литература:

1. Ткачева В.В. Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии. — М.: АСТ; Астрель, 2007.

Восприятие телевизионных телепередач с элементами комического как один из видов художественного восприятия

Неверова Анастасия Александровна, аспирант
Шадринский государственный педагогический институт (Курганская обл.)

Создание условий для всестороннего и правильного развития личности было актуально во все времена. Использование для этого различных видов искусства (литературы, кинематографа, музыки, живописи и театра и др.) дает возможность для личностного развития, активизирует творческий процесс, углубляет эмоции, развивает чувства и интеллект.

Проблема художественного восприятия исследовалась как философами (Аристотель, Г. Гегель, И. Кант и др.), так и психологами (Р. Арнхейм, Л.С. Выготский, П.М. Якобсон, А.В. Запорожец, С.Л. Рубинштейн и др.) начиная с древних времен. Но и сейчас эта проблема волнует современных ученых, а изучение этого феномена ведется во многих направлениях.

И.А. Мальченкова [5] считает, что произведения искусства решают следующие задачи:

- осведомляет о фактах, событиях, процессах действительности и отношение к ним героев произведения;
- заражает самого читателя, зрителя слушателя определенными оценками этих фактов и отношений включаются в уже существующую систему его духовно-художественных воззрений;
- вызывает поток наблюдений, переживаний, раздумий и приводит к определенным изменениям жизненных установок и ценностей индивида, т.е. меняет его самого и его человеческий мир.

Художественное восприятие относится к процессу, объектом которого являются произведения искусства (книга, картина, скульптура, пьеса на сцене, фильм, музыка т.д.); субъектом — слушатель, зритель, читатель. По мнению Р. Арнхейма, восприятие искусства — это не пассивный созерцательный акт, а активный творческий процесс, предполагающий включение потребителя искусства с автором [1].

Впервые кто из античных ученых затронул проблему художественного восприятия был Аристотель. О художественном восприятии он говорит как об интимном процессе, зависящем от жизненного опыта и культурной подготовки индивида (устойчивые факторы) и от его настроения, психологического состояния (временные действующие факторы). Художественное воздействие искусства было понято им как очищение души зрителя с помощью эффектов сострадания и страха. В «Политике» Аристотель говорит об очищении реципиента красотой и наслаждением. Восприятие искусства — есть процесс, протекающий в глубине сознания человека и трудно фиксируемый при наблюдении.

Л.С. Выготский писал, что восприятие искусства требует творчества, потому что и для восприятия искусства

недостаточно просто искренне пережить то чувство, которое владело автором, недостаточно разобраться и в структуре самого произведения — необходимо еще творчески преодолевать свое собственное чувство, найти катарсис, и только тогда действие искусства скажется сполна. Художественное восприятие выступает, прежде всего, как психический процесс, который протекает под непосредственным воздействием произведения искусства [3, с 237].

П.М. Якобсон выделяет художественное восприятие как многослойную структуру, в которой взаимодействуют результаты перцептивных и интеллектуальных актов постижения воплощенных в произведении художественных образов и активного творческого овладения ими, его (произведения) духовного и практического воздействия. П.М. Якобсон утверждает, что эмоциональное воздействие произведений искусства, подразделяется на поверхностное, затрагивающее периферические стороны личности, и глубокое, которое затрагивает нравственное сознание [10].

Киноискусство, театр, мультипликация считаются синтетическими видами искусства, предполагающими умение воспринимать речь, музыку, пение, мимику, позу и движение персонажей.

Одним из слабо разработанных аспектов художественного восприятия является восприятие телевизионных передач с элементами комического, хотя особенности культуры телевосприятия в настоящее время исследуют многие отечественные ученые (Л. М. Баженова, Е.А. Бондаренко, Е.А. Захарова, В.В. Недбай, Ю.Н. Усов и другие ученые). Но мало данных о культуре телевосприятия у детей дошкольного возраста (М. Л. Варшавская, Ж.В. Мацкевич, А.В. Спирина, В.Д. Сыч, М.А. Шакарова)

Е.А. Захарова [4] под телевосприятием подразумевает культуру телезрителя, который умеет оценивать нравственное содержание телепередач, самостоятельно выбирать нужную ему экранную информацию и разумно ею пользоваться.

В исследовании М.Л. Варшавской изучалась проблема использования диафильма как средства развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста. В свете данной проблемы автор рассматривал специфику диафильма как пособия, в котором сочетание последовательного ряда изображений с литературным [6].

В.Д. Сыч рассматривал влияние телевизионных передач о природе на воспитание эстетического отношения детей дошкольного возраста к природе, тщательно подходила к отбору содержания телепередач [10]. Кроме того рассмотрено влияние мультипликационного кино на раз-

вите изобразительного творчества (Ж.В. Мацкевич, [5]), а также изучено влияние восприятия телепередач с элементами насилия на отрицательные эмоциональные состояния детей старшего дошкольного возраста (А.В. Спирина [9]).

Восприятие телепередач с элементами комического является составляющей художественного восприятия, которое структурируется как система, включающая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Изучая когнитивный компонент художественного восприятия А. Бине и В. Штерн настаивают на том, что восприятие картины идет от части к целому и выделяют три стадии: первая — предметная (перечисления), вторая стадия — действия (описания), третья стадия — истолкования (отношений); Л.А. Венгер, Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн доказывают обратное: восприятие картинок идет от целого к части.

Эмоциональный компонент исследователи рассматривали в соотношении с когнитивным, в связи с этим были сформированы три точки зрения на эту проблему: Первая точка зрения — на первый план выдвигается мышление (А. Бергсон, Г. Гегель, И. Кант); вторая — на первом плане находятся эмоции (Г. Декарт, Т. Липпс, Дж. Селли). Соответственно третьей точке зрения, большое значение придается как эмоциям, так и мышлению (Ю.Б. Боров, А.П. Московский).

Анализируя телевосприятие детей, исследователи выделяют следующие его особенности:

Первая особенность заключается в том, что детское восприятие характеризуется как фрагментарное. Л.М. Баженова указывает на то, что ребёнок часто дает оценку поведения телегероя на основании одного выхваченного из сюжета эпизода и затрудняется составить общее представление о характере персонажа. Кроме этого ему бывает трудно выразить свои эмоции и оценки еще из-за того, что у него еще слабо развита речь [2]. Е.А. Захарова, утверждает, что фрагментарность выражается в неспособности ребёнка эмоционально воспринять музыку, ритмы, пластику, цвет, монтажные и другие выразительные средства киноязыка, соотносить эти средства между собой и осмысленно связать в единый целостный кинообраз [4].

Вторая особенность детского восприятия — просмотр фильмов направлен не только на усваивание информации, а также предполагает выделение и оценку структурных компонентов поведения телеперсонажей, сравнение их друг с другом и с общепринятыми нормами, установление связей между нарушением норм и правил поведения телеперсонажей и отрицательными последствиями и их прогнозирование (*когнитивный компонент*), также на переживания человеком и глубину погружения, дифференцировку отношения к положительным и отрицательным телеперсонажам к разным жанрам телепередач, осуждение отрицательных форм поведения, сопереживание положительным героям (*эмоциональный компонент*), что становится как бы частицей собственного опыта, формируя чувства и творческое, подлинно

свободное отношение к действительности (А.Л. Казин, А.В. Спирина). А.В. Спирина считает, что *поведенческий компонент* находит выражение в трансляции в повседневную жизнь и творческую деятельность воспринимаемых форм отрицательного и положительного поведения телеперсонажей, использование усвоенных при просмотре телевизионных передач копипг-стратегий в общении и игровой деятельности [9].

Третья особенность детского телевосприятия заключается в том, что телевидение способствует формированию не только мировоззрения, но и мировосприятия, мироощущения человека, но и его свободное, творческое отношение к жизни. Телевидение воспитывает эстетическое отношение детей дошкольного возраста к окружающему миру, но формирует нравственное поведение. По мнению В.Д. Сыч, телепередачи должны быть выполнены на высоком эстетическом уровне и приближаться к произведениям искусства, с тем, чтобы эмоциональная осознанность материала способствовала более глубокому проникновению в сущность явления, о котором шла речь. Эстетический уровень проявлялся в точности и ясности замысла и композиции, красочности, простоте и доступности речи ведущего, его увлеченности, уместности зрительного ряда. Очень важным являлось единство стиля, плавность и естественность переходов при показе различных элементов, например, кинофрагментов, а также соблюдение меры при использовании музыкальных и различных шумов в передачах, верное соотношение зрительного и слухового ряда. Передачи должны были вызывать только положительные эмоции и должны были способствовать воспитанию у детей эстетических чувств и вкусов [10].

Четвертая особенность детского телевосприятия — наивный реализм, который характеризуется с точки зрения М.К. Шнейдера тем, что не понимая художественной условности кинообраза (воспринимая его лишь «вербально»), дети не делают различия между натуралистической кинокопией и художественным кинообразом, т.е., по сути, принимают все увиденное за подсмотренную кинокамерой действительность. Естественно, это касается прежде всего игрового кино [8].

Пятая особенность детского телевосприятия — дошкольники испытывают затруднения в восприятии пространственно-временных и причинно-следственных связей явлений реальной жизни в невозможности связать несколько эпизодов-поступков героя во временной последовательности, и выявить причинно-следственные связи в сюжете; в невозможности понять мотивы поведения героев, и, следовательно, сделать нравственные выводы (Е.А. Захарова).

Шестая особенность детского телевосприятия — «фабульное» восприятие — ребёнок «читает» событийный ряд кинокартины (небольшой по объему) и связывает события-эпизоды во временной последовательности, но до полноценного художественного восприятия, тем более, до восприятия большой полнометражной картины ему еще очень далеко (Л. М. Баженова, Е.А. Захарова).

Седьмая особенность детского телевосприятия — возможности телевидения позволяют демонстрировать явление в ускоренном или замедленном темпе, при необходимости останавливая или даже повторяя показ. Благодаря чему можно зафиксировать процессы, происходящие в какие-то мгновения, часто неуловимые для человеческого глаза и, напротив, проследить за тем, на что в реальной действительности потребовались бы годы или месяцы (Р.Н. Ильин)

Восьмая особенность детского телевосприятия — движение в пространстве, наряду с фотографическим воспроизведением реальности выражает специфику кино.

Девятая особенность детского телевосприятия — идентификация юного зрителя с понравившимся ему героем, которая у детей проходит значительно острее, чем у взрослых. Отождествление себя с телегероем в этом возрасте происходит у детей чаще всего по внешним признакам, без понимания внутренних мотивов его поступков и поэтому дети затрудняются выбрать достойного персонажа (Е.А. Захарова [4])

Десятая особенность детского телевосприятия — многие дети испытывают затруднения в понимании подтекста тслепроизведения, не замечая скрытых смыслов, которые зачастую содержатся в словах и действиях телеперсонажей и поэтому неадекватно интерпретируют увиденное на телеэкране (Л.М. Баженова [2]).

Одиннадцатая особенность детского телевосприятия — дети дошкольного возраста не в состоянии выделить ос-

новной конфликт телефильма. В поле их внимания находятся, преимущественно главные герои, а поступкам второстепенных действующих лиц не придается значения, не осознается их воздействие на ход событий фильма и судьбы главных героев (Л. М. Баженова [2]).

«Ералаш» — современная юмористическая передача, которую часто показывают по телевидению. Сюжеты киножурнала представляют не только юмористическую, но и нравственную направленность т.к. в историях киножурнала «Ералаш» высмеивается **жадность** — «Мандарин» (автор О. Григорьев, режиссер Л. Мирский); **лживость** — «Часы» (автор В. Ховенко, режиссер Н. Репина); **хитрость** — «Хитрый маршрут» (автор Д. Афанасенко, Е. Ковалец, режиссер Е. Ковалец); **хвастовство** — «Котовасия» (автор А.Щеглов; режиссер С.Морозов), «Клевое местечко» (автор Д. Афанасенко, Е. Ковалец; режиссер Е. Ковалец); **зависть** — «Наша Таня громко плачет» (автор Н. Иванова, режиссер Н.Иванова); **неряшливость** — «Помощница» (автор Н.Дубина, режиссер А. Михалев) и др.) и поэтому изучение восприятия дошкольниками киножурнала «Ералаш» представляет огромный интерес как психологов, так и для воспитателей и родителей.

На основе проведенного анализа были выделены особенности телевосприятия, а также рассмотрены аспекты художественного восприятия, что может представлять интерес для исследователей и педагогов дошкольного учреждения.

Литература:

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. — 392 с.
2. Баженова Л.М. Медиаобразование школьника (1–4 классы). Пособие для учителя. М.: Изд-во Российской академии образования, 2004. — 55 с.
3. Выготский Л.С. Психология искусства / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. — 344 с.
4. Захарова Е.А. Развивающий экран. Искусство в жизни детей: Опыт художественных занятий с младшими школьниками: Кн. для учителя: Из опыта работы. / А.П. Ершова, Е. А. Захарова, Т.Г. Пеня и др. — М: Просвещение, 1991. — С. 24–49.
5. Мальченкова И.А. Установка художественного восприятия: Структура, функционирование, формирование: кандидат философских наук. Москва. 1997. 142 с.
6. Мацкевич Ж.В. Развитие изобразительного творчества в рисовании у детей старшего дошкольного возраста под влиянием мультипликационного кино: Дис.... канд. пед. наук. — М., 2009. 151 с.
7. Рубинштейн С. Я. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. — С150–167.
8. Шнейдер М.К. Шнейдер М.К. Художественное кино в воспитательной работе школы. — М.: Академия пед.наук, 1950. — С. 31
9. Спирина А.В. Влияние восприятия телепередач с элементами насилия на отрицательные эмоциональные состояния детей дошкольного возраста. — Шадринск: «Шадринский Дом Печати», 2011. — 210 с.
10. Сыч В.Д. Воспитание эстетического отношения к природе у старших дошкольников средствами телевидения: Дис.... канд. пед. наук. — М., 1979 г. с. 34
11. Якобсон П.М. Психология художественного восприятия. — М.: Искусство, 1964. — 87 с.

Гендерный подход к формированию мотивации обучения иностранному языку у студентов технического вуза

Седова Екатерина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент
Волжская государственная академия водного транспорта (г. Нижний Новгород)

В данной статье анализируются модели обучения иностранному языку с учетом гендерных особенностей студентов.

Ключевые слова: *гендер, гендерный подход, гендерные особенности, мотивация обучения иностранному языку.*

В психологической науке существует четкое разграничение понятий: пол (биологический пол) и гендер (социальный пол). Пол — это биологический феномен, описывающий функциональные биологические различия репродуктивных систем живых существ, в том числе человека. Термин «пол» целесообразно использовать для обозначения комплекса репродуктивных, соматических, поведенческих характеристик, которые определяют индивида в качестве мужчины или женщины. Как биологическое явление, пол является предметом изучения естественных наук, а также психофизиологии и общей психологии пола.

Биологический пол существует объективно, но в сознании отдельного человека представлен в виде субъективного знания, обусловленного социальными представлениями, социальными стереотипами, культурными образцами поведения, которые связаны с принадлежностью к определенному полу, практиками общения и взаимодействия, учитывающими различия между мужчинами и женщинами, а также использование пола в социальных и личных целях.

В данном аспекте пол существует самостоятельно, независимо от биологических особенностей и определяется социальными и межличностными отношениями и здесь целесообразнее использовать термин «гендер».

Итак, термин «гендер» применяется в тех случаях, когда важно подчеркнуть социально и культурно обусловленные различия, встречающиеся в поведении мужчин и женщин. Это могут быть различия в групповом статусе: доминирование (как правило, у мужчин), подчинение (как правило, у женщин), в исполняемых социальных ролях (материнство, отцовство), в уровне социальной активности: профессиональная деятельность (традиционно считается прерогативой мужчин), домашняя работа (прерогатива женщин), хотя в современном мире, активность многих женщин направлена не только на ведение домашнего хозяйства, но и на профессиональную деятельность [5, 6, 7, 8].

С точки зрения С.Л. Бем, гендер может рассматриваться как некая культурная (гендерная) схема, с которой соотносит себя индивид определенного пола [1].

С точки зрения Дж. Лорбер гендер представляет собой социальный институт [9].

С позиций этнометодологической концепции Г. Гарфинкеля гендер рассматривается как «коммуникативная интеракция людей» [2].

В ряде психолого-педагогических исследований изучаются гендерные особенности развития и обучения личности.

Так, Л.В. Казначевская изучала различия между девушками и юношами на двух уровнях: когнитивном и психологическом.

В ее работе показано, что на когнитивном уровне, при обработке учебного материала для юношей более важное значение имеет качество материала, нежели объем, для юношей, в большей степени, нежели для девушек характерна предметно-инструментальная деятельность, также юноши в большей мере склонны к самостоятельной исследовательской и практической деятельности, при выборе между возможным и действительным, юноши чаще склоняются к области возможного, испытывают интерес к виртуальности и компьютерным технологиям. Для юношей более типичен дух соревнования и спортивной борьбы.

На психологическом уровне отмечается большая зависимость юношей по сравнению с девушками от будущей профессиональной деятельности, большая подверженность синдрому смещения ролей. Автор также отмечает, что юноши в процессе самоутверждения видят цель, менее эмоционально реагируют на изменения окружающей действительности [7].

В отличие от юношей, девушки при обработке учебного материала, девушки отдают предпочтение количеству, более склонны к вербальной деятельности, проявляют больший интерес к темам, связанным с личностью, девушки более рациональны в выборе между областями возможного и действительного. Для девушек также характерен дух соревнования, но в сравнении друг с другом.

На психологическом уровне, самосознание девушек детерминируется межличностными отношениями, в процессе самоутверждения они видят не цель, а средство, более восприимчивы к изменениям окружающей действительности, более чувствительны и ранимы [7].

По мнению Е.П. Ильина, у юношей профессиональное самоопределение обусловлено общей жизненной перспективой, у девушек же жизненное и профессиональное

самоопределение не связаны между собой, самоопределение девушек, как правило, ситуативно и эмоционально, а мировоззрение менее целостно, по сравнению с юношами. Данное явление объясняется различием в формировании Я-образа девушек и юношей [5,6].

По мнению S.Singer и B. Steffler о том, что юноши более прагматичны в выборе работы. Они стараются выбрать работу, которая позволит получить власть, выгоду, независимость [13].

Л.А. Головей приходит к выводу о том, что в профессиональном плане среди девушек преобладает социальная, артистическая направленность, а среди юношей – предпринимательская и исследовательская. По мнению автора, для девушек в большей мере характерна осознанность профессионального выбора [3].

С точки зрения ряда авторов, гендерные особенности необходимо учитывать и в процессе обучения иностранному языку [4,10,12].

По мнению Т.Е. Овчинниковой, реализация гендерного подхода на занятиях по иностранному языку означает, что преподаватель должен иметь четкое представление о сущности категорий «маскулинность» и «фемининность» [10].

Понятия «маскулинность» и «фемининность» отражают нормативные представления о том какими должны быть мужчины и женщины, чем они должны заниматься, какова должна быть их роль в обществе. Маскулинность и фемининность лишь опосредствованно связаны с биологическим полом личности, данные категории являются социальными.

В психологической науке встречаются различные системы измерения маскулинности и фемининности. Самая ранняя система была разработана Л. Терманом и К. Кокс-Майлз в 1936 году. К маскулинным чертам исследователи относили такие как наличие громкого голоса, любовь к охоте, непослушание в детстве, стойкость в перенесении физической боли. Прямо противоположные качества были признаны фемининными. Данные качества вписывались в традиционные модели маскулинности и фемининности [11].

Оригинальный подход к определению маскулинности-фемининности был разработан С. Бем, проводившей исследования среди американских студентов. По результатам ее эксперимента были выделены 20 маскулинных, 20 фемининных и 20 нейтральных качеств. Нейтральные качества были выделены для того, чтобы опрашиваемые не догадывались об истинной цели опроса.

Маскулинными качествами были названы: вера в себя. Склонность защищать свои взгляды, независимость, спортивность, напористость, сильная личность, склонность к анализу, способность к лидерству, склонность к риску, быстрое принятие решений, самодостаточность, властность, мужественность, умение отстаивать собственную позицию, агрессивность, склонность вести за собой, индивидуализм, соревновательность, амбициозность (честолюбие).

Фемининными качествами, по мнению студентов, оказались следующие: уступчивость, жизнерадостность, застенчивость, нежность, падкость на лесть, преданность, женственность, умение сочувствовать, заботливость, понимание других, сострадание, способность утешить, умение говорить тихим голосом, теплота, сердечность, мягкость, доверчивость, инфантильность, неприятие ругательств, любовь к детям, спокойствие [2].

Студенты с высокими баллами по маскулинным качествам и низкими по фемининным были отнесены к маскулинному типу. К фемининному типу были отнесены студенты с высокими баллами по фемининным и низкими по маскулинным качествам.

Исследования С.Л. Бем показали, что от 34 до 44% юношей имеют высокие баллы как по маскулинным так и по фемининным качествам. Также было выявлено от 27 до 38% одновременно высокомаскулинных и высокофемининных студентов. Личностей, имеющих высокие показатели как по фемининности, так и по маскулинности С.Л. Бем называет психологически андрогинными [2].

С. Сененко в своем исследовании подчеркивает, что термин «андрогинность» не означает бесполость и униформизм, это не механическая комбинация маскулинных и фемининных черт, а способность к гибкости в выборе поведенческих ролей (маскулинных или фемининных), в зависимости от обстоятельств [11].

Т.Е. Овчинникова в своем исследовании использовала опросник С.Л. Бем, ею было выявлено 55% студентов электроэнергетического факультета с ярко выраженной маскулинностью и 51% студентов факультета информационных технологий, получающих дополнительную квалификацию «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Среди студентов факультета экономики и управления специальности «Прикладная информатика» было выявлено 33% с высокими показателями фемининности и 29% с ярко выраженной маскулинностью.

Среди студентов факультета информационных технологий был отмечен невысокий процент высокомаскулинных студентов (20%), [10].

Т.Е. Овчинниковой была составлена анкета «Стратегии изучения иностранного языка». На основе таблиц D.Kolb, R.Oxford, L.Smolen. Из 25 стратегий, были выбраны 7 – наиболее значимых в процессе обучения иностранному языку. Выбор данных стратегий обусловлен тремя компонентами учебной деятельности студентов: когнитивным, эмотивным и коммуникативно-речевым, которые представляются автору наиболее существенными.

К когнитивной сфере учебной деятельности автор относит метакогнитивные и общие когнитивные стратегии, связанные с памятью (группировка, воображение, рифмовка, физическое движение, структурированное поведение, рассуждение анализ, резюме, стратегии компенсации недостатка знаний: угадывание значений по контексту, использование синонимов и жестов для передачи содержания).

К эмотивной сфере были отнесены такие стратегии мотивации и самооценки, приемы снижения эмоционального беспокойства, преодоление «языкового барьера» («пытаюсь расслабиться, когда говорю по-английски», «хваляю себя, когда стесняюсь», «записываю свои ощущения в учебном дневнике», «обсуждаю с другими свои ощущения»).

С коммуникативно-речевым компонентом учебной деятельности связаны коммуникативные (социальные) стратегии и стратегии изучения иностранного языка в компьютерной среде. Данные стратегии, по мнению автора, направлены на рациональную организацию процесса запоминания языкового материала, способствуют развитию у студентов умений видеть трудности при работе с языковым материалом, самостоятельно выявлять языковые закономерности при восприятии иноязычной речи, самостоятельно активизировать языковой материал, а также умений, связанных с самооценкой и самоконтролем.

По результатам анкетирования, 79% высокофемининных и 62% высокомаскулинных студентов выбрали стратегии, связанные с эмотивным компонентом учебной деятельности.

Более высокие показатели фемининности в данном случае, по мнению автора, обусловлены традиционной ориентацией в семье и школе на изучение гуманитарных предметов, более серьезным отношением к учебе у представителей фемининного типа. Наряду с этим, студенты как фемининного, так и маскулинного типов отмечали важность изучения иностранного языка для реализации личных планов. Большинство студентов маскулинного типа, обучающимся на электроэнергетическом факультете (81%) были выбраны стратегии, связанные со стремлением самостоятельно обучаться иностранному языку в условиях компьютерной среды. Для данного гендерного типа, с точки зрения автора, характерен доминантный (конкурентный) стиль поведения, стремление к самостоятельности, желание освободиться от опеки со стороны преподавателя. Деятельность студентов-представителей указанного гендерного типа связана с точными науками, где в основе описания — системный подход, предполагающий моделирование объекта.

Доминирование стратегий, связанных с когнитивным компонентом учебной деятельности наблюдалось у 81% студентов маскулинного и 70% студентов фемининного типа.

Большая часть студентов фемининного типа (гуманитарные специальности) — 82% предпочли коллективные формы изучения иностранных языков под руководством преподавателя с преобладанием коммуникативных упражнений. В компьютерной среде студенты указанного гендерного типа выбирали программы коммуникативной направленности (ролевые игры, инсценировки, коммуникативные задания). Было установлено, что студенты фемининного типа чаще общались в чатах в режиме on-line с зарубежными сверстниками (58%), чем студенты маскулинного типа (40%), [10,11].

В ходе исследования автором были разработаны и апробированы на практике гендерно-ориентированные методы, формы и средства обучения, в частности, чтение и анализ аутентичных текстов гендерного содержания из художественной литературы, периодических изданий, мультимедийная программа «Профессор Хиггинс» для студентов, начинающих изучать язык, программа «Путь к совершенству» для продолжающих изучение языка после средней школы, учебное пособие «English for Computer Science Studies» (Т.В. Смирнова) для студентов электроэнергетического факультета и факультета информационных технологий, учебный комплекс для подготовки к сдаче экзамена на международном уровне; создание речевых ситуаций, использование ролевых игр культурологического характера, что способствует духовному развитию студентов как субъектов диалога культур, осведомленных о гендерных стереотипах в странах изучаемого языка, обучение студентов политкорректности, употребление гендерно-маркированной лексики в рамках коммуникативных упражнений.

В результате исследования автором была отмечена положительная качественно-количественная динамика, у студентов маскулинного типов на 20,9% и у студентов фемининного типа — на 28,3% [10].

В исследованиях О.А. Жбиковской, Н.А. Смирновой также отмечается, что целью внедрения и реализации гендерного подхода, в частности на занятиях по иностранному языку, является отказ от архаичной дихотомии «слабая зависимая женщина» — «сильный решительный мужчина» и переход к разностороннему анализу социологических ролей.

Авторы считают необходимым применение современных технологий преподавания с использованием интерактивных методов (тренинги, деловые игры, дискуссии, мини-исследования), при этом с учетом гендерных особенностей, ими были предложены оригинальные методики, направленные на реализацию гендерного подхода [4,12].

О.А. Жбиковская предлагает разработку по теме «Стереотипы», где не только учитываются гендерные особенности студентов, но и содержание учебного материала представляет интерес с позиции изучения гендерных стереотипов. Студентам для анализа предлагаются высказывания, принадлежащие мужчинам и женщинам. Студенты выражают свое отношение к высказываниям и в их сознании должны сформироваться принципиально новые представления относительно гендерных стереотипов. Далее студентам предлагаются вопросы для дискуссии: какими правами обладали мужчины (женщины) в прежние времена, какими правами они обладают сейчас, должны ли мужчины и женщины иметь равные права в современном мире.

С точки зрения автора, применение гендерного подхода способствует воспитанию не только квалифицированных специалистов, но и людей с адекватным восприятием как собственного, так и противоположного пола [4].

Н.А. Смирновой приводится гендерно-ориентированная разработка заданий по английскому языку в рамках изучаемой темы «Карьера» по дисциплине «Деловой английский язык» для студентов 3 курса. Автор ставит перед собой следующие задачи: развитие у девушек и юношей критического мышления; формирование у девушек и юношей навыков решения проблем, как в профессиональной, так и в разговорно-бытовой сфере; повышение у девушек и юношей политической активности.

Вначале студентам предлагалось вводное упражнение «Стереотипы», где они высказывали свое мнение относительно «мужских» и «женских» профессий. Наиболее часто выделялись следующие стереотипы: у женщин меньше мотивации совершать какие-либо достижения; женщины более общительны, чем мужчины; женщины более внушаемы, чем мужчины; у женщин по природе более низкая самооценка и самоуверенность, чем у мужчин, у женщин лучше развито механическое запоминание; у мужчин более развито аналитическое мышление, чем у женщин; мужчины ориентируются на результат, а не на процесс; мужчины адекватнее воспринимают критику, женщины более лояльны к организации, женщины более креативны и интуитивны, у женщин эмоции могут мешать делу, в нестандартной ситуации женщины слабее, женщины меньше думают о карьере, мужчины не любят женские сплетни.

Затем студентам был предложен аутентичный текст для чтения, затрагивающий вопрос найма женщин на «мужскую работу» (машинист электропоезда). Студенты отвечали на вопросы по тексту, высказывали свое мнение.

Преподаватель стимулировал их активность, задавал наводящие вопросы. Данный вид работы способствовал совершенствованию навыков чтения у девушек и юношей.

Далее, студенты работали в группах или парах (Teamwork), им предлагались ролевые игры «Противоположный пол», «Пойми меня», где анализируются ситуации приема на работу мужчин и женщин. Групповая и парная работа была направлена на совершенствование навыков говорения.

Студенты также принимали активное участие в дебатах по различным проблемам («Дискриминация по признаку пола», «Стеклянный потолок», «Лидер: мужчина или женщина?»).

В завершении студентам предлагалась и работа с ситуацией (Case Study). Студенты знакомились с информацией о четырех кандидатах на должность генерального управляющего (двух мужчинах и двух женщинах), обсуждают сильные и слабые стороны каждого из кандидатов. Также студенты прослушивают отрывки из интервью с претендентами на указанную должность, в результате у них совершенствуются навыки аудирования [12].

С нашей точки зрения, данная методика является эффективной, так как в ней реализуется гендерный подход, что способствует формированию у студентов коммуникативной компетенции, и учитываются все виды речевой деятельности.

Кроме того, студенты проявляют живой интерес к подобным видам работы, что в конечном итоге может способствовать развитию у них позитивной мотивации обучения иностранному языку.

Литература:

1. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов /С. Л. Бем. — М.: РОС-СПЭН. — 2004
2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии, Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова /Г. Гарфинкель. — СПб: Питер. — 2007
3. Головей Л.А. Дифференциально-психологические факторы профессионального самоопределения / Л.А. Головей //Психол. проблемы самореализации личности. — СПб.: Изд-во СПбГУ. — 199. — Вып.3. — с. 76—83
4. Жбиковская О.А. Гендерный подход при обучении иностранному языку / Жбиковская О.А.// Социально-культурные проблемы развития промышленности, транспорта и услуг: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участ. Омский гос. университет путей сообщения. — Омск, 2006. — с. 74—78
5. Ильин Е.П. Пол и гендер / Е.П. Ильин // Серия «Мастера Психологии». — Питер. — 2010
6. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П. Ильин СПб. — 2001
7. Казначевская Л.В. К вопросу о гендерном образовании: доклад на VI научно-практической конференции. Язык, культура, коммуникация / Л.В. Казначевская//Сб.М.: МГЛУ. — 2001. — с. 72—78
8. Клецина И.С. Гендерная психология и направления ее развития / И.С. Клецина // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. СМ. Клециной. — СПб.-2003
9. Лорбер Дж. Пол как социальная категория [Текст] / Дж. Лорбер // Альманах «THESIS». — 1994. Вып. 6, с. 127—136
10. Овчинникова Т.Е. Гендерный подход в обучении студентов университета иностранному языку /Т. Е. Овчинникова: дис. канд. пед. наук. — Оренбург. — 2007. — 209 с.
11. Сененко С. Маскулинность и фемининность: от бинарной оппозиции к целостной человечности / С. Сененко // Зеркало недели. — 2005. — №43

12. Смирнова Н.А. Реализация гендерного подхода на уроках иностранного языка с использованием интерактивных методов обучения [Электронный ресурс] / Н. А. Смирнова // Режим доступа: <http://www.t21.rgups.ru/Arhiv2007s1>
13. Singer S.L., Steffler B. Sex differences in job values and desire / S.L. Singer, B. Steffler // Personnel Guide. J. — 1954. — V.32. — p. 483–484.

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 5 (52) / 2013

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М.Н.

Иванова Ю.В.

Лактионов К.С.

Комогорцев М.Г.

Ахметова В.В.

Брезгин В.С.

Котляров А.В.

Яхина А.С.

Ответственный редактор:

Кайнова Г.А.

Художник:

Шишков Е. А.

Верстка:

Бурьянов П.Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

672000, г. Чита, ул. Бутина, 37, а/я 417.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6